

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Москва–Сыктывкар 2007

Историческая демография. – Москва–Сыктывкар, 2007. – 213 с.

В выпуске публикуются материалы российских и зарубежных историков, этнографов, демографов и археологов, представленные на Всероссийские научные конференции (Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г., 28–30 августа 2007 г.) и Всероссийский симпозиум (Сыктывкар, 15–16 июня 2006 г.) по исторической демографии.

Издание подготовлено при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Над подготовкой выпуска работали:

д.и.н. И.Л.Жеребцов (отв. редактор и составитель), д.э.н. В.В.Фаузер,
д.и.н. М.А.Мацук, д.и.н. В.А.Семенов, к.э.н. Е.Н.Рожкин.

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2007

© Авторский коллектив, 2007

© И.Л.Жеребцов, сост., 2007

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящее время огромное внимание и органов государственной власти, и общественности вызывает демографическая ситуация в России, этнические и этнодемографические процессы в российских регионах. Хорошо известно, что при возрастании роли и места какого-либо современного явления соответственно возрастают роль и место истории этого явления. Неудивителен поэтому и обостренный, постоянно растущий интерес к историко-демографической проблематике. Не секрет, что порой именно различные аспекты истории этнодемографического развития кладутся в основу поисков решения тех или иных существующих проблем. И в этом плане чрезвычайно важны строгие и взвешенные научные оценки специалистов, много сил отдавших их изучению.

Изучение демографических процессов играет существенную роль для исследования всех аспектов истории каждого народа, каждой страны, поскольку движение и состав населения оказывают огромное воздействие на экономическое, социальное, политическое и культурное развитие. Чрезвычайно важным является, в частности, выявление общности и своеобразия историко-демографического развития различных российских регионов, в особенности национальных, истории их заселения и хозяйственного освоения. Среди малоизученных и требующих внимания проблем историко-демографических исследований стоит назвать изучение динамики общей численности населения за длительные промежутки времени по современным административно-территориальным единицам; к числу важнейших вопросов относятся взаимосвязи демографических, социальных и этнических процессов.

Исследования миграций населения, его численности, состава, расселения и освоения территории, влияния экономических, природных и социальных факторов на демографические процессы, подготовка обобщающих работ по этим проблемам являются актуальными задачами региональной истории, но, к сожалению, на настоящее время количество историко-демографических исследований локального характера остается недостаточным.

Республика Коми в последнее десятилетие стала одним из признанных в России и финно-угорских странах центров, где при поддержке руководства республики активно и целенаправленно развиваются исследования по исторической и этнической демографии. Силами, в первую очередь, сотрудников Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в развитии историко-демографических исследований достигнуты серьезные успехи, выполнен ряд крупных исследовательских и издательских проектов. В 2004 г. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН начал выпуск серии сборников трудов, посвященных демографическим и этническим процессам, происходившим в различные исторические эпохи. Первый из них вышел под названием «Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии», последующие – под названием «Этнодемографические процессы на Севере Евразии».

В 2007 г. в Сыктывкаре проходит уже третий за последние три года всероссийский форум, посвященный исторической демографии (в 2005 г. прошла Всероссийская конференция, в 2006 г. – Всероссийский симпозиум). Интерес к этим научным встречам проявили ученые не только со всей России – от Владивостока и Улан-Удэ до Санкт-Петербурга и Мурманска, от Краснодара до Архангельска, но и из Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Молдавии, Узбекистана, Украины, а также Венгрии и Финляндии.

Прозвучавшие на конференциях доклады, материалы, поступившие для публикации из Апатитов, Вологды, Екатеринбурга, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Каргополя, Кирова, Майкопа, Москвы, Муром, Нижневартоска, Нижнего Тагила, Омска, Перми, Твери, Тулы, Тюмени, Уфы, Челябинска, Ульяновска, Ханты-Мансийска, Чебоксар и других городов, свидетельствует, что ученые «изголодались» по обсуждению вопросов исторической демографии, накопили много нового интереснейшего материала, представляющего большую ценность для отечественной и мировой науки. Обмен мнениями стал важным этапом в развитии историко-демографических исследований в России. Исследователи из многих городов

нашли общий язык и совместными усилиями предприняли плодотворные попытки выработать новые походы и методы изучения различных аспектов историко-демографического развития стран и регионов.

Мы с удовлетворением относимся к тому, что столь авторитетные всероссийские научные форумы по исторической демографии, организованные впервые за последние полтора десятилетия, собираются именно в Республике Коми, и видим в этом признание высокого уровня развития исторической демографии в Коми, свидетельство того, что Сыктывкар стал одним из ведущих центров историко-демографических исследований в России, что наши специалисты-ученые приобрели общероссийскую известность и авторитет.

На конференции 2005 г. было принято решение организовать регулярное (не менее двух раз в год) издание межрегиональных сборников научных статей по исторической демографии с перспективой организации на базе этого сборника всероссийского журнала «Историческая демография». Была избрана межрегиональная редколлегия сборника под руководством председателя Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии академика Ю.А.Полякова, в которую вошли ученые из Владивостока, Екатеринбурга, Ижевска, Краснодара, Москвы и Сыктывкара. К настоящему времени издано четыре сборника в восьми книгах (№ 1, Сыктывкар, 2004, 232 с.; № 2, Сыктывкар, 2005, 172 с.; № 3, ч. 1, Москва–Сыктывкар, 2005, 192 с.; № 3, ч. 2, Москва–Сыктывкар, 2005, 216 с.; № 3, ч. 1, 3, Москва–Сыктывкар, 2005, 200 с.; № 3, ч. 4, Москва–Сыктывкар, 2006, 208 с.; № 4, ч. 1, Москва–Сыктывкар, 2006, 180 с.; № 4, ч. 2, Москва–Сыктывкар, 2007, 202 с.), пятый сборник находится в печати. Все сборники вызвали большой интерес специалистов. Первые выпуски уже стали библиографической редкостью.

Опыт работы над сборниками показал, что издание специализированного научного журнала «Историческая демография» действительно назрело. Специально к Всероссийской конференции 2007 г. инициативная группа сыктывкарских ученых подготовила своего рода «пилотный» выпуск журнала, с которым вы имеете возможность познакомиться. В него включены материалы, поступившие из различных регионов России, Украины, Белоруссии, Казахстана и Кыргызстана – как новые, так и некоторые из уже публиковавшихся в первых выпусках этнодемографических сборников.

Если идея о переходе от научных сборников к научному журналу будет поддержана, то в дальнейшем (быть может, уже в 2008 г.) можно будет приступить к изданию журнала «Историческая демография». Этот журнал, несомненно, должен выходить под руководством Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, в редакционную коллегия и редакционный совет которого должны войти ведущие российские ученые, специалисты по исторической демографии. Соучредителями журнала могли бы стать Институт российской истории РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Предполагаемый общий объем журнала – 10-12 п.л., периодичность – один раз в квартал.

Вероятно, в журнале следовало бы ввести устойчивую рубрику, например: «Статьи», «Сообщения», «Публикации документов», «Научное наследие», «Дискуссии», «Рецензии и библиография», «Научная жизнь». Чрезвычайно важным, особенно на первых порах, представляется публикация обзорных материалов о развитии историко-демографических и этнодемографических исследований в регионах, а также историографических статей проблемного характера. На страницах журнала, очевидно, должен найти отражение и анализ современных демографических и этнодемографических процессов.

Без сомнения, публикация в журнале результатов научно-исследовательских работ теоретико-методологического и прикладного характера, архивных документов, рецензий, информационных материалов сыграет существенную роль во введении в научный оборот новых знаний, координации и интеграции исследований по исторической демографии, в том числе и на междисциплинарном уровне, совершенствовании методики научно-исследовательских работ, внедрении научных результатов в практику.

Демография и археология

Одной из самых сложных проблем современной отечественной демографии является вопрос определения общей численности населения России на начальных этапах ее исторического развития, которые можно условно назвать «достатистическим периодом».

Мы не случайно употребили это выражение, поскольку материалы регулярного учета населения, являющиеся основным источником демографических исследований, появляются в России очень поздно. Как известно, первая всеобщая перепись населения была проведена в нашей стране только в 1897 г. Что же касается предшествующего времени, о численности населения за XVIII–XIX вв. можно в целом судить начиная с 1719 г. по сведениям регулярно проводившихся ревизий. Однако данный вид источников требует определенной обработки, поскольку своей главной целью ревизии имели учет числа душ, подлежащих подушному окладу и рекрутской повинности, и практически ничего не говорят о численности женщин и лиц привилегированных сословий. Тем не менее, из них можно извлечь достаточно достоверную информацию о тогдашнем народонаселении. В частности, укажем, что, по подсчетам В.М. Кабузана, общая численность населения России в начале XVIII в. (на 1719 г.) округленно составила 15,5 млн. чел. [1].

Если же идти дальше в глубь веков, трудности с вопросом выяснения численности населения России возрастают с каждым столетием буквально в геометрической прогрессии.

От XVII в. до нас дошли материалы переписных книг. Согласно им, в 1646 г. в стране было зафиксировано 582 тыс. податных дворов, а в 1678 г. эта цифра составила приблизительно 800 тыс. дворов (неточность последней связана с тем, что она была взята из документов начала XVIII в. в качестве «припоминания», и в различных источниках фигурируют несколько отличающиеся друг от друга данные). На первый взгляд, стоявшая перед демографами задача выглядела чрезвычайно простой: чтобы узнать численность населения страны, следовало выяснить среднее число проживавших в одном дворе и умножить его на их общее количество. По материалам XIX в. было известно, что каждый двор представлял собой домохозяйство отдельной семьи. Вряд ли, эта цифра заметно отличалась от того, что было в XVII в.

Но здесь исследователи столкнулись с первой сложностью: переписные книги XVII в., содержащие данные о числе дворов, являются источником не статистическим, а фискальным, поскольку они составлялись для учета дворов, служивших основным предметом тогдашнего налогообложения. Поскольку уже в те далекие времена население стремилось уходить от налогов, оказалось, что сведения о числе дворов в стране не соответствуют реальности. В этом плане весьма показательным донесение секретаря английского посольства в Москве от 1 ноября 1711 г., в котором тот писал: «по справкам, в царских владениях (за исключением земель казацких и татарских) 884 тысячи крестьянских дворов, обязанных службой на суше. Большинство дворов, во избежание лишних налогов, слагается из двух, трех, четырех семей, так что в каждом дворе число душ распределено неравномерно, в среднем же на двор приходится душ пять» [2]. Правда, к последней цифре следует отнестись крайне осторожно. Неясно – означает ли она количество членов в одной семье или же приходится на один двор, состоявший из нескольких семей; указывает число душ мужского пола или же обоего?

Данное обстоятельство привело к тому, что средняя населенность тогдашнего двора определялась исследователями неодинаково и, как следствие, общее число людей, проживавших в России в конце XVII в. (на 1678 г.), также оценивалось по-разному – от 6,5 до 16 млн. чел. [3].

Подобный разбой в результатах подсчетов, достигавший 10 млн. чел., не мог удовлетворить последующих историков. Было, к примеру, ясно, что средняя населенность городского двора отличалась от аналогичной цифры крестьянского двора. Эту работу проделал Я.Е. Водарский. По его мнению, она составляла в 1678 г. для крестьянского двора восемь, посадского населения – шесть, ясашных людей – три, служилых (неподатных) сословий – шесть человек. При этом исследователь осознавал приблизительность данных цифр, говоря, что «это отнюдь не заниженные, а скорее завышенные данные». Следовало также учесть, что часть крестьян уклонялась от переписи (по данным первой ревизии, таковых оказалось в 1719 г. 25%, т.е. четверть описанных душ). Самым же главным для историка явилась необходимость учета естественного прироста населения – оно в 1678 г. никак не могло составлять 16 млн. чел. (если взять наивысшую оценку численности населения России в конце XVII в., встречающуюся в литературе), ибо к 1719 г. она оценивается в 15,5 млн. чел. С учетом сказанного он пришел к выводу, что в России к 1646 г. проживало около 7 млн. чел., а к 1678 г. население страны возросло до 10,5 млн. чел. [4].

*Аверьянов Константин Александрович (Москва) – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Углубляясь еще дальше, легко заметить, что определение численности населения базируется на различных гипотезах о величине естественного прироста населения, ибо сколько-нибудь полных данных о количестве живших в эти периоды людей просто не сохранилось. Отсюда и чрезвычайно большой разброс встречающихся в литературе цифр. В частности, на середину XVI в. численность населения России определялась исследователями от 2 до 12 млн. чел. Столь разноречивые оценки объясняются тем, что исследователи по-разному оценивали исторические условия XVI–XVII вв., способствовавшие росту населения или замедлявшие его, брали разные исходные данные при своих расчетах: количество населения в конце XVII в., годовой процент прироста населения и т.п. [5].

Самым слабым звеном в этих подсчетах явилось то, что задача определения численности населения России на ту или иную дату фактически сводилась к вопросу о динамике населения страны, точнее – к вопросу о темпе роста населения. Однако демографам прекрасно известно, что величина естественного прироста не является чем-то постоянным, а зависит от множества порой взаимоисключающих факторов. В качестве наглядной иллюстрации приведем показательный пример. В конце XIX в. рядом западно-европейских демографов на основе изучения тогдашних темпов естественного прироста было выдвинуто предположение, что в дальнейшем население Земли будет удваиваться каждое столетие – если в 1900 г. оно составляло 1600 млн. чел., то к 2000 г. оно должно было увеличиться до 3200 млн. чел. (за это же время число жителей Европы должно было измениться с 400 до 800 млн. чел.) [6]. Жизнь показала, что эти прогнозы не оправдались.

Осознавая данное обстоятельство, А.И. Копанев предпринял попытку выяснить действительные темпы прироста населения России применительно к XVI в. Для этого он привлек писцовые книги – единственный массовый источник этого времени, дошедший до наших дней. Разумеется, в них мы не найдем сведений о численности населения, однако встречаются данные о жилых поселениях (деревня, село), вновь возникающих (поселок) и запустевших (пустошь). Изучение соотношения этих видов поселений в итоге привело его к выводу, что к середине XVI в. население Русского государства исчислялось примерно в 9–10 млн. чел. Приблизительно эту же цифру (9 млн. чел.) называл и А.А. Зимин [7].

Но эти оценки плохо соотносятся с тем, что столетие спустя, как было указано выше, население России составляло около 7 млн. чел. Очевидно, в методику А.И. Копанева вкрались ошибки. Главнейшая из них лежит буквально на поверхности – исследователь не учел того факта, что писцовые книги, также как и сменившие их переписные книги, являются не статистическим, а фискальным источником. Главным предметом обложения в XVI в. являлась обрабатываемая земля. При этом писцы, описывая пустоши, в общем-то не интересовались – когда произошло запустение тех или иных участков. Встречающиеся в писцовых книгах случайные указания о том, что пустоши заросли лесом «в жердь», «в кол», а иногда даже «хоромным лесом», показывают, что процесс запустения участков пашни происходил на протяжении очень длительного времени и нередко являлся отражением не каких-либо природных катаклизмов или военного лихолетья, а тогдашней системы землепользования, когда в условиях избытка земли после нескольких лет интенсивного использования и снижения урожайности отдельные участки пашни забрасывались, а вместо них осваивались новые по соседству со старыми. Понятно, что с учетом этого делать далеко идущие выводы о демографических процессах было бы неверно.

Тем не менее, в условиях отсутствия источников, содержащих хоть какие-то демографические показатели, исследователи вынуждены по-прежнему использовать метод ретроспекции и для определения численности населения страны вычислять темпы естественного прироста. В частности, по мнению Я.Е. Водарского, взявшего из предложенных цифр естественного прироста для XVI в. наименьшую величину, а для первой половины XVII в. (на нее приходится эпоха Смутного времени с ее бедствиями) допустившего, что прироста вообще не было, население России в середине XVI в. составляло 6,5 млн. чел. [8].

Насколько достоверны эти цифры? Самым слабым звеном в методике определения численности населения страны является то, что исследователь, отталкиваясь от более или менее достоверных данных начала XVIII в., идя в глубь столетий, вынужден оперировать все более и более предположительными данными естественного прироста населения. Упомянем и такую болезненную для демографов проблему, как изменение границ Русского государства, что самым непосредственным образом отражалось и на подсчете количества жителей. В итоге полученные результаты с каждым веком оказываются более уязвимыми для критики, выходя за пределы статистической погрешности. Все это заставляет искать новые методы определения количества когда-то живших в стране людей, особенно в начальный период ее истории.

Здесь на помощь исследователю должна прийти археология.

Если говорить о территории Древнерусского государства в домонгольский период (IX – середина XIII в.), следует констатировать, что в целом она стала предметом широкого археологического изучения. Этими наблюдениями по всей территории Древней Руси были зафиксированы как микроскопические поселения в один–два двора, так и обширные поселения. Выяснилось, что население Древней Руси

сосредотачивалось в сложной иерархической системе в виде своеобразной пирамиды, в основании которой находилась масса рядовых сельских поселений, а вершину венчали крупные стольные города – центры самостоятельных княжений. В целом их принято разделять на две большие группы: укрепленные (городища) и неукрепленные (селища) поселения.

Наиболее изученными являются городища. В настоящее время исследователи располагают сведениями примерно о 1400 укрепленных городищах древнерусского времени. Любопытно, что только 414 (или менее 30%) из них упоминаются в письменных источниках. Во многом это объясняется тем, что остатки древних укреплений городищ (валов и рвов) до сих пор видны на поверхности, тогда как селища, лишенные внешних наземных признаков, с трудом обнаруживаются при самых тщательных археологических разведках.

Самым важным критерием при характеристике древнерусских городов для нас является выяснение их площади, поскольку она может косвенно свидетельствовать о численности их населения.

Однако 1400 древнерусских городищ для первичной классификации пригодны только около 1130 поселений. Из этого числа у 862 городищ (или более трех четвертей) известна площадь укреплений. В целом, эти 862 памятника по площади укреплений можно разбить на восемь групп [9] (см. табл.).

Площадь укреплений	Количество памятников	Проценты
До 0,3 га	402	46,6%
От 0,3 до 0,5 га	110	12,8%
От 0,5 до 1 га	113	13,1%
От 1 до 2,5 га	110	12,8%
От 2,5 до 5 га	65	7,5%
От 5 до 10 га	29	3,4%
От 10 до 20 га	17	2,0%
Свыше 20 га	16	1,8%

Для решения вопроса о численности населения древнерусских городов мы пока располагаем недостаточными данными. И все же возможно привести некоторые соображения о численности населения древнерусских городов. Из письменных и археологических источников мы знаем, что застройка в них имела усадебный характер. Усадьбы рядовых горожан в Новгороде имели размеры 400–460 кв. м, а в Киеве – 300–800 кв. м. И в том и в другом случае их среднюю площадь можно приравнять к 400 кв. м. На таком дворе проживала одна семья. По ряду источников можно утверждать, что средняя численность семьи (6 чел.) была одинаковой в средние века и в Европе, и на Руси, и в странах Востока. И хотя боярские усадьбы в крупных городах Древней Руси по площади превосходили дворы рядовых горожан в 2,5–4 раза, здесь и проживало приблизительно во столько же раз больше людей.

Таким образом, с известной долей вероятности можно вычислить количество населения в пределах городских укреплений (территории сплошной усадебной застройки). При этом надо учитывать, что не менее 15% городской площади занимали улицы и проезды, торг, культовые и общественные постройки. Отсюда приходим к выводу, что плотность городского населения в Древней Руси достигала 120–150 чел. на 1 га. Данные цифры вполне соответствуют дворово-усадебному характеру застройки древнерусских городов.

Следовательно, в Верхнем посаде Киева (площадь 80 га) проживали 10–12 тыс. чел. Для территории Подола (общая площадь около 250 га) плотность населения была, вероятно, меньше и не превышала 100–120 чел. на 1 га. Здесь накануне нашествия Батые жили около 25–30 тыс. чел. Наконец, окраинные районы Киева (площадь 30–35 га) могли насчитывать 2–3 тыс. чел. Суммарная численность населения Киева в 30-е гг. XIII в. оказывается равной 37–45 тыс. чел. Последняя цифра близка к цифре, полученной П.П. Толочко иным способом (50 тыс. чел.).

Население Новгорода домонгольского периода, рассчитанное по данной методике, вряд ли, превышало 30–35 тыс. чел. В других столицах древнерусских княжеств жили от 20 до 30 тыс. чел. В малых городах густота застройки была выше, а плотность населения на 1 га составляла около 200 чел. В среднем в них проживало 1–1,5 тыс. чел. [10].

Определенной сложностью в данных подсчетах является то, что в целом ряде случаев нам неизвестна общая площадь городских поселений. На примере Киева и Новгорода видно, что население многих городов сосредотачивалось не только в пределах укреплений, но и за их пределами. У трети древнерусских городов, помимо укреплений, достоверно существовали еще обширные (до 50 га) открытые, т.е. неукрепленные посады. Если размеры укрепленного ядра городов устанавливаются сравнительно просто, то площадь заселенных территорий, примыкавших к укреплениям, можно определить лишь с помощью целенаправленного археологического изучения. Кроме того, посады окружали городские укрепления не сплошной лентой, а своего рода пятнами (с учетом особенностей рельефа, болотистых мест и т.п.).

Тем не менее, эта трудность преодолима. По источникам этого времени мы знаем, что население неукрепленных посадов в случае вражеского нашествия обычно укрывалось за городскими стенами. Очевидно, существовало определенное соотношение между численностью населения укрепленной и неукрепленной частей древнерусских городов. Выяснив эту пропорцию на примере тех из них, общая площадь которых известна, и введя определенный поправочный коэффициент, можно выяснить общую численность населения большинства городов Древней Руси.

Имеющиеся археологические данные позволяют решить и две другие важные демографические проблемы. Специалистам прекрасно известно, что население никогда не размещается равномерно по той или иной территории. Это было характерно и для Древнерусского государства. Из приведенной нами таблицы видно, что почти половина укрепленных поселений имела защищенную площадь менее 0,3 га. Этот тип поселений прослеживается по всей территории Древней Руси, но областями их наивысшей концентрации являлись земли в верховьях Днепра и Десны, Западной Двины, Волги и Оки. Из числа укрепленных поселений площадью более 10 га по два–три находилось в каждом княжестве. Лишь в районе Киева их было вдвое больше.

Археология дает ответ и на вопрос о динамике численности населения. По времени возникновения древнерусские города можно разделить следующим образом. В IX – начале XI в. возник 181 город (21%); в XI – начале XII в. – 244 города (28,3%); и с середины XII в. до нашествия Батыя – 437 городов (50,7%). Таким образом, на протяжении почти четырех столетий наблюдается неуклонное увеличение числа древнерусских укрепленных поселений. Эти же данные позволяют оценить и последствия монгольского нашествия. Лишь на 304 укрепленных поселениях (или 25%) жизнь продолжалась и в XIV в. Остальные были опустошены [11].

Все вышесказанное относится и к городам. Но абсолютное большинство древнерусских населенных пунктов являлись неукрепленными поселениями. Это были открытые сельские поселения, в которых жила основная масса населения Древней Руси.

К сожалению, на современном этапе по степени своей изученности сельские поселения значительно уступают городам и долгое время вообще практически не привлекали внимания археологов. Достаточно сказать, что на всем огромном пространстве северо-западной и северо-восточной Руси вплоть до 1960-х гг. было известно только 170 селищ, о форме и размерах которых имелись достаточные данные. Лишь в последнее время в связи с составлением археологической карты России развернулась более целенаправленная работа по их изучению.

Размеры древнерусских селищ различны, но площадь абсолютного большинства из них укладывается в пределы от 0,5 до 2 га. Общие средние размеры селищ указывают на оптимальную численность населения, способность прокормиться земледельческим трудом на землях, окружавших поселения.

Существенным представляется вопрос о количестве крестьянских дворов на одном поселении. В его решении имеется много трудностей, главной из которых является отсутствие полностью раскопанных древнерусских селищ, а другой – часто встречающаяся невозможность синхронизировать изученные постройки. Тем не менее, археологами было выдвинуто предположение, что на площади в 1,5 га размещалось одновременно 5–7 крестьянских дворов. Следовательно, здесь проживали 25–45 чел., а средняя населенность большинства древнерусских сельских поселений X–XIII вв. колебалась от 15 до 50 чел. [12].

Разумеется, слабая изученность сельских поселений Древней Руси и тот факт, что нам неизвестно их общее число, не позволяют выдвинуть предположений об общей численности населения Древнерусского государства. Но у нас имеется возможность сделать подобные подсчеты для более позднего времени. По данным княжеских духовных и договорных грамот известно, что в конце XIV в. ордынский «выход» с Московского княжества составлял 5 тыс. руб. К началу XV в. эта сумма возросла до 7 тыс. руб. Указанный источник интересен тем, что дает раскладку этой суммы не только по уделам, но и по некоторым волостям. Целый ряд из них, особенно на территории Подмоскovie, попадает в зону проведения сплошного археологического обследования. Подсчитав количество селений, приходящихся на территорию той или иной волости, а также проживавшего на ней населения, мы можем выяснить не только общее число жителей Московского княжества на рубеже XIV–XV вв., но и прояснить размер ордынской дани, собиравшейся с одного двора.

Конечно, полученные цифры будут носить достаточно условный характер, но, тем не менее, они дадут определенный материал для дальнейших выводов.

Литература и источники

1. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 52.
2. Сборник РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 79.

3. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 14–17.
4. Он же. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973. С. 25–27.
5. Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 64. С. 233–235.
6. Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 37. С. 636.
7. Копанев А.И. Указ. соч. С. 236, 245, 254; История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966. Т. II. С. 142.
8. Водарский Я.Е. Население России за 400 лет. С. 26–27.
9. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 40.
10. Там же. С. 64–65.
11. Там же. С. 41–43, 104.
12. Там же. С. 96–100.

Влияние климатического фактора на историко-демографическое развитие коми

Одна из крупных проблем истории Коми, а также исторической демографии как науки в целом, требующих углубленной разработки, связана с изучением конкретных проявлений воздействия естественно-географических условий на историческое развитие региона и в частности, на население, на его естественное и механическое движение. Раскрытие проблемы влияния естественных условий на социально-экономическое развитие, а через него – на состояние народонаселения, степени этого влияния на различных этапах истории требует изучения исторических и демографических процессов в конкретном регионе в течение длительного исторического периода, сопоставления определенных сдвигов, перемен в этих процессах с изменениями природной среды и, в частности, с изменениями климата. Эта проблема представляет интерес и в плане разработки регионального исторического опыта модернизации, в частности, ее геополитического контекста (природно-климатических условий, роли региона в межрегиональном взаимодействии и т.д.), что является одним из наиболее продуктивных направлений исследования российской модернизации [2]. В настоящей работе на основе обширного комплекса археологических и письменных источников (летописей, писцовых, переписных и дозорных книг, ревизских сказок и др.) и специальной литературы по климатологии предпринята попытка проследить связь между климатом и историей Коми края (в первую очередь, экономическим и демографическим развитием региона) до начала XX в.

Как известно, климат подвержен колебаниям: более теплые периоды (климатический оптимум) сменяются холодными (ледниковый период), и наоборот [6]. Эти колебания сказывались на хозяйственном развитии, а последнее, в свою очередь, во многом определяло демографическую ситуацию. Древние коми (пермяне) сформировались тысячу лет назад, на рубеже тысячелетий. Само «рождение» коми народа стало в известном смысле следствием климатических изменений. В период климатического оптимума, длившегося с VIII по XIII в. [8, с. 62], сложились две генетические связанные между собой культуры предков коми-зырян – ванвиздинская (VI–X вв.) и вымская (XI–XIV вв.). Вымская культура перми вычегодской сложилась на основе ванвиздинской, которая, в свою очередь, сформировалась на основе аборигенного местного компонента, продолжавшего традиции местной гляденовской культуры, и пришлого южного скотоводческого населения с курганным обрядом погребения, проникшего в бассейн Вычегды в середине I тысячелетия н. э. [3; 46; 47].

Ряд этнографов и лингвистов считает, что в формировании древних коми участвовали переселенцы из Прикамья, небольшие группы которых постепенно, в течение нескольких столетий, продвигались в бассейн Вычегды, взаимодействуя с местными жителями и принося с собой навыки земледелия и скотоводства [19; 33]. Таким переселениям, начиная с VIII в., мог способствовать потеплевший климат (малый климатический оптимум), который сделал природные условия Европейского Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов.

По данным археологов, древние коми (пермяне) населяли Вычегду, Вымь, Вишеру, Сысолу, Лузу и Вашку. Всего известно около 40 памятников перми вычегодской, в том числе 30 могильников. Археологические материалы свидетельствуют, что наиболее заселенным был вымский бассейн. Здесь находится более половины открытых памятников, среди которых самые крупные могильники перми вычегодской, насчитывающие сотни погребений (Кичилькосьский I, Ыждыдьельский, Жигановский и др.) [47, с. 5]. Могильники на нижней и средней Вычегде насчитывают лишь по несколько десятков погребений. Средняя и частично верхняя Вычегда, судя по археологическим данным, являлась сравнительно малонаселенной восточной периферией предков коми-зырян [30, с. 5-7]. Единичные археологические памятники древних коми известны на Вашке, Мезени и Сыsole.

Вполне достоверных данных о численности коми в XI–XIV вв. не имеется. В письменных источниках упоминаются только 700–800 язычников-коми, крещенных Стефаном на нижней Вычегде и Выми [21]. Численность обитавших южнее, в Прикамье, коми-пермяков составляла в этот период, по подсчетам В.А.Оборина, не менее 4,5 тыс. чел. [35]. Учитывая более суровые условия вычегодского бассейна и значительно меньшее количество археологических памятников в этом регионе по сравнению с Прикамьем (где известно 300 памятников родановской культуры), можно предположить, что численность предков

*Жеребцов Игорь Любомирович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Королев Клим Степанович (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

коми-зырян не превышала 3–4 тыс. чел. Количество уже выявленных погребений к настоящему времени не противоречит данному предположению (в настоящее время зафиксировано около 1600 погребений, исследовано примерно 1450) [3, с. 582].

Надо учитывать и то, что в эпоху средневековья демографическая ситуация резко менялась в зависимости от экстремальных природных явлений (засухи, повышенная влажность, сильные морозы и т.д.). Но уже в XIV–XV вв. наметился переход от относительно теплого климата к так называемому малому ледниковому периоду, во время которого число экстремальных явлений природы возросло. В частности, в XIV в. летописи отметили более 100 таких явлений на Русском Севере, обусловивших около 30 голодных лет на Руси. Это не могло не сказываться и на положении населения Коми края, тесно связанного с Русью политически и экономически (известно, что Стефан Пермский завозил хлеб в Коми край).

Зависимость структуры хозяйства, численности населения и даже общественного развития от природно-климатических условий в древности можно наглядно показать, сравнив хозяйственный комплекс предков двух родственных народов – коми-зырян и коми-пермяков XI–XIV вв. Основой хозяйства предков коми-зырян являлись охота и рыболовство, хотя они уже занимались земледелием и животноводством, распространению которых способствовал малый климатический оптимум начала II тысячелетия н. э. У предков коми-пермяков в это время значительное развитие получило земледелие, в том числе и пахотная (переложная) система. Животноводство, по археологическим данным, приобрело большее значение как источник питания по сравнению с охотой. Охота и рыболовство являлись серьезным подспорьем в хозяйстве, но не основой хозяйственной деятельности [41, с. 146–147].

По мнению исследователей, в эту эпоху территория коми-пермяков была довольно плотно заселена. В некоторых районах поселения располагались в нескольких сотнях метров друг от друга, причем их обитатели проживали здесь постоянно в течение нескольких столетий [9, с. 11–12]. В Коми-Пермяцком крае были построены укрепленные городища, являвшиеся ремесленными, торговыми и политическими центрами. Судя по имеющимся данным, коми-пермяки (как и удмурты) в то время переживали период становления раннеклассовых отношений, начального этапа государственности и консолидации этносоциальной общности. Все это, в конечном счете, было обусловлено более благоприятными природно-климатическими условиями, позволявшими вести производящее хозяйство, приводившее к ускорению разложения родового общества и феодализации племенной знати [36, с. 277–287].

В районах проживания предков коми-зырян население было сравнительно редким (более населен был бассейн Вымы). Здесь не выявлены крупные городища (протогорода), которые могли служить центрами этнической консолидации [5, с. 156–157]. Выделение социальной верхушки (жрецы, вожди) еще не является доказательством формирования раннеклассового общества или начального этапа государственности коми-зырян.

Единственное сравнительно крупное Пожегское городище на Вымы было основано русскими и являлось их военно-административным и ремесленно-торговым центром [48, с. 29–30]. Русские переселенцы появились на территории обитания древних коми в XII в. С временем их количество всё увеличивалось. Этому также способствовал более теплый климат (климатический оптимум продолжался до XIII в.). Коми, жившие в самой западной части края, были ассимилированы. В конце XV–XVI вв. продолжалась активная русская колонизация Европейского Севера и Северо-Востока; русские появились в низовьях Печоры, где возникли Пустозерский городок и Усть-Цильма, стали большинством населения на Пинеге и нижней Вычегде. Если бы русское население продолжало столь же активно колонизировать земли Коми края и в дальнейшем, то это могло бы привести к скорому обрусению прилузских, вычегодских, а затем и остальных групп коми народа.

Но с наступлением малого ледникового периода, достаточно ярко проявившимся в XVI в., скудость северных почв стала еще заметнее, и территория Коми края оказалась далеко не столь привлекательной для русских земледельцев. Поэтому, когда во II половине XVI в. под ударами «государевых ратей» пали Казанское, Астраханское и Сибирское ханства и перед русскими крестьянами открылись просторы Сибири, Поволжья и Приуралья, то тысячи переселенцев устремились на более плодородные по сравнению с Коми краем земли. Разумеется, часть мигрантов, проходя через Коми край, задерживалась здесь. П.А. Колесников писал, что хлынувшие за Урал «массы крестьян их Центрального и Западного Поморья не миновали восточных “перевалочных” уездов на пути в Сибирь. Это содействовало возникновению новых поселений» в этих уездах, в том числе и в Коми крае [27, с. 234].

Но продолжавшийся приток переселенцев уже не оказывал былого воздействия на развитие коми этноса. Поэтому на рубеже XVI–XVII вв. массовый приток переселенцев на этническую территорию коми прекратился. Характерно, что писцовые и переписные книги середины XVII в. содержат меньше сведений о прошлом населении. Именно с прекращением массовых миграций русских на территорию

Коми края следует связать стабилизацию западной границы этнической территории коми в конце XVI – начале XVII в., о которой писал Л.Н.Жеребцов [19]. Вместе с тем необходимо отметить, что, по нашему мнению, коми-русская этническая граница на западе в указанный период еще не была так четко оформлена, как сегодня. Можно говорить об определенной ее размытости, поскольку на нижней Вычегде, нижней Лузе, Пинеге, Виляди, Немьюге и, возможно, нижней Вашке еще в XVII в. жили коми [15]. Фиксация этнической границы по с.Спаспоруб на р.Луза, у с.Межог на Вычегде, у д.Коптюги на Вашке и по водоразделам Вашки и Пинеги происходила постепенно, по мере обрусения последних групп коми, живших там. Этот процесс завершился, вероятно, только к началу XVIII в.

Развитие – благодаря относительно хорошему климату начала II тысячелетия н.э. – производящих отраслей хозяйства (земледелия, животноводства) оказало положительное воздействие на прирост местного населения, поскольку появилась возможность получения дополнительных продуктов питания для растущего числа жителей. В конце XV в. в крае проживало от семи до десяти тысяч коми, в середине XVI в. – 10–12 тыс. коми. Основную долю продуктов питания сначала поставляли охота и рыболовство, но в XVI–XVII вв. в развитии промыслового хозяйства наступили трудности. Охота и рыболовство нуждались в резервной территории освоения, без которой они не могли обеспечить абсолютный прирост населения. Поскольку в старожильческих районах таких территорий к XVII в. фактически не осталось, рентабельность охоты и рыболовства упала [28, с. 14–16]. В этих условиях прирост и даже сохранение численности жителей Коми края зависели от состояния земледельческого производства, которое к XVI в. заняло важное место в хозяйстве жителей Коми края [24, с. 38].

Последнее затруднялось невысоким качеством почв. По оценке государевых писцов, в 1586 г. на Сыsole примерно пятую часть пашни составляли “худые”, т.е. малоплодородные земли, остальная пашня относилась к “средним” землям. На Вычегде “худые” земли составляли около четверти пашни (остальные – “средние”), а на Мезени (Глотова слободка) все пахотные земли были “худые” [22, с. 436–487; 27]. В условиях малого климатического оптимума этот недостаток в определенной мере компенсировался за счет более благоприятного климата. Но скудость почв стала еще заметнее с наступлением малого ледникового периода, переход к которому наметился в XIV–XV вв. и наиболее ярко проявился в XVI–XVII вв.

Основная часть территории Коми края была покрыта лесами. Если в условиях господства промыслового охотничьего хозяйства обилие лесов и, соответственно, дичи в них имело положительное значение для развития населения, то с падением значения охоты и ростом роли земледелия в хозяйстве коми проявилось отрицательное воздействие указанного фактора: удобных для земледелия площадей, не занятых лесом, в крае имелось немного и в старожильческих районах они быстро вовлекались в хозяйственный оборот, а несовершенство орудий труда делало расчистки лесных массивов под пашню чрезвычайно трудоемким занятием. Земли стало не хватать. Ощущался и недостаток сенокосных угодий, необходимых для содержания скота. А похолодание климата оказалось для коми крестьянина самым тяжелым ударом.

Пик малого ледникового периода (климатический минимум) пришелся на вторую половину XVI – первую половину XVII в. Температура понизилась, частыми явлениями стали различные стихийные бедствия (ранние заморозки, засухи или чрезмерно обильные дожди, град и т.п.). Это приводило к неурожаю, подрывавшим крестьянское хозяйство, вызывавшим голод и высокую смертность населения. Летописи соседних с Коми краем районов Поморья сообщают: в 1556 г. на Двине “хлеб не пришел” [39, с. 150], в 1557–1558 гг. “по 2 годы был голод на Устюзе (Устюге – *Авт.*), пихту ели и траву, и стерво, и многие люди мерли...” [40, с. 103]. В 1565 г. “недород был хлебной, ржи оборотились травой метлицею, и бысть глад велик”, – говорится в вятском “Летописце старых лет” [50]. Вероятно, из-за неурожаев и голода сократилось население в Вычегодской земле во II половине XVI в. “по новому письму перед старым письмом (т.е. между 1564–1566 и 1585/86 гг. – *Авт.*) убыло из живущего в пусто соха без четверти” [22, с.463].

На рубеже XVI–XVII вв. Коми край пострадал от ряда неурожаев. В результате в ряде волостей края в 1586–1608 гг. население сократилось, или же его прирост замедлился. В 1602 г. «много людей государевых померло, потому в Руси голод великий был два лета. Пермьки многие в голод тот разбредились вятским и сибирским городам, а инии померли с неядения», – рассказывает об этих трагических событиях Вычегодско-Вымская летопись [12]. Вологодская летопись сообщает: в 1601 г. “в ыюле месяце погигло мразом всякий хлеб, и бысть глад велик... по три лета врьд”; в 1602 г. “тоже мраз был зело велик и хлеб тоже побило; и от глада же того изомроша много множество людей, инии же тогда ядуше псину и мертвечину и ино скаредне скверное” [40, с. 174]. Сходные сообщения имеются в вятском Временнике (“В лето 7109 поразил морозом... всякой хлеб, и был глад 3 годы, ели скверные мяса и человечину” и в вятском “Летописце старых лет” [50]. О бедственном положении населения Сысольской земли, страдав-

шего от неурожаев, говорится в грамоте царя Михаила Федоровича 1615 г.: “Да у них же де по многие лета хлеб не родится и они де от тех хлебных недородов в конец погibli и охудали и многие де люди от них... розно разбрелись в Сибирские города и в Пермь Великую и к Вятке и в... слободы на Каме на житье с женами и детьми” [33, с. 198]. Несмотря на это, ко второй половине 1620-х гг. численность жителей Коми края (здесь и далее – в границах современной Республики Коми) увеличилась примерно до 17,1–17,4 тыс. коми и 1,6–1,9 тыс. русских, живших в Усть-Цильме, Усть-Выми, Лойме и Спаспорубе, так что запустение и упадок начала XVII в. не были общими для всей территории Русского государства.

Но длинная череда тяжелейших неурожаев 30–40-х гг. XVII в. вызвала страшный голод. Неурожайными были, в частности, 1632, 1636–1638, 1640–1642, 1644 гг. (отметим, что в фундаментальной работе “Экстремальные природные явления в русских летописях” за этот период по России указан только один неурожайный год – 1643 [7, с. 208–210]). В Пустозерском уезде в 1638 г. “крестьянишка помирают голодной смертью, а питаются рябиновым листом и ... травой” [51, с. 437]. Сходная ситуация была в Яренском уезде и Лузской Пермце, население которых также страдало от “хлебной скудости” и “хлебного недороду”. (Эти явления отмечены, в частности, в 1640–1642 и 1644 гг. [44]). В 1644 г. “канун Ильина дня во всем Пермском уезде снега выпали великие, и хлеб позяб без остатку и от того хлебного непомерного голоду во 153-м году многие посадские люди и уездные крестьяне разбежались в иные города в хлебобродные места, и многие погосты и деревни запустели”. Сходное положение, по мнению Н.В.Устюгова, было и в соседнем с Пермским Яренском уезде [37, с. 117]. В переписной книге Пустозерского уезда 1679 г. упомянуты “месты дворовые пустозерцев же посацких людей старые пустоты, которые померли в голодное время во 154-м (1646) году”, “место пустое Данилки Павлова сына Убитого, а он умре голодной смертью з женою и з детьми во 153-м (1645) году” [44].

К середине 1640-х гг. в Коми крае осталось около 15,7 тыс. жителей (14,1–14,3 тыс. коми, 1,4–1,6 тыс. русских). Часть обитателей края умерла, многие ушли в более «хлебобродные» регионы – в Прикамье и Сибирь. В этот период из Коми края ушли 961 мужчин и 91 женщина (по женщинам данные очень неполные, поскольку женщины практически не учитывались при составлении писцовых и переписных книг), т.е. всего 1052 чел., и еще 407 чел. переселились “безвестно”. Наибольшее запустение испытала Вилегодская Пермца. В 1625–1645 гг. ее население сократилось на 80%, а в течение последующего года (с 1645 по 1646 г.) еще на 17%. В результате в 1646 г. здесь насчитывалось лишь 5 жилых дворов. На 47% уменьшилось в 1625–1645 гг. население Лузской Пермцы (примерно 1700 чел. в 1645 г.), причем число жителей в Объячевском, Ношульском и Летском приходах сократилось более чем на половину (соответственно на 58, 56 и 52%) [44]. В Яренском уезде население сократилось на 9%. Особенно сильно опустела Вымская земля, где численность жителей в это время уменьшилась на 42%. Сократилось население также в Сысольской земле (на 22%), на Удоре (на 11%), в Усть-Вымской вотчине (на 7%), в Вычегодской земле (на 4%). Среди волостей Сысольской земли наибольшее запустение испытали Нижнесысольские волости. Население Пустозерского уезда к 1638 г. сократилось на 23% по сравнению с 1575 г. [14].

Период тяжелейших испытаний, выпавших на долю обитателей Коми края, оказался не слишком продолжительным. Во второй половине XVII в., после того как прошел пик малого ледникового периода, климат начал понемногу меняться в лучшую сторону, стал более устойчивым, мягким, удобным для ведения сельского хозяйства. Сильные неурожаи еще случались: в 1661–1662 гг. “на Вологде был хлеб дорогой”, сообщает летописец Ивана Слободского [40, с.199]. Об этом же говорится в Вологодской летописи [40, с.179]. В 1663 г. “на Двине и в Поморьях хлеб позяб”, в 1664 г. “хлеб почал быть дорог” [39, с.176]. Г.И.Терентьев, земский целовальник Усть-Цильмы и Ижмы, писал в 1661 г. в челобитной: “...у нас... хлеб не родитцы, и погибаем хлебною нужею, питаемся борщем и рыбою” [37, с.106]. На “хлебный голод” жаловались пустозерцы и в 1667 г. [32, с.80]. Но в целом смертность уменьшилась, сократился отток населения из края. Местное население в изменившихся условиях стало активнее осваивать близлежащие слабозаселенные районы (верхнюю Вычегду, Летку), началось заселение верхней Печоры. Численность жителей стала постепенно увеличиваться. В конце 70-х гг. XVII в. в Коми крае насчитывалась 17,3–17,6 тыс. коми и 1,7–2 тыс. русских [13; 44].

Неурожаи и голод конца 1670-х – начала 1680-х гг., середины 1680-х и 1690-х гг. вызвали бегство и высокую смертность населения в ряде земель. В частности, есть прямые указания на “хлебный недород” в Лузской Пермце в 1680 г. [44]. Несколько сообщений о неурожае, эпидемиях и эпизоотиях 1680–1690 гг. есть в Вологодской летописи. В 1680 г. “зима была, снега великие болшие шли по вся дни, а вешняя вода зело велика была и долго стояла, и хлебы озимовые в полях от того снегу выпрели и изгибли” [40, с.184]. В 1686 г. “зима стояла... и весна с лютыми мразы до Петрова поста. И того лета месяца июня во дни были три инии великие с лютыми мразы, а в Поморской стране и в Каргополе... и в Устюжском, и в Вычегодском, и в Пинежском, и в Мезенском – во всех мразы позябли; а скот, лошади и коровы, с великого гладу помирали много множество в тех уездах и по волостям, потому что гнилые сена и соломы все

поедено без остатка”, и т.д. [40, с.186]. В результате Прилузье к 1710 г. осталось меньше жителей, чем было в 1620 г. Сократилась численность населения в Пустозерском уезде в 1679–1711 гг., на нижней Вычегде и Выми – в 1678–1707 гг. Но в других районах количество жителей возрастало.

XVIII век принес дальнейшее улучшение климата и относительную стабильность демографическому развитию региона, но это произошло не сразу. В 1725–1745 гг. численность населения Коми края почти не возросла (с 39,5-40,5 до 42-42,5 тыс. чел.), а в Пустозерском уезде даже сократилось на 10,9%. На 3% уменьшилось число жителей на Удоре. Резко упал по сравнению с предшествовавшим периодом прирост населения на верхней Вычегде. В этот период “климатические условия на европейской части России в XVIII в. отличались значительными колебаниями... Наблюдалось значительное число продолжительных дождливых периодов, много наводнений”, очень морозных зим, летних заморозков и т.п., приводивших к неурожаю и голоду [7; 8].

Если проанализировать данные о смертности населения Прилузья в 1721–1745 гг., то окажется, что более половины (55,5%) смертей приходится на семь из этих 25 лет, а именно 1723–1729 гг., когда смертность местного населения существенно превосходила среднюю величину за все 25 лет. А на 1723–1732 гг., т.е. на 10 лет, приходится почти 70% всех смертей. Затем отмечается значительное снижение смертности, а на рубеже 30–40-х гг. XVIII в. – смертность вновь возрастает, хотя и не достигает уровня II половины 1720-х гг. К середине 1740-х гг. смертность опять снижается. Данные о бегстве и уходе жителей из Прилузья в 1721–1745 гг. свидетельствуют, что 60,3% переселений приходится на шесть лет – с 1724 по 1729 г. [15; 43]. Большая смертность и бегство жителей в 1720-х гг. были, вероятно, связаны с вызванными неурожаями и голодом. Исследователи отмечают, что в этот период Россия пережила несколько тяжелых голодных лет (1723–1727, 1729 гг.), недороды следовали один за другим, повысились цены на хлеб [7, с. 146, 149; 8, с. 353-356].

В последующие десятилетия хозяйственное положение в Коми крае в целом стабилизировалось благодаря, в первую очередь, относительно благоприятным климатическим условиям. Во второй половине XVIII в. в России не отмечалось столь губительных экстремальных природных явлений, как, например, в 1720-х гг. [7, с. 148]. Неурожаи носили локальный характер и негативно влияли лишь на демографическое развитие отдельных районов, а в основном погодные условия способствовали приросту населения.

Стала быстро обживаться северная часть края – берега нижней и средней Печоры и Ижмы. Еще в 1729 г. группа ижемцев поселилась на р. Печора между устьями Ижмы и Цильмы в д. Гареве. В 1731 г. на р. Нерица возникла д. Нерица, также основанная ижемскими коми. Но в последующее время этот район перестал привлекать ижемцев, зато там появилось много русских переселенцев из Усть-Цильмы. В середине – второй половине XVIII в. миграционные процессы заметно активизировались. В 1747–1763 гг. были основаны шесть селений на нижней Ижме и первое ижемское поселение на средней Печоре – Усть-Уса. В 1763–1782 гг. коми заселили самые низовья Ижмы, где возникли пять деревень, и стали осваивать берега Печоры вверх от устья Ижмы, основав Щельяур и Брыкаланск. Тогда же появилась д. Усть-Кожва, ставшая одним из «пограничных пунктов» ижемских коми на Печоре; выше нее находились поселения, где жили верхнепечорские коми. Вверх по Ижме коми стали переселяться в 1763-1782 гг., когда возникли Картаель, Поромес и Кедвавом. В первой половине XIX в. ижемцы основали на Ижме и Печоре около 20 деревень и выселков. Самые верховья Ижмы стали заселяться в первой половине XIX в. выходцами с верховьев Вычегды и Вишеры [10; 11; 15; 20; 32].

В 1707–1719 гг. на верхней Печоре ниже Троицко-Печорска были основаны деревни Петрушино, Покча, Савинобор, Скаляп, в 1719–1747 гг. ниже по Печоре появилась д. Возино, в 1747–1785 гг. – еще пять деревень. В низовьях Печоры, на Цильме и Пижме в XVIII в. появилось немало селений, основанных жителями Усть-Цильмы. В верховьях Печоры в XIX в. стали селиться русские крестьяне, приходившие в этот район из Чердынского уезда. В 1809 г. в этом районе имелся починок Усть-Волосница с тремя дворами, затем появились Мамыль (к 1840 г.), Пачгино (к 1843 г.), Усть-Унья (к 1847 г.), Усть-Бердыш, Собинская, Шайтановка, Светлый родник (к 1872 г.), Гаревка (к 1880-м гг.), Якша (к 1909 г.) и др. На Илыче к 1843 г. возникли выселки Когель (Когиль-усти, Антон), Мортюдин (Морт-Гордим, Габо) и Сарьюдин, к 1859 г. – выселки Максимово (Максим) и Горт-му (Еремеево), основанные выходцами из верхнепечорских коми селений [10; 11; 15; 20; 32; 34; 44; 45].

Численность жителей Коми края возросла до 48,5-49 тыс. в 1763 г., 55,5 тыс. (в том числе 51,5-52 тыс. коми и 3,5-4 тыс. русских) – в 1782 г., 58–59 тыс. (из них 54–54,5 тыс. коми и 4–4,5 тыс. русских) в 1795 г. Русские жили в Усть-Цильме и возникших по соседству с ней в XVIII в. деревнях, в Усть-Выми, Лойме, поселках при Сереговском и трех появившихся в XVIII в. на Сыsole заводах (Нювчимском, Кажимском и Нючпасском), а также частично в Спаспорубе. С преобразованием погоста Усть-Сысолы в уездный город Усть-Сысольск в 1780 г. там также поселилось немало русских.

В первой половине XIX в. климат стал ощутимо теплее, малый ледниковый период окончательно остался позади. В этот период, по мнению В.М.Кабузана, условия для развития народонаселения Севера Европейской России (и Коми края, в частности) были довольно благоприятными: в это время “Северный район почти не подвергался... губительному влиянию неурожая и эпидемий”, что способствовало увеличению темпов роста народонаселения [25, с. 19-20]. К тому же по мере социально-экономического развития региона уменьшалась зависимость местных жителей от естественных условий. Улучшение агротехники, появление более совершенных орудий труда и т.п., дававшие возможность получения большего количества продуктов питания в тех же природно-климатических условиях, постоянно уменьшало влияние последних на демографическое развитие Коми края.

Необходимо отметить, что власти со временем стали предпринимать определенные меры для смягчения воздействия неурожая на население; в частности, в первой половине XIX в. во всех волостях Коми края были организованы запасные хлебные магазины, в которых крестьяне могли получить ссуду семенами и хлебом [24, с.92]. Следует указать, например, на мероприятия правительства по распространению посадок картофеля в Коми крае в XVIII–XIX вв., которые, однако, не дали особенно существенных результатов до начала XX в. [24, с. 92, 126]. Земства пропагандировали прогрессивные методы ведения земледелия и животноводства, с конца XIX в. завозили сельскохозяйственные машины, в начале XX в. стали устраивать выставки скота и проводить опыты по выращиванию лучших сортов зерновых [24, с. 166-167].

Фактором, благотворно сказавшимся на демографических процессах в Коми крае в XIX в. и особенно в начале XX в., стало развитие в этот период медицины. Уменьшалась смертность жителей от болезней. Борьба с эпизоотиями способствовала ведению животноводческого хозяйства и тем самым также влияла на создание благоприятных условий для жизни населения [23, с.12-17; 24; 18, с.149-155]. В 1811 г. в Коми крае насчитывалось 59,3–60,5 тыс. чел., в 1835 г. – 83-84 тыс., в 1850 г. – 89-90,5 тыс., в 1858–1860 гг. – около 110 тыс., в том числе примерно 97-100 тыс. коми и 10-13 тыс. русских [10; 11; 34; 49].

К началу XX в. экзогенные (внешние) причины смертности (в частности, от голода) в Коми крае постепенно стали уступать ведущую роль эндогенным (внутренне обусловленным) причинам. Численность населения Коми края стала увеличиваться быстрее. В 1897 г. в современных границах Республики Коми проживали 156–158 тыс. чел. (около 142 тыс. коми и 14-16 тыс. русских) [38], в 1917 г. – примерно 210 тыс. чел. (190 тыс. коми и 20 тыс. русских).

Более теплый период способствовал дальнейшему усилению миграционной активности ижемских коми во II половине XIX – начале XX в., переселениям их в крайние северо-восточные районы края (бассейн Усы и Колвы), в нижнее Приобье и на Кольский полуостров. В середине XIX в. берега Усы и Колвы оставались почти незаселенными (существовали только Усть-Уса и Колва, в которой жили оседлые ненцы), а к 1905 г. там появилось около 30 деревень и выселков: Абезь, Адзьва, Макариха и т.д. Была заселена вся Уса до самых верховьев, где возникли выселки Ошвор, Елец и др. Осваивались и притоки Усы: Косью, Роговая, Нерцета, Лемва. В 1905–1917 гг. проходила колонизация берегов Колвы, где появилось шесть выселков. В конце XIX – начале XX в. несколько групп коми-ижмцев переселились в низовья Печоры, а также появились населенные пункты на притоках Печоры – Щугоре, Подчерье (Мича-Бечевник, Усть-Паток, Емельусти и др.); там поселились верхнепечорские коми; граница коми территории в этом районе существенно отодвинулась на восток.

Несмотря на прирост населения, территория края оставалась слабозаселенной. В 1846 г. Усть-Сысольский, Яренский, а также соседний с ними Сольвычегодский уезды были населены в Вологодской губернии слабее всех. В 1848 г. плотность населения в Усть-Сысольском уезде составляла 0,3 души на 1 кв. версту, в Яренском – 0,5 души, а в целом по Вологодской губернии – 2,3 души на 1 версту. В Ижмо-Печорских волостях плотность населения была еще ниже, чем в Усть-Сысольском уезде.

Темпы увеличения численности жителей сдерживались неразвитостью экономики. Некоторые российские и местные предприниматели разработали ряд предложений по экономическому развитию Севера России, но не получили поддержки от государства. Один из них, М.К.Сидоров, получил на представленные правительству проекты такой ответ: «Так как на Севере постоянно льды и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немыслимы, то... необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства» [29]. В начале XX в. российское правительство разрабатывало план переселения в Коми край большого количества русских крестьян из центральных губерний и даже латышей, но в конечном итоге подобные переселения были признаны невозможными. Вплоть до конца 1920-х гг. массового притока переселенцев в Коми край не было.

На рубеже 1920–1930-х гг. положение изменилось. Влияние естественных условий на демографические процессы заметно ослабло. Примерно до начала 1950-х гг. определяющее значение играли политические факторы. Затем влияние политических факторов на демографическое развитие региона уменьшилось, а

роль социально-экономических факторов, наоборот, возросла. Однако при планировании социально-экономического и демографического развития Европейского Северо-Востока не учитывались в надлежащей мере естественные условия региона (особенно его северных районов); нередко гораздо большую роль в составлении и осуществлении этих планов играли чисто политические причины.

Таким образом, на ход исторического развития Коми края, динамику и миграции народонаселения в изучаемое время воздействовал большой комплекс разнообразных факторов, причем последние различались по силе влияния на демографическое развитие, времени и месту проявления, своей природе и т.д. Среди них можно выделить более узкую группу факторов, которые в тесной взаимосвязи и определяли направление демографического развития. В основе демографических процессов лежали объективные факторы: естественно-географические (климат, природные ресурсы и др.), социально-экономические (развитие товарно-денежных отношений, социальный состав населения и имущественное расслоение, налоговая политика, состояние сельского хозяйства, промыслов, промышленности, путей сообщения, медицины и т.д.) и политические (укрепление государственной власти на окраинах страны и расширение ее территории, ссылка, военные и трудовые мобилизации и т.п.).

Ни в коей мере не преуменьшая значения всех остальных факторов, значение которых достаточно подробно показано в научных исследованиях, авторы настоящей работы считают нужным особо отметить роль климатического фактора, который до начала XX в. имел важное значение в истории Коми, но значение которого, однако, недооценивалось (или совсем не учитывалось) исследователями. От климатического фактора во многом зависела демографическая ситуация в Коми крае; колебания климата, его неустойчивость оказывали негативное воздействие на демографические процессы. Климатический фактор сыграл немаловажную роль в процессе социально-политического развития древнекоми общества. Суровый климат приводил к консервации архаичных элементов в общественном развитии, замедлял разложение первобытно-родового строя и сложение начального этапа государственности у коми-зырян.

С наступлением малого ледникового периода, пик которого (климатический минимум) пришелся на вторую половину XVI – первую половину XVII в., был связан острый демографический кризис, охвативший всю территорию Коми края и проявившийся в конце XVI – середине XVII в. в замедлении прироста населения, а в ряде случаев – и в сокращении числа жителей. Ослабление воздействия климатического минимума в последующие века оказало благоприятное влияние на состояние хозяйства и демографическое развитие.

Влияние климатического фактора, разумеется, не следует абсолютизировать. Важно подчеркнуть, что по мере социально-экономического развития региона уменьшалась зависимость демографического развития от естественных факторов. В период доминирования у коми охотничье-рыболовецкого хозяйства демографические процессы, в сущности, регулировались самими природными условиями (наличием достаточного количества дичи в окрестных лесах, рыбы в реках и т.п.). С появлением земледелия и животноводства население Коми края утратило абсолютную зависимость от природных условий и стало по мере сил преобразовывать их, разводя различные породы скота, выращивая разнообразные сельскохозяйственные культуры, выжигая леса под пашню. Разумеется, естественные условия (климат, почвы, наличие удобных земельных угодий и т.п.) продолжали играть огромную и даже решающую роль в хозяйстве и тем самым – в демографических процессах. Однако развитие сельского хозяйства, улучшение агротехники, появление более совершенных орудий труда и т.п., дававшие возможность получения большего количества продуктов питания в тех же природно-климатических условиях, постоянно уменьшало влияние последних на демографическое развитие Коми края.

Литература и источники

1. Акты времени правления царя Василия Шуйского. – М., 1914.
2. Алексеев В.В. Уральская историография на рубеже третьего тысячелетия // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург, 1998.
3. Археология Республики Коми. – М., 1997.
4. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 10, оп. 3, д. 365.
5. Белавин А.М., Старков А.В. Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург, 1997. – Вып. 1.
6. Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека. – М., 1982.
7. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. – Л., 1983.
8. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. – М., 1988.
9. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск, 1989.
10. Государственный архив Архангельской области. Ф. 51, оп. 11, д. 12, 2669, 2683; Ф. 1548, оп. 1, д. 9, 17, 48.

11. Государственный архив Вологодской области. Ф. 388, оп. 1, д. 8446, 8465, 8467; оп. 9, д. 54-56; оп. 10, д. 61; оп. 13, д. 62.
12. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4.
13. Документы по истории народа коми. – Сыктывкар, 1985.
14. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. – Екатеринбург, 1996.
15. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. – Сыктывкар, 1998.
16. Жеребцов И.Л. Коми компонент в составе населения нижней Вычегды и Немьёги во II половине XVI – начале XVIII века // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. – Сыктывкар, 1989.
17. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае в XV-XVIII вв. // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. – Сыктывкар, 1995.
18. Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми: научно-популярные очерки. – Сыктывкар, 1996.
19. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М., 1982.
20. Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV – середине XIX в. – Сыктывкар, 1972.
21. Житие Стефана епископа Пермского. – СПб., 1897.
22. Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земель конца XVI в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. – Вологда, 1970. – Вып. 1.
23. Ильина И.В. Народная медицина коми. – Сыктывкар, 1997.
24. История Коми АССР. – Сыктывкар, 1981.
25. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. – М., 1971.
26. Кабузан В.М. Народы России в I половине XIX в. – М., 1992.
27. Колесников П.А. Северная деревня в XV – I половине XIX в. – Вологда, 1976.
28. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во II половине XIX – начале XX в. – М., 1983.
29. Королев В.Н. России беспокойный гражданин. – Сыктывкар, 1987.
30. Королев К.С. Хозяйственные занятия предков коми-зырян на средней Вычегде по археологическим данным // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. – Сыктывкар, 1989.
31. Латкин В.Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах // Записки Император. рус. геогр. о-ва. – СПб., 1853. – Вып. VII.
32. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. – Сыктывкар, 1958.
33. Лашук Л.П. Формирование народности коми. – М., 1972.
34. Национальный архив Республики Коми. Ф.293, оп.1, д.2-5; Ф.343, оп.1, д.1-25.
35. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала. – Иркутск, 1990.
36. Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.
37. Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1955. – Т. I.
38. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. I. – СПб., 1899. – Т. 1, 2; – СПб., 1904. – Т. 3; Вып. VII: Вологодская губерния. – СПб., 1901. – Т. 1; – СПб., 1904. – Т. 2.
39. Полное собрание русских летописей. – Л., 1977. – Т. 33.
40. Полное собрание русских летописей. – Л., 1982. – Т. 37.
41. Прокопов А.В. Хозяйство коми-пермяков в эпоху средневековья по археологическим данным // Коми-пермяки и финно-угорский мир. – Кудымкар, 1997.
42. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.350, оп.1, д.476-478; оп.2, д.151, 157, 2717, 3320, 3331, 3334, 3350, 3835, 4214, 4717.
43. РГАДА. Ф.905, оп.1, д.829, 834, 841.
44. РГАДА. Ф.1209, оп.1, д.366, 446, 452, 504, 1098, 15039, 15053, 15058.
45. РГАДА. Ф.1355, оп.1, д.137, 177.
46. Савельева Э.А. Пермь вычегодская. – М., 1971.
47. Савельева Э.А. Вымские могильники. – Л., 1987.
48. Савельева Э.А., Кленов М.В. Пожеское городище. – Сыктывкар, 1992.
49. Списки населенных мест Российской империи. – СПб., 1861. – Вып. 1; – СПб., 1866. – Вып. 7.
50. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 г. – Вып. 2. – С. 46; – Вып. 4. – С. 11, 13.
51. Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей. – М., 1917.

Формирование этнической территории древних коми-зырян

*Памяти первых коми этнографов
Л.Н.Жеребцова и Л.П.Лашука
посвящается*

Предки современных коми-зырян известны в русских источниках под именем «пермь». Впервые оно, по данным В.Н.Татищева, встречается в «Степенной книге» и относится к 967 г. [Татищев, 1962, с. 427]. Во вводной части «Повести временных лет» пермь упоминается среди народов, платящих дань Руси [Повесть временных лет. СПб., 1910. Т. I, с. 3, 10].

По этимологии названия пермь большинство исследователей придерживается точки зрения А.М.Шегрена, поддержанной Д.В.Бубрихом, согласно которой слово «пермь», «перемь» имеет прибалтийско-финское происхождение и означает «окраина», «край земли», «земля за рубежом» [Бубрих, 1947, с. 30]. Однако пермь не является самоназванием народа. Народ называет себя «коми», что означает «человек», «мужчина». Северные коми, в отличие от южных, коми-пермяков, известны с XVII в. как коми-зыряне. Это название появляется в литературе впервые в «Житии Стефана Пермского». Этимология его не совсем ясна. В литературе утвердилась точка зрения о том, что оно относится к верхнесысольским коми. По мнению А.К.Матвеева, зыряне – это народ, родственник прибалтийским финнам и саамам, живший ранее в Подвинье. Он связывает слово «сыряне-зыряне» с финским «сюрья» – «край, сторона» и следовательно, «сюрьяйнен» – это «крайний, дальний», а «пермь» и «зыряне» – синонимы и обозначают «живущие на краю» [Матвеев, 1984]. Л.П.Лашук связывает этноним «зыряне» с удмуртским словом съорьёс – «посторонние люди, люди из другой местности» и полагает, что вычегодские пермяне могли так называть сысоличей [Лашук, 1972, с. 48].

Не вызывает сомнений тот факт, что первоначально в русских летописях под пермью имелось ввиду соседствующее с восточными прибалтийско-финскими племенами население бассейна Вычегды и только позднее, возможно, после проведенной Стефаном Пермским христианизации, это название было перенесено на древних коми-пермяков и удмуртов.

Чрезвычайно важным представляется вопрос об этнической территории перми в летописный период. По данным Вычегодско-Вымской летописи, границы перми проходили на северо-западе – по Пинеге и Удоре, восточная – по Вишере, северо-восточная – по Выми, южная – по Сыsole [Документы по истории коми, 1958, с. 257]. В «Жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича жителям Перми вычегодской», датированной 1485 г., перечислены семь локальных групп древних коми-зырян: вычегодские пермяне, вымичи, удорене, сысолене, крещенные сыряне Ужговские, а также лузская и вилегодская пермца [Документы по истории коми, 1958, с. 243–248]. Л.П.Лашук на основе письменных источников выделяет четыре территориально-племенные объединения коми-зырян эпохи средневековья: вымичи, «вычегжане», «сысоличы» («сыряне») и лузские «пермяне», причем собственно к «перми» (по «Житию») он относит только вымичей [Лашук, 1972, с. 55]. В территорию предков коми-зырян в летописный период он включает земли по нижней Вычегде (ниже устья Выми) и частично средней Вычегде с притоками Виледью, Яренгой, Вымью и Сысолой, а также верхнее течение р. Луза [Лашук, 1972, с. 53]. Население по Северной Двине и Пинеге, а также нижней Вычегде (от р. Нижней Лупьи до устья Вычегды) и по средней и нижней Лузе он относит к «иноязычникам», вероятнее всего, заволочской чуди. Этническая принадлежность устюжан определяется как русская. Среди южан, по его мнению, «могли быть отчасти и коми, но в бассейне Юга обитало и еще какое-то «чуждское» население» [Лашук, 1972, с. 59]. «Вилежан» он соотносит с «пермяками Вилегоцкими», которые фигурируют в Жалованной грамоте 1485 г. Однако он полагает, что здесь могла обитать небольшая группа коми-зырянского населения, переселившегося с нижней Вычегды под напором русской колонизации и вскоре ассимилированная преобладающим русским населением, хотя не исключает, что Вилегодская Пермца могла сформироваться за счет выходцев с р. Луза или с Сысолы [Лашук, 1972, с. 50]. По мнению исследователя, Лузская пермца также сформировалась путем переселения коми населения со средней Сысолы. Представляется важным подчеркнуть, что, по мнению Л.П.Лашука, «уже во времена христианизации, а тем более позднее, вычегодские и прикамские коми представляли собой близкородственные, но самостоятельные народы, этническое расхождение

*Савельева Элеонора Анатольевна (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зав. отделом археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

между которыми продолжало нарастать. Если в XIV–XV вв. были Пермь Вычегодская и Пермь Великая, то к исходу XVI в. стали употребительными совершенно различные названия этих народов – зыряне и пермяки» [Лашук, 1972, с. 67].

Впервые специальное исследование формированию этнической территории коми-зырян посвятил Л.Н.Жеребцов [Жеребцов, 1977]. Он проследил ее изменения на протяжении шести веков – с XIV до XIX в. Были очерчены этнические границы предков коми (зырян) в XIV–XV вв., XVII и XIX вв. [Жеребцов, 1977]. На основе исследованных в то время археологических [Савельева, 1971], архивных источников, данных топонимии, гидронимии, анализа фамильного состава населения, он обосновывает существование в XIV–XV вв. перечисленных в Жалованной грамоте 1485 г. восьми территориально-племенных объединений Перми вычегодской: пермяне пинежские, пермяне удорские, пермяне вымские, пермяне нижне-вычегодские, вилегодская пермца, лузская пермца, сысольские зыряне (сырьяне), сиряне ужговские [Жеребцов, 1977, с.7].

Проблема формирования этнической территории коми-зырян занимает важное место в его фундаментальной монографии «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» [Жеребцов, 1982, с. 26–96]. В этой работе предпринята попытка определить территорию обитания «древних пермян (коми) в IX–XIV вв.».

В ареал перми в этот период Л.Н.Жеребцов включает верховья р. Кама, верхнее и среднее течение р. Вятка с притоками Чепца, Моломы, Летки, Кобры, в бассейне Северной Двины – р. Вычегда с притоками Вымь, Сысола, Виледь и Яренга, Юг с притоком Луза, Сухона, Уфтьюга, верхнее течение р. Вага и ее приток Устью, Пинегу, а также приток р. Мезень Вашку. Западные границы расселения перми он очерчивает по р. Юг, Сухона, Устью и верхнему течению Северной Двины [Жеребцов, 1982, с. 32]. Исследователем выделяются два ареала расселения древнекоми населения. Первый этап, судя по карте, определяется концом I тыс. – XII в., второй – XIII–XIV вв. В конце I тыс. н.э. (предположительно, по мнению исследователя), были освоены бассейны рек Вятка, Сысола и Луза, в X–XI вв. – Вычегды, Юга и прилегающего участка Северной Двины, в XI–XII вв. – часть бассейна Северной Двины ниже впадения р. Вычегда, а также р. Устья и части р. Сухона. На втором этапе, в XIII–XIV вв., предполагается движение древнекоми племен на северо-запад – на Вашку и Пинегу. В XIII–XIV вв. западная граница древних пермян проводится по нижнему течению Лузы, низовьям Вычегды и прилегающему участку Северной Двины. К концу XIV в. в бассейнах Сухоны, Юга (кроме Лузы) и Вятки (за исключением северных притоков – Моломы, Кобры, Летки) пермское население исчезает [Жеребцов, 1982, с. 34]. Судя по контексту, под древними пермянами Л.Н.Жеребцов подразумевает древнекоми племена, включая как предков коми-зырян, так и коми-пермяков, хотя на карте [Жеребцов, 1982, с. 33, карта I] выделена Пермь великая, локализуемая за пределами очерченной территории.

В.В.Низов на основе «Жития Стефана Пермского», а также археологических источников в ареал Пермской земли включает не только территории, занятые предками коми, но и древними удмуртами. Он полагает, что в период миссионерской деятельности Стефана Пермского «бассейн Верхней и Средней Вятки считался неотъемлемой частью обширной Пермской области. Южное же порубежье Пермской земли проходило тогда скорее всего по среднему течению Камы» [Низов, 1996, с. 195]. Он подчеркивает, что в «Житии» среди рек Пермской земли названы не только Вымь, Вычегда и Кама, но и Вятка. Западные границы Пермской земли в конце XIV в., по мнению В.В.Низова, проходили по Виляди, Полузью, Моломе (включая, возможно, верховья Юга, населенные южанами), бассейну средней Вятки с нижней Пижмой и левобережью нижней Вятки, заселенному кальмезскими удмуртами, на юге – по средней Каме (от Вятки вверх по течению), на юго-востоке – бассейну средней и нижней Чусовой, заселенному «гамалью чусовой», на востоке – верхней Каме, где располагалась Пермь Великая, по соседству с которой на северо-западе обитали «гайаны», потомками которых исследователь считает коми-пермяков, проживающих в настоящее время в Гаинском районе Пермской области [Низов, 1996, с. 196]. Следует отметить, что В.В.Низов очерчивает границы Пермской земли, т.е. территории, заселенной пермскими народами в эпоху средневековья, тогда как Л.Н.Жеребцов – только древнекоми общности.

Как отмечалось выше, первоначально название пермь могло относиться только к народу, живущему рядом с прибалтийскими финнами, от которых русские заимствовали это слово. Более того, Л.П.Лашук полагал, что первоначально (по «Житию») оно могло относиться только к вымичам. Исходя из данных письменных источников, прежде всего Степенной книги, первые контакты древних коми с прибалтийскими финнами и славянами относятся ко времени не позднее второй половины X в. Следовательно, в это время древние коми жили по соседству с восточными группами прибалтийских финнов. Эта контактная территория может быть локализована в бассейне Северной Двины, у западных и северо-западных границ территории современного проживания коми-зырян.

К IX–X вв. относится финальный этап ванвиздинской культуры [Чеснокова, 1983, с. 8], которая предшествует летописной перми вычегодской и генетически связана с ней [Савельева, 1971, с. 148–157; 1995 а, 2005 б, 2005 в, 2006; Королев, Савельева, 1988]. Памятники ванвиздинской культуры известны по Вычегде, Сыsole, Выми, Яренге, Вашке, Мезени, верхней Каме, Югу (Мурыгин, 2001). Наиболее вероятно, что первые контакты древних коми с западными соседями (прибалтийскими финнами и славянами) относятся к позднему этапу ванвиздинской культуры, датируемому IX–X вв. Этой точки зрения, на основе данных лингвистики, придерживается и известный эстонский лингвист А.-Р. Хаузенберг [См.: Савельева, 2005 в, с. 26]. Позднewanвиздинские памятники известны на р. Юг [Макаров, 1984], верхней Северной Двине, в контактной зоне между заволочской чюдью и древнекоми племенами [Макаров, Чеснокова, 1992], т.е. на территории, которую Л.Н.Жеребцов включает в ареал обитания древних коми, а также нижней Сыsole (поселение Лозым), средней Вычегде (Угдым II). Н.Н.Чеснокова датирует Лозымское поселение IX–XI вв. [Чеснокова, 1983, с. 8, табл. 1]. На поселении Угдым II К.С.Королевым выявлен комплекс, относящийся к IX–X вв., который рассматривается как переходный к вымской культуре [Королев, Савельева, 1988, с. 19].

Памятники перми вычегодской (древних коми-зырян) открыты и исследованы в долине Выми, средней и нижней Вычегды, на Лузе, Сыsole и Вашке (рис.1). В рамках единой культуры выделяется шесть или семь локальных вариантов, соответствующих территориально-племенным объединениям: вымский, средневычегодский, нижневычегодский, удорский, верхнесыsoleский, нижнесыsoleский (?), прилузский [Савельева, 2005, с. 25].

Судя по имеющимся источникам, прежде всего, «Житию Стефана Пермского», а также материалам археологических раскопок, ядром формирования коми-зырян были вычегодско-вымские коми, средневековые памятники которых исследованы на Выми и Вычегде. Они представлены тремя локальными группами: вымской, нижневычегодской и средневычегодской. Во всех этих группах памятников наиболее ранние комплексы относятся к XI–XII вв.

Наиболее изученной в настоящее время является долина р. Вымь, где расположены самые крупные могильники перми вычегодской, а также два поселения и древнерусское Пожегское городище. Вадьягский могильник насчитывает 390 могильных ям, Жигановский – 307, Кокпомьягский 229, Кичилькосьский I – 218, Ыджыдьельский – 215, Ветьюсский и Гидсайягский – по 105. Наряду с этими крупными могильниками представлены и небольшие, содержащие несколько десятков могильных ям (Часа-дорский, Веслянский II, Лялинский, Ошмосский, Отлинский I и II, Кедвавомский). Кичилькосьский I, Веслянский II, Ыджыдьельский, Жигановский, Петкойский и Кокпомьягский могильники раскопаны полностью – на них вскрыто более 1100 погребальных комплексов [Савельева, 1987]. Судя по имеющимся материалам, Вымская земля в рассматриваемый период была наиболее плотно заселена и являлась важным центром формирования культуры перми вычегодской, на что обращал внимание еще А.С.Сидоров. Как неоднократно отмечалось в литературе, не случайно Стефан Пермский обосновал свою резиденцию в устье р. Вымь. Одной из возможных причин большей плотности населения по Выми является важное стратегическое положение этой реки на пути продвижения русских купцов, дружинников в Зауралье. Это была и важная торговая магистраль для новгородских купцов. Для вымских охотников издавна были известны пути через Урал, поэтому они, вероятно, как и в последующие столетия при освоении русскими Сибири, служили проводниками («возжами») русских дружинников. Свидетельством этого являются открытые на Оби поселения, связываемые исследователями с вычегодскими пермянами (Морозов, Пархимович, 1985). Следует отметить, что на городище Перегребное на р. Обь наряду с вымской представлена и древнерусская керамика, что свидетельствует о смешанном (коми-русском) составе населения этого поселения. Вероятно, не случаен и тот факт, что большая часть погребений на вымских могильниках относится к XII–XIII вв. – ко времени активного проникновения русских колонистов в земли перми вычегодской. Увеличение численности населения на Выми в этот период, возможно, обусловлено возросшей потребностью русских купцов в мехах, что повлекло за собой активизацию пушного промысла и, соответственно, повышение доходов местного населения от торговли мехами. И, наконец, вымичи, вероятно, обслуживали эту важную водную артерию. Река Вымь, особенно в ее верхнем течении, изобилует порогами, преодолеть которые новгородским ушкуйникам на своих лодках, вероятно, было достаточно сложно, и им приходилось обращаться за помощью к местным проводникам. Не случайно, в верховьях Выми, у первого вымского порога Кытцыль-кось – в переводе с коми Кривой порог, расположен один из самых богатых могильников перми вычегодской, на котором найдено более 50 западноевропейских монет, тогда как на других могильниках они встречаются в единичных экземплярах. О важном стратегическом положении Вымской земли свидетельствует и тот факт, что именно здесь расположено крупное долговременное древнерусское городище с мощными оборонительными сооружениями (Пожегское), тогда как другие древнерусские поселения являются

кратковременными и использовались как временные городища-убежища в случае опасности (Карыбйив, Новик на Вычегде) или вообще не имеют укреплений (Гуль-Чунь на Сыsole).

Оригинальную точку зрения на формирование вымской культуры высказал член-корреспондент РАН В.В.Седов. В отзыве на докторскую диссертацию автора данной статьи он пишет, что «Становление вымской культуры ... было результатом неоднократного переселения более или менее крупных групп населения из Новгородской земли. В условиях взаимодействия пришлого древнерусского населения с местным и стало возможным создание вымской культуры» [Седов, 1995, с. 6]. Он допускает предположение, что упоминаемая в письменных источниках новгородская волость «Перемь», «Переми», локализуемая А.Н.Насоновым где-то в бассейне Выми и смежных землях бассейна Вычегды, соответствует ареалу вымской культуры [Седов, 1995, с. 7]. И, наконец, еще одна важная цитата из отзыва, заслуживающая внимание будущих исследователей и имеющая прямое отношение к теме данной статьи. В.В.Седов считает, что среди безусловно русских жителей, названных по местам их обитания в «Житии Стефана Пермского» – «двинян», «устюжан», «пинежан», «южан» упомянуты «вычегжане», которые, скорее всего, и были потомками носителей вымской культуры. Финноязычная пермь, согласно «Житию Стефана Пермского», заселяла значительно более обширные пространства, чем ареал вымской культуры» [Седов, 1995, с. 8].

Не соглашаясь в принципе с точкой зрения В.В.Седова на генезис вымской культуры, нельзя не признать исключительно важную роль в ее развитии культурно-экономических связей с Русью, на что неоднократно обращалось внимание многими исследователями, в том числе автором данной статьи [Савельева, 1987, с. 179–180; 1995, с. 45]. В XII–XIII вв. они сыграли важную роль в формировании вымского территориально-племенного объединения древних коми.

Иная картина наблюдается на средней Вычегде. Здесь известно всего шесть небольших по размерам могильников (Шойнаты II и III, Небдинский, Пезмогский, Озельский), на которых вскрыто 67 погребений, святилище Джуджыдъяг, два поселения, одно из них (Новик) – укрепленное [Королев, 1979; Кленов, 1999]. Как отмечает К.С.Королев, открывший средневычегодский район обитания перми вычегодской, бассейн средней Вычегды был одним из периферийных районов обитания древних коми-зырян [Королев, 1994, с. 24]. По мнению Л.Н.Жеребцова, основывающегося на данных письменных источников, значительное увеличение населения в бассейне верхней Вычегды происходит только в XVII в., особенно в его второй половине [Жеребцов, 1977, с. 18].

Большой интерес для определения западных границ обитания древних коми-зырян представляют нижневычегодские памятники. На территории Республики Коми в низовьях Вычегды известно три могильника: Клянмыш-Ласта, Джибъяг и Чежтыгский, которые относятся к вымской культуре перми вычегодской, а также древнерусское Карыбйивское городище. Полностью раскопан только Чежтыгский могильник, насчитывающий 152 погребения, но материалы его пока не введены в научный оборот. Опубликован лишь богатейший комплекс погребения 37, датируемый концом XI–XII в. [Истомина, 1992, с. 127–136].

Не вызывает сомнений факт проживания коми-зырян западнее современных границ их обитания, о чем неоднократно писали исследователи. Одни полагали, что коми селения начинались от Сольвычегодска, другие – от устья р. Вычегда (См.: Савельева, 1971, с. 18; Лашук, 1972, с. 49; Жеребцов, 1982, с. 26–34).

Убедительные свидетельства проживания коми-зырян в восточных районах Архангельской области обнаружены на территории современного Ленского района Архангельской области. На левобережье р. Вычегда, на берегу старичного озера Ярант, обнаружен бор Шойна яг, что в переводе с коми языка означает Могильный бор, ручей, омывающий его – Шойна шор (Могильный ручей). Исследования, проведенные в этом урочище, привели к открытию могильника (Савельева, 1971). По вещевому инвентарю, прежде всего керамике, а также украшениям костюма, он обнаруживает бесспорную близость памятникам вымской культуры перми вычегодской, что позволило отнести его к ее нижневычегодскому варианту. Своеобразие могильника проявляется в погребальной обрядности, отдаленные аналогии которому обнаружены на памятниках прибалтийско-финского населения Северо-Западной Руси [Савельева, 2005, с. 102]. Специфические особенности могильника, вероятно, обусловлены его расположением в контакте с восточными группами прибалтийских финнов (заволочской чюдью) районе, чье влияние и прослеживается в погребальной обрядности.

По левому притоку нижней Вычегды – Яренге также зафиксированы многочисленные коми топонимы, которые указывают на проживание в этом районе древних коми-зырян. Памятники перми вычегодской здесь пока не выявлены, но известно и исследовано Тохтинское поселение VIII в., которое относится к ванвиздинской культуре, сопоставляемой с предками древних коми (Савельева, 1971; 1995; Мурыгин, Савельева, 2005).

Чрезвычайно большой интерес представляют материалы Крыловского поселения, расположенного на правом берегу р. Малая Северная Двина в Великоустюжском районе Вологодской области, исследованного Н.А.Макаровым и Н.Н.Чесноковой. На нем выявлены два средневековых комплекса, один из которых, датируемый XII в., обнаруживает близость, с одной стороны, древностям верхней и средней Сухоны, с другой – вымской культуре перми вычегодской. Н.А.Макаров и Н.Н.Чеснокова высказали предположение, что «верховья Северной Двины в XII в. были своеобразной контактной зоной между славяно-чудским населением Заволочья и пермско-финским населением Вычегодско-Вымского края» [Макаров, Чеснокова, 1992, с. 124].

Проблема локализации заволочской чуди и ее этническая принадлежность относятся к числу слаборазработанных проблем в финно-угроведении, однако большинство исследователей относит ее к прибалтийско-финским племенам, которые жили к западу от древних коми-зырян. В настоящее время исследованы лишь единичные памятники, сопоставляемые с заволочской чудью. Среди них Марьинский могильник на р. Сондуга (приток р. Вага в верхнем течении), датируемый XIII–XIV вв. [Гуслистов Н.В., 1979, с. 66], Корбальский на берегу р. Вага, относящийся к XI–XII вв. [Ovsyannikov O.V. S. 228–236], Усть-Пуйский в среднем течении Ваги, датируемый XII–XIII вв. [Назаренко, 1984, с. 144–147]. Одной из характерных специфических особенностей этих могильников являются погребения в срубах.

На Удоре, Сыsole и в Прилузье культура перми вычегодской пока представлена единичными памятниками. На Удоре частично исследован Вильгортский могильник. В первой публикации его материалов он был датирован XII–XIV вв. и отнесен к позднему этапу культуры перми вычегодской, однако было отмечено его своеобразие, прослеживаемое, прежде всего, в погребальной обрядности (преобладании погребений в срубах), что послужило основанием для выделения удорского варианта вымской культуры, в котором прослеживается прибалтийско-финский компонент [Савельева, 1971, с. 26, 95–96; 1995, с. 96], что подтверждается данными лингвистики и антропологии (Туркин, 1985; Чебоксаров, 1946).

В настоящее время хронологические рамки вскрытых погребений скорректированы и определяются XIII–XIV вв. [Савельева, 1998, с. 123–127]. На современном уровне археологической изученности Европейского Северо-Востока материалы Вильгортского могильника как будто не противоречат предположению Л.Н.Жеребцова о появлении коми-зырян на Вашке в XIII–XIV вв. [Жеребцов, 1982, с. 34]. С другой стороны, Л.Н.Жеребцов к древним коми-зырянам, вслед за автором данной статьи, относил население ванвиздинской культуры [Жеребцов, 1982, с. 22–23], в ареал которой входит и долина р. Вашка (Мурыгин, 2001). Следует отметить, что поздневанвиздинские памятники IX–X вв., открытые на реках Сыsole, Юг, средняя Вычегда, в бассейне р. Мезень пока не известны [Мурыгин, 2001, с. 141] и, соответственно, конец I – начало II тыс. пока не документированы археологическими источниками. Таким образом, вопрос о времени освоения древними коми долины р. Вашка остается открытым.

Еще менее исследованной археологически является долина р. Пинега, которая, согласно данным письменных источников, в эпоху средневековья была заселена древними коми-зырянами. Л.Н.Жеребцов предполагал, что в XIII–XIV вв. коми на Пинегу пришли с Яренги. Памятники перми вычегодской на Пинеге пока не обнаружены. По письменным источникам известно, что по притоку р. Пинега Сура, обитала «сура поганая», которая, по мнению Л.Н.Жеребцова, как и «тоймичи поганые», относилась к западнофинским народам [Жеребцов, 1982, с. 35]. Наиболее вероятно, что это была заволочская чудь. К чуди заволочской относил пинежан и Л.П.Лашук [Лашук, 1972, с. 59].

Это предположение подтверждается материалами могильника Веркола X–XI вв. на Пинеге [Kolpakov, Rybtseva, 1994], который существенно отличается от памятников перми вычегодской и, наиболее вероятно, оставлен какой-то прибалтийско-финской группой населения [Савельева, 2005, с. 102]. Однако сам факт проживания коми-зырян на Пинеге не вызывает сомнений, так как имеются прямые свидетельства в письменных источниках, согласно которым в восточных районах Вологодской и Архангельской областей небольшие группы коми-зырян сохранялись вплоть до XX в. [См.: Жеребцов, 1982, с. 31]. Об этом свидетельствуют и данные топонимики. А.К.Матвеев отмечает, что «пермяне в период русской колонизации жили в восточном Заволочье и, прежде всего, в бассейне Пинеги, но, очевидно, не сплошной массой, а отдельными поселениями (волостями) [Матвеев, 1968, с. 30]. Однако, не отрицая существование пермских элементов в субстратной топонимике Заволочья, прежде всего в бассейне Пинеги, правобережье низовьев Северной Двины, А.К.Матвеев не исключает, что они разновременны и восходят к различным вымершим диалектам и языкам. Названия на -важ, -юг он относит к прибалтийско-волжско-пермским элементам, на -вожа, -виска, частично -курья – к поздним коми-зырянским [Матвеев, 1968, с. 36–37]. А.К.Матвеев считает, что «если пермская топонимика была в Заволочье, то она в большинстве случаев должна была быть субсубстратной или же обладать некоторыми специфическими особенностями пермских географических названий» [Матвеев, 1968, с. 29]. Исследователь полагает, что на территории

Заволочья могли существовать различные ныне вымершие пермские или близкие к ним этнические элементы – и коми-зыряне, и неизвестные нам пермские племена, и финно-угры, говорившие на особых прибалтийско-волжско-пермских языках [Матвеев, 1968, с. 29]. К сожалению, слабая археологическая изученность Заволочья не позволяет сопоставить эти данные с конкретными археологическими культурами.

Предположение Л.Н.Жеребцова о западных границах расселения предков коми в бассейнах рек Юг, Сухона, Устье и верхнего течения Северной Двины пока не подтверждается археологическими источниками. По имеющимся материалам, в этих районах до русской колонизации жили «чудские» племена, относящиеся, скорее всего, к чуди заволочской. Однако не исключено, что в этих районах проживали чересполосно как древние коми (зыряне?), так и другие «чудские» группы населения, как и предполагает А.К.Матвеев. Кроме того, как показывают новейшие археологические исследования, в контактных регионах встречаются памятники, оставленные смешанными группами населения, этническая идентификация которых в связи с этим представляет определенные сложности.

В настоящее время остаются неизвестными памятники еще одного территориально-племенного объединения, известного по письменным источникам – вилегодской пермцы. Л.П.Лашук относит ее формирование к периоду русской колонизации нижней Вычегды, или путем переселения в верховья р. Виледь коми населения с р. Луза или Сысола [Лашук, 1972, с. 50]. По мнению Л.Н.Жеребцова, заселение долины р. Виледь произошло значительно раньше, в процессе расселения предков коми-зырян (ванвиздинцев, а затем вычегодских пермян) [Жеребцов, 1982, с. 37]. К сожалению, долина р. Виледь остается одним из очень слабо изученных археологически районов Европейского Северо-Востока. Исследованные по р. Виледь городища – Чабровское [Савельева, 1977, с. 68–80], Маковка [Савельева, Игушев, 1999, с. 15–123] относятся к XVI–XVII вв. и документируют период русской колонизации региона, что подтверждает предположение Л.Н.Жеребцова о том, что в XVI–XVII вв. «коми (пермское) население рек Пинеги, а также нижней Вычегды, нижней Виледи и нижней Лузы исчезает как этническая группа» [Жеребцов, 1977, с. 16]. Сохранились лишь небольшие группы коми в верховьях Виледи и Пинеги, которые постепенно растворились среди пришлого русского населения. Однако время появления коми на Виледи пока не может быть определено.

К археологически слабо изученным районам относится и Прилузье. Здесь исследовано только три памятника эпохи средневековья: Лоемский и Векшорский могильники и Лоемское поселение. Они относятся к различным культурам. Векшорский могильник близок памятникам перми вычегодской и, возможно, оставлен лузской пермцей [Савельева, Игушев, 1998, с. 146–159]. Лоемский могильник и, вероятно, поселение принадлежат прибалтийско-финской (финской) группе населения, в культуре которого прослеживается древнерусский компонент [Савельева, 1995б, с. 92–138]. Возможно, уже в это время на р. Луза устанавливается этническая коми-русская граница, которая позднее фиксируется в районе с. Спаспору́б. По нижней Лузе памятники перми не известны. Остается неисследованным и Верхолузье, где, судя по письменным источникам, в XVII в. находилась «Лузская пермца местечко бедное самое худое, а людишки зыряне безответные» [См.: Лашук, 1972, с. 51]. Л.П.Лашук не исключает, что географически лузские пермяне могли входить в состав «южан», упомянутых в «Житии Стефана Пермского» среди «иноязычников», располагавшихся около (вокруг) перми [Лашук, 1972, с. 51]. Основываясь на данных языкознания и антропологии, исследователь высказал предположение, что коми пришли в верховья Лузы со средней Сысолы до XI–XII вв. [Лашук, 1972, с. 51]. Однако подтверждающие это предположение археологические свидетельства пока отсутствуют.

На Сыsole в настоящее время известно четыре могильника (Усть-Сысольский, Вотчинский, Ужгинский I и II), а также поселение Гуль-Чунь. Ужгинский I и II могильники расположены на верхней Сыsole и близки памятникам перми вычегодской и не без оснований сопоставляются с предками ужговских сырьян [Чеснокова, 1994].

Вотчинский могильник на средней Сыsole, датируемый X–XI вв., отличается большим своеобразием, проявляющимся как в погребальной обрядности, так и сопровождающем инвентаре [Истомина, 1999]. Хронологически он близок памятникам средневычегодского варианта культуры перми вычегодской, по погребальному обряду и вещевому инвентарю – камско-вятским памятникам. По мнению Т.В.Истоминой, на рубеже I–II тыс. н.э. на юге современной Республики Коми существовала территориальная группа населения, оставившая памятники, близкие родановским, чепецким и древнемарийским [Истомина, 1999, с. 99].

По данным письменных источников, на Сыsole фиксируются два территориально-племенных объединения, известные под именем зыряне (сырьяне, сиряне). Л.Н.Жеребцов предполагал, что одно из них располагалось в среднем течении Сысолы с центром в Вотче, другое – в верховьях р. Сысола и Кама (Ужгинская волость в документах XV–XVI вв.). Археологические исследования подтверждают это

предположение. Материалы Вотчинского и, возможно, Усть-Сысольского могильников свидетельствуют о существовании своеобразного территориально-племенного объединения, занимавшего, возможно, промежуточное положение между вымско-вычегодскими и прикамскими коми, о чем писал Н.Н.Чебоксаров, который рассматривал сысольско-прилузских коми в качестве связующего звена между северными и южными (верхнекамскими) коми [Чебоксаров, 1946, с. 67]. Верхнесысольские памятники (Ужгинский I и II могильники), вероятно, оставлены ужговскими сырьями, однако для объединения их с верхнекамскими памятниками родановской культуры пока нет достаточных оснований.

Памятники родановской культуры (рис.1), которые сопоставляются большинством исследователей с коми-пермяками, локализуются в верховьях Камы [Оборин, 1970, с. 3–29; 1991, с.124–139]. Северная граница родановских памятников проходила по р. Березовка, впадающей в Чусовское озеро, и р. Лопья, притоку Южной Кельтмы; восточная – по р. Койва, притоку р. Чусовая и среднему течению Сылвы; южная – по притоку Обвы, Сиве; западная – по верхнему течению Камы, в том числе и ее левым притокам. На позднем этапе родановской культуры (в XIII в.) памятники по Чусовой, Сылве, Косье, Яйве прекращают свое существование, и районы, занятые ими, пустеют. Восточная граница в основном стала проходить по Каме. Из перенаселенных районов междуречья Камы и Вишеры идет переселение на Язвву [Оборин, 1991, с.130].

Археологические памятники эпохи средневековья по р. Чепец с ее притоками относятся к чепецкой (поломско-чепецкой) культуре (рис.1), которая большинством исследователей сопоставляется с северными удмуртами [Смирнов, 1952, с. 231–249; Генинг, 1958, с.157–219, 1967, с. 274; Иванова, 1987, с. 59–79; Иванов, 1991, с. 84]. По мнению М.Г.Ивановой, территория распространения памятников чепецкой культуры IX–XV вв. и расселения северных удмуртов с XVII в. по настоящее время совпадают [Иванова, 1987, с. 62]. Р.Д.Голдина не исключает, что в составе чепецкого населения были и коми-пермяки [Голдина, 1999, с. 296, рис. 146].

Средневековые памятники по средней Вятке с ее притоками, в Вятско-Ветлужском междуречье объединены в кочергинскую культуру, которую Г.А.Архипов связывал с древними марийцами [Архипов, 1973]. В настоящее время Р.Д.Голдина сопоставляет ее с древними удмуртами [Голдина, 1999, с. 296, рис. 146]. В ареал кочергинской культуры входят и низовья р. Молома. В низовьях Вятки и среднем течении правобережья Камы выделена чумойтлинская культура, которая, по мнению Р.Д.Голдиной, оставлена предками южных удмуртов [Голдина, 1999, с. 296, рис. 146].

Верховья Вятки, верхнее и среднее течение р. Юг, среднее и верхнее течение р. Молома, долины рек Летка и Кобра остаются в числе археологически слабо изученных территорий. На р. Юг Л.Д. Макаровым исследовано Позднегорбуновское городище, ранний слой которого отнесен к позднему этапу ванвиздинской культуры [Макаров, 1979, с. 63], однако памятники перми вычегодской там пока не известны.

Таким образом, этническая территория древних коми-зырян в XI–XIV вв., на основе имеющихся археологических источников, включала долины рек Сысола, Вашка, Вымь, а также Вычегды, от истоков, возможно, до устья, и среднее Прилузье. Время освоения древними коми верховьев Лузы, бассейнов Пинеги и Виледи пока не может быть установлено в связи со слабой археологической изученностью этих районов, также как и верховьев р. Вятка с притоками Молома, Летка, Кобра, р. Юг.

Литература и источники

- Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. – Йошкар-Ола, 1973.
Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. – Петрозаводск, 1947.
Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск, 1958.
Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1967. – Вып. IV.
Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999.
Гуслисов Н.В. Марьинский могильник // Вопросы финно-угроведения. – Сыктывкар, 1979. – Ч. II. – С. 66.
Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4.
Житие Святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. – СПб., 1897.
Жеребцов Л.Н. Формирование этнической территории коми (зырян). – Сыктывкар. 28 с. (Науч. докл. / Коми фил. АН СССР; Вып. 31).
Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М.: Наука, 1982.
Иванов А.Г. Проблемы изучения этнокультурных связей северных удмуртов в эпоху средневековья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск, 1991.
Иванова М.Г. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. – Устинов, 1987.
Истомина Т.В. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). – Сыктывкар, 1999. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 16).

- Королев К.С. Долина средней Вычегды в эпоху раннего железа и средневековья: Автореф. дис... к.и.н. – Ижевск, 1994.
- Королев К.С., Савельева Э.А. Генезис средневековых культур бассейна Вычегды (II пол. I тыс. н.э. – начало II тыс. н.э.). – Сыктывкар, 1988. – 28 с. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН СССР; Вып. 192).
- Лашук Л.П. Формирование народности коми. – М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Макаров Н.А., Чеснокова Н.Н. Средневековое поселение в Устюжском крае // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1992. – С. 121–127.
- Макаров Л.Д. Подгорбуновское городище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века в Камско-Вятском междуречье. – Ижевск, 1984. – С. 66–88.
- Матвеев А.К. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // Советское финно-угроведение. – 1968. – Т. IV. – С. 27–37.
- Матвеев А.К. Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. – Свердловск, 1984.
- Морозов В.М., Пархимович С.Г. Городище Перегребное I // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень, 1985. – С. 91–95.
- Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры на Мезени. – Екатеринбург, 2001.
- Мурыгин А.М., Савельева Э.А. Поселение Тохта эпохи раннего средневековья в бассейне нижней Вычегды. – Сыктывкар. 55 с. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 476).
- Назаренко В.А. Новый памятник заволочской чуди // Новое в археологии СССР и Финляндии. – Л.: Наука, 1984. – С. 144–146.
- Низов В.В. Епифаний Премудрый о Пермской земле // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. – Сыктывкар, 1996.
- Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1970. – Вып. 9. – С. 3–29.
- Оборин В.А. Формирование этнической территории древних коми-пермяков // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск, 1991. – С. 124–139.
- Повесть временных лет. – СПб., 1910. – Т. I.
- Савельева Э.А. Пермь вычегдская. – М.: Наука, 1971.
- Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
- Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья: Науч. докл. на соиск. уч. степ. д. и. н. – М., 1995 а.
- Савельева Э.А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. – Сыктывкар, 1995 б. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 13).
- Савельева Э.А. Удорские памятники эпохи средневековья // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. – Сыктывкар, 1998 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 15).
- Савельева Э.А. Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 2005а. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 17).
- Савельева Э.А. Основные итоги изучения эпохи средневековья на Европейском Северо-Востоке // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов (Материалы III Всероссийской конференции финно-угроведов, 1-4 июля 2004 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2005б.
- Савельева Э.А. Истоки народа коми // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.; Сыктывкар, 2005в. – С. 3–22.
- Савельева Э.А., Малышев Н.П. Чабровское городище // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. – Сыктывкар, 1977. – С. 68–80. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 6).
- Савельева Э.А., Игушев А.Р. Векшорский могильник // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. – С. 146–159. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 15).
- Савельева Э.А., Игушев А.Р. Городище Маковка // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар, 1999. – С. 115–123. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 16).
- Седов В.В. Отзыв о диссертационном исследовании Э.А.Савельевой «Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья». – 8 с. (Рукопись).
- Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. – 1946. – № 2.
- Чеснокова Н.Н. Ванвиздинская археологическая культура: Автореф. дис...к.и.н. – Л., 1983. – 16 с.
- Татищев В.Н. История Российская. – М.; Л., 1962. – Т. 1. – С. 427.
- Kolpakov E.M., Ryabtseva E.N. A new of tsud burial construction // Fennoscandia archeologica XI. – Helsinki, 1980.
- O.V.Ovsyannikov. First-discovered burialeld of «zavoloche tshud» // Fenno-ugri et slavi 1978. – Helsinki, 1980. – S. 228–236.

Европейский Северо-Восток в XI–XIV веках (к вопросу о системе расселения)

Проблема истории формирования и развития современных финно-угорских народов, в том числе и народа коми, относится к числу сложных исторических проблем, предполагающих необходимость комплексного подхода к ее решению.

Изучение процессов формирования народонаселения играет важную роль в исследовании многих аспектов истории народов и регионов Европейского Северо-Востока (далее ЕСВ). Необходимо подчеркнуть, что исследования в данной области актуальны не только при изучении различных аспектов древней и средневековой истории отдельно взятого региона. Актуальность проблематики гораздо глубже, что неоднократно отмечалось в работах российских исследователей. Известный специалист в области историко-демографических исследований Европейского Севера д.и.н. И.Л.Жеребцов отмечает, что исследование населения Европейского Севера и территории Коми края как его составной части, являющегося районом совместного проживания различных народов, зоной интенсивных межэтнических контактов, позволяет дополнить картину формирования многонационального Российского государства, лучше понять корни межнациональных отношений, которые, в настоящее время, служат объектом пристального внимания [Жеребцов, 1996].

Работы историко-демографической направленности, посвященные ранним этапам истории ЕСВ, практически отсутствуют, что объясняется недостатками источниковедческой базы имеющейся в распоряжении исследователей. Отсутствие письменных документов, содержащих какую-либо информацию о численности населения ЕСВ за период до конца XV в., позволяло историкам лишь вскользь коснуться данной проблематики [Жеребцов, 1996. С. 52]. В сложившейся ситуации решающую роль, очевидно, следует отводить источниковедческой базе, предоставляемой археологией. Первые попытки совместных работ в русле историко-демографической направленности были предприняты в последние годы [Жеребцов, Королев, 2000; Жеребцов, Кленов, 2002].

Необходимость таких исследований связана также с активно проводящимися на территории Русского Севера, в Поволжье и Приуралье работами подобной направленности, давшими интереснейший материал по истории населения XI–XIII вв. [Макаров 1990, 1997; Иванова 1992, 1998, 1999]. Таким образом, в настоящий момент возникла необходимость получить новые данные, дополняющие характеристику демографических процессов, протекавших на севере Восточной Европы в эпоху средневековья.

В настоящей работе рассматривается период XI–XIV вв. Выбор хронологических рамок исследования объясняется следующей причиной: период начала – середины II тыс. является одним из важнейших для истории народов ЕСВ. В это время закладываются основы для формирования народности коми-зырян (в археологической литературе соотносится с культурой Перми вычегодской), происходит включение территории их обитания в состав Русского государства.

Автор не ставит перед собой задачи историко-демографического или палеодемографического анализа в их традиционном понимании процесса формирования населения на территории ЕСВ в период XI–XIV вв. Для подобной работы в настоящее время исследователи не располагают источниками достаточного объема и качества. Не является она традиционным археологическим исследованием, так как не содержит детального анализа археологических материалов (однако это не означает, что подобная работа не проводилась). Предлагается, скорее, историко-демографическая *оценка* ситуации на основе имеющегося комплекса источников и построение *вероятной модели* системы расселения. Подобные процедуры широко используются в демографических исследованиях и связываются с понятиями «условное», «модельное или гипотетическое» население.

В работе используется комплекс источников (письменных и археологических), доступный в настоящее время. Все данные содержатся в публикациях или были получены автором в ходе проведения самостоятельных экспедиционных исследований. Случайные находки, отдельные погребения и неподтвержденные данные о существовании памятников в работе не учитываются.

Состояние базы источников (письменных и археологических)

В региональной историографии в течение ее длительного развития сформировался определенный, устоявшийся стереотип решения проблемы формирования общности финно-угорского населения на территории ЕСВ в эпоху средневековья. Один историографический обзор данной темы может составить

*Кленов Михаил Викторович (Сыктывкар) – научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

самостоятельное исследование. В силу данного обстоятельства автор использует, в основном, опубликованные в последние годы обобщающие работы, посвященные древней и средневековой истории финно-угорского населения ЕСВ [Археология Республики Коми; Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века].

Письменные источники. Составляют небольшой, но наиболее противоречивый блок и включают, в основном, небольшую группу древнерусских и русских известий датируемых X–XIV вв. Ранние источники (X – первой половины XIV в.) демографических сведений не содержат, лишь упоминают некую «пермь» (без ее четкой локализации). В настоящее время исследователями, как правило, признается вывод, что происхождение названия «пермь» связано с древнескандинавским **berm-*, **barm-* (**Begeta*, **Berm.a*) – «край», «борт», «береговая полоса» и прибалтийско-финским *rega-maa* («задняя земля; земля за рубежами»). Таким образом, под названием «пермь» понимается географический термин прибалтийско-финского происхождения, обозначающий «край земли» – территорию от Кольского полуострова до Приуралья, который в процессе продвижения русских колонистов на ЕСВ, был перенесен на соседние с прибалтийскими финнами народы и стал этнонимом для предков коми [Савельева, 1999. С. 303]. Однако весь спектр приводимых в работах аргументов ведет к перемещению акцента рассуждений из плоскости географической в этническую, представлению о «перми» как термине, основным содержанием которого является какое-то население, народ, а не территории. Представляется, что более правы те исследователи, которые считают, что твердо связывать Пермь из ПВЛ с народом и территориями Пермского и даже Северного Предуралья нельзя. Подобная точка зрения в последнее время наиболее детально и логично была изложена в работах ряда российских исследователей [Белавин, 2000; Головнев, 2002]. Таким образом, в настоящей работе, термин «пермь» используется лишь в качестве сокращенного названия археологической культуры Пермь вычегодская.

Археологические источники. Ввиду недостаточной информативности письменных источников ведущее место отводится блоку данных, полученных в ходе археологических исследований. Начало планомерного изучения памятников эпохи средневековья на территории ЕСВ относится к 60-м гг. XX в. и связывается с работами Э.А.Савельевой в бассейнах Вычегды и Мезени. Первые итоги исследований были подведены ею в обобщающей монографии, где была выделена вымская культура перми вычегодской, разработана ее хронология и периодизация, выявлены особенности культуры, намечены локальные варианты [Савельева, 1971].

В 70-е гг. XX в. начинается углубленное изучение памятников эпохи средневековья на территории ЕСВ. Э.А.Савельевой были проведены исчерпывающие раскопки ряда вымских могильников, вскрыто более 1000 погребальных комплексов [Савельева, 1987], К.С.Королевым, на основе изучения средне-вычегодских памятников, был выделен новый локальный вариант вычегодских пермян [Королев, 1979], Т.В.Истоминой, Н.Н.Чесноковой, Л.Л. Косинской и М.В. Кленовым открыты и исследованы могильники на Вычегде, Выми и Сыsole.

В результате многолетних работ были выделены характерные особенности культуры Перми вычегодской, разработана ее хронология, большое внимание уделено рассмотрению слабо исследованных и дискуссионных проблем этногенеза народа коми, генезиса его культуры, определению основных компонентов, реконструкции социально-экономической структуры общества древних обитателей ЕСВ. В обобщающих работах нашли дальнейшее развитие идеи, сформулированные Э.А. Савельевой в предшествующие годы [Савельева, 1987; Савельева и др., 1997].

В результате активной публикации материалов археологических исследований на территории ЕСВ к концу 90-х гг. XX в. в литературе сложилось представление о «консолидированном» массиве финно-угорского населения, занимающего обширную территорию ЕСВ. Однако вопросы историко-демографической или палеодемографической направленности при изучении процесса формирования населения на территории ЕСВ, как правило, никем не затрагивались.

Пермь вычегодская. Согласно существующей концепции, по археологическим источникам, Пермь вычегодская занимала обширную территорию, включающую бассейн нижней и средней Вычегды с притоками Вымь, Яренга, Сыsole, а также Прилузье и бассейн р. Вашка. На очерченной территории к данной археологической культуре относятся 36 памятников. Все памятники подразделяются на шесть локальных вариантов культуры, соответствующих территориально-племенным объединениям коми-зырян: вымский (15 могильников и одно поселение), нижневычегодский (шесть могильников), средне-вычегодский (четыре могильника, одно святилище), сыsoleский (четыре могильника), прилузский (один могильник) и удорский (два могильника) [Савельева и др. 1999. С. 309].

В этот перечень не вошли: могильник и комплекс поселенческих памятников на Выми (три городища и поселение), поселение на Сыsole (городище Гуль-Чунь), комплекс памятников на р. Луза (Лоемский могильник, поселение и местонахождение), а также ряд других памятников (городище Новик, средне-

вековые комплексы на памятниках средней и верхней Вычегды). Очевидно, основной причиной могла являться связь данных памятников с процессом древнерусской колонизации Европейского Севера. Однако древнерусские материалы, как отмечают сами исследователи, характерны для всех памятников рассматриваемого периода, что приводит нас к полному непониманию причин подобной выборки. В то же время в перечень включены небольшие по размерам Усть-Сысольский и Вотчинский могильники, датируемые XI в. Указанные могильники располагаются в долине р. Сысола и ее устьевой части, близки по комплексам вещевого инвентаря и, вероятно, могут «документировать существование территориальной группы населения, оставившей памятники, близкие синхронным памятникам Прикамья – родановским, чепецким, а также древнемарийским» [Истомина, 1999. С. 99].

Всего, по имеющимся данным на территории ЕСВ известно не менее 35 могильников и восьми поселенческих памятников, относящихся к рассматриваемому периоду. Наиболее представительную (и изученную) группу составляют погребальные памятники. Общее количество погребений составляет около 2450, из них раскопано около 1560 (опубликовано не более половины исследованных погребальных комплексов), антропологические определения отсутствуют. Хорошо известно, что при проведении оценки демографической ситуации региона, для периода, источниковедческая база которого базируется на археологических данных, наиболее целесообразным является использование информации получаемой при исследовании именно погребальных памятников, предоставляющих исследователям возможность получения максимального объема данных по проблематике (от определения времени и места обитания, до антропологических характеристик) [Алексеев, 1989; Долуханов, 1978; Черносвитов, 1989]. При этом необходимо отметить, что для проведения демографических подсчетов наиболее перспективными являются памятники, отвечающие нескольким требованиям состояния их информативной базы. Во-первых – имеющие максимально точно определенные хронологические рамки функционирования. Во-вторых – исследованные полностью и, желательно, широкими площадями (для получения максимально полной информационной базы). К сожалению, до сих пор отсутствуют полные публикации материалов нескольких наиболее значимых погребальных памятников (Жигановского, Кокпомьягского, Чежтыгского и, частично, Кичилькосьского I могильников).

Наибольший интерес для данной работы представляют крайние точки существования рассматриваемого явления. Как указывалось выше, разработка проблемы хронологии и периодизации перми была завершена к концу 80-х гг. XX в. В работах Э.А.Савельевой было выявлено шесть хронологических групп погребальных памятников Перми вычегдской [Савельева, 1987. С. 151-164; Савельева и др., 1997. С. 605-608].

В обобщенном виде на основании опубликованных материалов можно рассматривать следующую картину функционирования погребальных памятников XI–XIV вв. на территории ЕСВ: XI – функционируют, в основном, небольшие средневычегдские могильники и Кичилькосьский I. В первой половине – середине XII вв. средневычегдские могильники прекращают функционировать, начинает функционировать Чежтыгский (Н.Вычегда), Ыджыдзельский, Жигановский, Кокпомьягский, Ветьюсский, Вадыгский, Петкойский, Кедвавомский могильники (р. Вымь). В течение XII в. прекращается деятельность Петкойского и Кедвавомского могильников, но начинается на Веслянском II, Ленском (Н. Вычегда), продолжают существовать остальные крупные вымские могильники. В XIII в. исчезают Кичилькосьский I, Веслянский II, появляется и исчезает Кичилькосьский II. В XIV в. прекращают функционировать Ыджыдзельский, Жигановский, Кокпомьягский, Вадыгский могильники, появляются Векшорский (Луза), Чернутаевский и Вильгортский могильники (Мезень).

Одним из наиболее важных и довольно спорных моментов является определение начального периода существования Перми вычегдской. Особенно актуален этот вопрос стал в последние годы, когда в работах российских археологов все чаще стали приводятся факты более длительного существования многих типов вещей, являвшихся прежде надежными хронологическими маркерами.

К наиболее ранней хронологической группе, датируемой XI в. отнесены Усть-Сысольский, ранние комплексы Кичилькосьского I и большая часть могильника Шойнаты II [Савельева, 1999. С. 339]. Проведенный автором анализ опубликованных материалов позволил высказать предположение об отсутствии на памятниках (исключая Усть-Сысольский и Вотчинский могильники) погребений, датируемых первой половиной XI в. (полностью отсутствуют наборы предметов, характерных для данного периода). Датировка комплексов по **отдельным** предметам, время бытования которых, в основном, заканчивается в данный период, не может являться надежной. Примером может являться использование в качестве «хронологических маркеров» XI в. таких изделий: крестопрорезные бубенчики (бытуют до 1134 г. и позднее), калачевидные кресала различных типов (до 1177 г. и позднее), битрапецеидные бусы разных типов (до 1134 г. и позднее), широкосрединные «усатые» перстни (X – начало XIII в.), бронзовые флаконовидные бусы, монетные находки (встречаются в погребениях второй половины XII в., иногда

XIII в.) [Потин, 1982; Седова, 1981; Лесман, 1988; Рябинин, 2001 и др.]. Таким образом, наличие в погребальных комплексах единичных «ранних» предметов совсем не гарантирует «раннюю» дату погребения и, следовательно, можно говорить лишь о возможности существования отдельных комплексов конца XI в. на могильниках Кичилькосьском I, Жигановском и Шойнаты II. Это предположение не противоречит общей датировке могильника Шойнаты II – XI–XII вв. [Королев, 1979].

Рассматривая общую картину распределения погребальных памятников, на основании данных, приведенных в работах Э.А.Савельевой, и предполагая, что фиксируемые в ней изменения соответствуют изменениям в системе расселения, можно говорить о трех основных этапах изменений в формировании системы расселения на основной территории Перми вычегодской: 1. Середина XII в. характеризуется прекращением функционирования средневычегодской группы памятников, появлением и распространением небольших (до 40 погребений) могильников в долине Выми. 2. Рубеж XII–XIII вв. – время концентрации и укрупнения памятников, в основном, в среднем течении Выми. 3. XIV в. – период прекращения функционирования вымской группы памятников, появления могильников на Лузе и Мезени.

Проведенный анализ данных по погребальным памятникам рассматриваемого периода показывает, что их основная концентрация наблюдается в долине р. Вымь, что позволяет рассматривать данный регион в качестве основного места расселения перми*.

На данной территории известен 21 памятник, из них 16 могильников (50% от общего количества). На могильниках насчитывается около 1820 погребений (74,5% от общего количества), из них раскопано 1167 (74,7% от общего количества и 64% от количества погребений в долине Выми). Девять могильников имеют незначительные размеры и насчитывают от 7 до 42 погребений (всего 223 погребения), семь могильников насчитывают от 105 до 400 погребений (1597 погребений). Восемь могильников исследованы полностью. Общая протяженность зоны распространения памятников составляет около 220 км, район наибольшей концентрации – около 135 км. Максимальная зона распространения малых могильников составляет около 220 км, крупные могильники концентрируются на участке протяженностью около 90 км.

Согласно опубликованным данным, семь малых могильников датируются временем до XIII в, два – рубежом XII–XIII – XIII вв. (Кичилькосьский II и Веслянский II). Верхняя дата функционирования семи крупных могильников – XIII–XIV вв.

Наиболее ранние комплексы, как указывалось выше, могут предположительно датироваться временем не ранее конца XI в. Расстояние между Кичилькосьским I и Жигановским могильниками, где встречены данные погребальные комплексы, составляет около 43 км. Предположение об отсутствии комплексов данного времени на других вымских могильниках высказывалось ранее [Жеребцов, Кленов, 2002]. Комплексы XII в. присутствуют практически на всех вымских могильниках (исключение составляют Кичилькосьский II и Веслянский II). Картографирование памятников и определение расстояния между ними показывают, что среднее расстояние между могильниками, содержащими комплексы XII в., на участке д. Весляна – д. Петкой составляет восемь – десять километров. Наиболее удаленным от основной группы памятников этого времени являются Кедвавомский (свыше 100 км.), Гидсайгский (около 20 км), Часадорский (около 55 км), Лялинский (около 70 км) могильники. Погребальные памятники, содержащие комплексы XIII в., концентрируются, в основном, на участке д. Весляна – с. Шошка (расстояние около 60 км). Наиболее удаленными точками являются Кичилькосьский I (18–20 км) и Гидсайгский (27–28 км) могильники. Комплексы, датируемые XIV в., встречаются, в основном, на могильниках, расположенных на участке с. Кони – с. Шошка (около 42 км). Наиболее удаленным памятником является Гидсайгский могильник (27–28 км). Однако в силу его недостаточной изученности рассматриваться в группе памятников XIV в. он не будет.

Таким образом, представленная картина размещения погребальных памятников первой половины II тыс. н.э. в долине Выми позволяет предложить следующую модель возможного существования системы расселения в данном районе. Исходя из положения, что Пермь вычегодская формировалась на основе ванвиздинской культуры, следует отметить факт отсутствия на участке основной концентрации вымских могильников ванвиздинских памятников. Основной массив памятников ванвиздинской культуры расположен на средней Вычегде и в долине Мезени. Датируются они, в основном, временем не позднее VIII в. н.э. (к более позднему времени исследователи относят материалы Лозымского поселения и некоторые типы керамики с вычегодских памятников). В среднем течении Выми к ванвиздинской культуре относятся комплекс памятников в районе д. Весляна и Евдино, датируемый временем не позднее VIII в., и небольшой металлообрабатывающий комплекс на Жигановском поселении. Наиболее близкими

*Расчет численности населения по погребальным памятникам в других районах ЕСВ дает настолько незначительные результаты, что в данной работе не используется. Максимальное количество населения было рассчитано для могильников нижней Вычегды – 71–84 чел.).

территориально памятниками рубежа I–II тыс.н.э. являются поселения Ошчой I и Чернутаевское на Мезени, отражающие процесс взаимодействия прибалтийско-финских, возможно, древневепских и восточно-финских групп населения в ходе освоения бассейна Мезени в X–XI вв. [Мурыгин, 1998. С. 106–107]. Следовательно, говорить о возможности обитания стабильного населения в среднем течении Выми до момента ранее конца XI в. в настоящее время не представляется возможным. Изложенные выше даже в самом общем виде данные позволяют предполагать, что в конце XI в. или на рубеже XI–XII вв. в долине Выми появляется небольшая группа населения, осевшая в районе порогов Кичилькось и д. Жигановка. На протяжении XII в. в силу естественного прироста или миграций численность населения увеличивается, растет зона освоенной территории, увеличивается количество могильников. Согласно приведенным выше данным, зона распространения погребальных комплексов XII в. охватывает территорию протяженностью свыше 200 км (не менее 13 могильников). Для данного периода можно произвести приблизительный оценочный расчет возможного количества населения. Исходными положениями для расчетов будут являться данные, полученные в ходе работ Н.А.Макарова на ряде памятников Вологодского и Кенского регионов [Макаров, 1990. С. 96; 1997. С. 131–132], а также результаты работ автора, опубликованные ранее [Жеребцов, Кленов, 2002. С. 261–263]. При расчете по уровню смертности (за основу принимается уровень 3% в год) результат – 133 чел., при расчете по формуле Г.Ачади и И.Немешкери – 150 чел. Полученные результаты (133–150 чел.) следует воспринимать не в качестве точного количества населения, а как *возможный средний уровень населения с минимальным положительным коэффициентом прироста*.

Рубеж XII–XIII вв. характеризуется новыми изменениями в системе расселения обитателей долины Выми. Прекращают функционировать семь малых (до 40 погр.) могильников, начинает функционировать небольшой Веслянский II могильник, наблюдается укрупнение семи могильников сосредоточенных, в основном, на участке Кичилькось – Шошка. В течение первой половины XIII в. на данном участке формируется устойчивая группа памятников, включающая до восьми могильников и не менее четырех поселений (городища Пожеское и Поп-кар, Ыджыдьельское и Жигановское поселения). На основании опубликованных материалов представляется крайне затруднительным определить количество комплексов XIII и XIV вв. Однако, учитывая факт выделения исследователями незначительного количества погребальных комплексов, содержащих типы изделий, появляющиеся в XIV в., можно предположить, что число погребений, относящихся к данной хронологической группе, не превышает число погребений XII в. Таким образом, на период XIII в. остается примерно 990 погребений.

При расчете возможного среднего количества населения, за период XIII–XIV вв. по уровню смертности 3% в год результат – 232 чел., при расчете по формуле Г.Ачади и И.Немешкери – 263 чел. При аналогичных расчетах за период XIII в. результат – 330 и 356 чел. Таким образом, можно предположить, что период начала – середины XIII в. характеризуется максимальным количеством населения, сконцентрированным на небольшой территории, центром которой является комплекс поселений. Данный факт тесно связан с одним из важнейших исторических процессов, сыгравшим огромную роль в формировании и развитии средневекового населения всей лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири. В исторической литературе этот процесс известен под названием «древнерусская колонизация» и его изучению посвящено большое количество работ. Рассмотрение данной проблематики, даже на региональном уровне, заслуживает специального исследования, что невозможно в рамках данной работы. Общая оценка роли древнерусской колонизации содержится в обобщающих работах по археологии Республики Коми, где отмечается, что «наиболее значимым по своим экономическим и политическим последствиям в истории народа коми было древнерусское культурное воздействие. Древнерусская колонизация привела к кардинальным изменениям во всех сферах жизнедеятельности местного населения» [Савельева и др., 1999. С. 315].

Рост численности населения и его концентрация совпадает с основанием и расцветом Пожеского городища (памятника имевшего несомненное древнерусское происхождение). Таким образом, можно предположить, что формирование и рост группировки средневекового населения в долине Выми, прежде всего в ее среднем течении, неразрывно связаны с прохождением по данной территории одного из основных для XII–XIII вв. водноволокных путей проникновения русских в Зауралье [Савельева, Кленов, 1997. С. 671]. Возможно, что одной из причин увеличения численности вымского населения в данный период могла являться его подпитка за счет мигрантов привлеченных в новый регион торгово-промышленной активности. При этом, однако, не следует забывать, что миграционные процессы в ходе колонизации не носили массового характера, а осуществлялись небольшими группами населения.

Вероятно, сходными причинами могут объясняться изменения, фиксируемые на карте археологических памятников данного времени в других регионах ЕСВ. В долине Сысолы, на рубеже XII–XIII вв. возникает небольшое поселение (городище Гуль-Чунь), основная часть материалов которого имеет

выраженный древнерусский облик. На средней и верхней Вычегде этим временем датируются находки древнерусской керамики с поселения Угдым II и городище Новик. К XIII в. в долине Лузы относится возникновение Лоемского комплекса, связываемого с группой пришлого смешанного финно-славянского населения.

Следующий период (вторая половина XIII в.) характеризуется прекращением функционирования Кичилькосьского I могильника, постепенным угасанием комплекса поселений. Можно предположить, что до рассматриваемого времени в регионе господствовало комплексное хозяйство, товарность которого обеспечивалась в первую очередь разнообразными промыслами, прежде всего, добычей пушнины и, не исключено, обслуживания торгового пути. Подобная направленность, вероятно, обусловила размещение населения компактной группой, что предоставляло большую возможность для использования имеющихся незначительных людских ресурсов (прежде всего для промыслов), позволяла концентрировать полученные продукты, облегчало их реализацию. Вероятно, в пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что вымские могильники расположены на расстоянии 8–10 км друг от друга.

Наметившиеся во второй половине XIII в. негативные тенденции развития системы расселения на Выми, вероятно, могут объясняться несколькими причинами: упадком или прекращением функционирования торгового пути через долину Выми, быстрым истощением наиболее важных промысловых ресурсов.

Сходная картина изменений в организации системы расселения отмечается исследователями на материалах поселений Кубенского озера и Белоозерья, начиная со второй половины XII в. [Макаров и др., 2000. С. 70-72; Макаров и др., 2001].

Период XIV в., как уже упоминалось, представлен на вымских памятниках настолько незначительным количеством материалов, что исследователи затрудняются говорить о сколь-либо представительной группе погребальных комплексов данного времени. Зафиксированы лишь отдельные погребения на Ыджидьельском и Кокпомьягском могильниках с характерными украшениями XIV в. (многобусинные височные кольца, перстень с солярным знаком). Данное обстоятельство, а также единичные находки рассматриваемого времени в комплексах Пожегского городища и Жигановского поселения, свидетельствуют о серьезных изменениях в организации системы расселения, приведших к смене старых мест обитания и, вероятно, сокращению численности населения долины Выми.

Проведенная в рамках данной работы оценка существующей базы источников XI–XIV вв. позволила высказать, пока в самом общем виде, предположение о значительно меньшей численности населения, обитавшего в рассматриваемый период на территории Европейского Северо-Востока, и рассмотреть одну из вероятных моделей его формирования. Предварительные оценки численности населения ЕСВ, предпринимаемые ранее, базировались в основном на данных немногочисленных письменных источников конца XV–XVI вв. или историко-демографических оценках по сопредельным территориям, что давало, как правило, завышенные результаты. Общая численность населения определялась «не более 3–4 тыс. человек». Основным районом концентрации населения периода XI–XIV вв. называлась долина Выми, средняя и верхняя Вычегда считались сравнительно малонаселенной восточной периферией. Косвенным результатом расчетов являлось подтверждение сложившегося в литературе (но неподтверждаемое пока археологическими данными) представление о существовании массива стабильного финно-угорского населения, занимающего обширную территорию ЕСВ.

Полученные результаты приводят к предположению о несколько ином характере процессов формирования населения ЕСВ в рассматриваемый период. Можно предположить, что картина изменений в системе расселения ЕСВ и, прежде всего, вымского региона является своеобразным отражением основных закономерностей формирования населения всего Севера, определяющим фактором которого являлся процесс русской колонизации. В основе этого процесса лежали переселение небольших групп колонистов, их консолидация в локальные общности, быстрый демографический рост, связанный с освоением новых промысловых земель и торговых путей и последующий спад, связанный с истощением основных ресурсов, прекращения торговли. Вероятно, именно кризис хозяйства на рубеже XIII–XIV вв. привел к затуханию вымского центра. Результаты процесса угасания старых центров и формирования новых нашли свое отражение в грамоте великого князя Ивана III жителям Перми вычегдской 1485 г., из текста которой следует, что основными центрами концентрации населения стали сысольские и нижневичегдские земли (около 57% населения).

Литература и источники

Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – 758 с.

Алексеев В.П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. – М.: Наука, 1989. – С. 63-90.

Белавин А.М. Ранний этап «древнерусской колонизации» и проблема смены вмещающего этноса пермского Предуралья // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. – Сыктывкар, 2000. – С. 146–150.

Головнев А.В. Бьярмия: неоконченная сага о крайней земле // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург. – 2002. – № 8.

Долуханов П.М. Истоки миграций (моделирование демографических процессов по археологическим данным) // Проблемы археологии. – Л., 1978. – Вып. II. – С. 38–42.

Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 258 с.

Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. – Сыктывкар, 2000. – 20 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып. 425).

Жеребцов И.Л., Кленов М.В. Население Европейского Северо-Востока в XI–XVII вв. (опыт демографического моделирования) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. – Ижевск, 2002. – С. 259–264.

Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. – Ижевск, 1992. 184 с.

Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск, 1998. – 294 с.

Иванова М. Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Урала в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 207–254.

Кленов М.В. Ыджидьельское поселение // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. – Сыктывкар, 1995. – С. 82–91. (МАЕСВ; Вып. 13).

Королев К. С. Новый район обитания вычегодских пермян. – Сыктывкар, 1979. – 48 с. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып. 46).

Макаров Н.А. Население русского Севера в XI–XIII вв. – М., 1990.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М.: НИЦ «Скрипторий», 1997. – 386 с.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Зайцева И.Е. Сельские поселения на Кубенском озере в XII–XIII вв. – от расцвета к запустению // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций: Тезисы докладов. – М., 2000. – С. 65–72.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. – М., 2001. – 496 с.

Мурыгин А.М. Комплекс позднего железного века поселения Ошчой I на Мезени // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. – Сыктывкар, 1998. – С. 100–111. (МАЕСВ; Вып. 15).

Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Урала в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 255–298.

Потин В. М. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. – Л., 1982. – С. 127–134.

Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). – СПб., 2001.

Савельева Э.А. Вымские могильники. XI–XIV вв. – Л., 1987. – 200 с.

Савельева Э.А., Зеленский В.С. Хронология погребальных комплексов Ыджидьельского могильника // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар, 1986. – С. 99–118. (МАЕСВ; Вып. 10).

Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 651–691.

Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Урала в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 299–349.

Седова М.Е. Ювелирные изделия древнего Новгорода. – М.: Наука, 1981. – 194 с.

Черносвитов П.Ю. Методические приемы моделирования, реконструкций в археологии // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. – Новосибирск, 1989. – С. 16–32.

Обычная и катастрофическая смертность в Западной Европе XVI–XVII веках

Кризис модернистских представлений о содержании понятия прогресса отозвался в 1960–1980 гг. в западной исторической науке дискуссией о проблеме декаданса. Один из лидеров школы «Анналов» П.Шоню, анализируя вопрос о критериях развития, не без оснований обратился к старой формуле: человек как норма всех вещей [1]. Конкретизируя ответ на вопрос о формах и направлениях обратимого развития, Шоню писал: «Я не колеблясь отвечу, что нет объективного декаданса, кроме демографического». Он выражается в уменьшении количества людей, разрушении равновесия пирамиды возрастов, что угрожает накопленному культурному наследию [2].

В сообществе демографов показатель смертности давно выступает в качестве базовой переменной. Вплоть до утверждений о гегемонии смертности в доиндустриальном мире. Различают «обычную (нормальную) смертность» и «катастрофическую смертность». Основная сложность в определении первой заключается в ее временной и пространственной изменчивости. Так, среди крестьян английского Винчестера в 1297–1347 гг. норма смертности равнялась 52 промиллям, а в маленькой деревушке Хэйлосуэн она составляла в 1300–1348 гг. 24,8 и 20,4 промилли в 1350–1400 гг. [3]. Для традиционного общества очень остро встает дополнительная проблема – дефицит источников. По понятным причинам, если катастрофическая (особенно эпидемическая) смертность отражена в многочисленных документах, обычной смертности современники уделяли много меньше внимания.

Сохранность главного источника по изучению смертности – приходских книг усопших – выглядит по Европе следующим образом. Как правило, они появлялись позже на одно-два столетия, чем книги крещений или брачные. В ряде стран им предшествовали органически книги завещаний, а функционально и нотариальные акты. Впрочем, последние активно используют в основном для выяснения демографического поведения [4].

Самые ранние и лучше всего сохранившиеся книги умерших находятся в Англии. Здесь Генрих VIII в. 1538 г. вменил англиканской церкви регистрировать крещения, браки и смерть. Однако это требование не касалось диссентариев. Да и общее число приходских актов, сохранившихся по XVI в., достигает только несколько тысяч единиц [5]. В католическом мире обязательная регистрация была провозглашена на XXIV сессии Тридентского Собора в 1563 г. «Римский ритуал» 1614 г. детализировал и унифицировал правила регистрации. Лучшие образцы этого типа источника сохранились на территории современной Италии и Испании. Применительно к «Италии» можно говорить о достаточно широкой практике регистрации смерти с середины XVI в., а уже по XVII в. есть прекрасные приходские серии и качественная перепись населения за 1617 г., проведенная по «римскому ритуалу». В ряде диоцезов Кастильской короны книги усопших появились во второй четверти XVI в., но массовой эта процедура стала только с начала XVII столетия. Важным подспорьем служат семь общекастильских и региональных цензов, проведенных в XVI в., и еще пять цензов – в XVII в. В приходах Арагонской короны самая ранняя обязательная регистрация смерти (с 1550 гг.) зафиксирована в Каталонии.

Во Франции по XVI столетию сохранились разрозненные переписи и несколько серий приходских регистров (прежде всего в Бретани и некоторых городах). По XVII в. документация улучшается только с 1636 г. и особенно после Сен-Жерменского эдикта 1667 г. Но вне регистрации оставались гугеноты, которые составляли до 7% населения страны. Крупнейшим недостатком книг усопших в католических странах до XIX в. являются значительные лакуны детей, умерших до первого причастия (т.е. до 7 лет). Существенную проблему для научной обработки представляет поздняя практика фиксации возраста умерших. Например, во Франции этим стали систематически заниматься в середине XVIII в., а в Каталонии – лишь с 1770 г. В протестантской Германии до XVIII в. историк вынужден довольствоваться только сеньориальными и генеалогическими источниками. Хотя после Тридцатилетней войны в ряде государств центральной Германии провели цензы по подушному принципу, это не меняет сути дела. В Швеции протестантская церковь вела спорадически регистры с 1608 г., но только в 1686 г. вышел указ об обязательной гражданской регистрации рождений, смерти, аборт и браков. В Финляндии такая практика устанавливается с 1628 г., в Дании – с 1646 г., в Норвегии – с 1685 г. [6].

«Обычная смертность» – величина конкретно-историческая и конвенционная. Строго говоря, в случае отсутствия точных данных о численности населения она определяется простым сопоставлением длинных параллельных серий крестин и смертности. Но можно ограничиться анализом только кривых смертности.

*Прокопенко Сергей Алексеевич (Ульяновск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ульяновского государственного педагогического университета.

Там, где отсутствуют длинные серии, используют метод, предложенный итальянскими историками М.Ливи Бачем и Л. дел Платом. На основе эмпирических измерений по Апеннинскому полуострову XVII–XIX вв. (18 городов и областей) ими был выявлен циклический характер движения смертности, обусловленный периодическим появлением эпидемий. Нормальная смертность рассчитывается усреднением данных 11-летнего цикла смертности с отбрасыванием двух минимальных и двух максимальных значений. Даже среди оставшихся семи лет остаются еще так называемые «небольшие кризисы», которые приводили к превышению смертности в полтора раза, и «большие кризисы», превышающие показатели в четыре раза. В результате всех преобразований и обобщений они предложили считать условным порогом между обычной и катастрофической смертностью превышение первой на пятьдесят процентов. Отмечу: расчет гипотетических моделей показал, что рост смертности во всех возрастных и социальных группах на 50% уже не может уравновесить способность восстановить численность за счет поколения, появившегося за годы кризиса. Рост смертности в четыре раза уже не может компенсировать репродуктивную способность поколений, возраст которых на момент кризиса был меньше 15 лет [7].

Много и плодотворно занимался этой темой на материалах английской аристократии позднего средневековья и раннего нового времени Т.Холлингсвот. Особое внимание историк уделил технике анализа смертности по разным возрастным когортам и полу. Интересно, что он вычислил и источниковую погрешность на примере выборки в 4000 чел. Стандартная ошибка для XVIII в. при распределении умерших по когортам и полу в случае т.н. непродекларированности возраста смерти на 25 летнем отрезке составила 1,25 года [8]. Об остроте методологических споров в этой области свидетельствует вывод известного французского демографа Э. ле Бра о необходимости строить только простые причинно-следственные модели с небольшим количеством параметров, ибо в симуляционных моделях при увеличении числа переменных возрастает величина ошибки [9].

Для раннего нового времени показатель обычной смертности был самым низким в Англии – от 22 до 29 промилле. В Испании норма составляла 35–40 умерших на тысячу населения, в Нидерландах – 30–40 промилле. Причем в XVII столетии индекс смертности несколько вырос. Следует только помнить об условности этих усредненных показателей даже в национальных границах.

Норма смертности была выше в зонах высокого демографического давления [10]. Речь идет, главным образом, об областях средиземноморской Европы. В результате средняя ожидаемая продолжительность жизни на юге вплоть до XIX в. колебалась между 25–28 годами, тогда как на севере она обычно составляла более 30 лет, а порой поднималась до 40. Тон в этой оппозиции задавало городское население. Однако большая урбанизация европейского средиземноморья позволяет строить типологию не на основе критерия урбанизации, а по региональной линии. Хотя не стоит забывать о высокой смертности в Нидерландах (зона высокого давления) и специфике крупных городов. Поэтому, например, в Женеве XVII в. ожидаемая продолжительность жизни не превышала 20 лет [11].

Более всего региональные контрасты видны у детей. Для когорты 1–5 лет в зонах высокого давления смертность обычно превышала 200 промилле, а в зонах с малой плотностью населения – не более 100. В когорте младенцев (0–1 год) контрасты были велики, но не столь разительны: более 250 промилле в первом случае и 150–225 – во втором [12]. В результате, например, в континентальной Испании на долю детей до 7 лет приходилась почти половина всех смертей [13]. Потому крупный американский специалист в области техники демографических вычислений Р.Д. Ли даже предложил считать критерием зональной типологии показатели только детской смертности (правда, лишь для связки смертность–климат) [14]. В этом предложении есть известный смысл, так как из-за более высокой плодовитости на юге и меньшей продолжительности жизни удельный вес детских и подростковых когорт был выше, чем на севере. Поэтому данные возраста задавали тон демографическим параметрам «южной модели».

Причины расхождений показателей смертности имеют свои особенности в разных когортах. Для младенцев высокая смертность на юге была результатом расстройств пищеварительного тракта. Об этом свидетельствуют ярко выраженные летние пики смертности на юге при идентичности зимних (кроме северной и центральной Германии) и весенних кривых смертности для обеих зон. Для когорты 1–5 лет на первый план выступает, видимо, фактор питания. Негативную роль играло сокращение периода лактации (косвенным свидетельством чего являлась более частая плодовитость) и преждевременный перевод младенцев на обычную малокалорийную диету. Значение имел и социально-экономический фактор. Хотя дискуссии по этому вопросу продолжаются, современные наблюдения за развивающимися странами показали, что снижение уровня питания ниже определенной точки может значительно уменьшить сопротивление организма инфекциям экзогенного характера [15]. Вопрос о влиянии практики надзора за детьми на смертность из-за отсутствия работ, сопоставимых с исследованием Р. Зидера по позднему новому времени [16], остается открытым.

Специфическая черта демографического режима Старого порядка – сравнительно высокая материнская смертность. Каких-либо региональных вариаций этого показателя не выявлено. Достоверные обследования по первой половине XVIII в. дают для Англии, Швеции и Франции 11–12 смертей на каждую тысячу женщин детородного периода [17]. Разрозненные данные по XVI–XVII вв. говорят о том, что, например, в Англии материнская смертность в 1550–1599 гг. составляла 9,3 промилле, а в 1650–1699 гг. на фоне ухудшения общей демографической ситуации – уже 15,7. Риск материнской смертности имел прямую зависимость от её возраста и числа уже рожденных ею (в последнем случае это справедливо только для когорт до 45 лет). Он примерно удваивался в возрасте 25–40 лет. Рожали же, главным образом, в возрасте 25–34 лет, где материнская смертность и была самой высокой (20% от общей) [18].

Терминологический аппарат категории «катастрофическая смертность» менее устойчив. Так, французы и бельгийцы часто используют термины «кризисная смертность», который напрямую связывают с экономическим фактором, а также «кризис смертности». На практике сейчас широко используется понятие катастрофической смертности, разработанное М. Ливи Бачем и Л. дел Платом. Эти историки определяют ее как «кратковременное нарушение нормального режима смертности, которое сокращает численный состав поколений таким образом, что не обеспечивает возможность репродукции обычными способами» [19]. Критерии катастрофической смертности следующие: охват кризисом значительной части населения и деформация структуры населения.

В 1970 гг. было предложено несколько способов измерения интенсивности кризиса смертности. Определенной популярностью пользуется методика американца М.У.Флинна [20], известного также как специалиста в области типологии европейских демографических систем. На Монреальском коллоквиуме 1975 г. англичанин Т.Холлингсвот и француз Ж.Дюпакье предложили свои методы измерения. На мой взгляд, наибольший интерес представляют наработки английского историка. Интенсивность кризиса (I) рассчитывается им по формуле:

$$I = \frac{2\sqrt{t-1}}{t-1}$$

$$I = \frac{q}{1-q} \cdot n$$

$$I = \frac{q}{1-q}$$

где q – разница между обычной смертностью и в период кризиса,

n – численность населения,

t – время (как правило, в днях).

Кризисы смертности являются структурным элементом доиндустриального демографического режима. Синдромы кризисов смертности, их хронология, размеры и историческое значение в настоящее время хорошо изучены. Но, как отмечается в последнем, на сегодняшний день, обобщающем труде по исторической демографии, остаются вопросы: каковы связи катастрофической смертности с климатом, роль пищевых ресурсов, плотности населения, экономических и социальных условий, причины эпидемий? Каковы в точности отношения между питанием, заболеваемостью и смертностью? Каково влияние биологических факторов на масштаб катастроф [21]?

Три всадника с известной гравюры А.Дюрера «Апокалипсис» (1498) точно отражают основные типы катастрофической смертности того времени: голод, войну и чуму. В дискуссии, начатой в 1946 г., Ж.Мевре о причинно-следственной связи между экономическим, военно-политическим и эпидемиологическим факторами, два десятилетия господствовала точка зрения о примате продовольственных кризисов [22]. Последние объяснили, главным образом, дисфункцией сеньориального способа производства. Индикатором продовольственных кризисов служила конъюнктура зерновых цен. По ним уже ориентировались демографы в своих выборочных обследованиях приходских регистров. В пользу такого мальтузианского подхода можно привести многочисленные примеры. Достаточно вспомнить блестящий анализ американского историка Р. Дарнтона французских народных сказок. Тот вскрыл ситуацию перманентного голода, когда для крестьян сытость являлась синонимом счастья [23].

В 1960 гг. при объяснении продовольственных кризисов возобладала теория «малого оледенения» Ле Руа Ладюри. Особой популярностью она пользовалась у скандинавов применительно не только к XVII в., но и к кризису XIV столетия. Одновременно рос интерес к военно-политическому фактору. В раннее новое время, несмотря на практическое сокращение вторжений с востока, в Европе резко возросло число прямых военных потерь. За два столетия эта величина составила 2,5–3 миллиона человек, включая четверть боевых потерь. Масштаб бедствий объяснялся процессами возникновения абсолютистских государств с развитыми налоговыми системами, что позволило перейти к созданию крупных регулярных армий. Однако много важнее были последствия войн, которые разрушали социально-экономическую инфраструктуру, открывая дорогу голоду и эпидемиям. Особо пострадала от войн Центральная и северо-западная Европа. Так, в ходе Тридцатилетней войны ряд германских государств (Вюртемберг, Гессен и др.) потеряли до двух третей населения [24]. Сегодня сошлись на том, что кризисы смертности имеют как

экзогенный, так и эндогенный характер. Установить все параметры этих сложных комплексов и тип взаимодействия переменных можно только путем конкретно-исторического анализа.

Самой популярной темой последней трети XX в. стала история болезней. Интерес к эпидемиологической смертности можно объяснить, с одной стороны, пограничным характером проблематики, дававшей пищу модным ментальным исследованиям, а с другой стороны – ее комплексным и кумулятивным влиянием на динамику народонаселения. Ведь эпидемии, которые в XVIII в. называли «коллективными», а в XIX в. – «народными болезнями» через прямые потери и деформации половозрастных когорт непосредственно влияли на рождаемость и брачность.

Плодотворной методологической новацией стало введение в научный оборот понятия «патогенный комплекс», который включал в себя человека, патогенного агента и его переносчиков. Это позволило соединить биологический и социальный аспекты исследования объекта. На эпидемиологическую ситуацию влияет биоселекция, определяющая «выбор» микробом хозяина-носителя. Она же воздействует на экологическую нишу и равновесие в мире микроорганизмов. Должны учитываться также морфология почвы, топография, растительный покров, температурный режим, солнечная радиация, уровень и характер гидрометрии.

Из социальных факторов важную роль играют плотность населения, его мобильность, зона расселения, тип жилища, одежда. Например, легкий костюм открывал дверь жалящим насекомым, но был негостеприимным по отношению к эктопаразитам, хорошо переносившим жару и пот плотной, теплой одежды. Так, ношение шуб в средневековье в определенной мере благоприятствовало распространению блох, а значит и чумы. Тонкое наблюдение, касающееся влияния религиозных представлений, сделал У. Макнейл. Кочевники Манчжурии (эндемический район обитания чумной палочки) с определенной эффективностью предохранялись от страшной болезни, считая, что их предки могли реинкарнироваться в тарбаганов (местные сурки). Потому монголы уважали их, избегали ловить этих животных – носителей бацилл. В результате после XIV в. чума не появлялась здесь до 1911 г., пока китайцы, проигнорировав эти представления, развязали охоту на «сурков» ради меха [25].

На сегодняшний день признан факт уникально высокой вирулентности, сложившейся в Европе раннего нового времени. Специфика биопатологической ситуации проявилась, во-первых, в возвращении на европейскую арену чумы как главного актера исторической драмы, во-вторых, в появлении ранее неизвестных опасных болезней, а в-третьих, в новом размахе привычных инфекций. Хотя последнее обстоятельство было вытеснено на периферию сознания современников двумя первыми бедами. Не удивительно потому то, что, по меньшей мере, три четверти смертей при Старом режиме вызывались инфекционными болезнями [26].

Ныне большинство авторитетных специалистов (Ж.Дюпакье, Р.Ли, Э.Ригли и Р.Шеффилд, испанец В. Перес Мореда, итальянец М. Ливи Бачи) пришли к выводу, что во многих случаях эпидемии были причиной, а не следствием колебаний производства и цен. То есть большинство эпидемий имели экзогенный характер по отношению к демографической системе и к экономике [27]. Исключение делается для тифа, гриппа, туберкулеза, холеры, разнообразных диарей и респираторных заболеваний. За ними признается прямая связь с уровнем жизни. Всё же не будет ошибкой считать, что катастрофическая смертность в меньшей мере, чем обычная определялась социально-экономическими переменными.

Для всех трех довольно разных проявлений повышенной вирулентности есть общий знаменатель – так называемый минимум Маундера – снижение солнечной активности и ультрафиолетового излучения губительного для бактерий [28]. Однако этот общий фактор отнюдь не кажется главным во всех случаях. Новые болезни (тиф, сифилис, до сих пор не идентифицированный «английский пот») были не чем иным, как впервые зарегистрированными в истории мутациями в мире микробов. Объяснение этому феномену одно: начавшаяся первая фаза глобализации мира и как следствие – растущие миграции. Сифилис представляет собой, судя по всему, новый чрезвычайно вирулентный американо-евразийский штамм сифилиса [29]. Тиф дает уже пример смены микробом «хозяина» – вши, паразитирующей на человеке. Болезнь распространилась по всей Европе, благодаря германским солдатам армии Карла V после осады Неаполя в 1528 г. В связи с тем, что тиф почти не затронул венгров и турок (иммунитет?), возникла гипотеза об относительной древности и восточном происхождении данной патологии [30]. Как ни удивительно при том внимании, которое всегда уделялось чуме, у нас есть специфическое объяснение ее сужения до локальных масштабов в Европе с последней трети XVII в. (пресловутое вытеснение серой крысой черной крысы – «хозяина» блохи *Xenopsylla cheopis* и совершенствование карантинной службы). Однако нет понимая причины резкой активизации чумы с середины XV в. По второй половине XV в. существует 1021 упоминаний о чуме в Европе, по периоду 1501–1550 гг. – 1434, по 1551–1600 гг. – 1755, 1601–1650 гг. – 173 упоминаний. Этот частотный критерий подкрепляется оценкой масштабов эпидемий [31].

В настоящее время пытаются детально выявить клиническую историю каждой болезни в тех конкретно-исторических обстоятельствах, чтобы точнее определить влияние потерь на последующее восстановление. Например, тиф и сифилис давали примерно одинаковую латентность – около 20%, но течение последней болезни растягивалось на много больший период и било прежде всего по взрослому населению. Иначе говоря, сифилис влиял на демографию в средне- и долгосрочной перспективе. От тифа страдали детские когорты (0–1; 1–5; 5–9 лет) и престарелые (от 70 лет и старше). Оспа (смертность 10–17%) была прежде всего по детям. Эти потери достаточно быстро покрывались репродуктивным населением, устойчивым к болезни, но эффект затухающего эха от выбитых когорт проявлялся позднее. Восприимчивость именно детей к оспе задавала примерно семилетний цикл возвращения эпидемии, когда нарождались новые поколения, не имеющие иммунитета.

Новый уровень палеомедицины задала модельная работа коллектива французских исследователей об эпидемии чумы в Провансе в 1720–1722 гг. [32]. Это исследование, охватившее семь коммун (включая Марсель), выполнено под руководством Ж.-Н. Бирабо. Оно построено на перекрестной проверке приходских актов (14 тыс.) и эксгумации вероятных жертв эпидемии, с последующим биоанализом их останков. В состав научной группы, кроме историков, вошли археолог и микробиолог. Для нейтрализации эффекта миграций использовали метод Ж. Буржуа-Пише: ежемесячное составление списков умерших в интервале февраль 1702 – 31.12.1725 гг. Также в особые списки выделили все жертвы чумы изученных коммун. При построении пирамиды возрастов использована перепись 1702 г. Сходство результатов, полученных путем археологических раскопок и анализа приходских книг, позволяет использовать методику в дописьменные периоды и периоды с небольшим числом сохранившихся письменных источников.

Из конкретных результатов данного исследования отмечу вывод о стремительном характере пандемии (за 16 месяцев чумы половина смертей пришлась на первые два месяца, а на первые три – $\frac{2}{3}$). Если говорить о гендерно-возрастной избирательности, то женская смертность преобладала над мужской, а в целом была выше у подростков и взрослого населения. Большие потери женского населения можно объяснить практикой активного участия женщин в обряде похорон и гендерными стереотипами поведения. Важнейшую роль в соседско-родственных контактах принадлежала именно им. От 47,7% до 71,5% умерших оказались родственниками. Ход одной из крупнейших эпидемий чумы – так называемой «кастильской» 1596–1602 гг. – подтверждает эти закономерности [33]. Ясно, что чрезмерные потери женщин в детородном возрасте существенно подрывали возможности быстрого восстановления населения за счет новых браков и роста рождаемости.

Эти беглые заметки позволяют понять сложносоставной характер категории «смертность». Одинаковые показатели даже одного параметра демографических моделей могут означать очень разные исходные условия. Поэтому так опасны априорные генерализации при конструировании и сопоставлении демографических моделей, особенно разностадийных обществ.

Литература и источники

1. См.: Chaunu P. L'historien dans tous ses etats. – Paris, 1984. – P. 35.
2. Chaunu P. Histoire et decadence. – Paris, 1981. – P. 119.
3. Histoire des populations de l'Europe / Sous la dir. de J.-P. Bardet et J. Dupaquier. Vol. 1. – Paris, 1997. – P. 196.
4. См.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992; Chaunu P. La Mort a Paris: XVIe, XVIIe et XVIIIe siecles. Paris, 1978; Vovelle M. La Mort et l'Occident de 1300 a nos jours. 2 ed. – Paris, 2000.
5. Wrigley E.A., Schofield R.S. with contr. by R. Lee & J. Oeppen. The Population history of England 1541-1871. Cambr. (Mass.), 1981. – P. 2-15.
6. См.: Reher D.-S., Lobo A. V. con la colabor. de J. V. Garcia Sestafe. Fuentes de informacion demografica en Espana. – Madrid, 1995. – P. 83.
7. Plata L., del et Livi Bacci M. Chronologie, intensite et diffusion des crises de mortalite en Italie: 1600-1850 // Population. Numero special. La mesure des phenomenes demographiques. Hommage a L. Henry, IX 1977, Vol. 32, № 506. – P. 401-410.
8. См. (особенно приложение): Hollingsworth T. H. Mortality in the british peerage families since 1600 // Old and new methods in historical demography/ Eds. D.- S. Reher, R. Schofield. – Oxford, 1993. – P. 323-349.
9. Bras, Herve le. Simulation of change to validate demographic analysis // Old and new methods. – P. 278.
10. Особый и не вполне понятный случай представляет пример Восточной Европы – региона с малой плотностью населения, но высокой смертностью.
11. Histoire des populations de l'Europe. – Vol. 1. – P. 290, 376, 425.
12. Perez Moreda V. y Reher D.-S. Mecanismos demograficos y oscilaciones a largo plazo de la poblacion europea (1200-1850) // Revista de Historia Economica, 1986. – № 3. – P. 476-477.
13. Perez Moreda V. Op. cit., 1980. – P. 146.
14. Wrigley E.A., Schofield R.S. with contr. by R. Lee & J. Oeppen. Op. cit. Cap. 9.
15. Perez Moreda V. y Reher D.-S. Op. cit. – P. 480-481.

16. См.: Зидер. Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.). – М., 1997.
17. Schofield R.S. Did the mother really die? Three centuries of maternal mortality // *The World we have gained: Histories of population and social structure* / Eds. Bonfield L., Smith R.S., Wrightson K. Oxford-NY, 1986. – P. 231-260.
18. *Histoire des populations de l'Europe*. – Vol. 1. – P. 294.
19. Plata L., del et Livi Bacci M. Op. cit. – P. 405.
20. Flinn M.W. The stabilization of mortality in pre-industrial Western Europe // *The Journal of European Economic History*, 1974. № 2. P. 285-318; Idem. *The European demographic system, 1500-1820*. – Brighton, 1981. – P. 47-64.
21. *Histoire des populations de l'Europe*. – Vol. 1. – P. 288.
22. См.: Bengtson T., Saito O., Reher D.-S., Campbell C. Population and the economy // *Debates and controversies in economic history. A. Proceedings XIIth International Economic History Congress*. – Madrid, 1998. – P. 80-81.
23. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. – М., 2002. – С. 33-48.
24. *Histoire des populations de l'Europe*. Vol. 1. P. 243-245. Б.Ц. Урланис по нарративным свидетельствам называет число потерь только за XVII в. в 2 млн. чел., в том числе боевых – 800 тыс. См.: *Войны и народонаселение Европы*. – М., 1960. – С. 44-46.
25. Цит. по: *Histoire des populations de l'Europe*. – Vol. 1. – P. 287.
26. Livi Bacci M. *La Popolazione europea* // Carlos V. Vol. IV. *Poblacion, economia y sociedad* / Coord. J. L. Castellano Castellano, F. Sanchez-Montes Gonzalez. – Madrid, 2001. – P. 393.
27. Livi Bacci M. *Introduzione* // *Actas del II Congreso de ADE*. Vol. 2. *Modelos regionales de la transicion demografica en Espana y Portugal* / Coord. por M. Livi Bacci. – Alicante, 1991. – P. 10.
28. *Histoire des populations de l'Europe*. – Vol. 1. – P. 252, 255.
29. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – М., 1986. – Т. 1. – С. 96-97.
30. Livi Bacci M. *La Popolazione europea*. – P. 397.
31. См.: Biraben J.-N. *Les hommes et la peste en France et dans les pays mediterraneens*. 2 vols. – Paris-La Haye, 1975-76.
32. Signoli M., Seguy I., Biraben J.-N., Dutour O. *Paleodemographie et demographie historique en contexte epidemique: La Peste en Provence au XVIIIe siecle* // *Population*. – 2002. – Vol. 57. – № 6. – P. 830-836.
33. Прокопенко С.А. *Население Испании в XVI–XVII вв.* – М., 2002. – С. 80.

Миграционные процессы и интеграция Удмуртии в структуру Российского государства в XVI–XVIII вв.**

Присоединение территории Удмуртии к Русскому государству, начавшись в конце XV в. вхождением Вятской земли в пределы Московского великого княжества, окончательно завершилось с завоеванием в 1552 г. Казанского ханства и подавлением восстаний народов Среднего Поволжья во второй половине XVI в. Принесение северными удмуртами роты на верность великим московским князьям и шерти Ивану IV южной группой удмуртского этноса означало, что удмурты стали подданными Русского государства. Эти одновременные акты явились началом длительного и сложного процесса интеграции этноса и занимаемой им территории в социально-политическую и экономическую структуру государства. Огромную роль в активизации интегративных процессов сыграли миграции населения, в конечном итоге приведшие к формированию современной картины расселения народов, к унификации социального и этнического состава населения с другими территориями государства.

Ведущее значение для форсирования миграции сыграли мероприятия правительства. Уже после присоединения в 1489 г. Вятской земли правительство Ивана III принимает меры по своеобразному «обменному переливанию» населения. Часть наиболее влиятельных вятчан: бояре, житьи люди, ватаманы, купцы, в их числе и арские князья, были выведены с Вятки и поселены в Подмоскovie, где великий князь «и земли им подавал» [1]. Арских князей также предполагалось разместить в районах Подмоскovie, но они были «пожалованы» и возвращены на Вятку в качестве вассалов великого московского князя, обязанных ему верной службой. В состав земельных пожалований арским князьям вошли и конфискованные владения сведенных в Москву вятских бояр. Жалованные грамоты Василия III наделяли их правом призывать людей «из зарубежья». Это «зарубежье» не могло быть ничем иным, как территорией соседнего Казанского ханства, где жили сородичи северных удмуртов: «аряне, арские люди» – южные удмурты. Переселению должно было способствовать освобождение мигрантов от дани в пользу великого князя и от кормов хлыновским наместникам [2]. Политика поощрения миграции была продолжена Иваном IV. Грамотой от 6 мая 1542 г. арским князьям разрешалось «из казанских мест вотяков и чуваш призывать жити на Вятку на мое великого князя имя на опас». Прибывшие крестьяне поступали под власть призвавшего их арского князя «по старине, как старые вотяки и чувашене». В миграции казанского населения на Вятку были заинтересованы и хлыновские наместники: с каждого они получали «явку» – куницу с семьи и по 3 белки с взрослого неженатого мужчины [3].

Предпринимались меры по переселению на Вятку русских жителей, особенно из районов Русского Поморья. В большинстве своем это были вологоджане, вычегодцы, каргопольцы, холмогорцы, пинежане, двиняне, пермичи, устюжане, а также выходцы с территории бассейнов рек Лузы, Сысолы, Выми, Мезени и т.д. Надо сказать, что взаимоотношения между мигрантами не отличались безоблачностью. Арские князья жаловались в Москву, что вятчане «бьют и грабят и обиды чинят многое» подвластному им нерусскому населению и просили защиты, в ответ Иван IV направлял неоднократные напоминания русским жителям Вятки, чтобы они «вотяков без нашего ведома однолично не воевали и не грабили» [4].

В свою очередь, миграционные процессы вызывали к жизни заметные подвижки коренного населения. Уходя с некогда обжитых мест, оно осваивало новые территории, постепенно вводя их в хозяйственный оборот, вначале в виде промысловых угодий, а затем и пашни.

Потери, понесенные во время похода русских войск на Арскую землю и взятия Арской крепости в 1552 г., многочисленные карательные экспедиции в целях подавления восстаний 1552–1557, 1572–1574 гг. привели к тому, что оставшиеся в живых «черные люди» передвинулись в северо-восточные районы Арской дороги, на территорию южных и центральных районов современной Удмуртии. Часть арских удмуртов ушла в Закамье, часть – на территорию Пермского края.

Численность ясачных удмуртов в пределах Казанского уезда осталась крайне незначительной. Так, разрядная книга 1631 г. отмечает, что здесь «ясашных людей чувашских и черемисских 6405 дворов. Вотяцких ясашных людей 983 двора, на службу их не посылают, потому что емлетца с них в государеву казну перед черемисою лишней ясак» [5]. Средняя населенность южноудмуртского двора по переписи 1716 г. была около пяти человек, таким образом, численность арских удмуртов не превышала 5 тыс. чел.

*Гришкина Маргарита Владимировна (Ижевск) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

**Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Перепись 1716 г. довольно детально зафиксировала расселение удмуртов в пределах «Воцкой» дороги, той части Арской земли, на которую передвинулось и которую освоило южноудмуртское население после второй половины XVI в. Основная масса (15426 чел. обоего пола) удмуртов в первой четверти XVIII в. была сосредоточена на этой территории. При сопоставлении числа вновь возникших и запустевших селений можно заметить тенденцию к передвижению удмуртов на север-запад края, в бассейн р. Кильмези. За пять лет в удмуртских сотнях «запустело» 1363 двора, в которых в 1711 г. проживало 6079 чел. Из «жилых» дворов убыло 2248 человек. Таким образом, число «убылых» душ составило св. 46,6% от числа учтенных переписью 1716 г. Бежали и переселялись в другие селения в пределах Арской дороги, уходили на территорию Каринского стана Вятского уезда, перебирались «в башкирцы», «ходили по миру». Наблюдалась огромная смертность: в 1711–1714 гг. здесь прокатилась волна эпидемий. Среди дестабилизирующих факторов было и очередное башкирское восстание 1710–1714 гг. [6].

Поощряемые правительственными мерами мигранты из районов Русского Поморья в XVI в. начали освоение верхнего течения Вятки. Около 1505 г. здесь был основан г. Слободской, ставший центром соответствующего уезда, между 1540–1546 гг. был построен г. Шестаков, впоследствии также получивший статус уездного города. Заселяя оба берега верхнего и среднего течения Вятки, к концу XVI в. русские крестьяне стали активно проникать в низовья р. Чепцы. Здесь ими были основаны Чепецкий тяглый и Чепецкий оброчный станы. По дозорной книге 1615 г. только в Чепецком оброчном стане насчитывалось 65 русских починков в 1-2 и более двора каждый. Эти селения возникли на месте «займищечек» – участков пашни, заведенных крестьянами близлежащих станов. Основатель нового починка получал льготу от податей и повинностей на 3-5 лет. К 1615 г. многие из крестьян Чепецких станов еще не успели «отсидеть» льготу: «займищечко Семейкинское Ярославца на льготе до 126 (1617/1618 гг.), «займищечко за вдовой Донницей Степановой на льготе до 125 (1616 /1617гг.), «починок, что был займище Ивашки Юдина», «починок, что был займище Ивашки Ярославца» [7] и т.д.

Удмурты пытались отстоять освоенные ими угодья, обращаясь не только к местным вятским воеводам, но непосредственно в Москву. Иногда им удавалось выиграть в поземельных тяжбах. Показательным является спор о так называемом Черемховом наволоке, начавшийся в XVI в. От 1589 г. до нас дошел «судный список» тяжбы в форме «поля», которое должно было произойти между удмуртом Котегом Бабиным и Степаном Онисимовым, русским крестьянином Чепецкого стана. Неявка последнего, который «хотел... пойти на пожню с образом, да не пошел, а сказал, что с образом пойти на пожню не можно» [8], вернула удмуртам захваченные покосы. Афонасий Толочанов и подьячий Андрей Иевлев, в 1629 г., закрепили навалок за удмуртами Омсинской и Круглой деревень. В 1652 г. покосы оказались в руках русских крестьян. Спор продолжался до февраля 1700 г., когда правительственный сыщик Савва Сандырев дал удмуртам «владенную выпись», ссылаясь на данные писцовой книги 1629 г. [9].

Темпы колонизации бассейна Вятки и Чепцы русскими продолжали возрастать на всем протяжении XVII в. Росло не только число селений, возникали новые станы и волости. На землях удмуртов между 1646–1678 гг. «устроилась» Новая Филиппова слободка, в которой в 1678 г. было зафиксировано 153 русских селения. В Чепецком тяглом и оброчном станах русское население увеличилось по сравнению с 1615 г. в 10, 7 раза, а число русских селений – в 6,3 раза [10].

Островки удмуртского населения держались на Вятке до последней четверти XVI – начала XVII в. [11]. Постепенно они уходили все дальше от Вятки, на новые, бывшие некогда незаселенными, места. На первом этапе они пытались закрепиться в ее верховьях. Дозорная книга 1615 г. зафиксировала в Лужановском стане компактную массу удмуртов, составлявшую почти пятую часть учтенных в этот период удмуртских дворов. В Сырьянском стане дозорщики отметили 8 бывших удмуртских селений и 5 деревень. В них проживали потомки удмуртов, обрусевших после принятия христианства в 1557 г. [12].

В писцовом описании 1629 г. бывшие удмуртские селения были зафиксированы в Бобинском, Быстрицком, Великорецком, Волковском, Спенцинском, Чепецком станах Хлыновского; в Лужановском, Сырьянском, Холуницком станах Слободского; в волостях Чисть, Кудиновской, Истобенской Орловского; в Куринской волости Котельнического уездов, а также в Шестаковском уезде [13]. В перечисленных станах и волостях в было отмечено св. 60 бывших удмуртских селений, а в Каринском стане – основном месте последующего расселения удмуртов, всего шесть удмуртских погостов, 11 деревень с полудеревней, четыре починка и одно займище [14].

В XVII в. начинается третья волна миграции удмуртов: они уходят с низовьев Чепцы на ее среднее и верхнее течение: на нижних притоках Чепцы – Кордяге, Филипповке, Святице пустеют селения с названиями Вотинская, Отинская, «что была Отыцкая». Население передвигается в Каринский стан, где подворной переписью 1678 г. было зафиксировано 126 удмуртских, бесермянских и татарских селений [15], по сравнению с 1615 г. число селений возросло в пять раз. Началось проникновение русского кре-

стьянства на территорию самого Каринского стана. В 1678 г. в Закаринье было 231 русских, к 1717 г. их численность возросла вдвое [16].

Более или менее адаптировавшись к политической системе Российского государства, коренное население прибегало к разным формам протеста против захвата русскими крестьянами их «вотчинных» угодий, но далеко не всегда успешно. Показательна история приобретения огромных земельных владений Пахомом Кошечевым с товарищами. В 1637 г. они били челом с просьбой отвести «в Чепецкой волости лес, раменье дикое, большой, изстари непашенное место». Был назначен сыск, в котором приняли участие 71 чел., показания удмуртов о давнем освоении ими этих угодий были признаны ложными. Пахом Кошечев апеллировал к духовной власти: в 1643 г. он обратился к московскому патриарху Иосифу с обещанием воздвигнуть храм и получил благословение [17]. В 1640/41 гг. удмурты возбудили встречный иск. Спор и сыски продолжались до 1648 г., когда было повелено о тех угодьях «дати торг, хто болши даст, тому и отдать». Удмурты не стали вступать в торг о «своих родовых» землях и проиграли огромную территорию в 13 вытей [18].

На юге края русское население концентрировалось в городах-крепостях и в дворцовых слободах на Каме. В Каракулино была построена крепость и с необходимым для обороны от «от приходу воинских людей» военным снаряжением [19]. Под прикрытием крепости в округе стала собираться дворцовая слобода. Примерно так же происходило формирование Сарапульской и Елабужской дворцовых волостей.

Переписные книги первой четверти XVII в. застали в этих районах значительное по тому времени русское население. По писцовой книге Богдана Нехаева 1617 г., в Елабуге насчитывалось 79 крестьянских и бобыльских дворов. По дозорной книге 1621 г. к с. Вознесенскому, «что на Сарапуле», было приписано 9 селений, 325 крестьянских и 63 бобыльских дворов. Они обрабатывали 237, 5 четвертей пашни «в трех полях», владели санными покосами на 14270 копен и лесом вверх по Каме на 1800 кв. верст [20]. О местах выхода русского населения можно судить по фамилиям и прозвищам жителей. Так, в Сарапуле отмечены Верхокамец, Верхолалцов, Вычегжанин, Гаинец, Лузянин, Луженин, Кудымкорец, Казанцев, Осинцев, Рязанцев, Сысолятин, Сысонец, Пермитин, Чувашов, Вотин. Как видим, население прибывало из самых разных районов Русского государства, преобладали жители Поморья и Прикамья. Среди населения Елабуги почти 30% составляли выходцы с территории Русского Поморья, 28% – с верховьев Камы, 24% – вятчане, мене 1% – из районов Среднего Поволжья. Как и в Сарапуле, здесь были отмечены и представители нерусских народов: «чуваша», «югра», «немчин».

По подворной переписи 1646 г., число селений в Сарапульской дворцовой волости за полвека увеличилось в 5 раз. Число крестьянских дворов, как и в Елабужской волости, возросло в три раза. По местам выхода состав жителей в дворцовых селах стал еще разнообразнее: появились астраханцы, ярославцы, стародубцы, свияжане, галичане, из нерусских крестьян – мордва. В 1646 г. в одной только Сарапульской волости проживало 4828 чел. м. п., насчитывалось пять сел, 16 деревень, 17 починков [21]. В Елабужской дворцовой волости по неполным данным в 1646 г. числилось 444 двора, в них проживало 1405 чел. [22].

Еще одним районом концентрации русского населения по Арской дороге стали низовья Вятки. В 1595 г. Вятский Успенский Трифонов монастырь получил здесь обширные земельные угодья и основал с. Вятские Поляны [23]. Как и вся территория Заказанья, Малмыжский и Елабужский районы Прикамья стали объектом помещичьей колонизации. К концу XVII в. здесь было около 30 помещичьих имений. Самой крупной была вотчина помещиков Яушевых, пожалованная им еще в 1580 г. В ней имелось 4752 десятины пашни в трех полях, 880 десятин сенокосов и огороженные лесные массивы, размеры которых не смогло уточнить даже генеральное межевание [24].

К концу XVII в. темпы прироста русского населения в старых центрах колонизации снижаются: усилился отток в другие районы. В конце XVII – начале XVIII в. русские стали заселять бассейн Сивы. Уже перепись 1711 г. зафиксировала 29 русских селений, в 1716 г. здесь было 31 селение, 249 дворов, 1489 душ русских крестьян [25]. На территории остальных сотен Арской дороги численность русского населения оставалась незначительной: 850 дворов, 2018 чел. м. и 2081 ж. п. [26].

Вновь прибывающие, как свидетельствуют «книги пришлого населения», предпочитали селиться в уже существующих русских населенных пунктах, а также по р. Сиве. Здесь было 104 двора, ведущих свое хозяйство, на положении «соседей» обреталось 12 семей, всего вновь пришедших русских крестьян оказалось 547 чел. обоего пола [27].

По итоговым данным переписи 1716 г., в структуре населения шесть удмуртских сотен Арской дороги русские составили 17,7% дворов и около 14,2% жителей обоего пола. Удельный вес русского населения был бы еще значительней, если бы не бегство: запустело 144 двора, убыло по тем или иным причинам 1172 чел. [28]. Удельный вес убывших приблизился к 46%.

Население Елабужского и Сарапульско-Каракулинского районов в этот период росло постепенно: в Елабужской волости числилось 551 д. м. п. и 628 д. ж. п. [29]. Из жилых дворов после переписи 1710 г. умерло 200, бежало 94, были отданы в рекруты 16, мобилизованы на работу в Санкт-Петербург 11, отправлены в Казань 12 чел. Женское население убывало с такой же интенсивностью. Из запустевших дворов убыло 1690 чел. [30]. В Сарапульской дворцовой волости перепись зафиксировала 940 дворов, из них девять нищенских и 12 вдовьих. Наличного населения было насчитано 2890 чел. м. п. и 3026 чел. ж. п. Запустело 128 дворов, по разным причинам убыло 1482 чел. или 25% населения.

Волость продолжала притягивать к себе «сходцев» из разных мест: в 48 дворах пришлых проживало 132. м. п. и 126 ж. п. Кроме того, 47 дворов не успели обзавестись собственным хозяйством и жили на положении соседей [31].

Стабилизация социально-экономической ситуации к концу первой четверти XVIII в. привела к нарастанию численности русского населения в Прикамье. По материалам I ревизии, в дворцовых волостях было зафиксировано 9060 д. м. п. Самой крупной оставалась Сарапульская волость, в ней в подушный оклад было положено 3964 д. м. п. В 57 селах, деревнях и починках волости насчитывалось 1437 крестьянских и бобыльских дворов [32].

В первой четверти XVIII в. продолжается проникновение русских крестьян непосредственно на территорию расселения удмуртов, особенно на севере. Так, в ходе первой ревизии выяснилось, что в Закаринье, в каринских татарской, бесермянской и удмуртских долях было утаено 940 д. м. п. русских, живших на правах половников, кортомщиков, мельников и срочных работников [33].

Наблюдается оживление миграции на территорию расселения южных удмуртов. Ко второй ревизии (1744 г.) русские довольно плотно заселили пространство между р. Воей и Лумпунью, где сформировались Сретенская и Верховская Рождественская волости, в которых было отмечено 89 сел, деревень и починков, в них проживало 3936 д. м. п. [34]. В Лобанской волости, расположенной поблизости, отмечено 91 селение, в большинстве это починки. Русское население, оседавшее в Пронкиной сотни Янмурзина, было выделено в Сивинскую волость, которая делилась на Денисову сотню Ефимова (44 селения, 1168 д. м. п.), и Арефьеву сотню Ефремова (27 селений и 2099 душ) [35].

Сарапульская дворцовая волость к этому времени насчитывала 79 селений и 6744 д. м. п., по сравнению с первой ревизией население увеличилось в 1,7 раза. В Каракулинской волости к 1764–1765 гг. числилось 5792 д. м. п. дворцовых крестьян.

В результате отмеченных колонизационных и миграционных процессов, происходивших особенно интенсивно на протяжении XVI–XVIII вв., расселение этнических групп приблизилось к современной картине. Русское население заняло территории по крупным судоходным рекам: по правому и отчасти левому берегу Камы, левобережье Вятки, низовья Чепцы. Стали активно заселяться притоки Камы, такие как Сива, Иж, а также притоки Вятки: Чепца, Лобань, Лумпунь, Кильмезь, Воя. Удмурты закрепились в лесных пространствах междуречья Камы и Вятки. Этническая территория удмуртов в ее современном виде сложилась к концу XVII в., в дальнейшем шла инфильтрация русского населения в пределы волостей и общин, формировалась этническая чересполосица.

Образование в 1780 г. Вятского наместничества, в четырех уездах которого – Глазовском, Елабужском, Малмыжском и Сарапульском – сосредоточилось основная масса удмуртов, а также значительные территории, уже ранее освоенные русскими крестьянами, привело к резкому возрастанию на этой территории удельного веса русского населения. К 1795 г. русские составляли 52,2% жителей этих уездов, на долю коренного населения приходилось лишь 36,4% [36].

Миграционные процессы имели своим следствием серьезное изменение этнической и социальной структуры населения края. Как и в других районах, в Удмуртии при преобладании крестьянства появились сословные группы, связанные с трудом на промышленных предприятиях. К 1797 г. на Камских заводах было сосредоточено 4539 чел., число приписных крестьян превышало 28 тыс. чел. м. п. [37]. На Бемышевском заводе работало 197 основных и 264 вспомогательных работника, на Коринском – свыше 30 крепостных, примерно столько же работников обслуживало Пыжманский медеплавильный завод [38]. На 1811 г. при Омутнинском заводе было 419 д., при Пудемском – 64 д. м.п. рабочих людей [39]. Кроме того, с работой по строительству флота было связано 6 619 д.м.п. лашманов – приписных к Адмиралтейству.

В конце XVIII в. на базе нескольких пригородов и сел возникли уездные города, которые со временем стали подлинными торговыми и промышленными центрами края. Здесь формировались городские сословия: купечество, мещанство, чиновничество: эти сословные группы вкпе составили к концу XVIII в. 3,4% населения края.

Значительно возросла плотность населения. К 1795 г. по Глазовскому уезду на приходилось 5,3 чел., по Малмыжскому – 4, по Елабужскому – 4,3, по Сарапульскому – 6,9 чел. на кв. км.. В начале XVIII в.

площадь пашни не превышала 9-11% территории края, к началу XIX в. удельный вес пашни возрос до 28, 9% в Сарапульском уезде, до 19,9 и 18,8% – в Елабужском и Глазовском уездах и 15% – в Малмыжском уезде. Соответственно удельный вес лесных массивов в крае сократился до 74, 4% [40].

Отмеченные сдвиги усиливали связи Удмуртии с другими районами, отчетливо свидетельствуя о интеграции края в систему Российского государства.

Литература и источники

1. Эммаусский А.В. История Вятского края в XII – середине XIX века. – Киров, 1996. – С. 40.
2. Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. – Ижевск: 1988. – С. 35-36.
3. Там же. – С. 37-38.
4. Там же. – С. 38, 39-40.
5. История Марийского края в документах и материалах. – Йошкар-Ола.: Мар. кн. изд-во, 1992. – С. 106.
6. Гришкина М.В. Материалы ландратской переписи 1716–1717 гг. как источник по истории Удмуртии первой четверти XVIII в. // Этнодемографические процессы на севере Евразии: Сборник научных трудов. – Сыктывкар, 2005. – С. 36-39.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209, оп. 1, д. 1030, л. 96-114 об.
8. РГАДА. Ф. 1113, оп.1, д.4, л.17.
9. Документы по истории Удмуртии XV– XVII веков. – Ижевск, 1958. – С. 74-79.
10. РГАДА. Ф. 1209. оп. 1, д. 520, л. 1028-1029 об.
11. Гришкина М.В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. – Ижевск, 1994. – С. 97.
12. Документы по истории удмуртов XV– XVII вв. – Ижевск, 1958. – С. 192-195.
13. Там же. С. 197-207; РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 520, л. 672, 697, 716, 729, 733, 736, 790-790 об.
14. Атаманов А.Г. По следам удмуртских воршудов. – С. 171.
15. Документы по истории Удмуртии... – С. 263-329.
16. Бушуева В.Л. Социально-экономические отношения чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII–XVIII вв. Рукопись канд. дис. – М., 1950. – С. 51-52.
17. Там же. – С. 58-59.
18. Труды Вятской ученой архивной комиссии (Далее – ВУАК). – Вятка, 1906. – Вып. III-IV. – С. 38-50.
19. РГАДА. Ф. 1173, оп. 1, д. 199, л. 1-2.
20. Труды ВУАК. – Вятка, 1905. – Вып. III. – С. 89-92; – Вып. IV. – С. 219-224.
21. Покровский И.М. К истории помещного и экономического быта в Казанском крае в середине XVII века // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1909. – Т. 76. – Кн. 7-8. – С. 99-108; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII – начале XVIII века. – Одесса, 1882.
22. Покровский И.М. Указ соч. – С. 100-107.
23. Труды ВУАК. – Вятка, 1906. – Вып 3-4. – С. 179-199.
24. РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 6444, ч.1, л. 32-34 об.
25. РГАДА. Ф. 350, оп. 3. д.1061, л. 256 об-257 об.
26. РГАДА. Ф. 350, оп. 1, д. 146, л. 1484.
27. РГАДА. Ф. 350, оп. 1, л. 1-62.
28. Там же. Л.945 о.-946.
29. РГАДА, ф.350, оп.1, д. 149, л. 2-90; 101-112 с об.
30. Там же. Л. 83-89 об.
31. РГАДА. Ф. 350, оп. 1, д. 145, л.28-36.
32. РГАДА. Ф. 350, оп.3, д.5556, л.550 об.-551.
33. РГАДА. Ф. 350, оп. 3, д. 5877, л.21- 25, 33об-34, 55, 59,75. 90, 91, 102, 107-107 об., 114, 158.
34. РГАДА. Ф. 350, оп. 3, д. 1071, л. 1219- 1318.
35. РГАДА. Ф. 350, оп. 3, д. 1066, л. 1-269.
36. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. – Ижевск, 1977. – С. 38.
37. Васина Т.А. Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Ижевск, 2006. – С. 68.
38. Гришкина М.В. Частновладельческая промышленность // Удмуртия в эпоху феодализма. – Ижевск, 1994. – С. 160-161.
39. Романов Н. Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие // Столетие Вятской губернии. – Вятка, 1881. – Т. II. – С. 774.
40. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии... – С. 34-35, 36-37, 41-42.

Некоторые сложные вопросы исторической демографии Европейского Севера России XVII века

Среди до сих пор не решенных вопросов исторической демографии, применительно к Европейскому Северу России XVII столетия, мы, как первоочередные, выделяем следующие: вопрос о стабильности населения черносотного Поморья; вопрос об утайке дворов черносотными крестьянами Европейского Севера России при переписях XVII в.; и вопрос о точности фиксации писцами и переписчиками запустевших дворов на Европейском Севере России XVII в.

По первому вопросу можно сказать следующее.

1. Дореволюционные и советские исследователи истории (XVII в.) как отдельных поморских уездов, так и Европейского Севера России в целом обращали пристальное внимание на историко-демографические проблемы (М.М. Богословский, П.А. Колесников, А.И. Копанев, Я.Е. Водарский, И.Л. Жеребцов и др.). Естественно, что для изучения историко-демографических проблем широко использовались писцовые и переписные книги. Такие вопросы, как динамика народонаселения, миграция населения, населенность дворов, населенных пунктов и территорий (волости, уезды) раскрываются, в основном, на материалах этих документов. Однако, на наш взгляд, возможности писцовых и переписных книг в исследовании историко-демографических вопросов еще не исчерпаны.

2. В первую очередь это касается стабильности населения черносотного Поморья в XVII в. Вопрос этот для исследования сложен и трудоемок. И все же наступило (или наступает) время для качественно иного изложения историко-демографических сюжетов. Необходимо представить читателю не только обилие цифр, но и массу конкретных людей, населявших конкретные деревни и посады. Мы должны выявить и, наконец, ответить на вопрос: были ли северные деревни, хотя бы на протяжении одного столетия, населены родственниками (отец–сын–внук), передавшими землю от отца к сыну или конкретная деревня (допустим, однодворная) в течение этого столетия бывала в руках нескольких, не связанных родственными узами, людей.

3. Тесно примыкает к вопросу о стабильности и вопрос о миграционном процессе, широко распространенном в северной деревне. Многие стороны этого процесса исследованы достаточно подробно, но опять же на «цифровом уровне». Однако остается неясным такая сторона вопроса: когда уход крестьянина с места жительства являлся окончательным переселением на другие места, возможно, в другой уезд; когда это было вынужденным бегством от голода и имело место явление миграционной волны, которая отхлынула и снова вернулась; когда это было обычным отходом для промысловых занятий или работы по найму. Несомненно, что все эти три упомянутых момента присутствовали в миграции северного крестьянина, однако, на «цифровом уровне» их невозможно отделить друг от друга. Поэтому предстоит исследовать каждый случай крестьянина со своего места жительства.

4. На основании только писцовых и переписных книг поставленные проблемы исчерпывающе не разрешить. Однако данные упомянутых документов вместе с таковыми из крестоприводных книг послужат базой для всестороннего исследования и поставленных проблем, и, вероятно, других. Без помощи компьютера весьма сложно будет произвести сравнение данных писцовых, переписных и крестоприводных книг одной территории.

5. Для проведения вышеупомянутого исследования я предлагаю создать исследовательскую группу, которая занялась бы в первое время своей деятельности «введением в компьютер» данных всех писцовых, переписных и крестоприводных книг по XVII в. Главное, чтобы подобная работа была сосредоточена в одном месте и проводилась по одной методике.

Второй вопрос не менее важен для правильного понимания происходивших процессов. Высказанная Я.Е. Водарским гипотеза о возможной, при проведении переписей 40-х и 70-х гг. XVII в., 25-процентной утайке дворов черными тяглецами принята исследователями за аксиому («История северного крестьянства». Архангельск, 1984. Т. I. С. 160, 162; другие конкретные работы историков). Однако эта гипотеза касается учета всего населения страны (или крупных регионов) и требует уточнений для отдельных уездов. Определенные сомнения вызывает также причина утайки дворов, называемая исследователями (стремление уменьшить таким образом груз финансового пресса государства). На основании многолетнего и весьма подробного исследования фискальной политики правительства в отношении черносотных кре-

*Мацук Михаил Александрович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

стьян и посадских людей Европейского Севера нашей страны и ответной реакции тягловцев на проведение этой политики, можем с уверенностью сказать следующее.

Массовых осознанных сокрытий от переписчиков крестьянских дворов в уездах черносозного Поморья во время первой и второй переписей просто не могло быть потому, что крестьяне поморских уездов в XVII в. не были в этом заинтересованы. Финансовая политика правительства, заключающаяся в данном случае в сохранении посошной системы в отношении к основным налогам, формировании реального оклада двора в процессе мирской раскладки, не побуждала крестьян к такому действию. Что касается второй переписи, то и во время ее проведения повода для сокрытия дворов у крестьян не было, так как они вряд ли знали, что правительство указом от 5 сентября 1679 г. начнет финансовую реформу, во время которой произойдет смена принципов налогообложения.

Конкретные данные, в частности, по Кайгородскому уезду (перепись 1678 г.), где переписчики выявили 34 утаенных двора (3,48 % от зафиксированных в уезде, без посада, дворов) и 226 мужчин и мальчиков (5,96 % «душ мужского пола») свидетельствуют о значительно меньшем, чем принято считать, реальном сокрытии дворов, имевшем характер единичных, а отнюдь не массовых и тем более не целенаправленных, действий. Такое сокрытие имело место в результате «прописки», осуществляемой волостными дьячками, составлявшими «сказки» для переписчиков.

Наконец, третий важный вопрос, поднятый нами в данном докладе.

1. Этот вопрос имеет немаловажное значение для исследователей социально-экономической истории Поморья XVII в., поскольку иногда историки довольствуются итоговыми данными по волостям и уездам, полученными писцами и переписчиками, не пересчитывая запустевших дворов. В результате этого в некоторых исторических работах появляются не совсем верные цифры, характеризующие запустение поморских уездов. В ряде работ обращалось внимание на то, что писцы и переписчики допускали ошибки при подсчете как жилых, так и пустых дворов. Однако ученые акцентировали внимание лишь на ошибках арифметических, хотя кроме них существовали и ошибки, так сказать, «методические».

2. «Методической» ошибкой писцов и переписчиков мы считаем фиксацию в писцовых и переписных книгах дворов, запустевших до предыдущего описания (переписи), а также учет их в итоговых данных о запустении в период от предыдущего до настоящего описания (переписи).

3. Упоминание в кадастровых документах при фиксации пустого двора даты его запустения (к сожалению, не всегда) дает возможность составить представления о наличии и величине «методической» ошибки. Для примера приведем данные, относящиеся к Кевроло-Мезенскому и Вятским уездам. Вятские уезды описывались в 1615 (дозор) и 1629 гг., переписывались в 1646 и 1678 гг. В писцовой книге 1629 г. зафиксировано всего 1269 дворов, по которым имеется указание времени их запустения. Из них 202 двора запустели до 1615 и в 1615 гг., т.е. данные о них вошли в дозорную книгу 1615 г. Таким образом, «методическая» ошибка составляет почти 16 % от общего количества запустевших дворов. Гораздо меньше доля «методической» ошибки в переписных книгах 1646 и 1678 гг. Однако в книге 1678 г. отмечено значительное количество дворов, запустевших «в давних летах», что наводит на мысль, что это также дворы «старые пустоты». В переписной книге Кевроло-Мезенского уезда 1678 г. фиксировались дворы, запустевшие «лет с 40», «лет с 50» и даже «лет с 60», то есть около 1638 и 1628 гг. В разных волостях фиксировалось разное количество «таких» дворов. Например, в волости Веркола их было отмечено четыре из общего числа пустых дворов, равного 27. Интересно, что переписная книга 1647 г. не отмечала дворы, опустевшие около 1628 или 1638 гг.

4. Таким образом, необходимо признать, что отмеченная «методическая» ошибка писцов и переписчиков уездов Европейского Севера России имела место, и ее надо учитывать. То есть исследователям не следует слишком доверчиво относиться к итоговым данным о количестве пустых дворов по волостям и уездам, имеющимся в писцовых и переписных книгах. На наш взгляд, необходимо перепроверять эти данные, чтобы избежать ошибки.

Изучение проблемы российско-украинских отношений в Слободской Украине XVI–XVII столетий в украинской историографии

Становление независимых государств на территории бывшего Советского Союза привело к кардинальным изменениям и в развитии отечественной исторической науки. Начатые в годы перестройки методологические и концептуальные изменения в историографии сразу после распада Советского Союза привели к негативному отношению к исследованиям советских ученых. В Украине, например, были попытки полностью дискредитировать советскую историографию и таким образом вычеркнуть целый пласт в развитии науки. Однако со спадом эйфории «незалежності» постепенно украинские исследователи начали анализировать достояние советских ученых и их вклад, как во всеобщее развитие науки, так и отдельных проблем.

Одними из актуальных проблем сегодня в России и Украине являются межнациональные отношения, их развитие в различные периоды истории. Это связано и со стремлением изменить отношение между своими странами и с желанием уладить межнациональные конфликты внутри самих государств. Целью данной статьи является анализ основных научных работ отечественных историков советского периода, в которых отражены российско-украинские отношения в Слободской Украине в XVI–XVII вв.

Слободская Украина – это этнический район в Украине и России, который образовался во второй половине XVII в. на южной окраине Московского государства**. Его появление связано с массовым переселением украинцев из Речи Посполитой в приграничные районы России, начатым еще в XVI в. Кульминацией колонизации стала национально-освободительная революция украинского народа, начатая Б. Хмельницким в 1648 г. В течение последующего полувека сотни тысяч украинцев приняли российское гражданство и переселились на Дикое Поле, значительно расширив территорию Московского государства и образовав новый этнический регион – Слободскую Украину. Его название связано со словом «слобода» – так тогда в России назывались поселения, освобожденные от уплаты налогов и получившие определенные привилегии от царского правительства.

Развитие советской исторической науки по данной теме можно разделить на четыре этапа.

Первый, переходной – 1920-е – середина 1930-х гг., когда в исторической науке работало много ученых-историков, которые начинали свою научную деятельность еще в конце XIX в., а потому в годы советской власти имели уже устоявшиеся взгляды на историческое развитие Слободской Украины.

Второй – середина 1930-х – конец 1950-х гг. – утверждение в советской исторической науке марксистско-ленинской методологии и разгром не только других научных школ и направлений, но и их представителей.

Третий – 1960-е – середина 1980-х гг. – окончательное утверждение марксистско-ленинской методологии в советской историографии.

Четвертый – 1985–1991 гг. – первые шаги ученых историков, направленные на слом существующей в Советском Союзе концепции развития человечества.

Естественно, что в разные годы проблема русско-украинских отношений рассматривалась по-разному и большое влияние на исследования оказывала господствующая в стране идеология. На первом этапе развития советской историографии в Украине большим влиянием пользовались такие историки, как академики Дмитрий Иванович Багалей и Михаил Сергеевич Грушевский. В 1920–1930-х гг. они создали свои научные кафедры и имели много учеников и последователей.

Д.И. Багалея называют «Нестором Слободской Украины». Именно с анализа его работ начинается изучение истории края. Ученый посвятил Слобожанщине многочисленные публикации, в том числе четыре монографии. Именно он ввел в научный оборот основную массу архивных документов. Проблему отношений между украинцами и россиянами Д. И. Багалей рассматривал при изучении колонизации края. Ученый считал, что «взаимодействие их (украинцев и россиян – *Е.Д.*) было чрезвычайно полезным... и дополняло друг друга» [1, с. 228 – перевод *Е.Д.*]. Ученый уклонялся от освещения проблемы российской украинских конфликтов во время колонизации региона, стараясь подчеркнуть общность двух народов. Даже о восстании чугуевцев 1641 г. против политики московской администрации он ограничился лишь

*Дьякова Елена Васильевна (Харьков, Украина) – преподаватель кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды.

**Сегодня это территория Харьковской, частично Сумской, Луганской, Донецкой областей Украины и прилегающих к ней районов Белгородской, Курской и Воронежской областей Российской Федерации.

констатацией факта [2, с. 63], не сказав, что причиной послужило злоупотребление украинского гетмана Я. Остряницы и покровительство ему царского правительства.

И хотя Д.И. Багалей не акцентировал внимание на проблеме русско-украинских столкновений, но все же отмечал, что «чрезвычайно тяжелой была жизнь слобожан во времена политических и военных конфликтов, и восстаний гетманов Выговского, Брюховецкого, Мазепы, Орлика...» [2, с. 62 – перевод *Е.Д.*]. Перечисленные гетманы провоцировали, а иногда даже и возглавляли татарские нападения на поселения за то, что украинцы из Слободжанщины не хотели принимать участия в их борьбе против московского правления, оставаясь в большинстве своем верными государевой присяги. Почти в каждой работе ученый подчеркивал доброжелательность русского правительства относительно украинских беженцев, «так как они, все ж таки были, хотя и из чужой земли Польши, чужеземцы, украинцы, а не москали, но братья по крови и вере, таких пришлых украинцев принимали прежде как союзников» [2, с. 23 – перевод *Е.Д.*].

Другой историк того времени – М.С.Грушевский конкретно не изучал историю Слободской Украины, хотя в некоторых своих публикациях касался определенных аспектов ее истории. Из анализа работ М.С. Грушевского видно, что этот ученый считал колонизацию Слободжанщины негативным явлением в деле создания независимого украинского государства в XVII ст. Он с горечью отмечал, что в годы Хмельниччины дело независимости Украины было убито за счет территориального расширения [3, с. 39 – перевод *Е.Д.*].

Этой концепции придерживались и ученики Михаила Сергеевича. Один из них – В.Д. Юркевич – в 1932 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Еміграція на Схід і залюднення Слободжанщини за Б. Хмельницького» [4], написанную на широком архивном материале. На основании его исследований развитие отношений между украинцами и россиянами во время колонизации края можно поделить на два этапа: XIV ст. – 1653 г. и 1654 г. – начало XVIII ст.

Первый этап характеризуется негативным отношением царского правительства к переселению украинцев на южные приграничные земли Московского государства, так как это могло привести к нежелательному военному столкновению с Речью Посполитой. Кроме этого, причинами отрицательного отношения к украинцам россиян и, прежде всего, местной администрации В.Д. Юркевич называет повреждение пограничной оборонительной системы против татар и непослушание новых подданных.

Естественно, что между украинцами и русскими служилыми людьми часто происходили вооруженные стычки. И В.Д. Юркевич указывает, что инициаторами столкновений во многих случаях выступали украинцы, которые нападали (иногда с татарами) и грабили приграничные русские поселения [4, с. 101]. В начале национально-освободительной революции под руководством Б. Хмельницкого украинская колонизация на южные окраины Московского государства была приостановлена. Однако после подписания Белоцерковского договора в 1651 г. между казацкой старшиной и польским правительством поток беженцев увеличился в несколько раз.

Второй этап русско-украинских отношений, по мнению В.Д. Юркевича начинается с Переяславской рады 1654 г., на которой было принято решение о присоединении Украины к России. Это событие заставило местную администрацию изменить свое отношение к новым подданным. В 1655 г. была проведена первая перепись населения Слободской Украины. Жители края получили льготы на самоуправление, занятие ремеслом и торговлей, а также продовольственную и материальную помощь на обустройство личного хозяйства. Надо отметить, что в советской историографии это единственная работа, которая подробно исследует конфликтную сторону российско-украинских отношений в XVI–XVII вв. во время заселения Слободской Украины.

В 1930–1940-х, а в особенности начиная с 1954 г., вопрос украинско-русских отношений рассматривался лишь с положительной стороны, в свете «Тезисов ЦК КПСС о 300-летию воссоединения Украины с Россией», где говорилось о многовековом стремлении украинского народа навеки объединиться с братским русским народом [5, с. 6].

Согласно этой концепции (которая стала по сути государственной), и были написаны в 1950–1960-х гг. монографии харьковского историка А.Г.Слесарского, который занимался исследованием истории Слободжанщины в послевоенные годы [6; 7]. В его работах исследуется в основном борьба русских и украинцев с татарскими набегами. Этой же точки зрения придерживались другие советские ученые: Е. Апанович, В. Загоровский, Л. Чижилова и многие другие. В особенности ярко данная концепция прослеживается в общих работах по истории СССР и УССР периода феодализма. Такое восприятие упрощало картину российско-украинских отношений в период становления Слободжанщины.

Однако не стоит огульно обвинять советских историков в фальсификации исторических фактов и событий. Прежде всего, необходимо помнить в каких условиях им приходилось работать. Тяжелый идеологический прессинг, тяготевший над ними, не давал возможности открыто выражать свои мысли.

Но советские ученые научились пользоваться «эзоповым языком» и таким образом высказывать свои концепции.

Тот же А. Г. Слюсарский, которого никак нельзя обвинить в искривлении марксистско-ленинской методологии в исторической науке, в своей монографии «Социально-экономическое развитие Слобожанщины» высказал вывод, что царское правительство с самого начала колонизации края рассматривало предоставление льгот жителям Слобожанщины как «временное явление» [7, с. 340]. И только создавшаяся ситуация в Московском государстве заставляла чиновников постоянно возобновлять слобожанам льготы, в том числе и право на автономию. В такой ситуации регион находился немногим более столетия пока Екатерина II своим манифестом не ликвидировала права и привилегии украинского казачества. Подобных утверждений не выдвигал ни один исследователь края. А высказанное мнение показывает, что ученый понимал истинные отношения между двумя народами и таким образом сумел высказать свою точку зрения.

В годы перестройки ученые не уделяли должного внимания данной проблеме и потому научных публикаций по данной теме нет. Для этого периода характерна публикация работ запрещенных в годы советской власти работ историков – М.С. Грушевского, Д.И. Багалея, Д.И. Дорошенко, О. Сутельного и других. В больших количествах печатались работы местных краеведов, но они носили больше информативный, нежели научный характер.

Рассмотрев основную научную литературу по проблеме русско-украинских отношений, можно сделать выводы, что в советской историографии этот вопрос мало исследовался. Возможность поднимать данную проблему в исторической науке была лишь в 1920–1930-х гг., когда влияние государственной идеологии еще не сильно распространялось на историческую науку. Начиная с 1950-х гг. советскими историками освещались только дружественные отношения между украинцами и россиянами.

Литература и источники

1. Багалея Д. І. Очерки из русской истории. – Харьков, 1913. – Т. 2.
2. Багалій Д. І. Історія Слобідської України. – Харків: Основа, 1993.
3. Грушевський М. С. Історія України-Руси: В 10 т. – Київ, 1916. – Т. VIII. – Ч. 2.
4. Юркевич В. Д. Еміграція на Схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького. – Київ, 1932.
5. Тези про 300-річчя воз'єднання України з Росією (1654–1954 рр.), схвалені ЦК КПРС. – Київ, 1954.
6. Слюсарський А. Г. Слобідська Україна. – Харків, 1954.
7. Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII–XVIII вв. – Харьков, 1964.

Обывательские книги Вологды конца XVIII в. как источники по исторической демографии

В государственном архиве Вологодской области хранятся две обывательские книги 80–90-х гг. XVIII в. [1]. Наиболее ранней является кн.17 (объем 546 лл. с об.), которую можно назвать *алфавитным списком городских обывателей*. Большая часть его (81%) в табличной форме была составлена в 1785–1786 гг. выборными старостами, купцами М.Рыниным и В.Исаевым. В 1791–1793 гг., возможно, на основе данного списка была создана собственно *обывательская* кн.4211 (объем 1683 лл.), разделённая на пять частей. Она скреплена рукой городского головы Степана Митрополова и депутата городской думы Фёдора Окатова. Заполнение обеих книг в алфавитном порядке продолжалось до 1796 г. [2]. Составленные во исполнение Екатерининской Жалованной грамоты городам 1785 г., они являются ценнейшими источниками по изучению различных вопросов исторической демографии – общей численности и динамики народонаселения, его семейно-брачной, поло-возрастной и социально-профессиональной структуры. Комплексному изучению под таким углом зрения эти книги еще не подвергались, хотя в краеведческой литературе к столь многоплановым и содержательным источникам постоянно обращаются разные авторы по разным вопросам (топография города, его социально-экономическое развитие, оборот земли и дворовых строений, управление, государственные повинности городских сословий, купеческие гильдии и ремесленные цеха) [3]. Особенный интерес с историко-демографической точки зрения представляет статья К.Р.Слащёва [4]. Не просчитывая данные по всей кн.4211, указав в общем, что в ней зафиксировано 1342 домовладения, автор предложил выборку по городским семьям на один 1788 г. На него приходится 32 % записей, охватывающих 441 семью (1524 чел., из них 45% мужчин и 54% женщин). Наиболее распространенные типы семей среди них, выделенные Слащёвым: 1) брачные пары с детьми (36,7%); 2) один из родителей (отец, мать) с детьми (14,3%); 3) брачные пары без детей (13,8%); 4) одиночки (16,6%).

Нами обывательская кн. 4211 была обработана за все годы, что позволило выявить более полную картину. Подчеркнем, что основная единица измерения в ней – это конкретное домовладение, соотносимое с отдельной семьёй «настоящего городского обывателя, старожила, родившегося в здешнем городе либо вписавшегося в него». Общая численность поименованного в кн. 4211 «обывательского» (в большинстве своем торгово-ремесленного и мещанского) населения города (оно отражено в табл. 2-4), составила 5091 чел. об.п. По ведомости городского магистрата за 1792 г. купцов и мещан было отмечено 5330 душ об.п., а всё население Вологды было 9407 душ об. п. [5]. Разницу в показателях обывательской книги и магистратской ведомости можно объяснить характером учета: в первую вносились главным образом купцы, мещане, цеховые ремесленники, городское духовенство и мелкие служащие, подробно раскрывался состав их семей, наличная недвижимость (дома, другие строения, промысловые заведения, род занятий, размер капитала или вид ремесленного цеха, выполняемые государственные и общественные службы), а о дворянах и военных развернутые сведения отсутствовали, о крестьянах их не было вовсе. В магистратских же ведомостях фиксировались (правда, суммарно, без подробных характеристик, касающихся численности и состава семьи) еще дворяне и обширная масса торговых крестьян и бобылей, живших в городе.

Именно *семья* наиболее обстоятельно может быть проанализирована по кн.4211. Отмеченного переписчиками при фиксации дома первым главу семьи мы в дальнейшем изложении будем называть *хозяином*. Всего в кн.4211 удалось насчитать 1226 семей, что на две трети превосходит обработанную К.Р.Слащёвым выборку. Основная масса купцов, ремесленников, мещан, духовенства Вологды проживала в малых (нуклеарных) семьях. Они были как прямого, так и бокового родства. Численно преобладали 465 полные семьи *прямого родства* – супружеская пара с родными детьми. В это число входило 10 семей, включавших не только совместных детей супругов на момент переписи, но и детей каждого из них от предшествовавших браков. Таким образом, родными эти дети являлись в строгом смысле только одному из супругов. В 5 семьях отмечены вовсе не родные, а приемные дети («для наследства», как говорилось в обывательских книгах). 107 семей могут быть определены как двухпоколенные – в них отмечены супруги с младшими детьми и с уже женатыми сыновьями (без детей у последних). 15 семей являлись трехпоколенными, включая и супругов с младшими детьми, и женатых старших сыновей, и внуков от них. Трехпоколенный состав приобретали и те немногие семьи (всего 5), в которых вместе с брачной парой и ее потомством проживали родители (отец или мать) одного из супругов.

*Черкасова Марина Сергеевна (Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

Полных семей *бокового родства* было значительно меньше (всего, по нашим подсчетам, 16), но варианты среди них наблюдаются весьма разнообразные: супружеские пары с детьми и родным/двоюродным братом/сестрой или же снохой (вдовой умершего брата) хозяина. Регистрировались также племянники, жившие в доме (семье) у дяди. Один из братьев мог быть уже вдовым, иметь или же не иметь своих детей. В качестве домовладельца мог быть зафиксирован холостой брат, а у него в доме – родной брат с семьей. Случалось и обратное – в доме с женатым братом с семьей проживал его родной брат-холостяк. 150 супружеских пар детей не имели, но в их домах иногда отмечены и престарелые родители, и братья/сестры хозяина, и его снохи. В родственную ассоциацию бездетной семьи могли входить и свояченицы (сестры жены) хозяина – тоже со своими детьми либо без оных, в последнем случае они определялись как «девки».

396 семей прямого родства у вологжан были неполными, поскольку домовладельцем здесь являлись: вдова (333 семьи) или вдовец (63 семьи). У женщин-вдов также можно выделить семьи с родными младшими детьми (193) и женатыми сыновьями, имеющими своих детей (120 семей). 15 вдовьих семей включали сноху вдовы с детьми от умершего сына или же от сына, отданного в рекруты. Еще в 5 вдовьих семьях проживали: тетка, разведенная дочь, пасынок, падчерица, золовка. У вдовых мужчин отмечено 22 семьи прямого родства со своими детьми и 30 семей с уже женатыми сыновьями или со снохами от умерших сыновей. 3 семьи у вдовцов состояли из бездетных брата/братьев с сестрой/сестрами и еще 3 – из бездетного хозяина со снохой умершего брата и ее детьми (т.е. своими племянниками).

Отсутствие развернутых сведений о семейном положении еще 25 мужчин в кн.4211 объясняется тем, что они, будучи дворянами, чиновниками, военными, не являлись в строгом смысле «настоящими городскими обывателями», несущими тягло и имеющими промыслы. Указано лишь, что данный человек – поручик, подполковник, губернский землемер, коллежский асессор, подканцелярист или протоколист, титулярный или надворный советник, прапорщик, штаб-юнкер артиллерии, капитан-лейтенант флота, отставной капитан или сержант, солдат губернской роты. Однако с учётом этих лиц общее количество семей в городе было больше приведенного нами.

По аналогии с отмеченным выше явлением не сообщаются сведения о семейном статусе 18 женщин, характеристики о них даются по социальному происхождению или чину (гражданскому, военному) мужа – надворная советница, губернская секретарша, коллежская асессорша, советница или секретарша, титулярная советница, прапорщица, порутчица, полковница, регистраторская жена, «катова жена» (городского палача? – М.Ч.), помещица, девица-помещица, дьячкова жена, солдатская жена и т.п. Удалось выявить также восемь «сестринских» семей, состоявших из двух-трех родных и бездетных сестер (чаще всего «девок», реже – вдов). К «девкам» были отнесены и 12- и 65-летние особы (первые, опять-таки, в силу того, что учитывались они как домовладелицы), а средний их возраст, как и холостяков, составлял 28 лет. Штрихом к социальной характеристике «девок» может служить даваемое им определение как «вольнотпущенная такой-то помещицы».

Из не имеющих семью и совершенно одиноких мужчин-домовладельцев 23 чел. прямо обозначены в кн. 4211 как «холост», 18 чел. – как «вдов» и в отношении еще 10 чел. никакого определения нет. Возраст холостяков был самый разный (средний получается 28 лет, у Слащёва на 1788 г. – 43 года). Невольное удивление вызывает отнесение к холостякам 15-16- и даже 12-летних (! – М.Ч.) подростков. Видимо, они учитывались именно как домовладельцы и в таком качестве считались «настоящими городскими обывателями». Отметим ещё 7 братских семей во главе с бездетными мужчинами (в том числе и вдовцами) и с родными (или двоюродными) сестрами. Последние могли быть и вдовами, и «девками». Полностью одиноких женщин (без детей и других родственников) в кн. 4211 отмечено 122 – в основном вдовы и немного «девок». Нередко одинокие бездетные вдовы отмечались как «солдатские, реже – матросские жены» (всего 30 случаев), средний же их возраст составлял 44 года. Как своего рода скрытое одиночество, неустроенность личной жизни можно рассматривать выявленную нами группу вполне взрослых обывателей Вологды в возрасте от 20 до 51 года (всего из 388 чел. об.п.), которые, не будучи детьми, проживали в доме вместе с родителями или другими родственниками. Из их 57% составляли мужчины и 43% – женщины (табл.2 в приложении).

40% в просчитанной совокупности населения составляли дети. Перечислялись они обычно в строгом порядке: сначала мальчики, затем – девочки с указанием возраста по убывающей. Возраст отмечался, начиная с 10 недель и до 19 лет. Зафиксированный в многодетных (по 7-9 детей) семьях детский возраст (19, 17, 14, 11, 9, 7, 5 лет и т.п.) отчетливо отражает интергенетический интервал рождений их в 2-3 года. Наиболее ранний брак мог быть заключен в 13-14 лет (для женщин) – выявлено два случая. Взятая в чужую семью 13-летняя девушка была ровесницей одного из младших братьев своего 19-летнего мужа [6]. Наиболее ранний возраст брака для мужчин – это 15 лет (1 случай). После 15 лет сведения о возрасте состоящих в браке нарастают: 5 мужчин и 11 женщин 18-летних и по 12 мужчин и женщин 19-летних.

Именно 18-19 лет и можно, по-видимому считать совершеннолетием для молодых жителей в конце XVIII в. Однако большинство их сверстников, как следует из табл.2, еще не обзавелось семьями и фиксировалось с родителями в домах. Самый же преклонный возраст пребывания в браке – это 93 года для мужчины, отставного капрала (1 случай) и 89 лет для женщины (2 случая).

Наблюдения над возрастом супругов в семьях показывают, что в большинстве случаев (52%) жена была на 1-5 лет моложе мужа. В этом и отразилось более раннее вступление женщин в брак. Разница в 6–10 лет зафиксирована в 19%, свыше 10 лет – в 12% случаев. В 7% случаев жена была старше мужа, и в 8% они были ровесниками. Выявлены единичные примеры старшинства мужа над женой на 24-25 лет, что всегда было связано с его вторым или третьим браком. Определение «старый» прилагалось в равной мере как к женатым, так и одиноким мужчинам в диапазоне от 54 до 78 лет.

Средняя численность семьи зависела от ее типа и «детности». По наблюдениям Слащёва, численный состав вологодской семьи в изученном им 1788 г. был невысок и составлял 2-3 чел. Считаем, что это слишком усредненная величина, не учитывающая всего разнообразия типов семейно-родственных коллективов и информации обывательских книг за весь период их составления (1785–1796 гг.). 2-3 чел. – это количество детей у большинства брачных, но встречались и семьи с числом детей свыше 5, и тогда их численность могла составлять 10-12 чел. Нами было обчислено 769 семей прямого родства с детьми и без них, включавших в себя всего 3343 чел. об. п. Эта выборка составляет 65% от общего количества поименованного в кн. 4211 населения и 62% – от общего числа семей. В результате оказалось, что в пределах данной выборки две трети семей включали по 3-5 чел. (табл.1 в приложении – на группировки семей в 3, 4, 5 чел. показано по 20 % на каждую). Именно в них обитало более половины населения (55 %) от «охваченного» данными типами семей.

В совершенно исключительных случаях (если, например, с родителями, кроме младших детей, проживало еще три женатых сына со своими семьями) численность зафиксированной в данном доме родственной ассоциации достигала 20 чел., хотя здесь фактически было четыре семьи. Были выявлены семьи, включавшие и по 14-16 чел. До 10-13 чел. могли доходить семьи даже у вдов, хотя такие случаи редки. Дома, в которых проживали состоящие из женатых пар с детьми братские семьи также отличались густой населенностью – до 16 чел. Наглядный пример - дома крупных купцов, братьев Митрополовых: 1) первой гильдии Гаврилы и Афанасия Андреевых детей – 11 чел. и 2) второй гильдии Николая и Степана Ивановых детей – 10 чел. [7]. Последний как раз и являлся составителем вологодской обывательской кн. 4211.

Литература и источники

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 476 (Городская дума). Оп. 1. Кн. 17; Ф. 496 (Консистория). Оп. 1. Кн. 4211.
2. Подробнее см.: Черкасова М.С. Источниковедческие наблюдения над Обывательскими книгами Вологды конца XVIII в. // 1941–1945: уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Вологда, 2006. – С. 255-263.
3. Козина Г.Н. Вологодские купцы – фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX в.) // Вологда. Краеведческий альманах. – Вологда, 1998. – Вып. 2. – С. 85-148; Мухин А.В. Вологда в конце XVIII в. // Историческое краеведение и архивы. Сб. ст. – Вологда, 2004. – Вып. 10. – С. 97-103; Мясникова Л.Н., Якунина О.В. От первого городского головы до современного главы города Вологды (1785–1999 гг.) // Вологда. Краеведческий альманах. – Вологда, 2000. – Вып. 3. – С. 166-167; Черкасова М.С. Государственные службы торгово-ремесленного населения Вологды во второй половине XVIII в. // Актуальные проблемы управления и экономики: История и современность. Материалы науч. конф. – Вологда, 2006. – С. 158-168; Она же. Торгово-ремесленное население Вологды в конце XVIII в. (По обывательским книгам 1785–1796 гг.) // III Ушаковские чтения. Сб. науч. ст. – Мурманск, 2006. – С. 51-56.
4. Слащёв К.Р. Вологодская семья в 1788 году // Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова. – Вологда, 2000. – С. 237-245.
5. ГАВО. Ф.833 (Магистрат). Оп.1. № 401.
6. Там же. Ф.496. Кн.4211. Л.1066
7. Там же. Л.715-716

Приложение

Таблица 1

Распределение населения в полных семьях с детьми и без детей в конце XVIII в.

Людей в семье	Количество семей		Численность населения	
	Абс.	Процент	Абс.	Процент
2 чел.	140	18,2	280	8,3
3 чел.	159	20,6	477	14,2
4 чел.	154	20,0	616	18,4
5 чел.	154	20,0	770	23,0
6 чел.	64	8,3	384	11,4
7 чел.	44	5,7	308	9,2
8 чел.	23	2,9	184	5,5
9 чел.	17	2,2	153	4,5
10 чел.	5	0,6	50	1,4
11 чел.	3	0,3	33	0,9
12 чел.	2	0,2	24	0,7
Более 12 чел.	4	0,5	64	1,9
Всего	769	100	3343	100

Таблица 2

Возраст детей по обывательским книгам 1785–1796 гг.

Возраст	Дети		Всего	
	Мальчики	Девочки	Абс.	Процент
До 1 года	16	10	26	1,2
1 год	25	32	57	2,8
2 года	55	61	116	5,7
3 года	62	65	127	6,2
4 года	56	52	108	5,3
5 лет	56	71	127	6,2
6 лет	52	51	103	5,1
7 лет	47	64	111	5,5
8 лет	48	91	139	6,8
9 лет	59	63	122	6,0
10 лет	60	60	120	5,9
11 лет	50	69	119	5,8
12 лет	49	53	102	5,0
13 лет	58	41	99	4,9
14 лет	45	68	113	5,5
15 лет	43	49	92	4,5
16 лет	40	46	86	4,2
17 лет	43	47	90	4,4
18 лет	41	27	88	4,3
19 лет	49	44	93	4,6
Всего	954 (47 %)	1064 (52 %)	2018	100

Таблица 3

Возраст взрослых, не имеющих своей семьи и проживающих с родителями или другими родственниками

Возраст	Мужчины	Женщины	Всего
20 лет	34	20	54
21 лет	29	15	44
22 года	25	12	37
23 года	17	16	33
24 года	15	9	24
25 лет	13	9	22
26 лет	18	10	28
27 лет	8	14	22
28 лет	14	3	17
29 лет	8	6	14
30 лет	9	9	18

Окончание табл. 3

Возраст	Мужчины	Женщины	Всего
31 год	4	4	8
32 года	5	8	13
33 года	5	4	9
34 года	1	1	2
35 лет	—	4	4
36 лет	4	2	6
37 лет	4	3	7
38 лет	1	4	5
39 лет	4	1	5
40 лет	1	1	2
41 год	1	2	3
42 года	1	1	2
43 года	—	2	2
44 года	1	1	2
45 лет	—	1	1
46 лет	—	1	1
48 лет	1	—	1
50 лет	1	—	1
51 год	1	—	1
Всего	225 (57 %)	163 (42 %)	388

Таблица 4

Возраст семейных граждан по обывательским книгам конца XVIII в.

Возраст	Мужчины	Женщины	Всего
13 лет	—	1	1
14 лет	—	1	1
15 лет	1	1	2
16 лет	3	2	5
17 лет	—	4	4
18 лет	5	11	16
19 лет	12	12	24
20 лет	10	31	41
21 год	17	11	28
22 года	28	34	62
23 года	23	35	58
24 года	25	32	57
25 лет	24	41	65
26 лет	18	28	46
27 лет	29	29	58
28 лет	37	34	71
29 лет	43	46	89
30 лет	29	52	81
31 год	40	52	92
32 года	44	44	88
33 года	41	34	75
34 года	38	38	76
35 лет	26	42	68
36 лет	48	37	85
37 лет	28	34	62
38 лет	23	18	41
39 лет	23	33	56
40 лет	22	68	90
41 год	15	22	37
42 года	28	27	55
43 года	27	21	48
44 года	25	36	61
45 лет	23	49	72
46 лет	25	26	51
47 лет	20	24	44
48 лет	23	15	38
49 лет	25	18	43

Окончание табл. 4

Возраст	Мужчины	Женщины	Всего
50 лет	23	36	59
51 год	19	27	46
52 года	27	30	57
53 года	20	19	39
54 года	24	29	53
55 лет	19	27	46
56 лет	14	27	41
57 лет	17	15	32
58 лет	15	14	29
59 лет	6	24	30
60 лет	14	16	30
61 год	22	21	43
62 года	15	13	28
63 года	15	14	29
64 года	8	24	32
65 лет	15	4	19
66 лет	9	19	28
67 лет	7	7	14
68 лет	5	18	23
69 лет	10	10	20
70 лет	4	8	12
71 год	9	9	18
72 года	5	1	6
73 года	7	4	11
74 года	3	4	7
75 года	4	2	6
76 лет	3	6	9
77 лет	5	1	6
78 лет	2	2	4
79 лет	—	1	1
80 лет	—	1	1
82 года	1	3	4
83 года	—	1	1
84 года	—	3	3
85 лет	—	1	1
88 лет	1	2	3
89 лет	2	—	2
93 года	1	—	1
Всего	1199 (44,6 %)	1486 (55,3 %)	2685 (100 %)

Табл. 1–4 составлены по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211.

Социально-демографические характеристики русских переселенцев на Дунай первой трети XIX века: эвристический потенциал формулярных источников

Данное исследование следует разместить в контекст двух основных направлений современной историографии. С одной стороны, стремительно развивающейся исторической клиометрики – в перспективные попытки примерить «строгий костюм» математики и выявить логичную закономерность в непредсказуемых фактах уникальной по своей природе истории [1]. Другое же направление более традиционно (начиная с хрестоматийных В.О.Ключевского и Л.И.Мечникова) и связано с изучением территориальной экспансии как феномена российского народа.

Количественные методы в исторических работах активно применяются при анализе массовых источников – ревизских переписей, метрических и клировых книг и т.д. [2]. Обратим внимание на формулярный характер таких данных – уникальность сведений подчиняется заданной структуре. Последняя, как правило, и определяет алгоритм возможностей, а наполнение используется для демонстрации степени вариативности.

Отталкиваясь от этого опыта, попробуем показать потенциал посемейных списков, которые составлялись российской администрацией для учета вновь приобретенных территорий. Они имели фискально-стратегическое содержание и составлялись чиновниками или военными непосредственно на местах путем сплошного опроса. Такие материалы позволяют реконструировать целый ряд сюжетов в отношении народонаселения и его миграционно-демографических свойств.

Для конкретного примера взяты списки жителей Килии, Аккермана, Измаила и Жебриян 1808–1813 гг. [3]; аналогичные сведения 1819–1820 гг. [4], а также результаты VIII ревизии (1835 г.) [5] в Придунавье. В этих формулярных источниках отложились данные о населении региона на этапе его модерного освоения. Для своего анализа мы привлекли материалы об одной этнической группе – русских. О репрезентативности задействованных источников говорит тот факт, что только количественно в них содержатся данные о более чем 60% от всех русских Бессарабии того времени (подсчитано в сопоставлении с военно-статистическими описаниями П.Свиньина, В.Корниловича и И.Батьянова [6]).

Эти материалы разрешают существенно детализировать наши представления о многих аспектах жизнедеятельности русских Придунавья в начале XIX в. Особо ценными представляются возможности проследить миграции, внутригрупповые отношения, половозрастные характеристики и типологию семей, отдельные культурно-бытовые реалии. Структура предлагаемых обобщений обусловлена спецификой указанных документов. В одних из них, учитывали все население (Измаил, Жебрияны), в других – только мужское (Килия; в Аккермане женщины указывались без имен). Иногда в описаниях содержатся сведения о хозяйственной деятельности (Килия, Жебрияны, Аккерман). А в одном из документов 1811–1813 гг. содержится также подробные описания антропологического облика глав семей (Измаил).

Стоит также отметить, что данные отражают историческую, социальную, конфессиональную специфику освоения нижнего Дуная различными общностями русского народа. Реализуя «миграционную парадигму» русского народа [7], на эти территории активно переселялись бывшие донские казаки из-за Дуная («некрасовцы» из Добруджи), беглые русские мещане и крестьяне, ранее проживавшие на землях бывшей Речи Посполитой («пилипоны») и масса социально неоднородного населения непосредственно из российских территорий («великороссийского звания»). Подтверждая тезис Б.Н.Миронова о важности Раскола в формировании переселенческих потоков, подчеркнем, что большинство из них принадлежали к старообрядчеству (две первые группы полностью, а на религиозные взгляды «великороссов» указывает факт частой синонимичности по отношению к ним понятия «часовенного согласия»).

Старообрядцы на протяжении всей своей истории проявляют высокую степень мобильности. Стоило им только ощутить давление со стороны государства и официальной церкви, как сразу же вчерашнее селение могло превратиться в пустошь, а его жители уже обосновались за сотни, а иногда и тысячи верст. Желание сохранить свою веру приводило к массовым переселениям за границы России. Активное освоение сторонниками «древлего благочестия» ряда регионов Европы (конец XVII–XVIII вв.) совпало со значительным расширением владений Российской империи. Эти параллельные процессы предопределяли ситуацию, когда практически каждое поколение старообрядцев в поисках свободы вынуждено было искать новые места жительства.

*Пригарин Александр Анатольевич (Одесса) – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета им. И.И.Мечникова.

Итак, на основе формулярных источников имеется возможность для реконструкций социально-демографических характеристик (с учетом групповой вариативности) русских переселенцев на Дунай первой трети XIX в. В частности, предметами нашего внимания являлись: половозростной состав, брачность, структура и состав семей, хозяйственные занятия.

Половозростная структура. Общая численность русских в регионе в первой трети XIX в. составляла от 1,5 тыс. (1808 г.) до 6 тыс. чел. (1835 г.). В отношении других этнических групп следует отметить, что русские уступали лишь украинцам, занимая второе место по численности. На протяжении всего периода значительная часть русских проживала в городах, доля сельских жителей существенно выросла в 1820-е гг. – с 32 до 59%.

Наглядно основные половозрастные характеристики сведены в таблице (табл. 1). Обращает на себя внимание факт преобладания мужского населения над женским. На 100 особ у некрасовцев приходилось 52 мужского и 48 женского пола; у пилипонов и великороссиян (соответственно): 63:37 и 59:41 (58:42 – средний показатель для всех групп). При этом более половины особ у некрасовцев – до 20 лет, а у двух остальных групп – до средней возрастной когорты (21-40 лет). Практически минимально количество пожилых женщин во всех группах.

Таблица 1

Половозрастные характеристики русского населения Придунавья

Возраст		0-10	11-20	21-30	31-40	41-50	51-60	61 и старше	Всего
Некрасовцы	Муж.	37	44	44	22	28	5	5	185
	Жен.	49	45	30	31	8	3	1	167
	Общая	86	89	74	53	36	8	6	352
Пилипоны	Муж.	40	70	73	62	32	11	5	293
	Жен.	25	25	63	43	8	6	2	172
	Общая	65	95	136	105	40	17	7	465
“Великорос- сийской поро- ды”	Муж.	41	60	66	39	19	9	10	244
	Жен.	37	35	55	24	9	7	2	169
	Общая	78	95	121	63	28	16	12	413
Итого		229	279	331	221	104	41	25	1230

Такое гендерное соотношение является закономерным для подобных миграционных процессов в целом. Такая же картина, например, наблюдалась у старообрядцев-переселенцев на Алтае, в Забайкалье, на Дальнем Востоке [8]. Дефицит женщин в старообрядческих общинах Придунавья ощущался вплоть до 1850-х гг. (материалы IX ревизии).

Еще одним принципиальным моментом в демографической характеристике является соотношение возрастных групп. Распределение между детьми (1–15 лет), взрослыми (16–50 лет) и пожилыми людьми (51 и старше) считается одним из типологических признаков демографических процессов в обществе. По этому критерию этнокультурные общности русских Придунавья могут быть отнесены к стабильным (пилипоны, у которых этот показатель составил 111:330:24 (в процентах – 24:71:5)), прогрессирующим (некрасовцы – 133:215:14 в абсолютных данных или 37:59:4 в %) и переходному от стабильному к прогрессирующему («великороссийской породы», соответственно 126:269:28 (30:64:6)).

У всех групп примерно равную небольшую долю составляли лица старше 51 года. Средний возраст мало варьируется по группам и составлял 37 лет с небольшим и для женщин, и для мужчин (в почти синхронном сравнении с другими территориальными группами старообрядцев прослеживается минимальная разница – против 40 с небольшим [9]). Наиболее пожилыми в списках являются мужчины 95 лет (некрасовцы), 96 (пилипоны) и 80 лет (великороссияне). У женщин всех групп максимальный возраст был одинаковым – 70 лет.

При этом значительно различались когорты детей и лица репродуктивного возраста. Если дети составляли лишь четверть у пилипон, немногим менее трети у “великороссиян” и 37% у некрасовцев, то взрослое население, соответственно: 71, 64 и 59%.

Эта ситуация для всех групп меняется на протяжении 40 лет. К середине XIX в. все группы уже могут быть охарактеризованы как прогрессирующие – ко времени IX ревизии вырастают доли детей и пожилых людей [10].

Такое соотношение групп мы склонны объяснять моментами, связанными с условиями переселений. Особенность этого процесса у разных общностей русских повлияло на специфику демографических характеристик. Мы видим прямую зависимость от степени организованности миграций и их географии. Переселение пилипонов и великороссиян было стихийным по своей природе и существенным по пространственным дистанциям, а некрасовцев – регламентированным и недалеким. Если некрасовцы переехали на относительно небольшое расстояние, то представителям других групп пришлось преодолевать сложные и дальние маршруты. Именно эти факторы, на наш взгляд, детерминировали демографическую ситуацию у русских Придунавья начала XIX в. А именно, среди некрасовцев был наиболее сбалансированный поло-возрастной состав, а у других групп можно отметить существенное преобладание мужчин молодого возраста.

Брачность. Согласно нашим подсчетам, средний брачный возраст у русских на Дунае первой трети XIX в. составлял 31–32 года для мужчин и 20–21 – для женщин. Мы исходили из предположения, что первые дети появлялись в течение первого года после заключения брака, что, учитывая старообрядческую традицию, вполне оправдано. Показательно, что он варьировался по отдельным группам (табл. 2) – для некрасовцев был в среднем меньшим, чем у пилипонов, а у тех, в свою очередь, меньше, чем у «великороссиян». Это вполне объяснимо особенностями переселенческих движений.

Показательно сравнить с аналогичными подсчетами по «исторической родине». Так одной из метрополий дунайского старообрядчества являлись Стародубские слободы. В них наблюдался аналогичный возраст для девушек, но мужской возраст был меньшим – 25–29 лет. Автор проведенного анализа объясняет это пребыванием молодых мужчин на заработках, а также необходимостью достичь материального положения с их стороны для создания семьи [11]. В обоих регионах средний возраст был значительно выше, чем показатели по Центральной России (15–16 и 16–18 лет) [12]. Это приближает переселенцев к европейскому типу брачности [13].

Со временем дефицит женского населения и освоение на новых территориях приводят к заметному снижению возраста вступления в брак во всех группах: на 1835 год он уже составлял – 17–18 у девушек и 20–21 – у юношей [14]. Этот момент следует считать частным случаем реституции – временному возвращению от новой модели брачности к традиционной. В ее основе лежит, по-видимому, прагматичность в распределении земель, участков и объем которой зависели от количества семей, именно домохозяйство являлось единицей наделения.

Брачный возраст, таким образом, находился в прямой зависимости от условий переселений. При наделении землей администрация пользовалась посемейным, а не подушным принципом. Этим прагматизмом, а также нехваткой женского населения определяется существенное снижение брачной границы на протяжении одного-двух поколений. Для некоторых переселенцев 1830-х гг. зарегистрированы случаи создания семьи в 14 лет у девушек и 15 – у юношей.

Подсчеты брачного возраста также показывают, что абсолютное большинство девушек создавали семью до 22 лет. В то же время браки юношей до 25 лет составляли лишь немногим более 5%. При этом большинство женщин в репродуктивном возрасте состоят в браке (вне брака насчитывалось лишь пятая часть женской группы). Для мужчин холостое состояние наблюдалось в 40% случаев. В среднем доля людей, состоящих в браке (индекс Э.Коула) переселенцев на Дунае, соответствовал среднему по европейской России, немногим ему уступая – 0,67 в регионе против 0,69 [15].

Соотношение семейного состояния русского населения региона показывает следующее: на 1808–1813 гг. не достигшие брачного возраста составляли – 32%; холостые и девицы – 14%; состоящие в браке – 47%; вдовы – 7%. К 1835 г. положение несколько изменяется: соответственно, 40, 15, 37 и 8%. Эти средние данные незначительно отличаются по группам. В гендерном плане стоит отметить, что на первоначальном этапе доля женщин, не состоящих в браке, была существенно меньше, чем у мужчин: 42 % женщин и 52% мужчин.

Структура семей. Типологически важным является поколенный состав семей. По этому критерию, у представителей всех групп доминировали двух- и однопоколенные семьи. Трехпоколенные составляли лишь 11,3% у некрасовцев; 10,1% – у пилипонов и 24,2% – у великороссиян. Более сложных вертикальных структур (четыре и более поколений) не выявлено.

Таблица 2

Состав и структура сложных семей у различных групп
русского населения города Тучкова (Измаил)

1811–1812 гг.												
	Брачный возраст		Поколения			Сложные семьи			Человек в них			
	М	Ж	1	2	3	Отцовские	Братские	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Индекс
Некрасовцы	31,5	18,7	24	47	9	8	12	20	53	68	121	6,1
Пилипоны	31,6	21,4	19	43	7	9	35	46	254	161	415	9,0
Великороссийской породы	32,3	21,4	20	30	16	12	22	33	214	142	356	10,8
Средний	31,8	20,5	63	120	32	29	49	99	521	371	892	9,0
1820 г.												
	Поколения			Сложные семьи			Человек в них					
	1	2	3	Отцовские	Братские	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Индекс		
Некрасовцы	8	31	7	8	8	16	48	40	88	5,5		
Великороссийской породы*	62	164	42	51	57	108	408	324	732	6,8		
Средний	70	195	49	59	65	124	456	364	820	6,15		

*В эту группу попали и «пилипоны», и «великороссияне».

Таблица 3

Состав и структура простых и неполных семей у различных групп
русского населения города Тучкова (Измаил)

1811–1812 гг.										
	Простые	Человек в них				Неполные	Человек в них			
		Муж.	Жен.	Всего	Индекс		Муж.	Жен.	Всего	Индекс
Некрасовцы	39	85	81	166	4,3	31	40	21	61	2,0
Пилипоны	16	35	25	60	3,8	18	21	0	21	1,2
Великороссийской породы	15	36	19	55	3,7	17	27	0	27	1,6
	70	156	125	271	3,9	66	88	21	109	1,6
1820 г.										
	Простые	Человек в них				Неполные	Человек в них			
		Муж.	Жен.	Всего	Индекс		Муж.	Жен.	Всего	Индекс
Некрасовцы	22	39	50	89	4,0	8	14	6	20	2,5
Великороссийской породы	229	535	432	967	4,2	108	181	51	232	2,1
	249	574	482	1056	4,1	116	195	57	252	2,3

Эта ситуация вполне соответствует структуре семей. По общепризнанной типологии, сложные семьи составляли 22% от всех некрасовских семей, 56 % – пилипонских и 51% – великороссийских. Среди них показательна существенная доля братских семейных коллективов – совместное проживание женатых братьев. Вариативность доли таких семей по группам показывает абсолютное доминирование братских семей среди сложных у пилипонов; почти в два раза большее количество таких семей среди великороссиян и незначительное превалирование в среде некрасовцев.

Отцовские (неразделенные) семьи фиксируются также для всех групп. От общего количества семей в группах они составляют 9% (некрасовцы), 12% (пилипоны) и 18% (великороссийской породы). Показательно, что значительную часть из них составляют лишь однолинейные трехпоколенные коллективы, а оставшиеся – женатые бездетные семьи при своих родителях. Количество брачных пар на отцовские семьи составляло в среднем 2,4, т.е. было практически минимальным.

Характеризует такие сложносемейные коллективы совместное проживание не прямых родственников. Кроме некрасовцев, в других группах часто в составе семей указываются: «племенники», «тетка», «дядя», «братья двоюродные» и т.д. Нередко также присутствие родственников по браку: «теща», «тесть», «свояченица», «сестра или брат жены», «шурин», «шурья», «зять» и т.д. О повторных браках свидетельствуют указания типа «падчерицы», «пасынки». Социально сложные явления иллюстрируют «воспитанники», «работники». Включение в состав семей последних говорит о неоднозначных социальных отношениях – как минимум о широком использовании наемного труда.

О внутрисемейных отношениях в сложных семьях говорит тот факт, что в отсутствие отца главой семьи во всех группах выступал старший женатый сын даже при наличии матери. Вдова в таком качестве выступала только в простых семьях, т.е. в семье, где не было женатого сына.

Численный состав сложных семейных коллективов также варьировался по группам. Средний показатель – девять человек на семью совпадал лишь у пилипон. У некрасовцев он составлял 6,1 чел. на семью, а у великороссиян, соответственно – 10,8 (табл. 2). Показательно, что только у некрасовцев в сложных семьях женщины преобладали над мужчинами, в остальных группах, наоборот, наблюдалось преобладание мужчин.

Большесемейные коллективы могли насчитывать до 20-25 чел. Самая большая по численности семья зафиксирована среди пилипон, в нее входило 29 чел. (17 мужского и 12 женского пола).

Анализ динамики показывает сравнение с аналогичными материалами 1820 г. Очевидна тенденция на уменьшение численности семей (этот индекс снизился до 6,15 чел. на семью). В структурном отношении выросло число отцовских семей, почти сравнявшись с братскими. Значительно уменьшилась и доля сложносемейных коллективов в целом (табл. 2).

Эти тенденции приводят к тому, что на момент VIII ревизии (1835 г.) сложносемейные коллективы составляли уже не более 10% от общего числа семей в Придунавье [16]. При этом, равную часть составляли отцовские и братские семьи. А к 1850 г. наблюдается реституция сложных семей – выявлены лишь отцовские однолинейные коллективы, которые составляли по материалам IX ревизии уже 15%.

Следующим типом семьи для всех групп можно считать простую (нуклеарную) семью – брачную пару с детьми. Она являлась основной для некрасовской группы (44%) и составляла существенную часть у двух остальных групп – пилипон (21%) и «великороссиян» (23%). Количество человек в таких семьях мало варьировалось по группам, составляя в среднем три-четыре человека. За счет большего числа детей в некрасовских семьях (на что повлияло, по-видимому, организованное переселение) у них аналогичный показатель был несколько выше – четыре-пять человек.

Стабилизация на новых территориях выравнивает этот индекс для всех групп (табл. 3). Это же способствует формированию новых семей и, частично, распаду некоторых большесемейных коллективов. На 1820 г. простые семьи составляют абсолютное большинство в рассматриваемых группах (табл. 3).

Отдельный тип представляют собой неполные семьи, в которые мы включили семьи вдовцов и одиноких холостых переселенцев. Их доля также показательна по группам. Среди некрасовцев они составляли самый больший процент (34%), характерным также было наличие особ женского пола в таких группах. В двух других группах женщины абсолютно отсутствовали в составе неполных семей, а сами семьи составляли 23% – у пилипон и 26% – «великороссиян». В такой ситуации мы также склонны видеть влияние условий переселения – некрасовцы, имея четкие социально-экономические гарантии, переселяясь на относительно близкое расстояние, могли позволить себе заботу о нетрудоспособных членах общества.

На 1820 г. доля таких семей существенно сокращается до 24% у некрасовцев и до 17% – у пилипонско-великороссийского населения (табл. 3). При этом у некрасовцев реально сокращается количество холостых, а в двух остальных группах оно, наоборот, вырастает также как и абсолютное число семей вдовцов.

Показательно сравнение с ранее освоенными территориями. Так, данные на 1795 г. по Верхнекамью [17] более близки к дунайским 1820–1830-х гг. Это свидетельствует о том, что стабильные общины воспроизводились по близким демографическим моделям. А источники 1808–1820 гг. зафиксировали переход мигрантов к оседлости.

Еще одним важным показателем для структуры семей является индекс детности – количество детей на одну семью. У некрасовцев примерно равное количество семей имело по одному, два и четыре ребенка, немного меньшее – по три и пять. В двух семьях зафиксировано по шесть детей. Лишь шесть семей были бездетными. Таким образом, средний индекс составил 2,6 детей на семью. Принципиально на 1820 г. картина не изменилась – несколько сократилось число многодетных семей, за счет чего индекс составил уже 2,1.

У переселенцев-пилипонов большинство семей имело по три ребенка (более трех четвертей от общего числа семей). Почти каждая пятая семья имела по два ребенка. Столько же было с одним ребенком. Лишь четыре семьи являлись бездетными, а единичные – многодетными (четыре и более). При этом средний показатель был такой же как и у некрасовцев – 2,6.

Для семей «великороссиян» аналогичный индекс на 1812 г. был значительно ниже – 1,8. На такое положение оказало влияние большая доля бездетных семей. Большинство семей имело по одному-три ребенка. 10 семей могли быть охарактеризованы как многодетные – четыре и пять детей.

На 1820 г. доля бездетных семей у пилипонской и великороссийской групп значительно выросла. В остальном ситуация принципиально не изменилась. Стоит лишь отметить возросшее количество много-

детных семей (4-7 детей). Однако средний индекс составил как и у некрасовцев того же времени – 2,1 ребенка на семью.

Следует указать, что пожилые бездетные семьи часто принимали к себе детей своих родственников (племянники, внуки) или же осиротевших ребят («воспитанники»).

Хотя показательные данные приведены лишь по Тучкову (Измаилу), но есть все основания полагать, что они характеризуют состав и структуру семей у старообрядцев Придунавья в целом. Они вполне коррелируются с аналогичными по Жебриянам, Килие, Аккерману. Общими моментами являются переход к простой (нуклеарной) семье наряду с присутствием существенного количества большесемейных коллективов; исчезновение братских многолинейных семей; среднее численное уменьшение, структурное упрощение и, одновременно, увеличение количества детей. Все это происходит на фоне формирования новых форм общественной жизни, а, именно – возникновение и жизнедеятельность ряда соседско-религиозных общин в регионе.

Общественная организация. Целый ряд моментов в документах позволяет реконструировать традиции общественных отношений. Например, структура описания жителей Жебриян (1808 г.) показывает следующее устройство: в начале, отдельно – священник и дяк, затем – «атаман», а после них – посемейные списки рядовых общинников. Так же, как и во многих других случаях (кроме Тучкова 1811–1812 гг., где хронологический принцип), наблюдается следующая закономерность – вначале полные семьи с пожилыми мужчинами, а за ними – холостые женщины и вдовы женщины.

Сам факт присутствия такого рода семей говорит о социальной солидарности и возможной заботе. Вряд ли бы вдовы с малолетними детьми решились бы на переселение, если бы не были уверены в помощи со стороны общины.

Выразительным также, на наш взгляд, является присутствие в составе семей работников (иногда до четырех на семью). Тут помимо уже отмеченного социального расслоения могла иметь место и конфессионально-социальная солидарность. В качестве таковых могли скрываться беглые крепостные крестьяне или одноверцы, прибывшие на Дунай в поисках свободы вероисповедания.

Отдельно стоит остановиться на организации религиозной жизни старообрядцев, столь важной для данных групп. В списках выявлено наличие белого и черного духовенства. Большинство монахов обосновалось возле Некрасовских хуторов. Здесь в 1812–1829 гг. действовал Свято-Никольский старообрядческий монастырь [18], являвшийся значительным конфессиональным центром старообрядцев. Большинство монахов указаны как «пилипоны» из Серкова (Оргеевский уезд Бессарабской области, где еще с середины XVIII в. действовал другой старообрядческий монастырь).

Меньше фактов о белом духовенстве. В каждой из общин имелся дяк-наставник. И лишь в одной – Жебриянах – прямо указан священник Борис Семенов сын Семенов, 70 лет. Выразительна его биография: «Из России Владимирской губернии и уезда селения Вешок посвящен в сей чин в 1771 году Ефимом епископом Владимирской и Муромской, оттоль перешел в Стародубский монастырь где проживал 27 лет и оттоль в Бессарабию в селение Жебрияны, где и проживает» [19].

Хозяйственные занятия. В ряде случаев источники начала XIX в. фиксируют занятия жителей. Благодаря этому мы можем охарактеризовать хозяйственно-социальные аспекты жизнедеятельности общин. К сожалению, эти данные касаются только городского населения и не поддаются адекватному сравнению: на 1808 г. – Килия и на 1820 г. – Тучков (Измаил). Такой характер данных делает некорректным диахронный анализ хозяйственной адаптации, но позволяет провести синхронный – показать роль отдельных хозяйственных традиций для группы.

Для русских Килии примерно в равной степени было развито земледелие (14 семей или около четверти от всего количества), рыбная ловля (16 семей), торговля (17 семей) и разные промыслы (12 семей). Две семьи жило за счет ремесел (портной и плотник). Такая структура занятий была характерна и для других этнических групп города [20]. Это свидетельствует о переходном типе Килии того времени – развитие городского уклада (торговля, ремесла) в сочетании с остатками сельского (хлебопашество).

Для общины Килии, большинство представителей которой еще недавно являлось сельскими жителями (Жебрияны и другие села Бессарабии и Добруджи), документ фиксирует начало такого перехода. Кроме этого, владельцы лавок и магазинов (т.е. купцы) не были включены в «Описание...», а были даны отдельно (всего 27 семей, количество русских не указывается).

Хозяйственные занятия русских жителей городов Придунавья

	Хлебопашество	Рыбальство	Поденная работа	Разные промыслы	Торговля	Плотник	Мельник	Извозчик	Потр-ной	Биржевик	Каменщик
Киля (1808)	14*	16		12	17	1			1		
Тучков (1820), в том числе:	150	21	185	12	24	19	6	12		15	4
великороссыяне	134	11	183	12**	24	18***	5	9		15	4
некрасовцы	26	10	2			1	1	3			

*4 занимались и земледелием, и рыбной ловлей.

**Включая: 2 пильщика; по одному – колесник, щекатурщик, подевальщик, пражник, золотых дел мастер, иконник, подсевальщик, кожукар, кузнец, сапожник.

*** Включены 3 столяра.

Несколько иная картина наблюдалась в Тучкове (Измаиле) на 1820 г. Большая часть русских жителей проживало за счет «городских» занятий (ремесло, торговля, наемная работа). Эти занятия для некрасовцев являлись единичными. Большая часть некрасовской общины являлись земледельцами (26 семей) и рыбаками (10 семей). Для других русских Тучкова хлебопашество также составляло значительную часть (32,3% или 134 семьи). Показательно то, что во многих семьях указаны «работники». Так что реальное количество наемных рабочих было значительно больше.

Специализация русского населения в хозяйственном укладе лишь формировалась на момент составления источников. Но даже в них отразились основные тенденции – к концу XIX в. русские (особенно – старообрядцы) прочно заняли позиции в рыболовстве, извозничестве, торговле, строительстве.

В заключение мы можем констатировать, что рассмотренные архивные материалы позволяют реконструировать ряд аспектов процессов миграции и формирования русского населения в Придунавье начала XIX в.

Во-первых, мы можем восстановить социально-культурное многообразие колонизации русскими Придунайских земель. Оно ярко проявляется в ряде исторических наименований общности зафиксированными источниками (некрасовцы, пилипоны, часовенные). Они отражают особенности колонизации и специфику положения представителей данных групп.

Во-вторых, демографические характеристики по отдельным группам показывают определенную зависимость между формами колонизации и половозрастным составом населения, структурой семей. Организованные формы переселений предопределяли равное гендерное соотношение, широкий возрастной диапазон, доминирование простых (малых) семей. Такие признаки прослеживаются среди некрасовцев. Преобладание мужчин, практически отсутствие людей пожилого возраста, большая доля сложных семей характеризуют группы пилипонов и великороссыяне.

В-третьих, источники позволили осветить вопросы хозяйственной адаптации русских к условиям Придунавья. Региональной чертой следует считать значительную роль рыболовства. Наряду с ним важными укладами являлись земледелие, ремесла и торговля.

В целом, проведенные подсчеты позволяют характеризовать группу как переходную. С одной стороны, русские на Дунае представляют собой миграционную общность. А с другой, именно такая природа предопределила усиление тенденций к переходу на европейскую модель воспроизводства – стабилизация высокого брачного возраста, доминирование нуклеарной семьи, маргинализация городских типов хозяйствования. Примечательно в этом плане сочетание старообрядческой модели с современной. Спецификой является высокий индекс детности, низкая доля людей, не состоящих в браке, возможно, редкость повторных браков и разводов и т.д.

Литература и источники

1. Среди ярких примеров теоретико-методологических рефлексий по этому направлению стоит отметить: Миронов Б.Н. История в цифрах: математика в исторических исследованиях. – Л., 1991; Историческая информатика: Уч. пособие / Под ред. Л.И.Бородкина, И.М.Гарсковой. – М., 1996 и др.

2. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). – М., 1963; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. – М., 1967 и др.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. МА, оп.165, д.27 за 1808 г.; Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО) в г.Измаил. Ф. 514, оп.1, д. 1-5.
4. ГАОО в г.Измаил. Ф. 514, оп.1, д. 33, л.127–179 об.; Национальный архив Республики Молдовы (далее – НАРМ). Ф. 5, оп.2, д.448, л. 51-56 об.; д. 495, л. 143-148 об., 305-307, 324 с об. и др.
5. НАРМ. Ф.134, оп.2, д.5, 25, 44, 130, 131.
6. Свиньин П. Описание Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1876. – Т. 6. – С. 175-320; Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака. – Аккерман, 1899.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 28.
8. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае XVIII – начало XX века. – М., 1996. – С. 226-228; Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. – М., 2000. – С. 191-192.
9. См., например: Пушкин В.П. Ревизская сказка 1795 г. по сельцу Сепыч как источник по истории старообрядцев Верхнекамья // Мир старообрядчества: история и современность. – М., 1999. – Вып. 5. – С. 51-52.
10. Пригарин А.А. Семья у некрасовцев Бессарабии: по материалам ревизских переписей первой половины XIX века // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Одеса: Друк, 2002. – Т. 3. – С. 331-333.
11. Волошин Ю.В. Брачный возраст и брачный рынок «Государевых описных малороссийских раскольнических слобод» (вторая половина XVIII века) // Старообрядчество как историко-культурный феномен: Материалы Международной научно-практической конференции «Старообрядчество как историко-культурный феномен» (Гомель, 27-28 февраля 2003 г.). – Гомель: ГГУ, 2003. – С. 36-43.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 167.
13. Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. – М., 1979. – С. 23-33.
14. Пригарин А.А. Семья у некрасовцев Бессарабии... С. 332; Подсчитано на основе ревизских сказок: НАРМ. Ф.134, оп.2, д. 5, лл. 219 – 238, 358 - 367 об.; д.44, л.3-84; д.130, лл.100-112; д.131, лл.31-42.
15. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 172.
16. Пригарин А.А. Семья у некрасовцев Бессарабии... С. 332; Подсчитано на основе ревизских сказок: НАРМ. Ф. 134, оп.2, д. 5, лл. 219 – 238, 358 - 367 об.; д.44, л.3-84; д.130, лл.100-112; д.131, лл.31-42.
17. Пушкин В.П. Ревизская сказка 1795 г. по сельцу Сепыч как источник по истории старообрядцев Верхнекамья // Мир старообрядчества: история и современность. – М., 1999. – Вып. 5. – С. 41-74.
18. Сапожникова Т.Д. Из истории создания и ликвидации Николаевского старообрядческого монастыря... – С. 237-243.
19. РГВИА. Ф. МА, оп.165, д.27 за 1808 г., л. 8.
20. Бачинська О.А., Пригарин О.А. Етнокультурна характеристика населення міст Нижнього Подунав'я на початку XIX ст. (за матеріалами “Опису Кілії” 1808 р.) // Південна Україна XVIII – XIX століття: записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. – Запоріжжя: РА “Тандем-У”, 2001. – Вип.6. – С. 70-71; Бачинська О.А. Українське населення Придунайських земель. XVIII – початок XX ст. (Заселення й економічне освоєння). – Одеса, 2002. – С. 231.

Изменение структуры и типа семьи у крестьян-переселенцев Дальнего Востока

На демографический, экономический, культурный, воспитательный потенциал и реализацию ряда функций семьи существенное влияние оказывали состав, структура и численность семейных коллективов. Уже во второй половине XIX в. в России преобладали «малые» (нуклеарные) семьи (родители и дети), хотя полностью не исчезли и так называемые «большие» неразделенные семьи – «отцовские» (родители со своими младшими детьми и женатыми сыновьями с их потомством) и «братские», состоявшие из двух и более женатых братьев с их детьми.

Миграционные процессы всегда оказывали существенное влияние на демографические показатели семейных коллективов, переселявшихся в другие регионы. Списки переселенческих партий, куда вносился каждый член семьи мигранта, не всегда дают достоверную картину о численности и структурно-поколенном составе семейства крестьянина-переселенца. Анализ документов показал, что некоторые семейные коллективы отправлялись на Дальний Восток не в полном семейном составе. Причины такой ситуации были разные. Нередко, в связи с переездом, происходил раздел больших неразделенных семей, и на восток страны отправлялся авангард – выделившаяся молодая семья, а родительская часть семьи оставалась дома. Иногда один из членов семьи не мог по каким-либо причинам или не хотел следовать со всей семьей в далекий край; строились определенные препятствия и со стороны местного начальства и др. Все это не позволяло составить реальное представление о составе и структуре семейных коллективов, бытовавших в определенный период в регионах выхода переселенцев, проследить демократические изменения в семейном строе и выявить хозяйственную мощь семьи в процессе адаптации к новым условиям жизнедеятельности в дальневосточном регионе.

По-разному к таким ситуациям подходила и дальневосточная администрация. На первых этапах освоения Дальнего Востока, в 50–70-е гг. XIX в., не разрешалось переселение одиноких (без жены), престарелых и семей с одним работником или большим количеством малолетних детей, что, по мнению чиновников, ослабляло трудовой потенциал семейного коллектива крестьян-мигрантов. В 80–90-е гг. XIX в., когда правительство приняло ряд мер для экономической помощи семьям переселенцев и несколько сот семей перевезло в дальневосточный регион за свой счет, местная администрация иногда находила возможность воссоединить разрозненные семьи. К каждому такому случаю подходили индивидуально, и прежде, чем принять определенное решение, велась продолжительная переписка между местной администрацией и администрацией региона выхода переселенца. В переписке скрупулезно оговаривались причины, по которым семья была разделена, и приводились доводы в пользу того или иного решения.

В государственных архивах сохранился ряд документов, включая прошения крестьян о перевозке на Дальний Восток членов своих семейных коллективов, оставшихся по разным причинам на родине. В частности, в январе 1892 г. военный губернатор Приморской области обратился с письмом на имя Приамурского генерал-губернатора, где сообщал, что в течение последних лет «...многие водворившиеся переселенцы обращаются с просьбой о перечислении в одно селение с ними родственников, проживающих на родине» [1]. Часть из просителей, сообщает далее военный губернатор, вносила деньги за переезд своих родственников или указывала в прошении, что родственники выручат необходимую на проезд сумму от продажи своего имущества. Обычно проситель давал также подписку о том, что по прибытии на Дальний Восток выписываемой им семьи он обязуется содержать ее в своем хозяйстве, на свой счет и обещал, что его прибывшие родственники не будут обращаться в Переселенческое управление с просьбой о ссуде из казны. И министерство внутренних дел, которое ведало в тот период переселением крестьян, и дальневосточные местное начальство и Переселенческое управление обычно шли навстречу просьбам о воссоединении семьи или разрешении на переезд семьям взрослых сыновей, братьев и даже зятьев со своими семействами без внесения залога на обустройство. Особенно благосклонно относились к просьбам тех переселенцев, которые уже прочно обосновались, завели хорошее хозяйство, или были мастеровыми. Обычно оставшиеся на родине родственники становились членами семьи просителя, тем более, если оставшаяся часть семьи сама платила за переезд или ей разрешался переезд за счет кредита, т.е. в долг, с последующей уплатой (с возвратом этой суммы, с учетом роста в 6%, в течение трех лет) [2]. К примеру, с прошением о переселении в с.Прохоры Южно-Уссурийского округа Южно-Уссурийского края Приморской области его зятя Леонтия Чудновца с семейством, без предоставления залога на обустройство,

*Аргудяева Юлия Викторовна (Владивосток) – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

обратился в 1898 г. Никита Дегтярь, переселившийся из Черниговской губернии. С аналогичной просьбой обратилась крестьянка того же села Татьяна Билименко, у которой семья зятя Игнатия Богдана, включавшая, помимо него, жену и четверо малолетних детей, осталась также на Черниговщине [3]. Их просьба была удовлетворена.

Встречались и другие ситуации, особенно среди казеннокоштных. Им местное Переселенческое управление обычно шло навстречу, особенно тем, кто внес требуемый залог в 600 руб. или не просил оплатить переезд оставшейся части семейного коллектива, или взрослый сын на момент переезда семьи служил в армии. Последнее обстоятельство учитывалось практически всегда. В такой ситуации оказался Трофим Голота, отец которого в 1891 г. со всем семейством переселился в с. Михайловку Южно-Уссурийского округа. Аналогичная ситуация сложилась в семье крестьянина с. Монастырище этого же округа Семена Лютера, прибывшего на Дальний Восток из Полтавской губернии. Лютер просил переселить на казенный счет окончившего военную службу сына Григория и его семью, состоявшую из жены и грудной дочери. По существующему положению, как писал военный губернатор Приморской области Приамурскому генерал-губернатору, «...Григорий Лютер... по окончании в 1893 г. срока службы должен быть отправлен на казенный счет на место своей родины, каковым местом родины, за переселением его отца ныне должна считаться Приморская область» [4]. В иных случаях местное начальство давало разрешение на переезд за счет казны окончившего службу мужчины, но семью разрешало перевезти только «...за счет кредита, ассигнованного на ссуды переселенцам» с возвратом долга «в установленном порядке» [5].

За счет переселенческого кредита разрешался и переезд семей сыновей или жены с детьми в случае их болезни на момент отъезда с родины в дальневосточный регион родителей или мужа, или жене с детьми переселенца-ходока, отправившегося в Южно-Уссурийский край с одним сыном и получившем в крае ссуду, обжившемся на месте, и в некоторых других случаях [6]. Так, за счет кредита было разрешено перевезти жену и пять детей крестьянину с. Михайловка Южно-Уссурийского края Игнатию Кутасу, прибывшему в край Городнецкого уезда Черниговской губернии. В своем прошении Игнатий объяснил, что на Дальний Восток он переселился вместе со своим отцом в 1886 г., а жену с детьми оставил в России, так как на всю семью, несмотря на то, что распродали все хозяйство, денег на проезд не хватило. Первоначально он предполагал отправить своей семье на переезд сумму залога – 600 руб. Однако поселившись в с. Михайловка Южно-Уссурийского края, они с отцом на залоговые деньги обзавелись скотом и хозяйственными принадлежностями, чтобы немедленно заняться хлебопашеством, а уж потом заработать деньги на проезд семьи. Но тут пали две лошади, и, чтобы не расстроить хозяйство, пришлось дополнительно приобрести пару волов. Местное начальство, признав хозяйство Кутасова хорошо обустроенным, стало хлопотать о переезде семьи Игнатия, и в итоге дело было решено положительно [7].

В иных случаях, оставшуюся на родине жену разрешали перевезти на казенный счет. Такое разрешение получил уроженец Черниговской губернии Яков Музыкин, который вместе со своим братом Дмитрием переселился в 1885 г. в дер. Речица Южно-Уссурийского края на казенный счет в составе семьи своего дяди. В 1889 г. Яков выделился в отдельную семью и обратился к местному начальству с просьбой о переселении к нему его жены, тоже на казенный счет. Он мотивировал свою просьбу тем, что он истратил все имеющиеся у него средства на обустройство хозяйства, и привезти жену ему не на что. Учитывая тот факт, что без женских рук крестьянское хозяйство вести невозможно, Якову разрешили перевезти жену на казенный счет [8].

Своеобразная ситуация сложилась с переездом в дальневосточный регион членов семьи женского пола, оставшихся по разным причинам на родине. Дальний Восток практически до конца 40-х гг. XX в. испытывал дефицит женщин, который был особенно ошутим в рассматриваемый нами период. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, на 1 января 1897 г. даже в наиболее заселенной Южно-Уссурийской округе Приморской области среди крестьянского населения женщины составляли всего 34,5% [9]. Такая диспропорция в половом составе населения отрицательно сказывалась на развитии крестьянского хозяйства, которое традиционно базировалось на половозрастном разделении труда. Чтобы вызвать приток женского населения в восточные районы страны, в конце XIX в. правительство приняло решение: если в переселяющейся семье преобладают мужчины, или пропорция мужчин и женщин одинакова – семья переселяется полностью за свой счет; если преобладает женский пол, то перевоз количества женщин, превышающий численность мужчин в семейном коллективе, оплачивается за счет казны [10]. Согласно такого постановления, в конце XIX – начале XX в. в Южно-Уссурийский край на казенный счет, морским путем, было перевезено несколько сот женщин [11]. Большинство из них переселялись одновременно со всей семьей. Но были случаи, когда кто-то из них по разным причинам оставался еще на родине. Так, переселившийся в Южно-Уссурийский край в 1896 г. из Киевской губернии Феоктист Гниляк с семейством в составе четырех мужчин и пяти женщин перевез, согласно принятым

правилам, одну женщину за счет казны. Однако на родине осталась, в связи с болезнью, родная сестра Феоктиста – Федосья. По просьбе Феоктиста Федосье разрешили переезд за счет казны [12]. На этих же основаниях в 1898 г. была бесплатно перевезена в Южно-Уссурийский край дочь уроженца Киевской губернии Дмитренко – Ульяна, которую, как и ее брата Григория, отец оставил на Украине в связи с отсутствием средств на переезд от Одессы до Владивостока [13] и др.

Любопытно, что в иных случаях женщина отказывалась следовать за мужем по иным мотивам и причинам, часть из которых свидетельствовала о развитии процессов демократизации в крестьянских семьях, в том числе об уходе от традиционных воззрений на беспрекословное подчинение воле мужа и желании освободиться от его деспотической власти. Так, отбывший срок военной службы, причисленный в крестьянское общество с.Ширяевка Южно-Уссурийского округа Тихон Сокуренок, попросил перевезти за счет казны его жену и дочь, оставшихся на Херсонщине. Учитывая, что проситель уже обзавелся хозяйством и выстроил дом, военный губернатор Приморской области удовлетворил просьбу Тихона. Однако, по сообщению Херсонского губернатора, «...крестьянка Ульяна Сокуренок отказалась добровольно переселиться в Уссурийский край для совместного жительства с мужем ее..., мотивируя свой отказ грубым обращением с нею названного крестьянина» [14]. Отметим, что это был не единичный случай, когда крестьянки не соглашались из-за плохих взаимоотношений с супругом переезжать к нему на Дальний Восток [15].

Нередко семья дробилась в местах выхода переселенцев по вине местного уездного начальства, которое, по каким-то соображениям считало, что большие семьи следует отправлять в два приема. Так случилось с семьей Андрея Ксеченка из Суражского уезда Черниговской губернии, поселившегося на казенный счет в 1885 г. вместе с братом в с.Ляличи Южно-Уссурийского округа. На переселение просилась вся их семья, в которой кроме этих братьев были родители и еще четверо их детей. Местное начальство, отправив двух братьев, пообещало вторую часть семейства переселить на следующий год. Но в 1886 г. переселение на казенный счет было прекращено, своих же средств на переезд у семьи Ксеченков не было [16]. В аналогичную ситуацию попали братья Ефим и Григорий Колесниковы, так же уроженцы Черниговской губернии, переселившиеся в Южно-Уссурийский край. На их родине по вине местных чиновников у них остались мать, брат и сестра, которым в планируемый для переезда 1886 г. по указанной выше причине также отказали в переселении за счет государства [17].

Неоднократно сталкиваясь с ситуацией, когда в дроблении семьи были виноваты власти в местах выхода переселенцев, Южно-Уссурийское переселенческое управление и губернаторы Амурской и Приморской областей в своих обращениях к Приамурскому генерал-губернатору указывали на ненормальность такого явления как раздел семьи при отправке переселенцев на Дальний Восток из центральных губерний России и ходатайствовали «о воспреещении подобного раздела и перечисления... разбитых произвольно семейств» [18].

Существенное влияние на показатели численно-поколенного состава семьи и ее структуры имели семейные разделы. После крестьянской реформы 1861 г., по мере развития капиталистических отношений, общей для страны тенденции к демократизации брачно-семейных отношений, разрушались старые семейные традиции и понятия, подрывалась власть главы семейного коллектива и основы старой патриархальной семьи. Число семейных разделов в России нарастало с каждым годом. Изданный в марте 1886 г. закон об ограничении семейных разделов уже не мог предотвратить этого процесса. Интенсивно развивался он в конце XIX в. среди дальневосточного крестьянства, имея здесь свои особенности, обусловленные спецификой социально-экономического развития региона.

Для Дальнего Востока, как и для других осваиваемых регионов России, в первые годы после поселения в новый край был характерен так называемый «вторичный» рост неразделенных семей. При обустройстве на новом месте семьи не только не делились, но и объединялись, так как подъем целинных земель, раскорчевка тайги, обработка стодеятинных земельных наделов и другие работы требовали большого количества мужской рабочей силы и твердого руководства. Помимо этого, рост нераздельных семей наблюдался в селах, расположенных на транспортных артериях и в самых хлебобордных местах. Например, в Приханкайской низменности Южно-Уссурийского края экономически наиболее развитой. Так, если в 1886 г., в период интенсивного притока переселенцев на Дальний Восток из украинских губерний нераздельные семьи составляли 6,5%, то в 1892 г. – 16,8% [19]. В последующие годы по мере укрепления экономики крестьянских семей на новом месте доля неразделенных семейных коллективов стала снижаться.

В неразделенной семье фактически всем распоряжался ее глава – старший мужчина. Сила патернализма, отцовской (братской) власти, поддерживаемая и государством, и общиной, и традициями, была довольно велика. И все же количество семейных разделов с каждым годом нарастало.

Для того, чтобы осуществить раздел крестьянского хозяйства, необходимо было иметь целый пакет разрешительных документов, в том числе прошение главы разделяющегося семейного коллектива. Одним из них был приговор сельского общества, в котором состоял проситель. Сельский сход в составе не менее двух третей взрослых мужчин-однообщинников должен был определить экономическую состоятельность разделяющихся семей, способность их к самостоятельному ведению хозяйства и уплате податей. Поэтому в приговорах непременно указывалось, что во вновь образуемых семейных коллективах имеется достаточное число «годных работников» («бойцов»), т.е. мужчин в возрасте 16-17 – 60 лет; сообщался состав семей с перечислением количества лиц мужского пола и их возраста, и общей численности лиц женского пола; определялась хозяйственная обеспеченность выделившихся семей (количество жилых и хозяйственных помещений, голов рабочих и нерабочих лошадей и рогатого скота; число сельскохозяйственных орудий с указанием их назначения; количество пудов пищевых и кормовых зерновых культур; размер десятин распаханной земли и др.). Указывалось также, что разделяющееся домохозяйство выполнило все повинности, не имеет никаких задолженностей по податям и что средства, которыми будет располагать выделившаяся семья, вполне достаточны для развития отдельного самостоятельного хозяйства. Помимо этого, глава неразделенной семьи заявлял на сходе, что он обязуется снабдить выделившееся семейство всей домашней утварью и необходимой одеждой [20].

Обычные мотивы семейного раздела у крестьян – *«неуживчивость»* членов семьи, *«больше-семейность»*, *«недруголюбие в семье»* и др. В качестве основного аргумента выдвигался обычно большой количественный состав семьи – этот мотив мы находим в документах о разделах у всех восточных славян (русских, украинцев, белорусов), а также их региональных и конфессиональных групп, в том числе у приверженцев официального православия, старообрядцев и молокан. Так, «...вследствие большого состава семейства» подали прошения на раздел своего хозяйства крестьяне Амурской области – русский православный крестьянин Петр Савинов из дер. Вознесенки Амурской области, семья которого состояла из 20 душ; молоканин Яков Саяпин (семья из 17 душ) из сел. Гильчин Гильчинской волости; старообрядец Иван Кустов (семья в 12 душ), проживавший в дер. Николаевке Бельской волости и др. [21]. Отметим, что процесс разделов коснулся как «отцовских» [22], так и «братских» семей.

На рубеже XX в. были и семейные разделы, осуществлявшиеся постфактум. Так, семья молоканки Авдотьи Горченковой из Амурско-Зейской волости Амурской области, подавшей на сельский сход в 1897 г. словесную просьбу о разделе своей семьи, фактически уже в течение десяти лет проживала тремя отдельными домохозяйствами.

Иногда семейные разделы проходили не только без согласия главы семейства, что свидетельствовало о разрушении патриархальной традиции власти непременно старшего в семействе и неподчинении родительской воле, но и без разрешения общины [23].

Структура разделившейся семьи могла быть различной. Отец семейства не всегда, как это следовало по традиции, оставался с младшим сыном. Судя по архивным документам, это мог быть и старший, и средний, как правило, уже женатый сын. Отделившаяся же от отца семья (или семьи – в случае деления одного домохозяйства на три самостоятельных) не всегда состояла из одного женатого сына с его детьми. Нередко в состав отделившихся семей входили один-два женатых брата со своими детьми и их братья или сестры-подростки.

Материальное обеспечение разделившихся семей могло быть как одинаковым, так и разным. Это зависело от воли главы семьи («большака»), численного состава разделившихся семей и, наконец, от решения сельского схода. Последний мог потребовать от «большака» передачу определенного имущества. При этом конкретно перечислялось, что именно из жилых и хозяйственных построек, сельхозинвентаря, рабочего и нерабочего скота и т.п. должен был выделить глава семейства [24]. Безусловно, решение схода зависело и от зажиточности главы домохозяйства, и, следовательно, его положения и веса в общине. Богатый хозяин при разделе всегда мог настоять на своих условиях.

Экономическая состоятельность сельского домохозяина-дальневосточника во второй половине XIX в. базировалась, прежде всего, на обширном стодесятинном земельном наделе («номере»). Причем во вновь образуемых селениях, заселявшихся, как правило, первоначально небольшим количеством семей, иногда в течение двух-трех десятилетий были свободные, выделенные для данного населенного пункта «номера». Они предназначались для новых переселенцев. Но если к моменту семейного раздела не все «номера» были заняты вновь прибывшими переселенцами, то эти стодесятинные наделы, с разрешения начальства, могли перейти в пользование выделившихся семей, причем прежние домохозяйства, от которых отпочковались новые, также оставались с наделом в сто десятин [25]. Получение отделившимся семейным коллективом стодесятинного надела и было одной из особенностей семейных разделов на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв.

Таким образом, структура и численно-поколенный состав семейных коллективов крестьян-переселенцев Дальнего Востока отличались от аналогичных показателей регионов выхода семей мигрантов. Основные причины этого могли носить объективный характер (болезнь близкого родственника, его служба в армии, отказ от переезда и др.), но чаще были связаны с недостаточной экономической мощью переселяющихся своекоштных крестьян, с определенной недоработкой местной и дальневосточной администрации в организации массовых крестьянских переселений на восток России и семейными разделами. Что касается обусловленности количественного состава семей числом детей, то в условиях Дальнего Востока традиции в отношении детности не менялись – детей рожали столько, сколько «бог послал».

Литература и источники

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 702, оп. 5, д. 540, л.1.
2. Там же. Д.508, л.67, 220-222; д.540, л.54-56, 135, 150 и др.
3. Там же. Д.540, л.135-135 об.
4. Там же. Л.2 об., 30.
5. Там же. Д.508, л.66-67.
6. Там же. Л.66-67; д.540, л.115-116, 165 и др.
7. Там же. Д.508, л.109-109 об.
8. Там же. Л. 66-67.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 76. Приморская область. Тетрадь I. – СПб., 1896. С.31 (подсчитано автором).
10. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1858–1898. – СПб., 1899. – С. 40-42.
11. РГИА ДВ. Ф.702, оп.5, д.526, л.134, 137, 139, 191, 194, 203, 231, 233, 237, 249.
12. Там же. Д.540, л.51-52.
13. Там же. Л.131.
14. Там же. Л.123-126.
15. Там же. Л.126; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.391, оп.1, д.1009, л.697 и др.
16. РГИА ДВ. Ф. 702, оп.5, д.508, л.42, 42 об.
17. Там же. Л.61-61 об.
18. Там же. Л.117, 118 об., 119.
19. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). – М., 1997. – С. 130.
20. Государственный архив Амурской области (далее – ГААО). Ф. 15-И, оп.1, д.121, л.22.
21. РГИА ДВ. Ф.704, оп.4, д.723, л.1-27, 30-35, 103-106.
22. Там же. Л.32, 39 об., 72 об., ф.1, оп.4, д.1277, л.2, 2 об.
23. РГИА ДВ. Ф.704, оп.4, д.723, л.49; ф.1, оп.1, д.1111, л.2.
24. ГААО. Ф.15-И, оп.1, д.121, л.31.
25. РГИА ДВ. Ф.704, оп.4, д.723, л.23 об., 35, 41, 57 об., 104; ф.1, оп.4, д.1111, л.8 об. И др.

Опыт изучения детской смертности врачами пореформенного Урала**

Аналитический инструментарий изучения детской смертности на Урале начал формироваться во время, когда уже было известно (а странами Западной Европы доказано на практике), что детская смертность поддается снижению. Принципиально иная эвристическая обстановка прояснила (и обострила) вопрос о размахе колебаний показателей детской смертности. Этот демографический феномен был осознан в качестве злободневной, насущной проблемы. Общественным мнением она представлялась проявлением отсталости России от передовых европейских стран. (Благодаря своей убедительности прием сравнения уральских показателей с данными по другим странам, регионам и местностям стал впоследствии общепринятым).

Одним из путей решения насущной задачи уральского края выступала разработка средствами статистики анализа имеющейся в распоряжении исследователей информации о случаях смертности среди детей. Поскольку такое «вопиющее» явление привлекало к себе внимание исследователей, то дореволюционная литература накопила о нем массу разнообразных цифровых данных. Нами для анализа отбирались работы, в которых это понятие было проблематизировано, что позволило ему выступать в качестве эффективного инструмента познания демографической ситуации. Чаще всего их авторами были медики: И. Андржеевский, М.М. Чашницкий, П.Н. Серебрянников, Д.П. Никольский, Г. Хлопин, Н.Л. Золотавин, М. Керстен, А.М. Шагов [1] и др.

Предпринятый ими ретроспективный анализ уровня, структуры, динамики детской смертности основывался, как правило, на данных не медицинской, а церковной статистики – на метрическом учете. Следовательно, приемы анализа зависели от имеющихся данных: число смертей за календарный год с половозрастной разбивкой, указанием даты и причины смерти. Согласно М. Керстену, по «новым» формам медицинского отчета с 1905 г. требовалось ведение врачами «обязательной карточной системы записи заболеваемости и смертности детей». Однако встречать разработки таких данных нам не приходилось.

Длительность анализируемого по метрикам периода в трудах врачей составляла обычно несколько лет: М.М. Чашницкий (1872–1880 гг.), П.Н. Серебряков (вторая половина 1860-х – первая половина 1870-х гг.), Д.П. Никольский (1876–1885 гг.), Н.Л. Золотавин (1881–1890 гг.), М. Керстен (1892–1898, 1896–1904 гг.), А.М. Шагов (1903–1912 гг.), наиболее продолжительной (в 37 лет) она оказалась у И. Андржеевского (1840–1877 гг.) и Г. Хлопина (1838–1875 гг.).

Врачам удалось последовательно рассмотреть показатели детской смертности у представителей различных социальных групп: сельского (М.М. Чашницкий) горнозаводского (И. Андржеевский), городского (П.Н. Серебрянников) населения края. Они изучали ее в различных географических зонах Урала: северной (Чердынский уезд), западной (Ижевский, Кусье-Александровский заводы), восточной (Ирбитский уезд), южной (Рождественская волость Екатеринбургского уезда, бывший Рождественский завод Красноуфимского уезда), средней (Кисловская волость Екатеринбургского уезда). Дополнительными направлениями анализа стали монографические исследования детской смертности у жителей отдельных населенных пунктов: Рождественской и Кисловской волостей.

Уже визуальная оценка многолетней динамики смертности совокупного населения на основе календарных лет свидетельствовала о преобладании случаев младенческих и детских смертей. Таким образом, статистически (путем замеров доли детской смертности в общей, которая не опускалась ниже 40%) была доказана важность исследований этой демографической категории.

Среднегодовые показатели подтвердились при рассмотрении смертности совокупного населения в годовой динамике. Для более наглядного анализа И. Андржеевский, например, группировал статистический материал, используя метод составления диаграмм общей и детской смертности. «С первого взгляда на этот ряд кривых линий, – отмечал он, – обнаруживается, что кривая общей смертности, есть как бы повторение кривой, изображающей распределение смертности в детском возрасте, что происходит, конечно, от подавляющего численного преобладания этой последней, за которым исчезают характерные колебания всех прочих кривых линий...» [2].

Процедура изучения инцидентности по сезонам уже только детской смертности позволила уточнить периоды риска. Количество детских смертей резко возрастало во время «страды» (сенокос и жатва),

*Голикова Светлана Викторовна (Екатеринбург) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

**Работа выполнена по гранту РФФИ № 04-06-96059 «Смертность на Урале (XVIII – начало XX в.)».

которая оказывал влияние даже на городских жителей. «Для детей, – считал исследователь Чердынского уезда М.М. Чашницкий, – июль, август представляются самыми страшными месяцами» [3]. «Летом дети мрут, как мухи, и это есть наше величайшее зло», – вторил ему изучавший город Ирбит врач П.Н.Серебрянников. По его расчетам, максимум общей смертности совпадал с максимумом детской, в обоих случаях выпадавая на июль [4].

Совокупное детское население оказалось неоднородным по риску умереть в половозрастном отношении. Мальчиков на первом году жизни повсеместно умирало больше, чем девочек. О большом перевесе умирающих мальчиков над девочками, «далеко не соответствующему перевесу их рождаемости», писал И. Андржеевский [5].

Применение дробных шкал – от рождения до полугода и от полугода до года (И. Андреевским) или от рождения до месяца, от месяца до трех месяцев, от трех до шести месяцев и от шести месяцев до года (Д.П. Никольский) или наиболее признанные (от рождения до трех месяцев, от трех до шести месяцев и от шести месяцев до года (П. П. Чашницкий, М. Керстен) – показало, что в течение первого года жизни наблюдалось постепенное снижение числа смертей. Вклад каждого возрастного промежутка за 1879–1883 гг., по расчетам Д. П. Никольского, составил: до одного месяца – 35,6%, от одного до трех – 24,4%, от трех до шести – 20,6%, от шести до года – 19,4%. За 1884–1885 гг. показатель за первый промежуток был равен 41,6%, за второй – 20,3%, за третий – 20, 4%, за четвертый – 17,6%. «Следовательно, – замечает Д.П.Никольский, – самый большой процент смертности падает на первый месяц жизни, который является самым убийственным для новорожденных. В возрасте между первым-третьим месяцами смертность уменьшается наполовину, а к годовому возрасту она еще ниже» [6]. Таким образом, на статистическом уровне был выработан и доказан так называемый парадокс детской смертности, когда средняя продолжительность предстоящей жизни увеличивается с возрастом в отличие от обычной ситуации ее снижения с возрастом [7].

Благодаря исследованиям врачей были выявлены территории (например, Ирбитский уезд), группы (по полу и возрасту, а также социальные) и время риска подъема детской смертности. Широкое использование такого достижения статистической мысли того времени, как комбинирование данных друг с другом, позволило им установить переплетение факторов риска увеличения числа детских смертей. Сочетая сведения по полу и детскому возрасту, удалось показать возрастную динамику вымирания полов на первом году жизни. Согласно расчетам М.М. Чашницкого, до одного месяца с 1872 по 1880 г. в первом врачебном участке Чердынского уезда умерло 1048 мальчиков и только 843 девочки, с одного до трех месяцев – 1048 мальчиков и 867 девочек, с трех до шести месяцев это соотношение равнялось 998 к 861, от шести месяцев до года – 883 к 802 [8].

Сопоставляя материалы о случаях смертности людей разных возрастов по сезонам, исследователи смогли выявить годичную динамику вымирания возрастов, а врач Д.П. Никольский отдельно показал годичную динамику вымирания детских возрастов. «Почти все месяцы, за исключением июля и ноября, – писал он, – смертность до одного месяца превалирует над остальными в отдельности возрастными группами, максимум в этом возрасте приходится на август, минимум – на ноябрь. В возрасте от одного до трех месяцев смертность с марта (минимум) постепенно увеличивается и в июле достигает максимума, потом быстро падает, [становится – Г.С.] чуть не вдвое меньше июльской и так идет до октября. Смертность в возрасте от трех до шести месяцев, с января постепенно увеличиваясь, достигает максимума в июле, а потом также опять постепенно уменьшается, в октябре делая минимум смертности. Также в шесть-двенадцать месяцев максимум в июле, минимум в ноябре» [9].

Изучение статистическими средствами отдельных причин детской смертности, таких, как летние поносы, а также оспа, корь, коклюш, скарлатина имело важное значение в установлении опосредованных связей причин вымирания детей. И. Андржеевский заметил, что кривая смертности до года обнаруживала «замечательное соотношение» с ходом средней температуры [10]. Его наблюдения подтвердил и расширил Н.Л. Золотавин, который измерял температуру почвы уже на глубине одного метра. Он также установил сходство между температурными кривыми, кривой смертности детей в целом и кривой смертности только от поноса. Составленные им диаграммы, кроме того, свидетельствовали, что сезонная кривая кровавого поноса совпадала, но уже с ходом температуры на поверхности почвы. Эти наблюдения являлись косвенными доказательствами причастности обычного и кровавого поносов к существованию высокой детской смертности.

В результате сопоставлений статистических данных с социальными и природными условиями (самый яркий пример влияние «страды») были установлены также связи между социально-экономическим положением жителей Урала и детской смертностью.

Обнаружение подобных взаимосвязей способствовало выдвижению гипотез об этиологии причин детской смертности, которые направляли последующие исследования. Такие сопоставления имели и

непосредственное прикладное значение, поскольку способствовали разработке профилактических мероприятий по снижению случаев смерти.

Расчеты в абсолютных значениях авторы старались перевести в относительные показатели (проценты, реже промилли). Разработанная ими система показателей не была манипуляциями «чистой» науки с цифрами, а вскрывала суть этого демографического феномена и намечала меры борьбы с его негативными последствиями.

Был сделан важный вывод о ключевой роли детской смертности в существовавшем тогда режиме воспроизводства населения. «Таким образом, понижение детской смертности есть в тоже время и понижение общей смертности, находящейся в тесной зависимости от первой. Не будь такой высокой смертности детей в возрасте до 5 лет, статистические показатели санитарного состояния населения представлялись бы в совершенно ином виде. По справедливому замечанию И.И. Моллесона, оздоровление России не может иметь места без уменьшения необычной детской смертности!..», – заключал, к примеру, свое исследование М. Керстен [11].

Сопоставление с данными о рождаемости наглядно показывало, насколько затратным был тогдашний механизм воспроизводства населения. Отношение числа рожденных к числу умерших на первом году жизни, по данным И. Андржеевского, составляло 33,85% [12]. Согласно П.Н. Серебрянникову, в среднем из сотни родившихся на первом году жизни умирало 56,02 чел. [13].

Статистические данные повсеместно и неоднократно подчеркивали социальную остроту проблемы. Они были удивительно похожими. Все исследователи убеждались в существовании самого большого количества смертных случаев на первом году жизни. Конечно, частые смертные случаи среди младенцев и детей были очевидны без внимания науки. Однако статистическая формулировка проблемы (посредством статистических данных и статистических приемов) позволила вычленить это общественное «зло» из реальной действительности, описать, проанализировать его. Статус демографического термина детская смертность получила именно посредством статистических действий. Она была признана неотъемлемой частью демографических штудий и самостоятельным предметом анализа при исследовании проблем смертности.

Литература и источники

1. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. – СПб, 1880; Чашницкий М.М. Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. Пермь, 1883; Серебрянников П.Н. Рождаемость и смертность в г. Ирбите за 17 лет (1865–1888 г.) как критерии для определения санитарного состояния города // Пермские губернские ведомости. – 1884. – № 45. – С. 233; – № 47. – С. 241; Никольский Д.П. Очерк медико-санитарного состояния Рождественской волости, Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. – СПб., 1886. – Т. 2. – Ч. 1-2; Хлопин Г. Движение населения Кусье-Александровского завода Пермской губернии и уезда с 1838–1875 гг. // Сборник работ Пермской земской санитарной станции. – Пермь, 1891. – Вып. 2; Золотавин Н.Л. Заболеваемость в связи с климатическими и бытовыми условиями жизни населения. – СПб., 1898; Керстен М. О детской смертности // Записки Уральского медицинского общества. – Екатеринбург, 1905. Приложение; Шагов А.М. Кисловская волость Екатеринбургского уезда (санитарно-бытовое описание) // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. – 1914. – № 9.
2. Андржеевский И. Указ. соч. – С. 61.
3. Чашницкий М.М. Указ. соч. – С. 34.
4. Серебрянников П.Н. Указ. соч. – № 46. – С. 236-237; – № 47. – С. 241.
5. Андржеевский И. Указ. соч. – С. 57-58.
6. Никольский Д.П. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 12; – Ч. 2. – С. 25.
7. Боярский А.Я. Парадокс детской смертности // Народонаселение. Энциклопедический словарь. – М., 1994. – С. 295.
8. Чашницкий М.М. Указ. соч. – С. 61.
9. Никольский Д.П. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 13.
10. Андржеевский И. Указ. соч. – С. 61.
11. Керстен М. Указ. соч. – С. 5.
12. Андржеевский И. Указ. соч. – С. 56.
13. Серебрянников П.Н. Указ. соч. – № 47. – С. 241.

Исторический опыт проведения миграционной политики в Приморском крае (1858–1917 гг.)

В переселенческом движении дореволюционного периода выделяются этапы наиболее интенсивного освоения и заселения Приморского края (1858–1869 гг., 1882–1905 гг., 1906–1917 гг.). Каждый последующий этап качественно отличается от предыдущего содержанием законодательной базы, развитием транспортной и институциональной инфраструктуры, масштабами и географией переселенческого движения, условиями формирования городов как главных опорных центров расселения.

1858–1869 гг. Отмена крепостного права способствовала усилению миграционных процессов, потребовалась разработка внутренней миграционной политики. Но правительство не сразу осознало необходимость регулирования переселенческого движения. Однако даже в тот период интересы к заселению отдельных окраин заставляли правительство поощрять переселения. Примером тому служат продиктованные политической необходимостью меры по заселению присоединенного Приамурского края (Амурской и Приморской областей) к России по Айгунскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам. Первоначально эта территория заселялась забайкальскими крестьянами, регулярными войсками и крестьянами, преимущественно из сибирских губерний. Движение переселенцев осуществлялось на основании «Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» (24 марта 1861 г.). Это первый государственный документ, определяющий политику российского государства на берегах Тихого океана. В основу этих правил положены начала добровольного льготного переселения с правом приобретения земли в собственность (см. табл.). Все желающие могли свободно выбрать наиболее подходящий участок казенной земли во временное пользование или выкупить его в полную собственность.

Основной побудительной причиной переселения крестьян из центральных районов на Дальний Восток была неудовлетворенность размером земельного налога.

Законодательные акты по переселению в дореволюционный период [1, 2]

Законодательные акты по переселению	Льготы для переселенцев
26 марта 1861 г. «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях».	В основу правил были положены начала добровольного льготного переселения с правом приобретения земли в собственность. Правила предписывали: всем желающим селиться в Амурской и Приморской областях отводить свободные участки казенной земли во временное владение или в полную собственность; желающим поселиться целым обществом, которое должно состоять не менее как из 15 семейств, отводить сплошной участок земли на пространстве не более 100 десятин на каждое семейство; на территории от вершин р. Уссури и по ее течению к морю такие участки представлять в вечное и постоянное пользование всего общества. Общество имеет право продать участок другому обществу, состоящему не менее как из 15 семейств; во всех других местностях отведенные крестьянским обществам участки предоставлять в их пользование на 20 лет бесплатно, однако последние не имели права ни продавать, ни отчуждать их; все переселившиеся освобождались от рекрутской повинности в течение 10 лет и навсегда освобождались от уплаты подушной подати.
Указ Сената от 27 апреля 1861 г. Правила и льготы были сохранены до 27 апреля 1901 г.	На основании пункта 10-го этого Указа все переселившиеся на Дальний Восток за собственный счет освобождались: от отбытия рекрутской повинности в течение 10 лет, от уплаты подушной подати и лишь по истечении 20-летнего срока (со дня издания Указа) должны были уплачивать поземельную подать.
26 января 1882 г. изданы новые правила.	Отличаются от правил 1861 г. тем, что иностранцы с 1882 г. были лишены установленных льгот.

*Ушакова Валентина Леонидовна (Владивосток) – научный сотрудник лаборатории региональных проблем расселения Тихоокеанского института географии ДВО РАН.

Законодательные акты по переселению	Льготы для переселенцев
Закон от 1 июня 1882 г. «О казеннокоштном переселении в Южно-Уссурийский край».	С 1883 г. отправка в течение трех лет в Южно-Уссурийский край морским путем 250 семей ежегодно по маршруту Одесса-Владивосток. По закону переселенцы: освобождались на родине от всех недоимок; получали отвод земли не менее 15 десятин на душу, но не более 100 десятин на семью, с правом последующего выкупа; освобождались от государственных податей и повинностей на 5 лет; имели право на даровой проезд от Одессы до Владивостока; получали продовольствие на 1,5 года; 100 руб. на заготовку материала для строительства жилища; получали пару лошадей или волов; одну корову; семена для полевых и огородных посевов; предметы хозяйственного обзаведения и др.
Закон от 18 апреля 1886 г.	Переселенцы получали право на 100 десятин земли, которую можно было выкупить в собственность по цене 3 рубля за десятину. Предоставлялась ссуда до 600 рублей с условием ее возврата в течение 33 лет, в виде ежегодных (через первые пять льготных лет) взносов 6% от общей суммы.
22 июня 1900 г. утверждены «Временные правила для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях».	Все переселенцы с 1 января 1901 г. получали вместо 100 десятинного семейного надела 15 десятин удобной земли, включая 3 десятины леса на каждую мужскую душу. Новые правила определили правовое различие в землепользовании между крестьянами «старожилами – стодесятинниками» и переселенцами – «новоселами». Отменена свобода выбора земель для заселения, правительство через переселенческое управление заблаговременно заготавливало переселенческие участки.
6 июня 1904 г. «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев».	По этому закону переселенцы получали льготы: право продажи своего земельного надела на родине, повышение ссуды и более продолжительные сроки освобождения от казенных повинностей на месте водворения.

Если в губерниях Европейской России средняя обеспеченность крестьян землей составляла 7-8 десятин на двор при минимально необходимой норме в 15-16 десятин, то переселенцы, прибывая на Дальний Восток, получали по 100 десятин земли на двор. Отводимые земли освобождались на 20 лет от платежа оброчной подати, а засельщики от подушной подати навсегда и от призыва на военную службу на 10 лет. Установленные законы действовали в течение сорока лет, их отменили только в 1901 г.

С 1858 по 1869 г. в Приморскую область переселилось 14293 чел. русского населения, из них 5401 чел. (37,8%) – забайкальские казаки, 2693 (18,8%) – крестьяне. В это время осваивалось побережье Приморья, обустроивались военные посты в заливах Ольга, Владимир, Посыет, в бухте Золотой Рог, в районе озера Ханка, по побережью реки Раздольная и др. Одновременно закладывались казачьи станицы по правому берегу реки Уссури. Образование военных постов и казачьих поселений вызывалось необходимостью быстрого закрепления, за Россией присоединенной и неосвоенной территории. За короткое время на берегу Уссури было созданы 23 станции с населением 5 тыс. чел.

В процессе заселения на территории Приморского края формировались «ядра расселения», где переселенцы охотнее всего расселялись. Это Приханкайская низменность, побережье Ольгинского залива и долина реки Партизанской. Значительно ускорило заселение и экономическое освоение этой территории и долины реки Уссури – сооружение железной дороги от Владивостока до Дальнереченска (1891–1893 гг.) и далее до Хабаровска (1893–1897 гг.).

Переход от военного освоения к экономическому привел к процессам внутренней миграции населения. В результате часть переселенцев с неудобных мест Приамурья (отсутствие удобных для хлебопашества земель, частые наводнения) расселилась в более благоприятных районах и удобных гаванях Приморского края.

1882–1905 гг. В 1880-е гг. принимаются меры к ускоренному заселению Южно-Уссурийского края. 26 января 1882 г. правительством отменяются льготы для иностранцев. Теперь только русские подданные могут воспользоваться ими. 1 июня 1882 г. опубликован закон «О казеннокоштном переселении в Южно-Уссурийский край», согласно которому с 1883 г. отправлять в течение трех лет в край морским путем 250 семей ежегодно по маршруту Одесса-Владивосток. Определяющим для Дальнего Востока, обладавшего протяженным морским побережьем, было развитие морского транспорта. Суда Добровольного флота связали дальневосточную окраину с портами Черного моря, взяв на себя большую часть перевозок и доставку переселенцев из Одессы во Владивосток. Предпочтение было отдано населению Левобережной Украины, потому что именно здесь в этот период усилились процессы малоземелья, социальное расслоение.

ние и быстрый прирост населения не позволял обезземеленному крестьянству находить источники средств существования. С 1883 по 1901 г. в Южно-Уссурийский край морским путем переселилось 55208 семей, в том числе 2029 (12,7%) казеннокоштных.

Если в 1850–1882 гг. территория заселялась преимущественно за счет переселенцев из сибирских губерний, то в 1883–1905 гг. переселенцы прибывали в основном с Украины – 71,0 тыс. чел. (71,9% всех прибывших в этот период). Большую часть украинских переселенцев составляют выходцы из Черниговской – 24,8 тыс. (25,1%) и Полтавской – 17,2 тыс. чел. (17,4%) губерний Левобережной Украины.

К числу новых и эффективных инструментов переселенческой политики, возникших в этот период, следует отнести предоставление переселенцам налоговых льгот и выдачу ссуд не только индивидуального назначения, но и на общественные нужды, связанные с обустройством хозяйств. Создается инфраструктура организации переселенческого движения. Так, в 1882 г. во Владивостоке было создано Южно-Уссурийское переселенческое управление. Необходимость его вызвана тем, что в начале 80-х гг. XIX в. южное Приморье превратилось в основной колонизируемый район, оттеснив Амурскую область на 2-е место. Этому в немалой степени способствовала организация переселения крестьян морским путем.

С 1886 г. казеннокоштное переселение было заменено своекоштным, т.е. за свой счет с предоставлением льгот по новому месту жительства. Для желающих отправиться на Дальний Восток был установлен залог 600 рублей – минимальная сумма для полного обзаведения хозяйством на новом месте и прокормления семьи до нового урожая. Позднее размер залога был уменьшен до 300 рублей. Все новоселы по прибытии на место получали 100 десятинный земельный надел на каждую семью, также с них снимались недоимки, и оказывалась помощь в приобретении сельскохозяйственного инвентаря. В то же время разрешение на переселение предоставлялось лишь сравнительно обеспеченным крестьянам в связи с требуемым залогом. Шло выселение в основном крестьян среднего достатка, которые именно в период с 1861 по 1901 г. формировали слой крестьян-старожилов – самого зажиточного слоя сельского населения. Такая политика поощряла самостоятельность и экономическую активность тех, кто не рассчитывал на государственную помощь. Большая часть переселившихся крестьян осела надолго на дальневосточных землях, составив основу современного социума в этом регионе. Главной причиной успешной адаптации крестьян, прибывших за свой счет, представляется мотивация их переселения – стремление к самореализации стать хозяином новой неосвоенной земли, чего они были лишены в европейской части России и воплотить на ней свои замыслы – это и было одним из главных мотивов переселенцев. Наибольший социально-экономический эффект для государства дала деятельность тех крестьян, которые переселялись своекоштно [3].

На развитии региона отрицательно сказывалась не только его слабая заселенность и отдаленность от густозаселенных губерний России, но и отсутствие дорог. Поэтому для формирования и функционирования экономики края первостепенное значение имело транспортное освоение территории. До постройки железных дорог основным средством сухопутного сообщения был гужевой транспорт. Первая грунтовая дорога в Приморском крае была проложена между селами Камень-Рыболов и Раздольное через Никольское (Уссурийск) до Анучино, от Раздольного до Посьета, от Подгородной через Шкотово до Владимиро-Александровского, откуда в 1890-х гг. начали прокладывать дорогу к заливу Ольга.

В 80-х гг. XIX в. были приняты меры по оживлению переселенческого движения. Условия перевозки переселенцев в значительной степени улучшились после организации в 1883 г. постоянных морских рейсов из Одессы во Владивосток. Вместо 1,5-2 лет, которые затрачивали сухопутные переселенцы из Европейской России, дорога теперь занимала 50 дней. Морским путем преимущественно пользовались выходцы из южных и западных губерний.

22 июня 1900 г. правительство отменяет действовавшие 40 лет правила переселения и утверждает новые. По этим правилам с 1 января 1901 г. вместо 100 десятинного семейного надела переселенцы получали надел по общесибирской норме, т.е. не свыше 15 десятин удобной земли, включая три десятины леса на мужскую душу. Одновременно с этим была отменена свобода выбора земель для заселения, и правительство, через переселенческое управление (оно было образовано в 1893 г. в составе министерства внутренних дел, а в 1905 г. – перешло в министерство земледелия) приступило к массовой заблаговременной заготовке переселенческих участков. Несмотря на сокращение льгот переселенческая волна возрастала, что объясняется, во-первых, открытием движения по Уссурийской железной дороге (Владивосток–Хабаровск), что создало благоприятные условия для заселения Уссурийской низменности, во-вторых, в 1900 г. открыта Забайкальская железная дорога, являющаяся продолжением Сибирской магистрали, что открыло путь для переселенцев из Заволжья и Сибири.

Для переселенцев из внутренних и сибирских губерний большое значение имело открытие в конце XIX – начале XX в. движения по Сибирской, Китайско-Восточной и Уссурийской железным дорогам. Особое место в системе Транссибирской магистрали занимала Китайско-Восточная железная дорога,

соединившая Маньчжурию и Приамурский край. С вводом в строй КВЖД изменилось передвижение переселенцев из европейской части России на восток. Начиная с 1902 г., перевозка переселенцев морским путем была прекращена, и в Приморскую область переселенцы прибывали по железной дороге. Проезд по КВЖД был короче по времени и в три раза дешевле, чем по морю. Если до ввода КВЖД в эксплуатацию в Южно-Уссурийский край за 9 лет (1883 по 1901 г.) морем было перевезено из европейской части России 55208 человек, то за 9 лет, начиная с 1904 г., по КВЖД в край было перевезено 133209 чел. В 1907 г. по КВЖД было перевезено рекордное число русских переселенцев в Уссурийский край – 52892 чел.

Железнодорожный транспорт, связав дальневосточную территорию с центром страны, способствовал притоку капиталов, крестьян-переселенцев, рабочих, оживлению предпринимательской деятельности, росту промышленности, влияя на развитие всех отраслей экономики. Более того, железнодорожные артерии, становясь районами притяжения активного населения, создавали новые очаги промышленной колонизации. Строительство железных дорог дало новый толчок развитию сети грунтовых дорог, которые соединяли железнодорожные станции с крупными сельскими поселениями. На юге Приморского края сформировались крупные транспортные узлы: Никольск-Уссурийский (Уссурийск) и Владивосток. Более того, со строительством Уссурийской дороги Владивосток приобрел функцию коммерческого порта (1893 г.). Он был единственным портом, соединявшим по Транссибирской магистрали Дальний Восток с другими регионами России. Накануне первой мировой войны Владивосток занимал 5-е место среди портов страны и был ведущим портом на Тихом океане.

1906–1917 гг. Начало XX в. ознаменовалось попыткой реформирования экономических основ жизни крестьянства. Одна из особенностей осуществления Столыпинской аграрной реформы на востоке России заключалась в том, что царское правительство не считало своей первоочередной задачей разрушение здесь общины, оно укрепляло ее в фискальных целях. Большое значение для села имело массовое переселение крестьян из Центральной России, Сибири и сравнительно широко развернувшееся землеустройство старожиловских общин и особенно переселенческих участков, так называемое внутринадельное размежевание. Осуществляя переселенческую политику, правительство П. А. Столыпина преследовало и задачу геостратегического характера: на окраинах России создать из переселенцев надежный «русский оплот», что позволило бы воспрепятствовать проникновению на Дальний Восток мигрантов из сопредельных азиатских стран.

На 1906–1916 гг. приходится самая мощная в дореволюционный период переселенческая волна – в Приморский край прибыло 167,5 тыс. чел., было основано 286 крестьянских и казачьих поселений. Анализируя ход переселенческого движения в Приморскую область можно сделать вывод, что большая часть переселенцев прибыла в 1907–1910 гг., т.е. в первые годы действия столыпинской реформы – 124119 чел. (78,6% от числа переселенцев 1906–1913 гг.). В 1907 г. наблюдается максимальное число переселенцев – 61722 чел. Большую часть прибывших составили жители из Левобережной Украины – 23567 чел. Значительное снижение объемов переселений в 1901–1905 и 1911–1915 гг. было вызвано, главным образом, внешнеполитическими причинами – русско-японской и первой мировой войнами, а также постигшими Сибирь в начале 90-х гг. неурожаем.

Характерно, что на протяжении последующего советского периода объемы плановых переселений в регионе, достигнутые в 1906–1910 гг. не были превышены.

В дореволюционный период в Приморской и Амурской областях происходил интенсивный рост городского населения. С 1897 по 1917 г. все население южной части Дальнего Востока увеличилось в 2,5 раза, а городское – в 3,5 раза. Это объясняется недавним заселением этой обширной и важной в стратегическом отношении территории, повлекшим создание военно-административных центров; сосредоточением торгово-промышленной деятельности в городах, занимавших по отношению ко всей территории ключевые позиции; возникновением сети городских поселений вдоль Транссибирской магистрали.

С 1861 по 1917 г. в Приморский край прибыло 268,8 тыс. крестьян и казаков, которыми было основано 503 села и 16 поселков. Города в дореволюционный период имели быстрый и в то же время неравномерный по годам рост населения. Если по переписи 1897 г. в области не было ни одного города с населением свыше 50 тыс. чел., то к 1917 г. таковым стал Владивосток.

Таким образом, практика дореволюционного переселения на Дальний Восток показала, что его эффективность достигалась за счет [4]: перехода от переселения в принудительных и вынужденных формах к добровольному, свободному переселению;

создания и первичного благоустройства правительством переселенческого земельного фонда, на котором производилось расселение мигрантов; выделения переселенцам на различных условиях (в пользование, аренду или собственность) земельных участков, позволяющих крестьянам вести собственное хозяйство и самообеспечиваться; предоставления государством льгот: финансово-экономических,

материально-технических и иных, предназначенных для возмещения затрат в пути следования, облегчения жилищного, производственного и культурного обустройства в местах вселения, создания организационно-управленческой, производственной и социальной инфраструктур переселения.

Литература и источники

1. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). – М.: Наука, 1985. – 259 с.
2. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1977. – 596 с.
3. Романов И.А. Особенности государственного регулирования миграции на Дальнем Востоке // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 52-56.
4. Трубин В.В. Исторический опыт миграционной политики России в Дальневосточном регионе // Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России. – М., 1996. – С. 59-85. (Науч. доклады / Моск. Центр Карнеги; Вып. 7).

Демографические процессы у коренного населения Обдорского Севера в начале XX в.

По образному выражению Д. Богоявленского, зловещее слово «вымирание» накрепко пристало к малым народам Севера [1]. Советская пропагандистская риторика безапелляционно утверждала, что «сталкиваясь при царизме с такими перлами «цивилизациями», как наглая жестокая эксплуатация, спаивание, обирание, торговый обман, систематическое голодание, эпидемии оспы и тифов – народы Севера, естественно, должны были вымирать» [2]. И лишь Октябрьская революция «освободила национальности Севера от векового угнетения и темноты», спасла коренных северян от полного исчезновения [3].

Однако такого рода приговор «висел» над аборигенным населением Сибири и до революции. Возникновение и развитие подобных взглядов в тот период во многом было связано с сильнейшей областнической традицией в сибирской историографии и публицистике, основанной на взглядах и деятельности Н.М.Ядринцева и Г.Н.Потанина. Областники, выступавшие за самостоятельное экономическое и политическое развитие Сибири, отрицали даже возможность каких-либо положительных русских влияний на аборигенное население [4]. Не ставя задачей изучение особенностей демографического развития коренного населения всей Сибири, сузим рамки до территории Ямало-Ненецкого округа. В рассматриваемый период большая часть современной территории округа входила в состав Куноватской и Обдорской волостей Березовского уезда Тобольской губернии. Именно из них будет впоследствии образован сначала Обдорский район, а затем и Ямальский округ [5].

В сложившейся к началу XX в. этноструктуре населения региона представители коренных этносов (ненцы и ханты) занимали преобладающее положение, составляя в 1907 г. более 76% населения последнего [6]. Учетом движения населения в рамках Тобольской губернии занимался Губернский Статистический Комитет. Для составления ежегодно издаваемых обзоров губернии Комитет циркулярно рассылал всем уездным исправникам необходимое количество бланков-таблиц для составления выписок из метрик о числе родившихся, умерших и браком сочетавшихся за истекший год. Для учета православного населения исправникам предписывалось рассылать таковые благочинным церковей соответствующих приходов, а для учета лиц других исповеданий (т.е. в данном случае «идолопоклонников», как именовалось не обращенное в православие автохтонное население интересующих северных волостей) – всем «подлежащим местам и лицам» (т.е. инородным управам). До нас дошли метрические таблицы, составленные уездным исправником и старшинами Обдорской остяцкой и Обдорской самоедской инородных управ за 1908, 1909, 1910, 1911, 1912 гг., которые и явились источниками нижеследующего анализа.

Для определения наличия или отсутствия депопуляционных тенденций в демографическом развитии аборигенов Ямального Севера в структуре компонентов изменения численности населения первостепенное значение приобретает естественный прирост, а потому предметом рассмотрения стали процессы смертности и рождаемости. Общее представление о любом демографическом явлении или процессе дает его абсолютный показатель. Представленные в табл. 1 данные об абсолютном числе случаев смерти в Обдорской остяцкой и самоедской волостях свидетельствуют, что этот показатель не отличался особой стабильностью. Составляя в среднем за рассматриваемый пятилетний период 82,4 случая в своих колебаниях он доводил вариационный размах до 96 случаев. Наибольшее число смертей было зафиксировано в 1908 г. (138), наименьшее – в 1909 г. (42 случая). Обращает на себя внимание и то, что мужская смертность в среднем почти в 1,5 раза преобладала над женской.

Таблица 1

Динамика абсолютных чисел случаев смерти среди коренных жителей
Обдорской остяцкой и самоедской волостей, 1908–1912 гг.*

Год	Обдорская остяцкая волость		Обдорская самоедская волость		ИТОГО		
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	Об. п.
1908	Нет сведений				66	72	138
1909					22	20	42
1910					25	21	46
1911	14	13	22	15	36	28	64
1912	35	22	40	25	75	47	122
ВСЕГО					224	188	412

* Составлено и подсчитано по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 203. Л. 40, 40 об., 41; Д. 211. Л. 52, 52 об., 53; Д. 222. Л. 34, 34 об., 35; Д. 238. Л. 44, 44 об., 47, 45, 45 об., 46; Д. 255. Л. 45, 45 об., 48, 46, 46 об., 47.

* Михалев Николай Александрович (Екатеринбург) – аспирант Института истории и археологии УрО РАН.

Имеющиеся источники позволяют провести и структурный анализ совокупности умерших в рассматриваемую пятилетку. Как показывает табл. 2, последняя характеризовалась неравномерным распределением. За 1908-1912 гг. около 40% случаев смерти приходилось на возрастные группы «0-4» и «5-9» лет, удельный вес которых в общем числе умерших составлял 30,6 и 7,0% соответственно. Следующее повышение уровня смертности наблюдалось в старших возрастных группах «70 лет и выше», доля которых равнялась 12,1%. Однако удельный вес остальных возрастов в общей структуре летальности хотя и был ниже, в большинстве случаев все же не опускался менее 4%. Видно также, что доля мужчин, умерших в ранних и более зрелых возрастах – за исключением групп «10-14» и «25-29» – была в среднем на 1,6% больше, чем доля женщин. Превышение женской смертности над мужской отмечалось в старших возрастных группах («50-54» и далее).

Таблица 2

Структура умерших среди коренного населения
Обдорской остяцкой и самоедской волостей, 1908–1912 гг.*

Возрастные группы, лет	Муж.		Жен.		Обоего пола	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
0-4	73	32,6	53	28,2	126	30,6
5-9	16	7,1	13	6,9	29	7,0
10-14	11	4,9	12	6,4	23	5,6
15-19	10	4,5	7	3,7	17	4,1
20-24	8	3,6	6	3,2	14	3,4
25-29	7	3,1	8	4,2	15	3,6
30-34	15	6,7	10	5,3	25	6,1
35-39	8	3,6	6	3,2	14	3,4
40-44	12	5,4	5	2,6	17	4,1
45-49	13	5,8	7	3,7	20	4,8
50-54	4	1,8	14	7,4	18	4,4
55-59	5	2,2	7	3,7	12	2,9
60-64	10	4,5	7	3,7	17	4,1
65-69	6	2,7	9	4,8	15	3,6
70 и выше	26	11,6	24	12,8	50	12,1
Итого	224	100	188	100	412	100

*Составлено и подсчитано по тем же источникам, что и табл. 1.

Указанные закономерности обуславливают и величины среднего возраста умерших, рассчитанного как средний арифметический, медианный и модальный возрасты смерти. По данным табл. 3, средний возраст смерти и у мужчин, и у женщин демонстрировал склонность к заметной вариации: интервал его крайних значений у мужчин составлял 19,8 лет, у женщин – 22,2 года. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что разность между средним возрастом смерти мужчин и женщин в отдельные годы доходила до 5,6 лет, хотя в среднем не превышала 2,6 лет. Медианный возраст жизни умерших, т.е. возраст до и после которого умирает половина людей изучаемой совокупности, у мужчин колебался от 8 до 49 лет (рассчитанный для всего рассматриваемого периода составлял 21 год), у женщин – от 3,5 до 49 лет (или 26,5 лет соответственно). Модальный возраст смерти, т.е. возраст в котором число умерших достигает своего максимального значения, не обнаруживал существенных различий у мужчин и женщин, как в случае со средним арифметическим и медианным возрастами. В то же самое время в различные годы рассматриваемого пятилетнего отрезка его вариационный размах достигал для возраста мужчин 69,7 лет, а для возраста женщин – 69,5 лет. Такие резкие флуктуации модального и медианного возрастов еще раз подчеркивают установленную выше специфику конфигурации совокупности умерших. Наряду со значительным удельным весом младших («0-4» «5-9») и старших («70 лет и выше») возрастных групп в ее структуре, доля находящихся между ними возрастов в целом ряде случаев была далека от своего минимума.

Таблица 3

Средние уровни возраста умерших среди аборигенного населения Обдорской остяцкой и самоедской волостей, 1908–1912 гг.*

	1908			1909			1910		
	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}
Всего	29,9	23,4	2,3	43,3	49	71,7	22,5	4	2,1
Мужчины	28,3	22	2,4	43,1	49	71,8	23,8	8	2,2
Женщины	31,3	24	2,2	43,5	49	71,6	21,3	3,5	2,1

	1911 г.			1912 г.			1908–1912 гг.		
	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}
Всего	29,6	24	2,1	25,5	18,5	2,4	29,1	23,1	2,3
Мужчины	28,9	22	2,1	23,3	17,6	2,3	27,7	21	2,2
Женщины	30,4	29	2,1	28,9	26	2,8	30,8	26,5	2,3

*Составлено и подсчитано по тем же источникам, что и табл. 1.

Данная особенность наглядно проявляется при сопоставлении структуры совокупности умерших среди аборигенов с такой же совокупностью, образованной за тот же период пришлым населением региона, к каковому относились русские и зыряне. Поскольку благодаря активной миссионерской деятельности Русской православной церкви немалую часть прихожан северных приходов в начале XX в. составляли представители коренных этносов, для этого сравнения был выбран Обдорский Петро-Павловский приход, охватывавший большую часть русско-зырянского населения Обдорска. Рис. 1 свидетельствует, что распределения умерших в обоих случаях по своему контуру весьма схожи и напоминают латинское L. Однако совокупность умерших среди аборигенного населения демонстрирует значительно меньший удельный вес группы «0-4» года (30,6 против 50,8%) и заметно больший следующих далее возрастных групп. Данная разница между первым и вторым распределением особенно видна применительно к возрастным интервалам от «5-9» до «20-24» лет, в пределах которых последняя колебалась от 2,4 до 4,2 %.

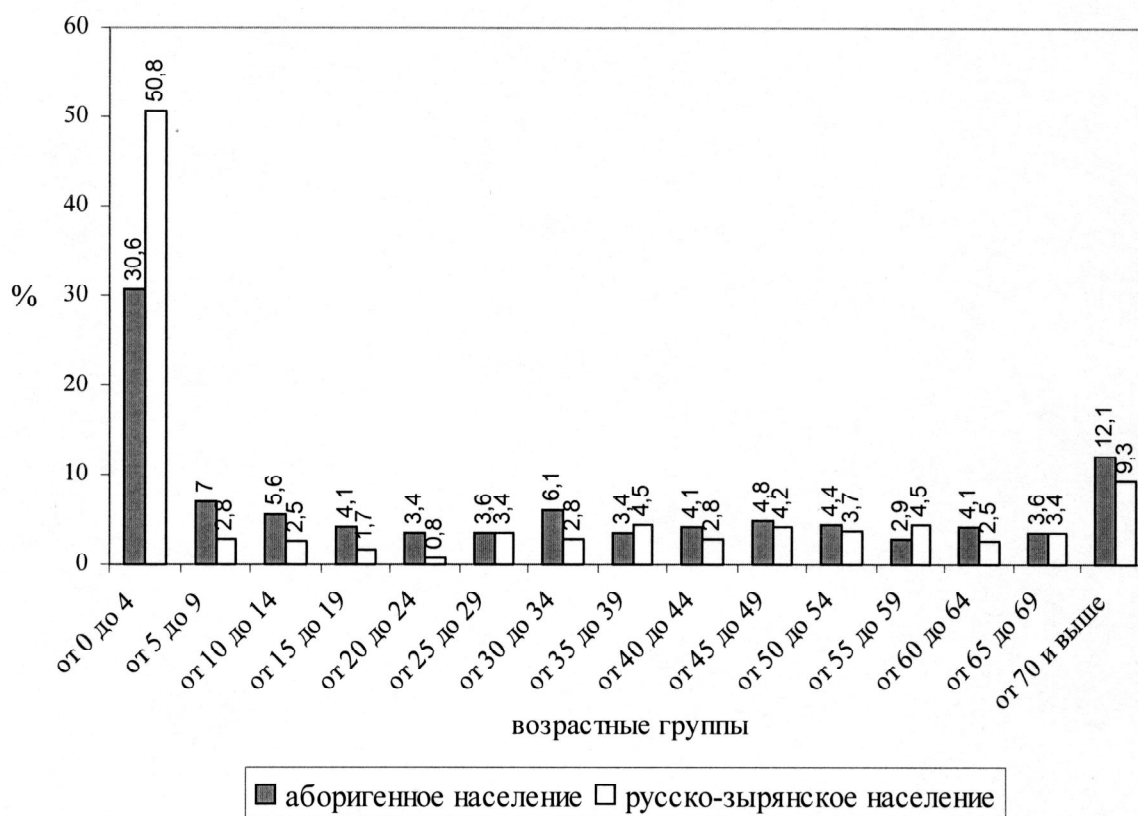

Рис. 1. Распределение умерших среди аборигенного населения Обдорской остяцкой и самоедской волостей и среди русско-зырянского населения Петро-Павловского прихода, 1908–1912 гг.*

В связи с этим неизбежные различия возникают и в показателях среднего уровня возраста умерших. Как свидетельствуют данные табл. 3 и 4, медианный возраст жизни умерших, рассчитанный для всего периода 1908–1912 гг., в Петро-Павловском приходе Обдорска у мужчин составил 9 лет, а у женщин 3,5 года, в то время как у аборигенного населения Обдорской волости он был намного выше – 21 год и 26,5

*Показатели по Петро-Павловскому приходу рассчитаны по тем же источникам, что и табл. 4.

лет соответственно. Средний арифметический возраст у мужчин не проявлял таких различий, равняясь в приходе 26,1 года, а в волости 27,7 лет; у возраста женщин таковые, наоборот, возникают снова – для русско-зырянского населения он составил 20,1 года, а для коренных этносов – 30,8 лет. Кроме того, если максимальная разница между средним возрастом смерти мужчин и женщин среди туземного населения составила 5,6 лет, то в Петро-Павловском приходе только среднее значение последней за рассматриваемый пятилетний отрезок равнялось 8,5 лет, а крайние ее величины составили 4,9 (в 1910 г.) и 12,7 лет (в 1908 г.). Тем не менее, существенные расхождения между модалным возрастом умерших среди пришлого и автохтонного населения региона встречаются лишь в одном случае – в 1909 г., когда он составил 2 года и 71,7 лет соответственно. В остальные годы большая часть смертей среди населения Обдорского Севера происходила в возрасте до 3 лет.

Таблица 4

Средние уровни возраста умерших среди русско-зырянского населения
Петро-Павловского прихода, 1908–1912 гг.*

	1908 г.			1909 г.			1910 г.		
	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}
Всего	19,1	3,5	2	24,9	4	2	25	10,5	2,1
Мужчины	23,9	4	2,1	22,9	3,5	2	27,3	26	2,1
Женщины	11,2	2,8	2	28,5	26	2,2	22,4	4	2,1

	1911 г.			1912 г.			1908–1912 гг.		
	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}
Всего	21,6	3,4	2	27,7	27	2	23,7	3,9	2
Мужчины	25,7	4	2,1	31,2	32,7	2,1	26,1	9	2,1
Женщины	15,1	2,7	2	22,5	3,5	2	20,1	3,5	2

*Составлено и подсчитано по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 203. Л. 31, 31 об., 34; Д. 211. Л. 36, 36 об., 39; Д. 222. Л. 33, 33 об., 36; Д. 238. Л. 36, 36 об., 37; Д. 255. Л. 36, 36 об., 41.

Следовательно, формирование генеральных закономерностей смертности происходило во многом под влиянием детской и младенческой смертности, занимавшей особое место в общей структуре летальности. Согласно табл. 5, значения показателей младенческой смертности и в Петро-Павловском приходе, и в Обдорской остяцкой и самоедской волостях соответствовали ее чрезвычайно высокому уровню. Несмотря на все свои колебания – от 43,6 до 223,3% в волости и от 333,3 до 422,5% в приходе – коэффициент младенческой смертности не формировал какой-либо выраженной тенденции к своему понижению. При этом видно, что размах колебаний коэффициента в приходе был более чем в 3,5 раза меньше, чем в волости, в то время как его значения на протяжении всего рассматриваемого периода были там почти в 2 раза выше (в среднем 376,1 против 143,1‰). Нельзя также не отметить, что и удельный вес умерших в возрасте до одного года среди русско-зырянского населения в среднем за пять лет был на 14,7% больше, чем среди коренных жителей региона (37,6 против 22,9% соответственно).

Таблица 5

Показатели младенческой смертности среди аборигенного населения Обдорской остяцкой и самоедской волостей и среди русско-зырянского населения Петро-Павловского прихода, 1908–1912 гг.*

Год	Обдорская остяцкая и самоедская волости			Петро-Павловский приход		
	Удельный вес, %	Число умерших до 1 года на 1000 чел.	Коэффициент младенческой смертности, ‰ ¹	Удельный вес, %	Число умерших до 1 года на 1000 чел.	Коэффициент младенческой смертности, ‰ ¹
1908	15,2	152,2	–	42,2	422,5	–
1909	14,3	142,8	43,6	33,3	333,3	250,9
1910	32,6	326,1	153,6	34,2	342,5	301,2
1911	37,5	375	223,6	39,7	397	286,2
1912	14,8	147,5	151,7	38,6	385,7	278,4

¹Коэффициент младенческой смертности рассчитан по формуле К. Ратса.

* Составлено и подсчитано по тем же источникам, что табл. 1, 4 и 7.

Информационный потенциал используемых источников предоставляет возможность установить еще одну особенность процессов младенческой смертности. Как показывает табл. 6, на первый месяц жизни и среди русско-зырянского, и среди аборигенного населения региона в среднем за 1908–1912 гг. приходилось не более 31% случаев смерти в возрасте до одного года. При этом, как известно, на первом месяце

жизни всегда преобладают смерти от врожденных пороков организма, в то время как в течение последующих месяцев смертность чаще всего бывает вызвана экзогенными причинами (плохим уходом, неправильным питанием и т.д.). В современных условиях в странах с низким уровнем младенческой смертности доля умерших в первый месяц жизни достигает 75% всех случаев смерти до года.

Таблица 6

Удельный вес умерших на первом месяце жизни в структуре младенческой смертности среди аборигенного населения Обдорской остяцкой и самоедской волостей и среди русско-зырянского населения Петро-Павловского прихода, 1908–1912 гг., %*

Год	Обдорская остяцкая и самоедская волости	Петро-Павловский приход
1908	38,1	30
1909	33,3	25
1910	33,3	32
1911	33,3	40,7
1912	16,7	25,9

*Составлено и подсчитано по тем же источникам, что и табл. 1, 4.

Таким образом, устанавливаемое в начале XX в. для коренного и пришлого населения Обдорского севера распределение летальности на первом году жизни – наряду с высокой интенсивностью младенческой смертности и невысокими показателями среднего возраста умерших – свидетельствует о господстве в это время в регионе традиционного типа смертности. Впрочем, последний был характерен в тот период как для Сибири, так и для России в целом [7].

Вторым параметром, определяющим воспроизводство населения, является рождаемость. Согласно имеющимся данным (табл. 7), абсолютные показатели рождаемости проявляли тенденцию к колебаниям, не формируя какого-либо четко определенного тренда на свое увеличение или уменьшение. Составляя в среднем 131,8 случаев в год, данные показатели имели максимальное значение в 1908 г. (235 рождений) и наименьшее – в 1909 г. (89 рождений).

Таблица 7

Динамика абсолютных чисел рождений в Обдорской остяцкой и самоедской волостях, 1908–1912 гг.*

Год	Обдорская остяцкая волость		Обдорская самоедская волость		ИТОГО		
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	Об. п.
1908	Нет сведений				135	100	235
1909					38	51	89
1910					55	47	102
1911	26	23	32	29	58	52	110
1912	36	24	35	28	71	52	231
ВСЕГО					357	302	659

*Составлено и подсчитано по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп.1. Д. 203. Л. 41 об.; Д. 211. Л. 53 об.; Д. 222. Л. 35 об.; Д. 238. Л. 46 об., 47 об.; Д. 255. Л. 47 об., 48 об.

И хотя абсолютные показатели рождаемости характеризуются низким информационными возможностями (как и любые абсолютные показатели) и за неимением источников определить относительные показатели невозможно, они позволяют установить, что величина естественного прироста в течение всего периода 1908–1912 гг. была положительной (табл. 8). Последняя варьировала для коренного населения от 1 до 97 чел., в среднем находясь на уровне 49,4 чел. в год, а для русско-зырянского населения – от 4 до 35 (в среднем 22,4 чел. в год). Обращает на себя внимание высокая вариативность этого признака: коэффициент осцилляции в обоих случаях превышал 100%: для показателей естественного прироста аборигенов он составил 193,4%, а для показателей естественного прироста обдорчан – 138,4%. Правда, в Петро-Павловском приходе показатели демонстрировали большую стабильность, интервал отклонений последних был меньшим и среднее квадратичное отклонение здесь равнялось 10,1 чел., тогда как колебания показателей туземного населения Обдорской волости устанавливали вариационный размах в 96 чел. и доводили среднее квадратичное отклонение до 30,6 чел.

Однако, несмотря на данное обстоятельство, естественный прирост оставался положительным, обуславливая и соответствующие значения индекса жизненности (индекс Покровского-Пирла). Индекс жизненности, равный отношению годового числа рождений к годовому числу смертей, говорит о том, в какой мере изменяется численность населения под влиянием актуальной рождаемости и смертности. При положительном естественном приросте индекс больше единицы, при отрицательном – меньше. В условиях преобладания рождаемости над смертностью показатель жизненности и коренного, и пришлого

населения Обдорского Севера в рассматриваемый период оставался больше единицы. Для него, естественно, были характерны такие же колебания, как и для показателей естественного прироста – более выразительные для аборигенных жителей региона (с 1,70 в 1908 г. до 2,22 в 1910 г. и с 2,22 до 1,01 в 1912 г.) или менее резкие в случае с русско-зырянским населением (интервал крайних значений индекса составил здесь 1,51 и 1,05, а среднее значение – 1,3). Правда, нельзя не отметить, что, несмотря на колебания, в 1912 г. по сравнению с 1908 г. индекс жизненности аборигенов все же несколько понизился, а жизненность прихожан Петро-Павловского прихода оставалась примерно на том же уровне.

Таблица 8

Значения естественного прироста и индекса жизненности среди аборигенного населения Обдорской остячкой и самоедской волостей и среди русско-зырянского населения Петро-Павловского прихода, 1908–1912 гг.*

Год	Обдорская остячка и самоедская волости		Петро-Павловский приход	
	Естественный прирост	Индекс жизненности	Естественный прирост	Индекс жизненности
1908	97	1,70	26	1,37
1909	47	2,12	23	1,32
1910	56	2,22	4	1,05
1911	46	1,72	35	1,51
1912	1	1,01	24	1,34

*Составлено и подсчитано по данным табл. 1 и 7.

Итак, несмотря на все заявления советского или дореволюционного периода о «вымирании» народов Севера, имевших, как правило, выраженную пропагандистскую направленность, реальность соответствовала им мало. По крайней мере, это утверждение справедливо по отношению к коренному населению Обдорского Севера, в демографическом развитии которого, как показал произведенный анализ, депопуляционных тенденций в начале XX в. не фиксируется. Преобладание рождаемости над смертностью обеспечивало на протяжении всего рассмотренного периода положительное значение естественного прироста, а результате – постепенное увеличение абсолютной численности аборигенного населения региона.

Литература и источники

1. Богоявленский Д. Вымирают ли народы Севера? // Население и Общество. Информ. бюл. Центра демографии и экологии человека Института народохозяйственного прогнозирования РАН. Август 2004. № 83. <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps83.pdf>. С.1.
2. См., например, доклад заведующим отделом П. Московкина «Здравоохранение Ямало-Ненецкого национального округа за 20 лет (1930-1950 гг.)». Государственный архив Ямало-Ненецкого Автономного округа. Ф. 3. Оп. 1. Д. 123а. Л. 80.
3. Славный путь народов Севера. К 10-летию образования Ямало-Ненецкого национального округа. – Омск, 1941. – С. 69.
4. Скобелев С.Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебания численности и их причины. http://www.zaimka.ru/to_sun/skobelev_4.shtml.
5. Правда, к началу XX в. большая часть аборигенного населения, проживавшего на территории Куноватской волости, была обращена в православие, составляя, согласно «Ведомостям» церковей немалую долю прихожан соответствующих приходов. См.: Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГУТО ГАТ). Ф. 156. Оп. 19. Д. 57. Л. 20 об., 66 об., 72 об. Поэтому в дальнейшем территориальные рамки будут по существу ограничиваться Обдорской волостью Березовского уезда.
6. Подсчитано по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 587. Л. 9 об.-10.
7. См. подробнее: Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть I: Население. Экономика. – Барнаул, 2003. – С. 144-145.

Этнодемографические процессы в Русском Туркестане в начале XX в. по архивным документам ЦГА Республики Узбекистан

После завоевания Среднеазиатских ханств и образования Туркестанского генерал-губернаторства во второй половине XIX в. начался процесс переселения в регион жителей из других областей Российской империи, в первую очередь русских, украинцев, белорусов.

Еще до прихода русских в регионе существовали и этнокультурные (кочевое–оседлое население), и языковые (тюрки-таджики), и этнодемографические противоречия. Но они возникали в рамках исламской цивилизации. Переселенцы из Центральных (европейских) районов империи со своим появлением привнесли в жизнь края новую этническую, языковую и религиозно-культурную компоненту, которая далеко не всегда могла безболезненно и гармонично вписаться в уклад жизни коренного населения. Часть переселенцев предпочитала вернуться обратно на родину. Причин для этого было несколько: недостаточная материальная и правовая поддержка со стороны государства; проблемы связанные с адаптацией в непривычных природно-климатических условиях; проблема интеграции в принципиально иную этнокультурную и языковую среду и др.

Переселение затрагивало не только экономические и политические аспекты жизни народов края, но и оказывало заметное воздействие на культурную и языковую ситуацию в регионе. При этом часть переселенцев освоила местные языки (тюркский и таджикский), и в их обиходном лексиконе появились языковые заимствования. Изменился словарный состав языка. К числу таких заимствований чаще относились понятия, которых не было в русском языке и им не находилось надлежащего эквивалента (арык, кишмиш и др.).

Нельзя не сказать и о тех людях, представителях российской интеллигенции, которые, освоив местные языки, стали помогать местному населению в получении врачебной помощи, образовании. Яркий пример тому семья Наливкиных.

Генеральная стратегия России, связанная с переселением и сопутствующими вопросами, не была единой, а состояла из совокупности двух параллельно идущих линий. Первая – обустройство русских переселенцев, законодательная и кредитно-финансовая поддержка этого явления, и вторая – землеустройство местного коренного, или как его еще называли, старожильского населения. Об этнокультурной политике не было ни слова.

Переселение не привело к полной интеграции региона в общеимперское государственное здание. В Туркестане проходила линия столкновения русских и английских интересов, поэтому переселенцы, чувствуя государственную установку – «чуть что под ружье», меньше вступали в контакт с коренным населением и были поставлены в привилегированное положение, которое привело к противопоставлению по схеме – «мы и они». По самому определению, такое дистанцирование тормозило процесс этнокультурного и языкового сближения.

Мусульманский фактор как связующая основа этнорегионального и этноконфессионального единства коренного населения являлся, пожалуй, важнейшей проблемой, с которой столкнулись русские чиновники в Туркестане. На наш взгляд, наибольшее его обострение приходится на период с 1898 (Андижанское восстание) до 1917 г. Далее проблема никуда не исчезает и не решается. Она переходит несколько в иную плоскость и существует уже в рамках иного политического строя и иной государственной идеологии. Во всяком случае, эта идеология декларировалась как «другая».

Служба в крае не относилась к разряду престижной и редко сулила попавшему на нее блестящее и стремительное продвижение по служебной лестнице. Поэтому ехали в край неохотно. Зачастую в Туркестан попадали люди, которые по тем или иным объективным показателям не могли сделать удачной карьеры в метрополии. Это становится совершенно очевидным, когда начинаешь работать с составленными ими документами. И дело не в массе сделанных орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок. Их, кстати, огромное количество, что, безусловно, само по себе является определенной характеристикой, но это, в конце концов, не самое страшное. А в сути самого подхода к анализу ситуации и настроений окружавшего их малопонятного, с виду вполне лояльного, много-миллионного населения.

*Котюкова Татьяна Викторовна (Москва) – кандидат исторических наук, ученый секретарь Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела.

Один из таких, по-своему интересных и показательных документов, нам бы хотелось привести как наглядное доказательство того, что желание «спокойствия и умиротворения», не всегда в полном объеме проецируется на ситуацию.

Документ, с отметкой «секретно», озаглавлен как «Сведения о состоянии умонастроений туземного населения русской части города Ташкента¹ и религиозно-бытовом укладе его жизни». Он хранится в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУз) в фонде Полицейского управления русской части города Ташкента.

В документе говорилось, что:

«1. Туземное население русской части города Ташкента состоит исключительно из коренных жителей – ташкентских сартов², исповедующих мусульманскую религию суннитского толка³, основанную на Коране, провозглашающую следующие основные догматы: единобожие и отрицание троичности; Магомет высший последний пророк; Коран высшее и последнее откровение Бога людям; Бог управляет миром и судьбой человека; воскресение из мертвых и страшный суд; спасение есть удел одних правочеловеческих и рай есть удел праведников, а ад удел грешников.

Помимо этого коренного населения, незначительная часть туземцев составляют бухарскоподданные: сарты и татары. Всего в русской части города Ташкента мусульман 9325 душ из этого числа 1314 татар. Образ жизни туземцы ведут только оседлый, главное занятие торговля и отчасти сельское хозяйство. Туземец-сарт отличается коммерческой способностью, но пока к сложным торговым операциям еще не подготовлен. На границе он сталкивается с бухарским евреем – королем мануфактурного, а отчасти и хлопкового рынков. Так как свобода профессий и расширение умственного и географического горизонтов явились у сарта всего лишь 30 лет тому назад, а с другой стороны, успехи, им уже достигнутые в торговых делах, весьма велики, то несомненно, что, подчиняясь законам эволюции при наличности природной склонности, с течением времени сарт займет среди народностей известных коммерческою складкою своего ума. Степень экономического благосостояния, за весьма малым исключением элемента чисто рабочего, насчитывается до 500 душ надо считать удовлетворительною.

2. Туземцы религиозны, строго придерживаются священных обрядов почитают своих наставников и до некоторой степени религиозные фанатики. Мударисы⁴ получили образование в высших мусульманских учебных заведениях (медресе), некоторые в низших школах (мактабах). В одной из школ, основанной в 1873 г. и находившейся на Воскресенском базаре близ мечети, мударисом, т.е. заведующим, состоит мулла Ахтямов с 1893 г., окончивший курс в высшем медресе старой Бухары. Учитель этого медресе Садыков учился в городском училище, окончательное образование получил в Ташкентской учительской семинарии. Второй же учитель этого же медресе окончил Троицкое высшее медресе и состоит при местном медресе учителем 7 лет. Все они назначены на эти должности по распоряжению Директора народных училищ.

Учащихся сартов 92 и татар 82 человека, из них пришлых сартов нет, а татар 5. Учебные книги следующие: Мағалими-Овакат первая книга, Бад-Уль мағариф – Закон божий, Тарих амбия – история, Тажвид – словарь и евангелие⁵. Вакуфных имуществ, кроме одиннадцати деревянных лавок, нет, приносит это имущество дохода 2250 р. В городе мактабы помещаются на общественных землях и содержатся на средства общества.

3. Ишанов⁶, дервишей⁷ и маддахи⁸ не имеется.

¹После прихода русских, города Туркестана были в административном плане разделены на две части «старые», в которых находилась историческая часть города, и «новые» или «русские» города, в которых селилось пришедшее, в основном европейское население и располагалась русская администрация.

²Сарты – до 1917 г. так называли оседлое, в основном городское, население Средней Азии.

³Сунниты – (араб. ахль ас-сунна – люди сунны) – последователи наиболее многочисленного направления в исламе. В отличие от шиитов, сунниты не признают возможности посредничества между Богом и людьми после смерти Пророка Мухаммеда, отрицают идею об особой природе Али и праве его потомков на имамат. Существуют также значительные различия в принципах юридических решений, в характере праздников, в отношении к иноверцам, в деталях молитвы и др.

⁴Мударис – наставник, своеобразный профессор в медресе, высшем мусульманском учебном заведении.

⁵ Так в тексте документа.

⁶Ишан – эшон, глава и наставник мусульманской общины, обычно принадлежащей к одному из мистических (дервишских, суфийских) орденов.

⁷Дервиш (перс., буквально – бедняк, нищий) – член мусульманских суфийских братств; в более широком смысле – нищий.

⁸Маддахи – это в сущности те же дервиши, проповедующие на улицах, площадях и базарах на различные религиозно-нравственные темы.

4. Мечетей 4, молитвенных домов 3, мазаров⁹ 2, муй мурадов¹⁰, священных деревьев и других почитаемых предметов нет, постройки новых мечетей и реставраций старых не замечается. Землю и воду мечетям, мазарам и почитаемым духовным лицам население не отводит.

5. Туземное население независимостью никогда не пользовалось, находясь до завоевания русскими, под гнетом Хивинского ханства¹¹ и произволом последнего. Сочувственных воспоминаний об утраченных днях совершенно не замечается ни в частных разговорах, ни в местных преданиях и различных песнях среди местных туземцев в их бытовой жизни, ибо туземец сарт в настоящее время не видит и не испытывает этого произвола, чувствуя свою независимость и равное отношение к населению без различия благосостояния со стороны администрации.

6. Хранителями религии у сартов является духовенство, по Корану оно должно рукополагаться. Должности эти замещаются по выбору, при чем каждый грамотный имеет право на избрание. Духовные лица на туземное население имеют громадное значение, выражается оно в духовном и нравственном наставлении. В духовных вопросах их убеждают в истине и святости веры и превосходстве ее в этих отношениях над другими религиями. В нравственном отношении им преподают вред лжи, пьянства и распутства; в более широкое учение они не вдаются, политических и социальных вопросов не касаются. Местное духовенство по обрядности и внешней формы фанатики; среди местного населения пользуются мулла Муфдут Ахтямов, проживающий по Джизакской улице в собственном доме № 18.

7. Среди населения откуда-либо со стороны или за границы светские и духовные лица, а так же рассказчики, дервиши, фокусники и юродивые не появлялись здесь в русской части города Ташкента. За появлением этих лиц ведется строжайший надзор.

8. Туземцы, зараженные идеей революционного характера из Персии, Турции, Кавказа и других мест, не появлялись и пропаганды не производили.

9. Татары-миссионеры, как поволжские, так и кавказские, собирающие вокруг себя народ для поучения или собеседования или влияющие на него посредством учреждения туземных школ нового типа, в массы туземного населения не проникают. Последователей татарской секты, так, например, Ваизова Божьего полка, основой учения которого является непризнание земных властей и отрицание необходимости уплаты податей и т.п., среди населения русской части так же не появляются. Имеющиеся татары все известны, живут в собственных домах, самой простой семейной жизнью, имеют побочные занятия, как-то: мелочную торговлю и извозный промысел. Никакого влияния на население не имеют.

10. Новометодных школ для мусульман в районе русской части города Ташкента не существует.

11. Туземное население к русской администрации относится в высшей степени почтительно, видимого непочтения или неудовольствия по отношению к администрации совершенно не замечается.

12. Сближаясь с русским элементом, изучая язык последнего, некоторые туземцы побывали уже не только в России, но и за границей, знакомясь там с торговыми операциями с целью улучшения и расширения последней у себя на родине. Прогрессивного направления среди молодого поколения мусульман пока не замечается и если последнего и можно ожидать, то лишь по отношению развития той же торговли.

13. Туземцы получают и читают следующие газеты: местную туземную, оренбургскую «Вакт», в русском переводе «Время», бахчисарайскую «Тарджиман», значит переводить с русского, казанскую «Юлдуз» – «Звезда». Торговля книгами открыта на Воскресенском базаре в декабре 1909 года. Продаются учебники, воинственные и другие исторические рассказы.

14. Печатных станков и гектографов, могущих служить к распространению в народе каких-либо известий, воззваний и т.п., не встречается.

15. Благотворительных обществ, братств и библиотек-читален у туземцев не имеется.

16. Собраний наиболее влиятельных туземцев и вообще не происходит.

17. Для каждого сарта идеалом жизненного благополучия является торговля, и к ней обращается он при первой возможности. Скопя пару рублей, он тотчас же пускает их в оборот, превращаясь сначала либо в торговца фруктами, либо в старьевщика, и за сим увеличивая свои торговые обороты, не встречая на пути своих конкурентов в лице других национальностей. Туземное население с прочими народностями живет в мире, недолюбливает лишь армян и евреев как конкурентов по торговым операциям. Как евреи, так и армяне – народ более смелый и хитрый, поэтому туземцы, имея торговые сношения с последними, нередко попадают в невыгодные для них сделки.

⁹Мазар (араб. – место поклонения) – у мусульман культовое сооружение над гробницами святых.

¹⁰Муй мурад – одна из разновидностей культового сооружения в Средней Азии.

¹¹На самом деле Кокандского ханства.

18. Увеличение фабрик, заводов и возникновение различных промышленности¹² вызывают некоторое неудовольствие со стороны низшего слоя туземного населения занимающегося кустарным промыслом, которое с открытием фабрик и заводов лишается заработка, ныне добываемого ручным трудом. Остальные же туземцы в открытии подобных заведений видят лишь улучшение производства и материальную выгоду, почему относятся к этому развитию доброжелательно. К распространению питейных заведений культурные туземцы относятся враждебно и таковых не посещают, но посещение этих заведений низшим классом с каждым годом увеличивается, от чего нравственные качества слабеют. Общания туземцев с пришлым населением нет, так как они относятся к ним враждебно и с недоверием.

Вообще настроение умов туземного населения русской части города Ташкента самое спокойное – мирное»¹³.

Благостные донесения из Полицейского управления русской части города Ташкента, попадали (в этом сомнений нет) в поле зрения высокого краевого начальства. Трудно сказать насколько подобного рода сведения добавляли в жизнь стабильности и размеренности, но ощущение «спокойствия и умиротворения» недавно присоединенной окраины транслировалось затем и в Петербург.

¹² Так в тексте документа.

¹³ЦГА РУз. Ф И-462. Оп. 1. Д. 355. Л. 1-2 об. К сожалению, на документе не указана дата его составления. Из текста документа также не ясно, кто из сотрудников полицейского управления являлся автором-составителем данного документа и кому он был адресован. Мы можем только предположить из содержания, что написан он был после 1909 г. Текст состоит из 18 пунктов и воспроизводится с учетом современных требований орфографии и пунктуации.

Историческая динамика половозрастной структуры манси**

Одним из важнейших факторов демографического роста является возрастная структура (рассматривается обычно с распределением населения по полу), поскольку плодovitость и смертность населения находятся в тесной связи с возрастом отдельных его индивидуумов. В настоящем сообщении представлены некоторые результаты исследования исторической динамики половозрастной структуры ляпинско-сосьвинских манси***. Источником информации послужили первичные материалы ревизских переписей 1795 и 1858 гг. (Сосьвинская и Ляпинская волости), данные похозяйственных книг Няксим-вольского, Сосьвинского и Саранпаульского сельских советов****, а также архивные материалы Березовского отдела ЗАГС (записи о родившихся и умерших).

Для определения временных сдвигов в половозрастной структуре манси исследуемые популяции, представляющие различные временные срезы, были распределены по четырем группам: дети до 10 лет, подростки 11-20 лет (обе эти группы рассматриваются как младшая возрастная когорта), трудоспособное население – 21-60 лет (средняя возрастная когорта) и люди пожилого возраста – после 60 лет (старшая возрастная когорта). Результаты представлены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Половозрастной состав ляпинско-сосьвинских манси (XVIII–XIX вв.),
в процентах от общего числа населения

Возр. группы	Ляпинская вол.						Сосьвинская вол.					
	1795 г.			1858 г.			1795 г.			1858 г.		
	Муж.	Жен.	Оба п.	Муж.	Жен.	Оба п.	Муж.	Жен.	Оба п.	Муж.	Жен.	Оба п.
0-10	16,27	15,32	31,59	9,26	8,06	17,32	12,55	12,55	25,10	10,93	8,22	19,15
11-20	9,33	9,53	18,86	11,97	9,66	21,63	13,25	11,51	24,76	11,74	10,43	22,17
21-60	22,86	21,24	44,10	30,33	25,53	55,86	24,60	20,83	45,43	32,39	23,06	55,45
>60	2,72	2,45	5,17	2,79	2,16	4,95	3,31	1,31	4,62	2,0	1,20	3,20

Источники: ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 272, л. 1-36 об., 37-103 об.; Д. 992, л. 169 об.-246 об.; 255 об.-306.

В конце XVIII в. в возрастной структуре ляпинско-сосьвинских манси около 50% принадлежало младшей возрастной когорте (дети до 10 лет составляли в ней 25-30%); примерно 45% – средней и около 5% – старшей возрастным когортам (табл. 1). Такое распределение может свидетельствовать о высокой рождаемости и низкой продолжительности жизни населения. Данные на середину XIX в. показывают уменьшение удельного веса младшей возрастной когорты за счет сокращения числа детей до 10 лет (этот показатель снизился в Ляпинской волости на 14, в Сосьвинской – на 6 единиц) и увеличение примерно до 55 % доли лиц трудоспособного возраста. Старшая возрастная когорта в Ляпинской волости почти не изменилась, в Сосьвинской – число лиц, преодолевших 60-летний рубеж, немного уменьшилось.

Обращает на себя внимание некоторый перевес в XVIII–XIX вв. в половозрастной структуре манси численности мужского населения над женским в среднем и старшем возрастах. Необходимо отметить, что «недостаток женского пола» был отмечен в дореволюционной литературе и у других сибирских народов. О численном перевесе мужчин у «инородческого населения» в конце XIX в. свидетельствуют, например, приведенные С.К. Паткановым сведения за 1897 г. по губерниям и областям: Тобольская (44585 муж.; 40921 жен.); Томская (56510 муж., 52576 жен.); Енисейская (25473 муж., 24592 жен.); Иркутская и Забайкальская (152313 муж., 149035 жен.); Якутская (117791 муж., 117832 жен.) [Патканов., 1911: 18]. Для этапа освоения Сибири русскими переселенцами этот факт объяснялся тем, что «воеводы и служилые люди жили с инородками как с женами, они то отнимали жен и дочерей у инородцев, то покупали их» [Буцинский, 1889: 324-325]. Некоторые усматривали причину такой диспропорции в более тяжелом положении женщины «в диком инородческом быту», чем положение мужчины [Шашков, 1898: 628].

*Пивнева Елена Анатольевна (Москва) ? кандидат исторических наук, ученый секретарь Института этнологии и антропологии РАН.

**Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН; тема «Адаптационные ресурсы и практики народов Камско-Вятского региона в условиях российских трансформаций»

***Манси бассейна рр. Северная Сосьва и ее притока, р. Ляпин. В этнографической литературе их принято относить к северной этнографической группе.

**** Фамильный анализ показал преемственность мансийского населения в составе этих административных единиц, что позволяет проведение сравнительного анализа.

Вероятно, не следует сбрасывать со счетов и имевший место в прошлом некоторый недоучет женского населения в статистических источниках.

В первой половине XX в. доля мансийского населения в возрасте до 20 лет (Няксимвольский и Сосьвинский с/с) по-прежнему оставалась высокой, составляя около 50 %. Средняя же возрастная когорта уменьшилась, составив по обеим группам около 40 %, а число лиц старшего возраста немного возросло (до 7-9 %), с чем предположительно можно связать некоторое увеличение продолжительности жизни (табл. 2).

Таблица 2

Половозрастной состав ляпинско-сосьвинских манси (1940–1990-е гг.),
в процентах от общего числа населения)

Няксимвольский с/с									
Возраст. группы	1948 г.			1957 г.			1985		
	Муж.	Жен.	Оба п.	Муж.	Жен.	Оба п.	Муж.	Жен.	Оба п.
0-10	16,43	13,03	29,46	17,72	14,81	32,53	9,84	8,03	17,87
11-20	14,16	9,35	23,51	10,85	7,94	18,79	13,73	15,54	29,27
21-60	12,18	24,37	36,55	16,41	21,69	38,10	26,17	21,75	47,92
>60	3,97	5,66	9,63	3,96	5,29	9,25	0,78	4,15	4,93
Сосьвинский с/с									
Возраст. группы	1948 г.			1970 г.			1990 г.		
	Муж.	Жен.	Оба п.	Муж.	Жен.	Оба п.	Муж.	Жен.	Оба п.
0-10	11,94	11,32	23,26	16,49	16,81	33,30	11,17	11,75	22,92
11-20	11,94	14,42	26,36	12,08	12,18	24,26	9,60	8,74	18,34
21-60	14,11	25,59	39,70	15,76	20,06	35,82	26,07	24,93	51,0
>60	3,57	4,50	8,07	1,37	4,84	6,21	1,86	4,45	6,31
Саранпаульский с/с									
Воз. группы	1979 г.			1989 г.					
	Муж.	Жен.	Оба п.	Муж.	Жен.	Оба п.			
0-10	10,52	9,97	20,49	11,51	11,85	23,36			
11-20	16,94	14,51	31,45	8,58	8,80	17,38			
21-60	20,14	23,15	43,29	28,57	25,62	54,19			
>60	1,32	3,21	4,53	1,24	2,48	3,72			

Таблица составлена по материалам похозяйственных книг соответствующих сельских советов.

Во второй половине 1980-х гг. произошло некоторое сокращение удельного веса младшей возрастной когорты за счет уменьшения числа детей до 10 лет (няксимвольская группа) и лиц в возрасте 11-20 лет (сосьвинская и саранпаульская группы). Люди в трудоспособном возрасте по-прежнему составляли около половины всего населения, в возрасте 60 и более лет – 5-6% (кроме Саранпауля, отличавшегося меньшей долей лиц пожилого возраста).

Учитывая, что миграции среди манси в означенный период осуществлялись в объеме, который вряд ли мог привести к значительным структурным трансформациям, а следовательно, половозрастной состав населения представлял собой совокупный результат рождаемости и смертности, для объяснения выявленных структурных сдвигов имеет смысл более подробно остановиться на характеристике этих демографических показателей.

Вероятно, уменьшение в половозрастном составе современных манси доли детей до 10 лет стало следствием сужения репродуктивного контингента (14-17% в XX в. против 24% XVIII в.) и частично связанного с этим сокращения рождаемости. О негативных сдвигах в структуре рождаемости свидетельствуют, например, выявленные тенденции увеличения в общем числе рождений у мансийских женщин доли 1-3-х детей и значительное снижение репродуктивной активности женщин после 40, и даже после 30 лет.

Основной особенностью модели смертности у манси в конце XIX – начале XX в. была повышенная доля среди умерших лиц в детско-юношеском возрасте (около 43-49%). Доля детей, умерших в возрасте до одного года, составляла в тот период около 11%, в 1920–1960-е гг. – 17-20 % от общего числа смертных случаев. Только с 1970-х гг., благодаря развернувшемуся на Севере строительству учреждений по охране материнства и младенчества – родильных домов, яслей, детских садов, медицинских учреждений, а также некоторому улучшению быта коренных народов, наметилась тенденция снижения младенческой смертности. В 1970-е гг. этот показатель у ляпинско-сосьвинских манси оставался еще довольно высоким – около 11%, но в последующие десятилетия его значение заметно понизилось, составив в 1980-е гг. 6%; 1990–1993 гг. – 3%.

Около четверти всех смертных случаев в конце XIX – начале XX в. приходилось на возраст 60 и более лет (Сосьвинский и Щекуринский приходы). Смертность в преклонном возрасте была относительно высокой вплоть до 1960-х гг. В последующие десятилетия доля умерших в возрасте 60 лет и старше в общей структуре смертности сокращается, зато явно увеличивается доля умерших в возрасте от 15 до

59 лет. Если в XIX и первой половине XX столетия число умерших в этом возрасте составляло около 20-30%, то начиная с 1970-х гг. – уже более половины всех зарегистрированных смертей. Большинство смертных случаев приходится на долю мужчин, причем многие из них умирают, не дожив до 30 лет. Обращают на себя внимание значительные различия среднего возраста умерших у мужчин и женщин в пользу последних. В 1970-е гг. это расхождение составляло 9,48; в 1980-е гг. – 20,86; в 1990–1993 гг. – 24,6 лет. Отличительной чертой модели смертности манси, как и других коренных народов Севера, в последние десятилетия стали так называемые «неестественные причины смерти», являющиеся прежде всего следствием широкого распространения алкоголизма.

Таким образом, если в традиционной модели смертности, сохранившейся у манси примерно до 1960-х гг., основной контингент составляли дети и старики, в последующие десятилетия среди умерших резко возрос удельный вес людей среднего возраста – наиболее дееспособной и репродуктивной части населения. Большинство смертных случаев в этом возрасте приходится на долю мужчин, следствием чего стала наметившаяся диспропорция полового состава, вызванная на сей раз дефицитом мужчин, что объясняется главным образом проблемой их «преждевременной» смертности (в молодом и трудоспособном возрасте). Рассмотренные выше показатели демонстрируют также некоторое уменьшение в последние десятилетия XX в. в половозрастном составе манси доли лиц младшей возрастной когорты, что можно связать со снижением рождаемости.

Распределение по укрупненным возрастным когортам отличает манси от подвергшихся аналогичному исследованию восточно-финских народов, в половозрастной структуре которых в значительно большей степени отражен так называемый демографический переход (т.е. переход от высокой рождаемости и низкой продолжительности жизни к низкой рождаемости и низкой смертности). Так, если до 1950-х гг. доли возрастных когорт 0-19 и 60+ лет примерно сопоставимы с таковыми у манси, то в 1989 г. у восточно-финских народов они составили соответственно: у коми – 27,8 и 13,5%; у марийцев – 31,7 и 11,2%; у мордвы – 31,7 и 11,2%; у удмуртов – 42,8 и 21,0% [Лаллукка, 1997: 181].

Литература и источники

Будинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Харьков, 1889.

Лаллукка С. Восточно-финские народы России: Анализ этнодемографических процессов. – СПб., 1997.

Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. – СПб., 1911.

Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Шашков С.С. Собрание сочинений. – СПб., 1898. – Т. 2.

Приложение

Рис. 1.

Половозрастные пирамиды населения Ляпинской волости

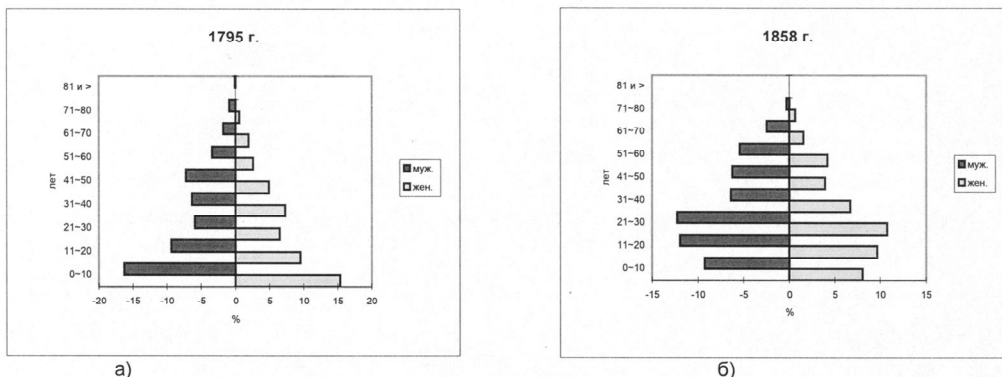

Рис. 2.

Половозрастные пирамиды населения Сосьвинской волости

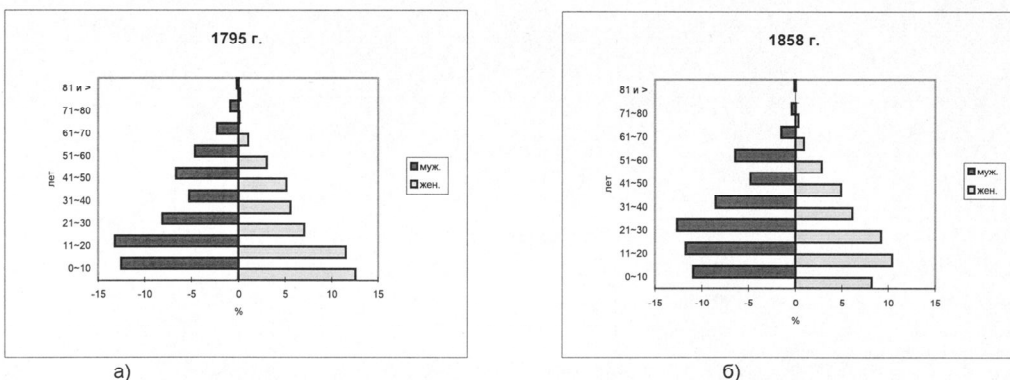
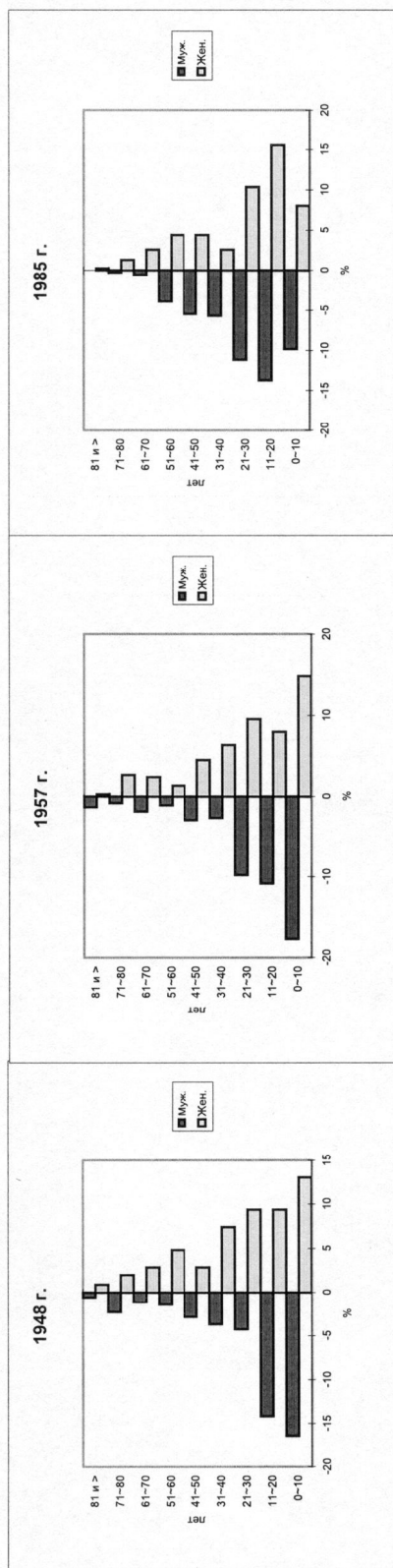

Рис. 3.
Половозрастные пирамиды манси Няксимовского с/с

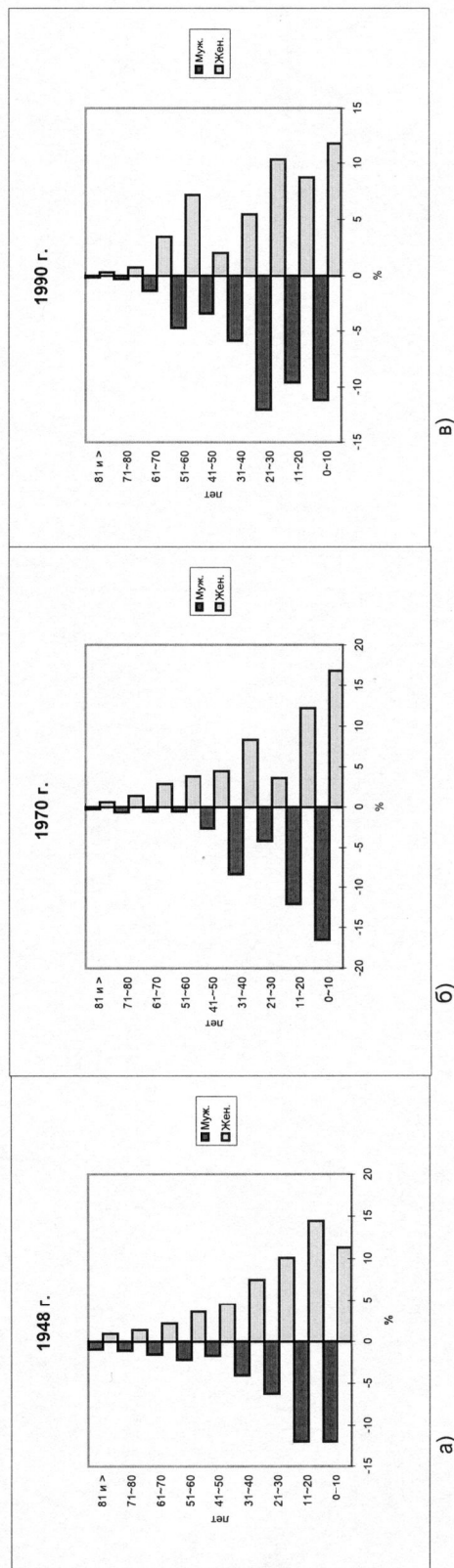

б)

б)

а)

Рис. 4.
Половозрастные пирамиды манси Сосывинского с/с

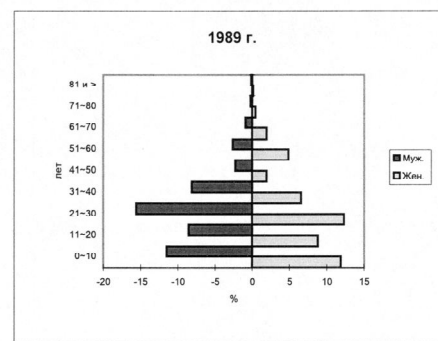
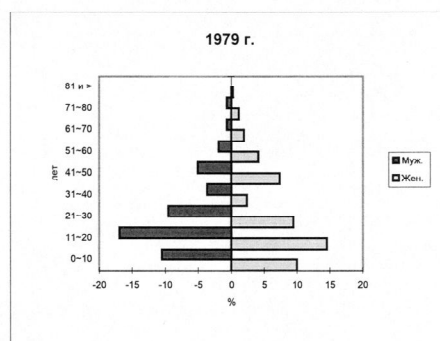

б)

б)

а)

Рис. 5.
Половозрастные пирамиды манси Саранпаульского с/с

Урбанизация и этнодемографические процессы в России в XX веке

XX век в российской истории оказался настолько насыщен радикальными изменениями, потрясениями, трансформациями во многих сферах жизни общества, причем разного вектора, что с ним вряд ли может сравниться какая-либо другая эпоха. На этом не столь уж продолжительном отрезке истории более чем тысячелетней страны сошлись: революции и контрреволюции; две мировые и ряд локальных войн; укрепление, крах, возрождение государства; рождение, сокрушение и восстановление демократических институтов; становление и подъем много обещавшей рыночной экономики с последующим отказом от нее и новым возрождением рынка, и т.д. Однако все перечисленное и многое другое характеризуют, прежде всего, те – весьма динамичные – области социальной жизни, которые, как оказалось, могут относительно легко, быстро и радикально подвергаться изменениям в зависимости от смены политической модели и ее идеологического наполнения.

Вместе с тем, именно в XX в. произошли радикальные сдвиги, имевшие характер качественной трансформации, и в тех областях, которые являются гораздо более инертными, а именно – в области моделей воспроизводства и естественного движения населения, в поселенческой структуре и структуре расселения, в сфере занятости населения и др. Именно эти области характеризуют глубинные процессы, приводящие к качественному изменению страны и ее народа на пути социального прогресса, причем они оказываются во многом автономными от политических изменений и в значительной степени необратимыми. Речь идет об урбанизации и демографических изменениях в определенной их стадии. Одновременно эти изменения затрагивают все национальные группы населения страны, весьма жестко коррелируют с этническими процессами, так что можно говорить о двуедином этнодемографическом процессе, связанном с урбанизацией.

Рассмотрим эти явления и постараемся обосновать выдвинутый тезис. Сначала – об основных понятиях, используемых в данной работе.

Основные понятия. Без понимания значимости и механизмов урбанизации, перехода российского общества в «городское» состояние, места города в историческом процессе невозможно адекватно объяснить ни путь России в XX в. в целом, ни отдельные, сколько-нибудь значимые процессы и события на этом пути. Понятие «урбанизация» намного шире категории «индустриализация», а «городское общество» – категории «индустриальное общество», хотя бы потому, что урбанизационный процесс в любой стране начинается до, а продолжается и после завершения ее индустриализации. Но оно охватывает не только более широкую «хронологию», но и содержание.

Суть урбанизации – в территориальной концентрации человеческой жизнедеятельности, ведущей к ее интенсификации и дифференциации вплоть до выделения городских ее видов, что обуславливает формирование новых форм и пространственных структур расселения и распространение городского образа жизни. Определенная *стадия урбанизации* связана с радикальными общественными изменениями, начало которым было положено мануфактурной стадией производства и последующим промышленным переворотом. Изменения в сфере производства дали толчок принципиально новому явлению, которое может быть определено как *переход от сельского к городскому обществу*, которое автор обозначает как «*урбанизационный переход*». На этой стадии происходит не только «вытеснение» деревни городом, но и некое «городское» преобразование деревни. Данное явление можно охарактеризовать как комплексный модернизационный процесс, включающий чрезвычайно высокое по историческим темпам, радикальное преобразование всех сторон общественной жизни на «городских» началах: производственной, экзистической (поселенческой), демографической и социальной структур, изменение в течение четырех-пяти поколений качества населения, структуры его занятости и образа жизни, менталитета и многого другого.

Таким образом, «урбанизационный переход» непосредственно затрагивает (а частью и включает) другой аспект заявленной темы, а именно *демографические процессы*, которые представляют собой совокупность изменений в составе и воспроизводстве населения, характеризуют его естественное движение, а также состояние семейно-брачных отношений. *Этнодемографические* процессы характеризуют специфику демографических процессов в их национальном аспекте.

*Сенявский Александр Спартакович (Москва) – доктор исторических наук, заместитель председателя Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, руководитель Центра «Россия, СССР в истории XX века» Института российской истории РАН.

Урбанизация и тенденции развития России в XX веке. Урбанизация существеннейшим образом повлияла на ход российской истории. Весь XX век прошел под знаком радикальных перемен, но именно переход общества из сельского состояния в городское среди всех фундаментальных и одновременно форсированных, крайне сжатых во времени трансформаций, был универсальным и важнейшим. Невиданный в истории темп изменений, переворачивавших жизнь буквально каждого человека в течение нескольких десятилетий, затронувший все поколения настолько, что последующие существенно отличались от предыдущих, – этот темп создал особое, редкое в истории качество социальной жизни – тотальную нестабильность, протяженную во времени. Причем, если раньше источником социальной нестабильности были, как правило, политические явления (войны, действия государства, популярные радикальные идеи, социальные возмущения и т.п.), носившие преимущественно ситуационный характер, ограниченные во времени, то в XX в. этот источник переместился прежде всего на уровень фундаментальных, глубинных общественных явлений. Этим источником был форсированный переход к индустриальному и одновременно городскому обществу, начавшийся еще в конце XIX в.

Переход был закономерный и вынужденный для России, если рассматривать ее развитие в контексте мировой цивилизации, «догоняющий» – относительно уровня опередивших страну государств. В тех случаях, когда фундаментальная нестабильность дополнялась ситуационной (неудачные войны, непродуманные действия власти, резкие и неадекватные изменения важных общественных институтов и т.д.), общий потенциал нестабильности резко возрастал, ведя к социальным взрывам, революциям, последующим трансформациям общественно-государственной системы или ее полному слому (революции 1905–1907, 1917 гг.).

«Базовая» общественная нестабильность, связанная с урбанизационным переходом и вытекающими из него социальными изменениями (тем более в столь огромном, территориально, этнически, социально дифференцированном государстве, как Россия, что само по себе было комплексом мощных центробежных и дестабилизирующих факторов), должна была компенсироваться жесткой государственной системой. Ценности «существования», «выживания» социального (в данном случае государственного) организма, как правило, оказываются более значимыми, нежели интересы и ценности тех или иных социальных групп. Здесь лежит ключ к правому или левому «тоталитаризму» или отчетливой тенденции «тоталитаризации» (хотя бы и временной, ситуационной) большинства стран, осуществлявших урбанизационный переход, включая резкое усиление бюрократической машины (на ранних и средней стадиях урбанизации) в самых «демократических» государствах.

Россия не была исключением. Более того, она изначально, из-за цивилизационной специфики «предрасположена» к жесткости государственных структур. Начальная стадия урбанизации еще более усилила эту предрасположенность. Демократия (как форма политической организации «современного» по типу и стабильного по состоянию общества), на наш взгляд, в принципе не могла утвердиться в результате Февральской (1917 г.) революции в России – стране с огромным преобладанием крестьянства, разлагавшейся общиной – недавней опорой общегосударственной стабильности, быстро росшими индустрией и городами, а в самих городах – с преобладанием «маргинальных» слоев полусельского-полугородского населения, т.е. с «базовой» социальной нестабильностью, на которую, к тому же, наложилась «ситуационная» – затяжная, неудачная, невиданная по масштабам жертв – Первая мировая война. Правая или левая диктатура в таких условиях была неизбежна. Большевицкая альтернатива по целому ряду причин оказалась более жизнеспособной. В результате основную часть перехода к городскому обществу Россия совершила в рамках леворадикальной («советско-коммунистической») модели, которую иногда – не вполне корректно, опираясь на западную политологию, неадекватную российскому материалу – называют «тоталитарной». Российское общество не только в начале XX в., но и в конце его в значительной степени оставалось обществом традиционным, «солидарным», связанным с общиной и ее ценностями, во многом перенесенными даже в городскую жизнь.

Большинство городов как полифункциональные поселения, с экономической структурой, базирующейся на индустриальных отраслях производства, сформировались, приобрели свой социально-экономический статус городского поселения уже при Советской власти, даже если ранее они и носили название города. Так, к 1989 г. на территории СССР за годы Советской власти было образовано более 1300 городов при общей численности 2190, т.е. почти 2/3 всех городов, и в основе их образования также лежали преимущественно экономические процессы. Остальные, сохранившиеся с дореволюционных времен, радикально изменились по своему месту в обществе, функциям, численности жителей, градобразующим составляющим и другим параметрам. Таким образом, общественная система, сформированная после 1917 г., являлась той средой, в рамках которой собственно и проходили основные стадии «урбанизационного перехода» страны. Развитие советской урбанизации оказалось некой результирующей комплекса взаимосвязанных факторов, явлений, процессов.

Ряд особенностей страны во многом предопределяли характер «урбанизационного перехода» России независимо от типа ее общественного устройства и были унаследованы советской урбанизацией. Среди них природно-климатические условия и характер освоения огромной территории, которые предопределяли крайнюю неравномерность расселения при общей малой плотности населения. Следствием были огромная неравномерность и в распределении городских поселений по территории, на порядок – а в ряде регионов на несколько порядков – меньшее число городских поселений на единицу территории чем в Европе, вынужденный «узловой» характер освоения территории при относительно немногих точках концентрации городского населения.

Предреволюционная Россия, хотя и сделала существенное продвижение по пути урбанизации, была все же преимущественно крестьянской страной. Да и достижения эти не стоит преувеличивать: начало капиталистического развития не привело к радикальному изменению в соотношении городского и сельского населения. Так, при росте численности городского населения с 18,4 млн в 1897 г. до 28,5 млн в 1913 г., т.е. на 54,9%, удельный вес горожан во всем населении за те же годы увеличился всего лишь на 3%, с 15 до 18% [1]. Поскольку основным источником прироста городского населения были мигранты из деревни, большая часть горожан к началу революции была «новобранцами», горожанами в первом поколении. Из сказанного следует, что город и горожане в начале XX в. в России были небольшими островами в огромном крестьянском море.

Стартовые позиции, с которых началась советская урбанизация, оказались очень трудными и невыигрышными. Революция, гражданская война катастрофическим образом отразились на положении российского города. С 1913 по 1920 г. городское население на всей территории СССР сократилось с 28,5 до 20,9 млн чел., или на 26,7%, а на территории РСФСР – с 15,7 до 12,6 млн, т.е. почти на 20%. Доля городских жителей в составе населения по СССР сократилась с 17,9% в 1913 г. до 15,3% в 1920 г. в целом по СССР и с 17,9 до 14,2% на территории РСФСР (в границах 1990 г.) [2]. Потери городского населения были особенно ощутимы в Европейской России, где были сосредоточены наиболее крупные промышленные центры, пострадавшие от разрухи. С 1917 по 1920 г. городское население региона сократилось на одну четверть (9,2 млн в 1920 г. против 12,7 млн в 1917 г.), а Москва и Петроград потеряли около 60% своих жителей [3].

Лишь с началом НЭПа, оживившей торговлю и промышленность, города стали возрождаться, что вело и к постепенному увеличению численности городского населения. Быстрее других регионов восстановление городов и городского населения происходило в Европейской России, где с 1920 по 1923 г. прирост городского населения составил 18,3% (на Украине – 7,1%), однако в некоторых частях страны численность городского населения почти не менялась (Северный Кавказ, Дагестан), а в Поволжье, пострадавшем в 1921 г. от голода, еще более сократилось. К 1923 г. довоенный уровень численности городского населения не был достигнут почти нигде, а в Белоруссии городского населения по сравнению с 1916 г. было на 19,3% меньше, в Грузии – на 27,6% [4]. В целом по стране к 1922 г. доля городских жителей выросла до 16,2%, а в РСФСР – до 14,9% [5]. К 1923 г. основная часть городских жителей страны (70,4%) приходилась на РСФСР, в том числе 51,2% – на Европейскую Россию, на Украине проживало 23,2% горожан, в Закавказье – 5,1%. В остальных регионах городское население было крайне малочисленно [6]. Таким образом, в период гражданской войны происходила «ситуационная дезурбанизация», а в условиях НЭПа – преимущественно восстановление городов и городской жизни, в чем-то даже возвращение к дореволюционным механизмам городского развития.

Восстановить дореволюционную численность городского населения не удалось в целом по стране даже к 1926 г. (1913 г. – 28,4 млн, 1926 г. – 26,3 млн), однако некоторые регионы и целые республики превысили этот уровень. РСФСР в восстановлении городов оказалась впереди ряда других республик, и численность в ней горожан в 1926 г. составила 16,4 млн против 15,7 млн в 1913 г. Тогда же удалось в основном восстановить довоенное соотношение численности сельского и городского населения. Так, по СССР горожане составили 17,9% населения, а в РСФСР – 17,7% [7]. Удельный вес во всем городском населении страны горожан РСФСР составил 62,5% [8].

В СССР развертывание урбанизации как широкого процесса, определяемого индустриальным развитием, относится к эпохе «социалистического строительства». Мощный толчок урбанизации, но уже на иной, нежели ранее, основе был дан во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. Будучи общим явлением для всех социально-экономических систем в XX в., в советской модели социализма урбанизация не только приобретала свое социальное содержание, но и имела доминирующий особый, государственный движущий механизм. Советская урбанизация оказалась форсированной, и уже поэтому весьма специфичной, однако намного большая специфика (а в чем-то и уникальность) заключена на более глубоком, сущностном уровне, в ее «системных» механизмах.

В исторических условиях 1930-х гг. форсированная индустриализация могла быть проведена только экстенсивным путем развития промышленности, на основе массового привлечения дешевой неквалифицированной рабочей силы. Сплошная коллективизация, «раскрестьянивание» села стали фактором чрезмерной подвижности сельского населения, формирования новых мотивов его оттока. Результатом стал массовый «выброс» в города значительной части сельского населения на «стройки пятилеток». Вопрос стоял однозначно: либо быстрый рост относительно немногих городов с «привязкой» к местным ресурсам и транспортной сети, либо отказ от курса на индустриализацию. Однако специфика механизмов советской урбанизации, содержания, форм и социальных последствий не является предметом рассмотрения в данной работе, в которой главное – выявить взаимосвязи урбанизационного перехода с демографическими, этническими и этнодемографическими процессами.

«Социалистическая индустриализация» как процесс социально-экономический и урбанизация как комплексный, в частности, социально-демографический процесс, оказались неразрывны. И связь эта реализовалась в форсированном урбанизационном переходе, который явился следствием форсированной индустриализации.

В годы первых пятилеток (1927–1938 гг.) происходил существенный сдвиг всей сети городских поселений на восток, север, в том числе активно осваивались бывшие национальные окраины. Так, более чем на 10% в год увеличивалось население городов почти всех регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, Кемеровской и Новосибирской областей, Восточного Казахстана. Еще более высокими темпами росло городское население Крайнего Севера. Например, в Мурманской области оно увеличилось в 14 раз, в Камчатской – в 17 раз и т.д. [9].

Существенно большими темпами росли города и городское население ряда регионов страны. Так, в 1926–1939 гг. среднегодовые темпы роста городского населения по СССР составляли 9,4%, а в Сибири – 17,7%, численность горожан выросла более чем в 3 раза, тогда как все население – в 1,2 раза, причем основную роль в росте численности горожан играла большая миграция как из сибирского села, так и из-за пределов региона. Такие высокие темпы позволили Сибири к 1939 г. существенно приблизиться к среднесоюзным показателям удельного веса горожан в составе населения (СССР – 31,7%, РСФСР – 33,5%, Сибирь – 28,9%) [10].

Великая Отечественная война привела к огромным материальным и людским потерям, в том числе разрушениям сотен городов, прежде всего на территории Украины, Белоруссии, РСФСР. Даже к 1950 г. ни СССР, ни Российская Федерация в частности, не смогли восстановить довоенной численности населения. Однако численность городского населения в СССР выросла с 1939 по 1950 г. на 9 млн, из которых 6,4 млн прироста пришлось на Российскую Федерацию. В значительной мере это было следствием перемещения из европейской части страны в ходе эвакуации во время войны промышленной базы на Восток, преимущественно на Урал и в Зауралье, с последующим сохранением и развитием новых индустриальных центров. В итоге и удельный вес городского населения в РСФСР оказался к 1950 г. выше общесоюзного уровня, также выросшего (соответственно 43,1 и 38,9%). К 1958 г. численность городского населения в РСФСР превысила численность сельского, тогда как в целом по Союзу это произошло тремя годами позднее [11].

Лишь к периоду 1960-х – 1980-х гг. относится постепенное завершение в СССР экстенсивной стадии урбанизационного процесса, главной чертой которого являются массовые перемещения из села в город. Соответственно вплоть до этой стадии высокими темпами росли численность и удельный вес городского населения, являющиеся основными «внешними» показателями урбанизационного процесса. Данные таблицы № 1 отражают общую картину урбанизационного процесса в дореволюционной России и в СССР с конца XIX в., когда городское население составляло лишь 15% жителей страны, до 66% в 1990 г.

Если Россия в начале века по степени урбанизированности находилась примерно на среднем мировом уровне (в 1900 г. удельный вес городского населения в мире составлял около 13,6%) [12], а Европа ее существенно опережала, то уже к началу 1960-х гг. СССР был среди стран, в которых доля городского населения превысила половину всех жителей, а страна в целом приблизилась к среднеевропейским показателям. В дальнейшем общие тенденции в динамике численности и удельного веса городского населения в целом сохранялись, хотя и демографические процессы, и несколько большие темпы урбанизации Российской Федерации, нежели в большинстве республик, привели к концу 1980-х гг. к некоторому увеличению разрыва в показателе удельного веса городского населения в РСФСР и СССР (1990 г. – 73,8% в России и 66,0% в среднем по СССР).

Таблица 1

Рост численности и удельного веса городского населения России (СССР)*

Годы	Городское население, млн	Удельный вес городского населения во всем населении, %
1897	18,4	15
1913	28,5	18
1920	20,9	18
1922	22,0	16
1940	63,1	33
1950	69,4	39
1960	103,6	49
1970	136,0	56
1980	166,2	63
1990	190,6	66

*Таблица составлена по: Народное хозяйство СССР в 1960 г. – М., 1961. – С. 9; Народное хозяйство СССР. 1922–1972. Юбилейный стат. сб. – М., 1972. – С. 9; Народное хозяйство СССР в 1980 г. – М., 1981. – С. 7; Народное хозяйство СССР в 1990 г. – М., 1991. – С. 67.

Особенности в темпах движения к «городскому» обществу Российской Федерации в сопоставлении с СССР представлены в данных таблицы 2.

Таблица 2

Соотношение численности и удельного веса городского населения СССР и РСФСР*

Годы	Россия, СССР			РСФСР			
	Численность населения, млн		Процент городского населения	Численность населения, млн		Процент городского населения	Процент ко всему городскому населению страны
	Все	Городское		Все	Городское		
1897	124,7	18,4	14,8	67,5	9,9	14,7	53,8
1913	159,2	28,5	17,9	89,9	15,7	17,5	55,1
1920	136,8	20,9	15,3	88,2	12,6	14,3	60,3
1926	147,0	26,3	17,9	92,7	16,5	17,8	62,7
1939	190,7	60,4	31,7	108,4	36,3	33,5	60,1
1950	178,5	69,4	38,9	101,4	43,7	43,1	63,0
1959	208,8	100,0	47,9	117,5	61,6	52,4	61,6
1960	212,4	103,6	48,8	119,0	63,7	53,5	61,5
1970	241,7	136,0	56,3	130,1	81,0	62,3	59,6
1980	264,5	166,2	62,8	138,4	96,8	69,9	58,2
1989	286,7	188,8	65,9	147,4	108,4	73,5	57,4
1990	288,6	190,6	66,0	148,0	109,2	73,8	57,3

*Рассчитано и составлено по: Население СССР. 1987. Стат. сб. – М., 1988. – С. 8; Население СССР. 1988. Стат. ежег. – М., 1989. – С. 8-9; Демографический ежегодник СССР. 1990. – М., 1990. – С. 7.

Такова самая общая характеристика социально-демографической составляющей урбанизационного процесса в России. За ней стоит глубокая трансформация всех общественных структур, смена исторических эпох, крушение систем. Сама урбанизация приобретала в различные исторические периоды не только новые формы, но и общественные механизмы, социальные источники, движущие силы. Основные из них были едины сначала для всей Российской империи, затем – для СССР.

Урбанизационный переход в СССР и его влияние на население страны. Между урбанизацией как родовым явлением и ее высшей стадией урбанизационным переходом во всех странах можно проследить даже чисто количественную границу, свидетельствующую, однако, об их качественных различиях: так, в России были неоднократные взлеты и падения городской жизни, но лишь со второй половины XIX в. обозначился устойчивый и ускоряющийся рост (примерно за полвека удельный вес горожан вырос на 3%, составив к 1897 г. 15% всего населения, тогда как на последующую прибавку в 3% понадобилось менее двух десятилетий – к 1914 г. их удельный вес поднялся до 18%). Основным источником прироста городского населения и до революции, и на протяжении многих советских десятилетий оставались перемещения сельского, крестьянского населения в города, а также преобразование сельских населенных пунктов в городские. То есть, урбанизация имела ярко выраженный экстенсивный характер в том смысле, что она развивалась «вширь, а не вглубь», в том числе и в социально-демографическом разрезе:

горожанами становились сельские жители, приносившие в город свой менталитет, свои обычаи, традиции, образ жизни. И, естественно, свои модели демографического поведения, хотя жизнь в городе и вносила определенные коррективы.

Переселиться в город еще не означает стать в полном смысле горожанином, так как адаптация к городской жизни, принятие городских ценностей и образа жизни происходят лишь во втором-третьем поколении. С конца 1920-х гг. происходило постоянное «окрестьянивание» города, а точнее – перенасыщение его маргинальными слоями, выброшенными из привычной среды обитания и несориентированными в новых городских условиях. И лишь в течение ряда десятилетий городу удалось «переварить» многомиллионные массы сельских переселенцев. Если вплоть до 1960-х гг. абсолютно преобладающими источниками роста городского населения были миграция и преобразование сельских населенных пунктов в городские, т.е. по существу факторы экстенсивного роста, то позднее удельный вес самовоспроизводства городского населения качественно возрастает – по сравнению с периодом 1939–1958 гг. – сначала более чем в два раза, а в 1979–1988 гг. – почти в три раза, составив 57,5%. Именно в этот период идет постепенное завершение в СССР экстенсивной стадии урбанизационного процесса, главной чертой которого являются массовые перемещения из села в город: на предыдущих стадиях особенно высокими темпами росли численность и удельный вес городского населения, являющиеся основными «внешними» показателями урбанизации.

Историю делают люди, и очень важно, кто они: потомственные сельские жители-крестьяне, недавние переселенцы в города или потомственные горожане хотя бы в первом-втором поколениях. Начало, середина и конец XX в. характеризуются превалированием в составе российского населения одной из этих трех категорий, а этот факт дает ключ к очень многим социальным, в том числе и этнодемографическим явлениям.

Индустриальная модернизация и урбанизационный переход стали детерминантами другого явления – «демографического перехода», который характеризуется переходом от традиционной, патриархальной модели семьи к современной, более демократичной и малодетной семье, изменениями репродуктивных установок и поведения населения (более позднее вступление в брак и ограничение числа детей, распространение «неполных» семей и т.д.), падением рождаемости, уменьшением смертности и увеличением продолжительности жизни, тенденциями постарения населения и др. При всем своеобразии исторического пути России в XX в. и влиянии привходящих факторов (огромные людские потери в мировых войнах и, как следствие, дисбалансы в демографической, половозрастной структуре населения, и др.), демографический переход явился отражением общемировых демографических тенденций в контексте перехода от традиционного к современному обществу, прежде всего под влиянием индустриальной модернизации и урбанизации. Благоприятное влияние на снижение смертности (и особенно младенческой и детской) оказало развитие системы здравоохранения в СССР, повышение общего уровня образования и культуры населения, прежде всего в крупных городах. Рост влияния этих позитивных процессов происходил вплоть до конца 1950-х гг. Вместе с тем, в контексте индустриализации – и это общемировая тенденция – происходило ухудшение экологии, происходил рост травматизма и других негативных процессов.

Урбанизация влияла на демографические процессы по нескольким направлениям, как прямо, так и опосредованно. Прежде всего, она изменяла среду обитания человека. В процессе развития урбанизации природная среда была заменена искусственной. Воздух, почва, вода – все это оказалось под мощным антропогенным воздействием. К этому следует добавить еще крайне мало изученную в плане воздействия на человека «полевую» среду (электромагнитные, торсионные и т.д. поля), множество нераспространенных или даже неизвестных в природе химических, радиационных и других факторов воздействия, масштабы и интенсивность социальных и социально-психологических контактов вследствие скученности людей в городах, развития средств массовой информации и коммуникации и т.д. Во второй половине XX в. как побочный продукт урбанизации существенно возрастает роль экологических проблем, которые крайне отрицательно отражались на здоровье населения, что косвенно имело и негативные демографические последствия: при успехах здравоохранения до 80% всех болезней к 1980-м гг. были экологически обусловлены, произошел всплеск онкологических, сердечных, наследственных заболеваний, падение рождаемости, торможение сокращения уровня смертности.

В СССР большинство стало жить в городах на рубеже 1950–1960-х гг. К концу 1980-х гг. в городах СССР проживало 2/3 населения, а в Российской Федерации – 3/4 (разница за счет отставания Средней Азии и некоторых других республик). Сконцентрировав население в городах, урбанизация радикально изменила микросреду обитания, превратила искусственную среду в условия жизни большинства жителей России. Ее качество оказалось крайне неблагоприятным. К концу 1980-х гг. большинство российских горожан проживало на умеренно опасной, либо на опасной и очень опасной для жизни и здоровья терри-

тории. Свыше 100 советских городов были признаны зоной экологического бедствия. Не случайно лишь 14% старшекласников были относительно здоровыми. Произошло радикальное изменение взаимосвязей между экологией и демографией: резко возросли масштабы воздействия экологических катастроф, повышение интенсивности и пролонгированность, «отложенность» влияния экологии (снижение жизнеспособности следующих поколений, рост наследственных заболеваний, отсутствие абсолютно здоровых людей). Наряду с другими факторами обострившийся экологический кризис вел к демографическому кризису, в том числе к фактически начавшемуся вымиранию россиян. Для российского города эти проблемы были особенно остры, определяя перспективу уровня здоровья и продолжительности жизни поколений, формировавшихся в последние десятилетия.

Не случайно отмечался и быстрый рост численности лиц с наследственными нарушениями. Наряду с другими факторами, обострившийся экологический кризис вел к критической демографической ситуации, в том числе к фактически начавшемуся вымиранию россиян. Для российского города эти проблемы характеризовались особенной остротой, определяя перспективу уровня здоровья и продолжительности жизни поколений, формировавшихся в 1960–1980-е гг.

Несмотря на позитивные сдвиги в медицинском обслуживании в 1960–1980-е гг. смертность россиян стала увеличиваться. Так, в расчете на 1000 человек населения, число умерших составило в 1960 г. – 7,4, в 1970 г. – 8,7, в 1980 г. – 11,0, в 1990 г. – 11,2, причем все эти годы уровень смертности в РСФСР превосходил как среднесоюзный, так и в большинстве других республик (за исключением Латвии, Эстонии, Украины). Среди горожан РСФСР коэффициент смертности горожан составил в 1960 г. 6,7 умерших на 1000 чел., в 1970 г. – 7,9, в 1980 г. – 10,0, в 1989 г. – 10,0. По продолжительности жизни СССР оказался на последнем месте среди развитых стран, по заболеваемости – на первом. В целом ряде регионов РСФСР заболеваемость за 1970–1980-е гг. выросла многократно, до 10 раз, что не могло не сказаться на динамике смертности. Уровень младенческой смертности в России, в том числе и среди городского населения, был в 1,7–1,3 раза выше, чем в Латвии, Литве, Белоруссии и на Украине, и в 2–3 раза выше, чем в развитых странах Европы, США, Японии.

Вместе с тем, негатив урбанизации оценивать однозначно нельзя: он в определенной степени уравновешивался возросшими, особенно в крупных городах, возможностями здравоохранения. Поэтому несмотря на нарастание экологических проблем в 1960–1980-е гг., существовал некоторый баланс благоприятных и неблагоприятных факторов урбанизации в контексте влияния на демографические процессы.

Влияние урбанизационного перехода на этнодемографические процессы. Естественно, в различных регионах Российской империи, тем более в разное время вошедших в ее состав, с ее многообразием географических условий, этносоциальных, религиозных, культурно-исторических особенностей, и городская жизнь не могла не иметь специфики. Особенно это относилось к городам национальных окраин, позднее других включенных в состав империи, тем более к тем, в которых имелись прочные традиции городского развития (Прибалтика, бывшие территории Речи Посполитой, частично Закавказье и Средняя Азия). Существенно различным был и уровень урбанизированности регионов империи. Как правило, восточные и северные губернии отличались не только меньшей общей плотностью населения, включая городское, но и меньшим удельным весом горожан в составе всех жителей. Так, в 1913 г. в Сибири горожане составляли лишь 10% всего населения (в целом по стране – 18%), причем почти все городское население было сосредоточено вдоль железных дорог. Вместе с тем существование в едином государстве, с огромной ролью центральной власти в значительной степени нивелировало и основные различия, выходявшие за рамки этнокультурных и религиозных. Чем дольше территории входили в состав империи, а также чем меньше были собственные национальные городские традиции, тем сильнее было это общегосударственное начало в городской жизни регионов.

Еще одним «объединяющим» фактором в развитии городов различных регионов было русское и «русскоязычное» население, игравшее во многих национальных регионах страны, особенно с неразвитой или прерванной городской традицией, определяющую роль. Ряд городов Средней Азии, Кавказа и Закавказья и других регионов Российской империи вырос из казачьих и военных поселений, развитие которых определялось становлением промышленности, осуществлявшимся русскими и «русскоязычными» специалистами и рабочими. Последняя тенденция относится преимущественно к концу XIX – началу XX в., и именно она получит особенно интенсивное развитие в советское время.

Однако, хотя различные регионы бывшей Российской империи, в том числе республики СССР, прошли общий путь, определявшийся рамками единого государства, но с разными темпами и со значительной спецификой. Существенные особенности были характерны для таких крупных регионов как Средняя Азия, Закавказье, Прибалтика, европейская часть славянских республик, причем наряду с географическими и социально-экономическими особую роль играли исторические и социокультурные

факторы, обуславливавшие значительную близость многих процессов в рамках этих территорий и их различия с развитием других регионов.

Общими для всех советских республик были высокие темпы роста численности и удельного веса городского населения. Особенности республик по этим показателям состояли в характере и темпах роста численности городского населения, факторах, его обуславливающих. Существенны были этнические различия в сельско-городской миграции, напрямую влиявшие на ее интенсивность в союзных республиках, а также в отдельных регионах РСФСР. В ряде республик Средней Азии и Закавказья высокий и опережающий естественный прирост сельского населения вел к тому, что даже миграция сельского населения в город меняла соотношение между численностью городского и сельского населения относительно медленно. В данном случае специфику определял демографический фактор, корнями уходящий в социальную психологию коренного населения республик, а именно сохранение репродуктивной установки на многодетность, свойственной в большей степени для сельского населения, а также характерная для Средней Азии меньшая миграционная подвижность. В других случаях решающую роль играл именно миграционный фактор. Так, для населения ряда крупных городов РСФСР уже в 1960-е гг. был характерен близкий к нулевому, а позднее даже отрицательный естественный прирост населения.

В целом РСФСР к концу 1950-х гг. была самой урбанизированной республикой в Советском Союзе не только по удельному весу городского населения, но и по концентрации жителей более развитых категорий городских поселений. В РСФСР проживало более половины всех горожан, а также около 2/3 жителей крупнейших советских городов (свыше 500 тыс. и городов-миллионеров). Более высокая концентрация городского населения вызывала и более ускоренный переход России к таким формам территориального размещения производства и расселения, как агломерации. В тот период ни одна из союзных республик не имела подобных российским развитым агломерационным образованиям.

Города во всех республиках оставались преимущественно побочным продуктом индустриального развития и в 1960–1980-е гг., однако это в меньшей степени относилось к республиканским столицам, на развитие которых направлялись огромные средства, прежде всего аккумулированные центром и во многом перераспределявшиеся в пользу «отсталых» национальных республик. Роскошь ряда среднеазиатских столиц никак не вытекала из уровня экономического развития этих республик, а являлась следствием «подкармливания» национальных элит за счет прежде всего российского населения (частично и других развитых европейских республик, в основном Украины, хотя и в существенно меньшей степени и лишь в отдельные годы). В послевоенный период особенно большие льготы и капитальные вложения получали прибалтийские республики, превратившиеся в этот период из аграрных в индустриальные.

В западных республиках, прежде всего в Прибалтике, уровень экономического и социального развития к началу 1960-х гг. по ряду основных показателей был примерно равен или был выше, чем в РСФСР, тогда как в южных, особенно в среднеазиатских, он был значительно ниже. Так, по производству национального дохода на одного трудоспособного, что в обобщенном виде отражает уровень экономического развития, РСФСР уступала Прибалтике. Аналогичным было соотношение в 1960–1980-е гг. и по производству национального дохода на душу населения (этот показатель отражает уровень жизни, так как примерно 3/4 национального дохода потреблялось там, где он производился, и на реальные доходы особенно большое влияние оказывали демографические различия: в регионах с преобладавшей малодетностью он был выше, а с преобладанием многодетных семей – ниже). Зависимость уровня национального дохода на душу населения в республиках и среднего размера семьи была ярко выраженной и обратной: чем больше был средний размер семьи, тем меньше уровень национального дохода. Демографический фактор был в ряду важнейших, определявших социальные различия между республиками, он же влиял и на перераспределение национального дохода между ними. Основным экономическим «донором» была РСФСР, в которой уровень поступления в республиканский бюджет от налога с оборота был наименьшим. Аналогичная ситуация складывалась и с подоходным налогом, преимущественная часть которого шла в общесоюзный бюджет. Хотя доля отчислений менялась в каждой из республик за отдельные годы, однако налицо была явная тенденция перераспределения в пользу республик с наибольшим средним размером семьи [13].

Существовали и иные каналы перераспределения, в частности, через специфику закупочных цен, при которой высокие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию южных республик сочетались со встречным потоком промышленных товаров с севера и северо-запада по явно заниженным ценам. Помимо государственных каналов в этом процессе перераспределения, существенно повышавшем уровень жизни населения южных республик, действовали и колхозно-рыночные: по высоким ценам в той же России продавались фрукты и овощи из Закавказья и Средней Азии. Таким образом, к дотациям из общесоюзного бюджета, которые в ряде республик за отдельные годы достигали 40% от произведенного ими национального дохода, добавлялись и иные факторы, действовавшие на повышение уровня жизни

южных республик в ущерб российскому населению, хотя оценивались эти процессы как «проявление ленинской национальной политики». Так, в формировании фонда накопления Казахской ССР принимали участие главным образом РСФСР и Украина [14].

Естественно, эти процессы не могли не отражаться на всем комплексе социально-экономического развития Российской Федерации, включая ход урбанизации, развитие социальной инфраструктуры городов, уровне жизни городского населения и т.д. Вместе с тем, они усиливали универсальные тенденции городского развития во всех республиках и регионах СССР.

Из общности города для всех республик как общественного явления в рамках тоталитарно-бюрократической системы (побочный продукт индустриализации, «среда» производства, инструмент достижения идеологически порожденных целей государства) вытекали универсальные характеристики урбанизации, а также города – и в качестве типа поселения, и как общественной подсистемы. Среди важнейших общих для республик параметров города были следующие: 1) функциональная близость (превалирование промышленной и иных индустриальных функций); 2) механизм перехода к более высокой размерной категории (строительство новых крупных объектов); 3) близость планировочных и строительных нормативов; 4) неразвитость либо отставание социальной инфраструктуры; 5) облик городов (преимущественно «поселения при предприятиях», хаотичность промышленной и селитебной застройки и т.п.); 6) общность социальной структуры (рабочие и служащие государственных предприятий), и др. Ряд других общих параметров урбанизации проистекал из закономерностей урбанизационного процесса в рамках советской системы. Так по мере роста городов трансформировалась их функциональная структура: переход в более высокую размерную категорию (большой – крупный – крупнейший город) увеличивал долю непроектной сферы, а также удельный вес интеллигенции в социальной структуре. В зависимости от урбанизированности региона менялось соотношение механического и естественного прироста населения города (в более урбанизированных республиках сокращалась доля миграции и повышалась роль самовоспроизводства горожан).

Общим для всех республик в 1960–1980-е гг. было сохранение быстрого роста численности и удельного веса городского населения СССР. Так, в 1959 г. удельный вес городского населения составлял лишь 48%, в 1959 г. – 62%, в 1990 г. – 66% [15]. Высокие темпы прироста городского населения обусловлены универсальными для современной цивилизации процессами, хотя в отдельных республиках и регионах они относились к разным стадиям урбанизационного процесса. Увеличение численности и удельного веса городского населения происходило в большей степени за счет миграции сельского населения в город и преобразования сельских пунктов в городские, в меньшей – на основе естественного прироста населения, хотя роль последнего фактора постепенно возрастает.

Особенности республик по этим показателям состояли в характере и темпах роста численности городского населения, факторах, его обуславливающих (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности городского населения союзных республик СССР, млн. чел.*

Городское население	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1989 г. к 1959 г., %
СССР	60,4	100,0	136,0	163,6	188,8	188,9
РСФСР	36,3	61,6	81,0	95,4	108,8	176,0
Украинская ССР	13,6	19,2	25,7	30,6	34,6	180,6
Белорусская ССР	1,9	2,5	3,9	5,3	6,7	269,2
Узбекская ССР	1,5	2,7	4,3	6,3	8,1	297,2
Казахская ССР	1,7	4,1	6,5	7,9	9,5	232,7
Грузинская ССР	1,1	1,7	2,2	2,6	3,0	177,2
Азербайджанская ССР	1,2	1,8	2,6	3,2	3,8	214,5
Литовская ССР	0,7	1,1	1,5	2,1	2,5	239,9
Молдавская ССР	0,3	0,6	1,1	1,6	2,0	317,3
Латвийская ССР	0,6	1,2	1,5	1,7	1,9	162,4
Киргизская ССР	0,3	0,7	1,1	1,4	1,6	235,8
Таджикская ССР	0,3	0,6	1,1	1,3	1,7	258,2
Армянская ССР	0,4	0,9	1,5	2,0	2,2	252,8
Туркменская ССР	0,4	0,7	1,0	1,3	1,6	228,7
Эстонская ССР	0,4	0,7	0,9	1,0	1,1	166,6

*Таблица составлена по: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1985. – С. 8; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990. – С. 10-19; Демографический ежегодник СССР. 1990. – М., 1990. – С. 7-13.

Например, в Узбекской ССР с 1959 по 1989 г. численность городского населения увеличилась на 197,2% против 88,9% по СССР, в то же время удельный вес горожан во всем населении в Узбекистане вырос с 34 лишь до 41% [16]. Обусловлено это было высокими темпами прироста населения республики в целом и особенно опережающим естественным приростом сельского населения, так что даже миграция сельского населения в город меняла соотношение между численностью городского и сельского населения относительно медленно. Аналогичные процессы были характерны и для других Среднеазиатских республик, для Азербайджана, где, например, удельный вес городского населения с 1959 по 1989 г. вырос лишь на 6% против 14% по Союзу, при значительно более высоком приросте численности городского населения в сравнении с общесоюзным показателем. В данном случае специфику определял демографический фактор, корнями уходящий в социальную психологию коренного населения республик, а именно сохранение репродуктивной установки на многодетность, характерной в большей степени для сельского населения, а также свойственная для Средней Азии меньшая миграционная подвижность.

В других случаях решающую роль играл именно миграционный фактор. Так, для населения многих крупных городов РСФСР уже в 1970-е гг. был характерен нулевой или даже отрицательный естественный прирост населения, причем эта тенденция усиливалась, распространяясь на все большее их число. Например, прирост населения Москвы и Ленинграда полностью определялся притоком из других мест, так как естественный прирост не обеспечивал даже простого воспроизводства населения.

Существенны были этнические различия в сельско-городской миграции, напрямую влиявшие на ее интенсивность в союзных республиках. В Среднеазиатском регионе низкая сельско-городская миграция объяснялась этническими особенностями, в частности, традициями и обычаями. Так, по этой причине лишь 2,2% узбекской сельской молодежи, по данным социологических исследований 1970-х гг., были намерены уехать в город, тогда как среди русских таких было около трети [17].

В целом РСФСР относилась к республикам с наименьшим в СССР приростом численности горожан в 1959–1989 гг. Этот прирост составил в России 76%, что ниже среднесоюзного (88,9%). Лишь в двух других республиках прирост был ниже: в Латвии – 62,4%, в Эстонии – 66,6% (причем, в значительной степени обеспеченный миграцией из-за пределов этих республик); а еще в двух был выше, но ниже среднесоюзного: в Грузии – 77,2%, на Украине – 80,6%. Причины в каждой республике были различны. Латвия и Эстония уже в 1959 г. по уровню урбанизированности превосходили среднесоюзные показатели (56% городского населения против 48% в СССР), собственные демографические ресурсы поэтому были относительно малы (меньший резерв сельского населения при общем низком естественном приросте коренного населения), и даже относительно меньший процент прироста численности горожан сохранил за этими республиками лидирующее положение в удельном весе городского населения (1989 г. в СССР – 66%, в Эстонии – 72%, Латвии – 71%). Грузия была менее урбанизирована (42% горожан в 1959г. и 56% в 1989 г.), однако в ней менее активно размещали производства центральные министерства и ведомства, а мигранты преимущественно были из коренных национальностей, из грузинского села, что при несколько превышающих средние показатели естественного прироста населения сохранило отставание республики в удельном весе горожан от среднесоюзного уровня. На Украине темпы роста городского населения были ближе к средним, а удельный вес горожан в 1959 г. был чуть ниже (46%). Даже такие темпы прироста численности горожан позволили республике достичь к концу 1980-х гг. и даже несколько превысить среднесоюзный уровень (67%). В удельном весе горожан РСФСР уступала в 1959 г. только Эстонии и Латвии, а к 1989 г. вышла на первое место. Причиной был не высокий прирост численности горожан, а низкие показатели воспроизводства сельского населения в сочетании с его значительным оттоком за пределы республики в 1960-е – первой половине 1970-х гг.

Оценивать темпы роста городского населения республик в 1960–1980-е гг. следует с учетом «исходного» уровня их урбанизированности (удельного веса горожан в общей численности населения) (табл. 4, 5).

Общей была тенденция более высоких темпов роста численности городского населения тех республик, где удельный вес горожан в конце 1950-х гг. был меньше. Так, в Белоруссии, где горожане составляли в 1959 г. 31% жителей, прирост их численности составил 169,2%, в Молдавии (22% горожан) – 217,3%. В республиках Средней Азии и Казахстане численность горожан выросла на 130-160%. (Меньшие величины прироста характерны для Казахстана и Туркмении, где удельный вес горожан был относительно выше (в 1959 г. соответственно 44 и 46%). Несмотря на исходный высокий удельный вес горожан (50% в 1959 г.) высокими были темпы прироста в Армении (на 152,8%) и Азербайджане (48% горожан и прирост – 114,5%). Весьма высокими были темпы прироста городского населения в Литве (на 139,9%).

Таблица 4

Динамика доли городского населения в общей численности населения союзных республик СССР*

Процент городского населения	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
СССР	32	48	56	62	66
РСФСР	33	52	62	69	74
Украинская ССР	34	46	55	61	67
Белорусская ССР	21	31	43	55	65
Узбекская ССР	23	34	37	41	41
Казахская ССР	28	44	50	54	57
Грузинская ССР	30	42	48	52	56
Азербайджанская ССР	36	48	50	53	54
Литовская ССР	23	39	50	61	68
Молдавская ССР	13	22	32	39	47
Латвийская ССР	35	56	62	68	71
Киргизская ССР	19	34	37	39	38
Таджикская ССР	17	33	37	35	33
Армянская ССР	29	50	59	66	68
Туркменская ССР	33	46	48	48	45
Эстонская ССР	34	56	65	70	72

*Таблица составлена по: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1985. – С. 8; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990. – С. 10-19; Демографический ежегодник СССР. 1990. – М., 1990. – С. 7-13.

Таблица 5

Темпы роста численности городского населения союзных республик СССР (1959 г. – 100%)*

Городское население	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
СССР	100	136,0	163,6	188,9
РСФСР	100	131,4	154,8	176,0
Украинская ССР	100	134,2	159,3	180,6
Белорусская ССР	100	157,5	212,2	269,2
Узбекская ССР	100	158,4	232,6	297,2
Казахская ССР	100	160,8	194,7	232,7
Грузинская ССР	100	130,8	151,8	177,2
Азербайджанская ССР	100	145,1	181,1	214,5
Литовская ССР	100	150,3	197,1	239,9
Молдавская ССР	100	176,0	241,5	317,9
Латвийская ССР	100	125,8	147,0	162,4
Киргизская ССР	100	157,6	196,2	235,8
Таджикская ССР	100	166,6	205,1	258,2
Армянская ССР	100	168,0	226,0	252,8
Туркменская ССР	100	147,6	188,8	228,7
Эстонская ССР	100	130,4	151,3	166,6

* Таблица составлена и рассчитана по: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1985. – С. 8; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990. – С. 10-19.

Очевидно, что изменение уровня демографической урбанизированности лишь частично зависело от темпов роста городского населения. Важными были, по крайней мере, еще два фактора – источники прироста (внутриреспубликанское село или внешняя миграция, их соотношение), а также – и в первую очередь – показатели естественного прироста населения как в городе, так и на селе. Даже относительно значительный прирост городского населения в республиках Средней Азии и некоторых других регионов далеко не перекрывал действие таких факторов, как чрезвычайно высокая рождаемость коренного населения, особенно на селе, при низких показателях миграционной подвижности местного сельского населения, относительно небольшом притоке мигрантов в города. В результате в Таджикистане удельный вес горожан остался к 1989 г. низшим в республиках, даже уменьшившись (с 33 до 32%). Падение произошло и в Туркмении (с 46 до 45%). Весьма небольшой рост был в Киргизии (с 34 до 38%) и в

Узбекистане (с 34 до 41%). В Казахстане рост удельного веса был больше (с 44 до 57%), однако разрыв со среднесоюзным уровнем увеличился. Аналогичный сдвиг произошел в Азербайджане, который со среднесоюзного уровня (48% в 1959 г.) оказался далеко от него отставшим в 1989 г. (57%). В итоге к 1989 г. высокоурбанизированными оказались все республики Прибалтики, РСФСР, Украина, а в Закавказье – Армения. Остальные республики Закавказья отстали от среднесоюзного уровня демографической урбанизированности, а республики Средней Азии – еще более. Главным источником этого отставания были региональные демографические процессы, а именно – высокий естественный прирост сельского населения при относительно низкой миграционной его подвижности.

В рамках периода 1960–1980-х гг. прослеживается тенденция постепенного замедления темпов прироста городского населения. Так, темпы его прироста в 1970–1979 гг. были в большинстве республик ниже, чем в 1959–1970 гг. В период 1959–1970 гг. количество жителей городских поселений увеличивалось в среднем за год по СССР на 2,8%, а между 1970 и 1979 гг. – на 2,1%. В целом по СССР это объяснялось появлением все большего числа районов и целых республик с высокой степенью урбанизированности и постепенной стабилизацией в связи с этим соотношения городского и сельского населения: дальнейшее сокращение численности и удельного веса населения деревни в этих областях неизбежно неблагоприятно отражалось бы на сельскохозяйственном производстве. Так, если в целом по СССР удельный вес городского населения составил в 1989 г. 66%, то в РСФСР – 74%, в Эстонии – 72%, в Латвии – 71%. Наиболее высокий удельный вес горожан к началу 1980-х гг. отмечался в европейской части страны, а также на Урале, отдельных районах Сибири и Дальнего Востока. В Карельской АССР, Приморском и Хабаровском краях, Владимирской, Иркутской, Калининградской, Куйбышевской, Магаданской, Тульской и Ярославской областях доля горожан уже в конце 1970-х гг. приближалась к 80%, в Ивановской, Камчатской, Сахалинской, Челябинской областях составляла 81–83%, в Кемеровской и Мурманской областях – соответственно 87 и 92%. Аналогичные процессы шли не только в РСФСР – наиболее урбанизированной республике. Например, на Украине, при удельном весе горожан несколько меньшем общесоюзного (в конце 1950-х гг. – 46%), к 1982 г. в пяти промышленных областях – Ворошиловградской, Днепропетровской, Донецкой, Запорожской, Харьковской – процент городского населения значительно превысил среднесоюзные показатели: от 73% в Запорожской области до 90% в Донецкой. (К 1989 г. удельный вес горожан в УССР составил 67%, что превысило средний показатель по СССР – 66%). В Казахской ССР, где доля городского населения в 1982 г. составила 56%, в Джезказганской области соответственно – 81%, в Карагандинской – 86%, намного опередив общесоюзный уровень [18].

Как видно из вышеприведенных данных, наибольший удельный вес городского населения отмечался в наиболее промышленно развитых районах. Основная тенденция в соотношении горожан и жителей села заключалась в приближении к данным показателям. Однако рост численности и удельного веса городского населения не беспредельны. Замедление этого процесса указывало на неизбежность стабилизации соотношения городского и сельского населения, определяемого как исчерпанностью миграционных ресурсов села многих регионов, так и потребностями сельскохозяйственного производства. Такой прогноз давался многими экономистами и социологами [19].

Урбанизационный процесс в 1960–1980-е гг. постепенно менял соотношение удельного веса городского населения республик в составе всего городского населения СССР (табл. 6).

Общей тенденцией было сокращение удельного веса горожан наиболее урбанизированных республик. Так, горожане РСФСР составили в 1959 г. 61,6% горожан всей страны, а в 1989 г. – 57,4%, Украины – соответственно 19,2 и 18,3%, Латвии – 1,2 и 1,0%, Эстонии – 0,7 и 0,6%. Несколько сократился удельный вес городского населения Грузии (с 1,7 до 1,6%). В остальных республиках городское население увеличило свою долю в рамках всего городского населения СССР, причем это относится не только к республикам, существенно повысившим уровень урбанизированности, но даже к сохранившим или утратившим прежний уровень, как это произошло в Таджикистане: число горожан увеличивалось в них существенно превышающими среднесоюзные темпами, хотя и не повышало уровень урбанизации из-за демографической ситуации. Так, сопоставимой динамика оказалась в столь разных республиках, как Белоруссия (с 2,5 до 3,5%), Узбекистан (с 2,7 до 3,5%), Казахстан (с 4,1 до 5,0%), увеличился также удельный вес горожан Армении и Азербайджана, Литвы, Молдавии, Киргизии и Туркмении.

Несмотря на то, что уровень урбанизации РСФСР существенно повысился в 1960–1980-е гг., горожане республики в конце 1980-х гг. составляли меньшую часть городского населения СССР, нежели в 1959 г., причем «потери» были небольшими (4,2%). Этот процесс косвенно отражал общий сдвиг демографического потенциала СССР в пользу восточных и южных республик, а также возрастание их «веса» в индустриальном развитии.

Таблица 6

Изменение удельного веса городского населения союзных республик в составе всего городского населения СССР (городское население СССР – 100%)*

Городское население	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
СССР	100	100	100	100
РСФСР	61,6	59,5	58,3	57,4
Украинская ССР	19,2	18,9	18,7	18,3
Белорусская ССР	2,5	2,9	3,2	3,5
Узбекская ССР	2,7	3,2	3,9	4,3
Казахская ССР	4,1	4,8	4,8	5,0
Грузинская ССР	1,7	1,6	1,6	1,6
Азербайджанская ССР	1,8	1,9	2,0	2,0
Литовская ССР	1,0	1,2	1,3	1,3
Молдавская ССР	0,6	0,8	0,9	1,1
Латвийская ССР	1,2	1,1	1,1	1,0
Киргизская ССР	0,7	0,8	0,8	0,9
Таджикская ССР	0,6	0,8	0,8	0,9
Армянская ССР	0,9	1,1	1,2	1,2
Туркменская ССР	0,7	0,8	0,8	0,9
Эстонская ССР	0,7	0,6	0,6	0,6

* Таблица составлена и рассчитана по: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1985. – С. 8; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990. – С. 10-19.

Место РСФСР в общесоюзном урбанизационном процессе характеризовалось также таким параметром, как численность и удельный вес городских поселений различной величины (табл. 7).

Таблица 7

Численность городских поселений СССР и РСФСР различной величины и доля РСФСР по категориям поселений*

	Число городов и поселков городского типа					
	1959 г.			1989 г.		
	СССР	РСФСР	Доля РСФСР, %	СССР	РСФСР	Доля РСФСР, %
Города и поселки городского типа – всего	4619	2372	51,4	6216	3230	52,0
Из них с числом жителей, тыс. чел.:						
до 3	843	316	37,5	1301	602	46,3
3 - 4,9	904	443	49,0	961	541	56,3
5 - 9,9	1296	654	50,5	1515	795	52,5
10 – 19,9	798	459	57,5	1145	564	49,3
20 – 49,9	474	311	65,6	720	398	55,3
Всего до 50 тыс.	4315	2183	50,6	5642	2900	51,4
50-99,9	156	97	62,2	278	165	59,4
100-499,9	123	78	63,4	240	131	54,6
500-999,9 тыс.	22	12	54,5	33	22	66,7
1 млн. и более	3	2	66,7	23	12	52,2

* Таблица рассчитана и составлена по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. – М., 1962. – С. 30-35; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. – М., 1972. – С. 61; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М., 1990. – С. 27.

В 1960–1980-е гг. на долю республики приходилось более половины всех городских поселений, причем она несколько выросла (с 51,4% в 1959 г. до 52% в 1989 г.). Динамика удельного веса конкретных категорий городских поселений РСФСР была различной. Так, увеличился удельный вес категорий мельчайших городских поселений (поселки городского типа с численностью до 10 тыс. жителей). Численность всех категорий малых городских поселений (от 10 до 50 тыс. жителей) росла в РСФСР медленнее, чем в целом

по СССР, что обусловило падение доли республики. Аналогичные процессы были характерны для категории средних (от 50 до 100 тыс. жителей), а также больших и крупных (от 100 до 500 тыс.) городов. Лишь в категории крупнейших городов (от 500 тыс. до 1 млн жителей) РСФСР увеличивает свое представительство в СССР, тогда как для категории городов-миллионеров, при огромном росте в 6 раз, доля России уменьшается с 2/3 до чуть более 1/2.

Таким образом, экистический показатель урбанизационного процесса в РСФСР был близок к среднесоюзному, однако в основном республики опережали Россию в темпах роста городов фактически всех категорий (отставая в темпах «малой» урбанизации – в развитии «переходных» городских поселений – поселков городского типа). Ряд регионов СССР оказался более урбанизирован, чем высокоурбанизированная Россия в целом. Много крупных и больших городов выросло на Украине, в Прибалтике, во всех республиках получили развитие столичные города. Тенденция «выравнивания» союзных республик с РСФСР здесь проявлялась достаточно отчетливо, особенно для европейской части СССР.

Аналогичную картину представляет динамика численности жителей конкретных категорий городских поселений (табл. 8).

Таблица 8

Численность жителей городских поселений СССР и РСФСР по категориям поселений
и удельный вес РСФСР*

	Численность населения, млн. чел.					
	1959 г.			1989 г.		
	СССР	РСФСР	Доля РСФСР, %	СССР	РСФСР	Доля РСФСР, %
Города и поселки городского типа – всего	100,0	61,6	61,6	187,7	107,9	57,5
Из них с числом жителей, тыс. чел.:						
до 3	1,6	0,6	37,5	2,3	1,1	47,8
3 - 4,9	3,6	1,8	50,0	3,8	2,2	57,9
5 - 9,9	9,2	4,7	51,0	10,9	5,6	51,4
10 – 19,9	11,2	6,4	57,1	16,0	7,9	49,4
20 – 49,9	14,8	9,7	65,5	22,1	12,5	56,6
Всего до 50 тыс.	40,4	23,2	57,4	55,1	29,3	53,2
50-99,9	11,0	6,7	60,9	19,0	11,3	59,5
100-499,9	24,4	15,5	63,5	51,2	28,2	55,1
500-999,9 тыс.	14,1	7,2	51,1	21,4	14,0	65,4
1 млн. и более	10,1	9,0	89,1	41,0	25,1	61,2

*Таблица рассчитана и составлена по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. – М., 1962. – С. 30-35; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. – М., 1972. – С. 61; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М., 1990. – С. 27.

Так, для мельчайших городских поселений (до 10 тыс.) характерны те же тенденции (рост представительства РСФСР в общей численности жителей каждой категории поселений), для малых (от 10 до 50 тыс.) и средних (до 100 тыс.) – сокращение. Уменьшилась также доля России в общей численности горожан СССР, проживавших в крупных городах (от 100 до 500 тыс.). Существенно вырос удельный вес российских горожан, проживавших в крупнейших городах (от 500 тыс. до 1 млн.) – с 51,1 до 65,4%, тогда как существенно меньшая часть горожан, проживавших в городах-миллионерах, оказалась к концу 1980-х гг. в РСФСР (падение с 89,1 до 61,2%).

В целом Россия в 1960–1980-е гг. сохранила позиции самой урбанизированной республики не только по удельному весу городского населения, но и по концентрации жителей более развитых категорий городских поселений. В РСФСР проживало более половины всех горожан, а также около 2/3 жителей крупнейших городов (свыше 500 тыс. и городов-миллионеров). Более высокая концентрация городского населения вызвала и более ускоренный переход России к таким формам территориального размещения производства и расселения, как агломерации. Только Украина имела подобные российским развитые агломерационные образования.

Высокий уровень урбанизации в 1960–1980-е гг. ряда союзных республик порождал множество проблем (экономических, социальных, экологических и др.). Усложнение территориальной организации общества происходило на фоне сохранявшейся командно-административной системы, с доминировавшим отраслевым принципом хозяйственного управления, который вступал в резкое противоречие с террито-

риальными, в том числе городскими интересами. Попытки его преодолеть или хотя бы смягчить вылились в форму планирования на уровне городов, которым пытались охватить весь комплекс проблем городского развития, включая социальные.

Анализ демографического развития советских городов в 1960–1980-е гг. показывает, что оно непосредственно зависело от размещения производительных сил и от целой системы других факторов, в том числе связанных с этнической спецификой населения конкретных республик и регионов, слабо поддававшихся плановому регулированию. Опыт отдельных республик, и прежде всего Литвы, говорит о том, что даже для регулирования отдельных сторон развития городов, а именно численности городского населения и его целесообразного размещения в республике, требовалось перейти к комплексному изучению города, зависимостей его внутренней структуры от всей совокупности внешних связей города как органического целого, что в масштабах более крупных республик было невозможно в силу действовавшего ведомственного механизма. Однако даже на высокой стадии урбанизации в условиях урбанизационного перехода в рамках системы, в основе функционирования которой лежало социально-экономическое планирование, собственно «городской срез» развития общества (в том числе и социально-демографические проблемы) оказался без должного внимания власти. Региональные и этнические противоречия, загонявшиеся вглубь, оказались в ряду факторов распада СССР.

* * *

Игнорирование в течение почти двух десятилетий потребности в постиндустриальной модернизации явилось одной из «глубинных» причин краха советской системы и СССР как государства, а также и нарастания ряда демографических проблем. Еще более драматичным оказались постсоветские процессы. Период 1990-х гг. в плане решения модернизационных задач явился для России движением вспять, по многим параметрам отбросившим страну на многие десятилетия. Можно говорить не только о демодернизации, но даже о дезурбанизационных тенденциях конца XX в. Современная, особенно городская, семья оказалась крайне уязвимой в «эпоху перемен». Наложившись на результаты демографического перехода, общественные потрясения, включая демодернизацию, привели к демографическому коллапсу, начавшейся депопуляции целых регионов России, которая будет иметь продолжение в XXI в.

Литература и источники

1. См.: Население СССР. 1987. Стат. сб. – М., 1988. – С. 8.
2. Там же.
3. Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. – М., 1988. – С. 45.
4. Там же.
5. Рассчитано по: Население СССР. 1987. Стат. сб. – М., 1988. – С. 8.
6. Жиромская В.Б. Указ. соч. – С. 46.
7. Население СССР. 1987. Стат. сб. – М., 1988. – С. 8.
8. Рассчитано по тем же данным.
9. Население СССР за 70 лет. – М., 1988. – С. 39.
10. См.: Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). – Новосибирск, 1984. – С. 23–58.
11. Население СССР. 1987. Стат. сб. – М., 1988. – С. 8.
12. См.: Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация. – М., 1976. – С. 22.
13. См.: Размещение населения в СССР. – М., 1986. – С. 44–47.
14. См.: Кулагина Г.Д. Показатели использования национального дохода в анализе экономики региона // Статистическое изучение производства, распределения и использования национального дохода. – М., 1980.
15. Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. – М., 1980. – С. 3, 4; Демографический ежегодник СССР. 1990. – М., 1990. – С. 7–13.
16. Там же.
17. См.: Социология и проблемы социального развития. – М., 1978. – С. 291.
18. См.: Население СССР. Справочник. – С. 30, 32–34.
19. См.: Давидович В.Г. О закономерностях расселения в теории и практике // Проблемы градостроительства. – Киев, 1970. С. 33; Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. – Новосибирск, 1982. – С. 190, и др.

Динамика населения и численности крестьянских дворов на Европейском Севере России в 1917–1920-е годы**

Известно, что после уравнительного передела земли в ходе аграрной революции 1917–1921 гг. преобладание мелкого крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве страны стало абсолютным. Не случайно в земельном законодательстве 1917–1920-х гг. подчеркивалась функциональная связь крестьянского хозяйства с совокупным трудом его членов и подчиненность интересам двора прав его отдельных субъектов [1]. Двором признавалось «семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство». Двор объявлялся носителем имущественных прав и прав землепользования, а дворохозяин был лишь «представителем двора по его хозяйственным вопросам» [2]. Размеры земельного надела за редким исключением зависели от состава крестьянской семьи. Таким образом, хозяйственный строй деревни был теснейшим образом связан с количественными и демографическими параметрами крестьянской семьи [3].

Анализ динамики крестьянского населения Европейского Севера России за 1916–1920-е гг. приводит к выводу о том, что регион избежал демографической катастрофы, связанной с резким сокращением численности сельского населения в период Гражданской войны и массового голода в губерниях, пораженных засухой и неурожаем в 1921–1922 гг. Общей тенденцией развития народонаселения северной деревни в 1916–1920-х гг. являлось увеличение людской численности, что сохраняло за ней решающую роль в демографическом воспроизводстве региона [4]. Имевшая место в 1917–1920-е гг. миграция населения из региона незначительно влиял на темпы прироста крестьянского населения. Его численность в 1916 г. составляла 2126538 чел., в 1919 г. – 2335775 чел. [5], в 1925 г. – 2370500 чел., в 1926 г. – 2356010 чел. [6], в 1928 г. (без Мурманской губернии) – 2356300 чел. (табл. 1).

Таблица 1

Население губерний Европейского Севера в 1925 г. и 1928 гг.

Показатели	Годы	Архангель- ская губ.	Вологод- ская губ.	Мурман- ская губ.	Северо- Двинская губ.	АО Коми	Карель- ская АССР	Всего
Наличное население на 1 января 1925 г. (исчисленное) и на 1 января 1928 г.								
Мужчин	1925	205500	497800	9700	327700	97800	116300	1254800
	1928	205800	495700	–	325500	93100	134000	1254100
Женщин	1925	219700	548300	8300	354100	112700	125900	1369000
	1928	226400	568300	–	361600	111100	140100	1407500
Обоего пола	1925	425200	1046100	18000	681800	210500	242200	2623800
	1928	432200	1064000	–	687100	204200	274100	2661600
В том числе сельское								
Мужчин	1925	168600	456800	5900	311800	93500	93200	1129800
	1928	156600	449200	–	306300	89700	101900	1103700
Женщин	1925	184400	503200	5600	337100	108200	102200	1240700
	1928	176000	518900	–	341900	107500	108300	1252600
Обоего пола	1925	353000	960000	11500	648900	201700	195400	2370500
	1928	332600	968100	–	648200	197200	210200	2356300
В том числе городское								
Мужчин	1925	36900	41000	3800	15900	4300	23100	125000
	1928	49200	46500	–	19200	3400	32100	150400
Женщин	1925	35300	45100	2700	17000	4500	23700	128300
	1928	50400	49400	–	19700	3600	31800	154900
Обоего пола	1925	72200	86100	6500	32900	8800	46800	253300
	1928	99600	95900	–	38900	7000	63900	305300

Примечание: Сведения за 1928 г. по Мурманской губернии отсутствуют.

Составлено по: Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник, год 2-й. К III съезду Советов Союза ССР. – М., 1925. – С. 10–11; Статистический справочник СССР за 1928 г. – М., 1929. – С. 20–21.

Сопоставление темпов естественного и механического (извне) прироста населения приводит к выводу о том, что общее увеличение людности северной деревни происходило в основном за счет естественного

*Саблин Василий Анатольевич (Вологда) – доктор исторических наук, декан исторического факультета Вологодского государственного педагогического университета.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-00393а «Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в годы НЭПа».

прироста местного населения. В середине 1920-х гг. деревенское население на 29,60% состояло из крестьян, родившихся до или в 1896/97 г. и состарившихся за это время на 30 лет, на 64,90% – из родившихся в 1897–1926 гг. и выживших к 1926–1927 г., и лишь на 5,50% – из населения, осевшего в деревне в результате механического перемещения из других местностей [7]. Его прирост, в свою очередь, провоцировал общее увеличение численности крестьянских дворов. Их устойчивый рост прослеживался минимум до второй половины 1920-х гг. По России в целом ежегодно «прирастало» 6,00–7,00% хозяйств. В 1927 г. число крестьянских хозяйств достигло своего максимума [8]. Причем темпы прироста крестьянских семей значительно опережали темпы роста крестьянского населения в его совокупности. В 1923–1927 гг. темп прироста сельского населения в стране составлял примерно 8,90%, в то время как крестьянских хозяйств – 9,60% [9]. На Европейском Севере данная закономерность проявляла себя особенно рельефно. Так, в Архангельской губернии за период с 1917 по 1927 г. число крестьянских хозяйств возросло на 25,00%, прирост населения за это время составил всего 7,00%. В 1926–1927 г. количество хозяйств увеличилось на 1,90%, населения – лишь на 1,50% [10]. За 1916–1927 гг. в Северном районе число дворов возросло на 16,80% в то время, как население – лишь на 3,60%.

Чтобы выяснить факторы, лежащие в основе этих процессов, обратимся непосредственно к анализу динамики роста крестьянских хозяйств. Первый и вполне очевидный вывод заключается в том, что в период Гражданской войны снижение отсутствовавшего населения в деревне, массовый «исход» отходников из городов повлек за собой и сокращение числа приписанных к селению и пользовавшихся землей, но не живших в нем (отсутствовавших) дворов. Например, с 1917 по 1919 г. в Северо-Двинской губернии доля отсутствовавших семей снизилась с 2,50 до 0,20 %. За это же время в Вологодскую губернию вернулось 69,00 % отсутствовавших хозяйств [11].

Несомненно, что далеко не все вернувшиеся «обратники» вновь обзаводились хозяйством. Это, прежде всего, зависело от правил, определяющих отношение местных земельных органов к возвратившимся семьям и наделению их землей, от реакции сельского «мира» на их возвращение и, не в последнюю очередь, – от материальной обеспеченности «возвращенцев». В принятой Вологодским губземотделом инструкции о порядке наделения землей отсутствующие «по независящим обстоятельствам», т.е. находившиеся в плену, на военной службе и т.п., беспрепятственно получали землю, в то время как временно отсутствующие – лишь после наделения землей наличного населения [12]. В Северо-Двинской губернии отвод земли производился только при условии подачи заявления и личного присутствия заявителя при очередном переделе земли [13].

Судя по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г. в 1917–1921 гг. в среднем 22,00% общин региона под тем или иным предлогом отказывались предоставить землю вернувшимся односельчанам. Из числа возвратившихся 41,00% семей в Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерниях и 33,00% – в Олонецкой губернии по разным причинам были лишены возможности обзавестись своим хозяйством (по региону в среднем 37,00%) [14].

В силу этих обстоятельств вернувшиеся вынуждены были пополнять состав тех же хозяйств, из которых уходили на сторону. Не случайно сельскохозяйственная перепись 1920 г. зафиксировала в крестьянских дворах почти повсеместное снижение числа отсутствующих членов семьи (число вернувшихся из отсутствовавших в 1917 г. составило в среднем по региону 83,30%) [15].

Отчасти рост численности крестьянских дворов поддерживался миграцией некоторых категорий населения, в основном, беженцев из прифронтовой зоны. Среди мигрантов сельскохозяйственное население отнюдь не составляло большинства. Далеко не все прибывшие обзаводились хозяйством и получали землю. В данном случае общины и сельские общества руководствовались теми же мотивами, что и по отношению к «возвращенцам». При этом необходимо учитывать, что по нормам земельного законодательства 1917–1920 гг. «пришлomu элементу» отводилось последнее место в очередности на получение земли.

Решение о наделении землей, в конечном счете, зависело от мнения сельского схода, который весьма неохотно принимал новых членов. «К пришлomu элементу коренное население относится неприязненно», – констатировали земельные органы Вологодской губернии [16]. Основным сдерживающим фактором выступала на Севере нехватка удобной земли [17].

В 1917–1920 гг. 77,00% общин в Северном районе по тем или иным причинам отказывали в земле вновь прибывшим [18]. Число вновь принятых в общину членов не превышало 4–6 чел. на одно селение. В 1920-е гг. ситуация не изменилась. Более того, ускоренный прирост коренного населения провоцировал своего рода защитную реакцию на «чужаков» со стороны местных земельных органов, выражавшуюся в стремлении создать дополнительные административно-правовые ограничения для «новоприбылого» населения [19].

Внешний по отношению к деревне фактор механического прироста, вне сомнения, оказывал определенное влияние на численность крестьянских дворов в регионе, но это влияние было минимальным. Так, из 4326 дворов, составивших основу гнездового обследования органических изменений в крестьянских хозяйствах Вологодской губернии в 1924 г., доля возвратившихся составляла лишь 36 дворов (0,80%), вновь вселившихся – 59 дворов (1,40%) [20].

Определяющую роль в создании новых хозяйств играли социально-демографические факторы, в первую очередь, разделы (дробление), а также соединение семей, расселение на хутора и отруба и т.п. До 1921/22 г., т.е. до начала стабилизации экономической жизни в стране, массив крестьянских дворов оставался сравнительно неподвижным. Определенную динамику численности дворов придавали хозяйственные разделы (2,00% в год). Ликвидация и выселение дворов были минимальными и не поднимались выше 1,40% от всех дворов. Второй этап динамики хозяйств (1922/23–1926/27 гг.) был связан с относительно благополучными годами нэпа. Общую направленность органическим процессам придавали дробление (в среднем 2,40% в год) и ликвидация дворов (также, примерно 2,40% в год). На заключительном этапе нэпа в 1927–1929 гг. резко возрастает доля ликвидировавшихся хозяйств (до 3,00%). Как никогда ранее был велик удельный вес разделившихся хозяйств – 4,70% (табл. 2).

Таблица 2

Характер органических изменений в крестьянских хозяйствах на Европейском Севере в 1920–1929 гг.

Годы	Число обследованных хозяйств	Из них в течение года, %:			
		разделились	соединились	временно выселились и ликвидировались	остались без изменений
1920–1921	39180	2,2	0,4	1,3	96,1
1921–1922	26255	1,9	0,7	1,4	96,0
1922–1923	26591	3,1	0,6	2,1	94,2
1923–1924	27317 (27154)	2,4 (2,4)	1,7 (0,6)	2,5 (2,5)	93,4 (94,5)
1924–1925	(27344)	(2,4)	(0,6)	(2,0)	(95,0)
1925–1926	27629	2,1	0,6	2,6	94,7
1926–1927	8226	1,8	0,7	2,4	95,1
1927–1928	3900	1,6	0,9	3,8	93,7
1927–1929	14783	4,7	1,1	2,9	91,4

Примечание: В подсчет за 1920–1921 г. включены сведения по Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерниям, за 1921–1922 гг. – 1925–1926 гг. – по Архангельской и Вологодской губерниям, за 1926–1927 – 1927–1928 гг. – по Архангельской губернии, за 1927–1929 гг. – по Северному краю, включавшим Архангельскую, Вологодскую, Северо-Двинскую губернии и Коми АССР. В скобках показаны исчисления на основе данных ЦСУ СССР.

Подсчитано по: ГААО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 279. Л. 2; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С приложением данных по мировому хозяйству ... – С. 302; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918–1923. За пять лет работы Центрального статистического управления. Труды ЦСУ. Т. XVIII. – М., 1924. – С. 114–115; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. – Архангельск, 1929. – С. 190–191; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1925–1927 год. – Вологда, 1929. – С. 430–431; Статистический справочник СССР 1927. – М., 1927. – С. 64–65.

Вполне очевидно, что эти перемены были связаны с изменением аграрной политики и начавшимися раскулачиванием и коллективизацией.

В любом случае, определяющую направленность изменению численности крестьянских хозяйств в регионе придавало дробление крестьянских хозяйств. По сведениям С. Г. Струмилина, в 1917–1920 гг. дробление крестьянских хозяйств и образование новых семей происходили, главным образом, за счет имущественных разделов и лишь отчасти – за счет соединения семей [21]. Согласно данным переписи 1920 г., по 16 губерниям потребляющей зоны России 4,90% новых хозяйств образовалось посредством разделов, 1,3% – из возвратившихся и вновь вселившихся семей, 0,40% – из соединившихся семей. Те же факторы предопределили дробление хозяйств на Европейском Севере. Наиболее интенсивно этот процесс проходил в Архангельской и Северо-Двинской губерниях, наименее – в Вологодской. В среднем 4,30% хозяйств образовалось путем разделов, 0,90% – из возвратившихся и 0,30% – из соединения семей [22].

Этот вывод, сделанный применительно к периоду Гражданской войны, подтверждается сведениями о динамике органических изменений крестьянских хозяйств двух наиболее обширных губерний Европейского Севера в 1920–1924 гг. За 5 лет 10,40% хозяйств Архангельской и 8,50% – Вологодской губернии разделились, соответственно, 2,80 и 2,20% соединились, 7,10 и 8,30% временно выселились и ликвидировались. При этом численность дворов в 1924 г. в сравнении с 1920 г. возросла в Архангельской губернии на 7,20%, в Вологодской – на 4,30%. Большая часть новых хозяйств образовалась из имущественных

разделов: 19,80% – в Архангельской, 16,80% – в Вологодской губернии, 4,40 и 4,70% – из возвратившихся и вновь вселившихся дворов, и лишь 1,30 и 1,10 % – из соединения мелких хозяйств [23].

Разделы большой патриархальной семьи зависели от многих факторов функционирования этого весьма сложного организма. Причинами дробления хозяйств являлись, в первую очередь, их рост и возникавшая постепенно обремененность двора рабочей силой, во-вторых, выход из состава двора по случаю женитьбы одного из сыновей и, наконец, семейные осложнения, которые в крестьянском быту были явлением обычным. «Пришлые с фронта армейцы женились, люди с новыми понятиями, с другими взглядами на жизнь, да и бабы меж собою грызутся, и хозяйство из одного дробится на три. За год мы видели 40 разделов. Распад 40 дворов, – это очень много по сравнению с 1914 годом, когда было 4 раздела», – делился своими наблюдениями о жизни Вотложемской волости Северо-Двинской губернии П. Нелаев [24].

В 1920-е гг. в качестве первопричины, вызывавшей разделение дворов, следует назвать желание молодых крестьян рационально вести свое хозяйство. Земельные органы Архангельской губернии связывали возрастание числа разделов многопосевных дворов с «приходом из войск значительного числа молодых, наиболее работоспособных мужчин, выдавших или слышавших о другой, более совершенной, форме хозяйствования, а потому не желающих мириться с существующим укладом хозяйства» [25].

Вологодское губернское земельное управление, отвечая на циркуляр Наркомзема от 21 мая 1928 г., выделяло несколько причин, приводивших к разделу дворов, среди которых «первая и основная ... – личное домообразование, желание завести свое хозяйство, быть «хозяином», главою двора (является вскоре после брака детей двора)». Назывались также «причины официального характера поводов к разделу: семейные раздоры поженившихся со старшими во дворе и преимущественно женщин. Вторая – развод. Побуждающей причиной последнего является несходство характеров, а отсюда брань, ругань, драка и невозможность совместной жизни. Суровое обращение и супружеская измена. Третья – приймачество. Легкий способ приобретения имущества двора, в создании которого участия не принималось. Четвертая – алиментные дела, сельскохозяйственный налог и удовлетворение других по судебным решениям исков, связанных с ответственностью в целом крестьянского двора (частично дутые разделы) и проч.» [26].

Примечательно, что на интенсивность разделов могли оказать влияние внешние по отношению ко двору хозяйственные факторы. Источники позволяют определить зависимость разделов от степени землеустроенности того или иного региона. К примеру, в Вологодском уезде в тех волостях, в которых завершилось землеустройство, процент разделившихся хозяйств был меньше, чем в тех, где земельное устройство было далеко от окончания [27].

Согласно теории А.В. Чаянова, при нормальных условиях функционирования крестьянского хозяйства разделы завершали естественный цикл воспроизводства крестьянского двора [28].

К концу Гражданской войны крестьянское хозяйство на Европейском Севере представляло собой довольно типичный для нечерноземной потребляющей полосы России образец семейного производства, в котором размер земельного надела был приведен в соответствие с количеством едоков в семье. Если быть точнее, в крестьянском дворе наличную рабочую силу старались использовать в своем хозяйстве, и только после этого излишки ее обращались на посторонние заработки, поэтому размер семьи зависел от количества пашни и служил как бы известным пределом использования наличной рабочей силы своей семьи. Правда, такая зависимость была далеко не прямолинейной и абсолютной, на что в свое время обратил внимание Б. Ястремский [29], но в основном уравнительная переверстка земли в условиях натурализации производственных отношений приводили к максимальному соответствию размера полевого посева и населения двора.

Агрегированные данные 1920 г. о соотношении размера семьи и площади посева в крестьянских хозяйствах различных посевных групп на Европейском Севере рельефно показывают подчеркнутую закономерность. При относительной малочисленности дворов с одним членом семьи большая их часть была сосредоточена в беспосевных хозяйствах. По мере возрастания посевных группировок увеличивалась доля дворов с большой семьей. При среднем размере семьи в 5,1 чел. в беспосевных дворах число жителей составляло в среднем – 3,0 чел. на хозяйство, во дворах, сеющих свыше 6,0 десятин, – 10 чел. [30]. По этой причине в основе дробления дворов лежали факторы чисто «внешнего» порядка: стремление получить дополнительный участок земли либо, наоборот, «желание освободиться от налога, который с малоземельных крестьян взимался в меньшей доле» [31], фиктивный раздел с целью спасти свой скот от комбедов и продотрядов и т. п. [32]. «Хозяйство, имеющее три десятины и трех братьев, на следующий год дробится, так как эти братья разделятся: им лучше иметь по одной десятине и не платить налога», – отмечалось на 8-й Вологодской губернской партийной конференции в сентябре 1921 г. [33]. В АО Коми

в период продналоговых кампаний 1921 и 1922 гг. «в целях уменьшения налога или совершенного сложения его, происходило дробление крупных хозяйств на мелкие» [34].

Следует признать, что налоговая политика оставалась побудительным фактором к семейно-имущественным разделам на протяжении всего периода нэпа. О желании крестьян «избежать обложения единым сельхозналогом» путем дробления двора сообщалось в отчете Архангельского губернского земельного управления в 1924/25 хозяйственном году [35]. «Имеются случаи, когда крестьянские хозяйства, в целях ослабления размеров по обложению единым сельскохозяйственным налогом, соответствующим образом приспособливают и размеры хозяйств», – констатировали земельные органы Северо-Двинской губернии в отчетах за 1927/28 г. [36]. Аналогичная ситуация возникла в конце 1920-х гг., когда стремление крестьян противостоять возрастающему налоговому прессу и спасти свое хозяйство от раскулачивания привели к ускоренному дроблению, а с другой стороны – к самоликвидации части дворохозяйств.

Закономерность в соотношении посевных площадей и размера крестьянской семьи, присущая периоду Гражданской войны, находила проявление вплоть до середины 1920-х гг. Что, впрочем, вполне объяснимо, если учитывать сам характер восстановительных процессов, касающихся, в первую очередь, реконструкции основных элементов крестьянского двора. Данные выборочного обследования 26872 крестьянских хозяйств Европейского Севера в 1924 г., со всей очевидностью убеждают в сделанном выводе.

Подчеркиваемая закономерность проявляла себя по-разному в зависимости от зональных природно-климатических условий и обусловленной ими экономической специализации региона. По своим размерам крестьянская семья Крайнего Северного района (Архангельская губерния, Карельская АССР, АО Коми) всех без исключения посевных групп была большей по размеру, чем в Северном районе (Вологодская и Северо-Двинская губернии). Безусловно, что на размеры семьи в данном случае оказывали влияние и другие факторы, в первую очередь, промысловые занятия населения. В более крупных семьях Архангельской губернии, Карельской АССР и АО Коми значительная часть рабочих рук, видимо, постоянно использовалась вне своего хозяйства [37].

Обозначенный вывод находит подтверждение в ряде других массовых источников. Судя по итоговым цифрам хлебофуражного баланса крестьянских хозяйств различных посевных групп Северо-Двинской губернии за 1925/26 г., показатели размера семьи в посевных группах с посевом до 1 дес., от 1 до 2,0 дес. и от 2,0 до 3,0 дес. обнаруживают фактически полное тождество со сведениями весеннего выборочного обследования 1924 г. [38] По данным бюджетной статистики 1923/24 – 1924/25 гг. взаимозависимость размера семьи и площади посева проявлялась с еще большей очевидностью [39].

Во второй половине 1920-х гг., после завершения восстановления базовых отраслей крестьянского хозяйства и в целом экономики региона взаимозависимость размера семьи и площади посева проявлялась по-прежнему, правда, уже не выглядела столь очевидной (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение размера крестьянской семьи и посева в крестьянских хозяйствах Архангельской и Вологодской губерний в 1924 – 1927 гг. (по распространенным данным динамических обследований)

Размер посева	Средний размер семьи				
	Вологодская губерния				Архангельская губерния
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1927 г.
Без посева и с посевом до 0,09 дес.	1,8	3,0	2,6	2,2	3,6
От 0,1 до 1,09 дес.	3,7	3,0	2,9	2,9	4,4
От 1,1 до 2,09 дес.	4,2	4,2	4,3	4,3	6,7
От 2,1 до 3,09 дес.	6,2	5,4	5,4	5,3	7,5
От 3,1 до 4,09 дес.	6,4	5,9	6,3	6,1	8,6
От 4,1 до 6,09 дес.	7,1	6,6	6,7	6,6	10,1
От 6,1 до 8,09 дес.	7,2	7,3	7,1	7,4	Отсутствуют
От 8,1 и более дес.	7,3	7,3	7,9	7,4	Отсутствуют
Итого в среднем	5,9	5,3	5,4	5,3	6,8

Рассчитано по: Материалы к XVI Вологодской губернской конференции ВКП (б). – Вологда, 1927. – С. 6; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год ... – С. 164; Цифровые данные о расслоении деревни в Вологодской губернии (по распространенным данным весенних выборочных обследований губстатотдела). – Вологда, 1927. – С. 2.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в многопосевных дворах двух посевных групп (от 6,1 до 8,0 десятин и от 8,1 и выше десятин) Вологодской губернии размер семьи за 192–1927 гг. не различался и оставался фактически неизменным – 7,3 чел. на двор. Данный факт может свидетельствовать

лишь об одном – о преимущественно сельскохозяйственной специализации этих дворов и том размере семьи, который требовался для обслуживания чисто земледельческого производства.

К концу 1920-х гг. своеобразие условий хозяйствования и ускорявшаяся экономическая специализация различных регионов Европейского Севера значительно видоизменили демографические параметры крестьянского двора. С другой стороны, разделение дворов и семейно-имущественные разделы имели целью создание особого типа семейного производства наиболее приспособленного к экономической, социокультурной, расселенческой, территориальной инфраструктуре региона.

Таблица 4

Население и состав семьи в крестьянских хозяйствах Европейского Севера в 1927–1929 гг.
по материалам гнездовой сельскохозяйственной переписи 1929 г.
(дворы, не подвергавшиеся органическим изменениям)

Показатели	Названия районов (гнезд) переписи								
	Примор- ский рыболовно- заводской, молочный	Лесопро- мысло- вый	Лесной, кустарно- промыс- ловый	Лесной, кустарно- промыс- ловый, мясо- молочный	Лесопро- мысловый, мясомолоч- ный, мясо- молочный	Молоч- ный, лесо- промыс- ловый	Молоч- ный, кустарно- промыс- ловый	Молочно- маслодель- ный, льняной	По восьми районам
Тип района	1	2	3	4	5	6	7	8	
Сельскохозяйственные (сельские) дворы									
Дворов	201	787	106	917	614	599	751	1458	5433
в них населения в 1927 г.	697	3654	351	4442	3063	2646	3446	6636	24935
едоков на двор	3,5	4,6	3,3	4,8	5,0	4,4	4,6	4,6	4,6
в них населения в 1929 г.	691	3700	360	4467	3171	2653	3514	6748	25304
едоков на двор	3,4	4,7	3,4	4,9	5,2	4,4	4,7	4,6	4,6
работников в 1927 г.	325	1764	172	2119	1543	1220	1585	3165	11893
в среднем на двор	1,6	2,2	1,6	2,3	2,5	2,0	2,1	2,2	2,2
работников в 1929 г.	327	1926	186	2160	1599	1254	1657	3221	12230
в среднем на двор	1,6	2,3	1,7	2,4	2,6	2,1	2,2	2,2	2,3
Сельскохозяйственные (сельские) дворы с неземледельческими занятиями									
Дворов	209	2065	1486	1042	111	1146	356	345	6760
в них населения в 1927 г.	1073	11186	7551	5799	544	5504	1743	1626	35026
едоков на двор	5,1	5,4	5,1	5,6	4,9	4,8	4,9	4,7	5,2
в них населения в 1929 г.	1078	11533	7800	6068	551	5678	1814	1697	36219
едоков на двор	5,1	5,6	5,2	5,8	5,0	5,0	5,1	4,9	5,4
работников в 1927 г.	497	5657	3806	2863	305	2726	871	799	17524
в среднем на двор	2,4	2,7	2,6	2,7	2,7	2,4	2,4	2,3	2,6
работников в 1929 г.	509	5841	3802	2982	314	2823	882	822	17975
в среднем на двор	2,4	2,8	2,6	2,8	2,8	2,5	2,5	2,4	2,7

Примечание: 1-й тип районов (гнезд) включал промысловые и рыболовные сельсоветы Архангельского округа, 2-й – лесопромысловые сельсоветы Архангельского, Няндомского и Вологодского округов, 3-й – сельсоветы АО Коми, 4-й – сельсоветы Пинежского и Шенкурского районов Архангельского округа, 5-й – сельсоветы по реке Юг Северо-Двинского округа, 6-й – сельсоветы по Северной Двине Архангельского округа, 7-й – Холмогорский район Архангельского округа, 8-й – сельсоветы Вологодского округа.

Источник: ГААО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 279. Л. 28-81 об.

Проанализируем с этих позиций материалы гнездовой сельскохозяйственной переписи 1929 г., охватившей все сельскохозяйственные зоны Северного края. Обследованию было подвергнуто 12193

хозяйства в восьми экономических районах (гнездах) [40]. Дополнительно учитывалась специализация крестьянских хозяйств (выделялись сугубо сельскохозяйственные дворы и дворы с неземледельческими занятиями, иными словами промысловые и непромысловые дворы).

На протяжении двух лет, с 1927 по 1929 г. включительно (табл. 4), средний размер крестьянской семьи во дворах, не подвергавшихся органическим изменениям, фактически не изменился, что должно свидетельствовать о достижении некоего демографического оптимума крестьянского двора в условиях новой экономической политики. Весьма показательным является и то, что во всех экономических «гнездах» переписи промысловые семьи оказались гораздо крупнее непромысловых, – важный показатель своеобразия крестьянского хозяйствования в условиях Европейского Севера.

Если рассмотреть порайонные отличия, то легко увидеть, что самыми малолюдными среди сугубо сельских семей были семьи (3,3–3,4 чел.) первого и третьего районов – Поморья и лесных районов АО Коми. Наиболее крупными – пятого района (Поюжья) с трудозатратным мясомолочным животноводством и льноводством. Среди промысловых дворов, которые, как уже отмечалось, были мощнее сугубо крестьянских хозяйств самыми крупными семьями (5,4–5,8 человек) были семьи в лесных, кустарно-промысловых гнездах, с развитой мясомолочной отраслью сельского хозяйства, наименее населенным (4,7–4,9 чел.) – дворы молочно-маслодельного и льняного гнезда (Вологодский округ).

Таким образом, в течение 1917–1929 гг. размеры крестьянского двора значительно сократились. В основе этих изменений лежали факторы демографического характера, вызванные изменениями в социальной и экономической жизни. Период бурного роста крестьянских дворов и соответствующего мельчания семей сменился к концу 1920-х гг. периодом статичности. При этом достигнутый оптимум людности крестьянского двора постепенно приходил в соответствие с порайонной производственной сферой жизнедеятельности крестьянской семьи.

Процедура и механизмы раздела крестьянского двора достаточно полно отражены в исследованиях В.П. Данилова и Н. Семенова [41], поэтому перейдем непосредственно к экономическим и социальным последствиям дробления крестьянских дворов.

Линия на увеличение хозяйств перекрывала другой процесс – их естественную убыль, экономическую ликвидацию, выселение семей за пределы региона (миграцию). Наблюдался ускоренный процесс роста хозяйств (табл. 5).

Таблица 5

Число крестьянских хозяйств на Европейском Севере в 1917 –1930 гг.

Год	Архангельская губ.	Вологодская губ.	Северо-Двинская губ.	АО Коми	Карельская АССР	Итого	Северный край (абсолютные и в % к 1917 г. показатели)	
1917	68100	167500	138800		49400	425717	370400	100,0
1919	Нет сведений	170800	150600		52100	–		
1920	65500	176900	159100		64500	467920	401100	108,3
1922	Нет сведений	187456	Нет сведений	39605		–	410900	109,9
1923	67580	191566	Нет сведений	40839		–		
1924	68058	190158	125800	41639	37060	464639	425655	114,9
1925	70800	193593	131024	42333	37653	477328	439675	118,7
1926	71700	194011	128618	42973	38227	477455	439228	118,5
1927	72400	200427	134300		39701	–	451600	121,9
1928	73400		135033		40039		459400	123,7
1929					40726		460700	124,3
1930							463000	125,0

Примечание: Сведения за 1917 и 1919 гг. по Вологодской губернии показаны с учетом отсутствующих хозяйств, по Карельской АССР за 1917–1920 гг. – представлены в территориальных рамках бывшей Олонецкой губернии и Карельской Трудовой Коммуны.

Составлено по: Автономная Карельская социалистическая советская республика. Ежегодник. Вып. IV. 1929. – Петрозавдск, 1931. – С. 113; Бюллетень Северо-Двинского губстатбюро. – 1928. – № 2. – С. 1–3; Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края: материалы специальных экономических обследований. – Л., 1929. – С. 23,28; Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1927–28 год. – Архангельск, 1928. – С. 19; Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928–29 год. – Архангельск, 1928. С. 30; Конъюнктура хозяйства Коми автономной области (за второе полугодие 1923/24 и за первый – 3 квартал 1924/25 года. – Усть-Сысольск, 1925. – С. 2; Конъюнктурный обзор народного хозяйства Вологодской губернии за 1924–25 г. – Вологда, 1926. – С. 55; Краткий статистический справочник по Северо-Двинской губернии на 1926 год. – Великий Устюг, 1926. – С. 6; Материалы к XVI Вологодской губернской конференции ВКП(б). – Вологда, 1927. – С. 6–7; Материалы статистического обзора Автономной Карельской ССР за 1925–26 гг. – Петрозавдск, 1927. –

С. 53. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-й. – М.: ЦСУ, 1925. – С. 154–155; Новиков И. О деревенской бедноте и расслоении деревни // Большевицкая мысль. – 1926. – № 7-8. – С. 7; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.... – С. 2; Погубернские итоги 10 % выборочной сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств 1919 г.... – С. 6, 10; Сборник статистических сведений по Союзу ССР... – С. 104; Селезнев С. Очерки хозяйства Северного края. Основные отрасли хозяйства. – Архангельск, 1931. – С. 78; Социально-экономические процессы в вологодской деревне // Сельское хозяйство. – 1925. – № 10. – С. 54; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 год. – Архангельск, 1926. – С. 352–353; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 год. – Вологда, 1926. – С. 282; Статистический справочник СССР за 1928 г. – М., 1929. – С. 82; Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1923–24 год. – Л., 1925. – С. 16; Цифровые данные о расслоении деревни в Вологодской губернии (по распространенным данным весенних выборочных обследований губстатотдела). – Вологда, 1927. – С. 2; ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 357. Л. 18, 139; Оп. 14. Д. 5. Л. 30; ВУФ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 388. Л. 6; ГУРК «НАРК». Ф. 139. Оп. 1. Д. 463. Л. 363; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2790. Л. 12.

Количество крестьянских дворов в Архангельской губернии за 1917–1928 гг. увеличилось до 73400 хозяйств (на 7,80%). В Вологодской губернии за 1917–1927 гг. увеличение составило 19,70%. По Северному краю численность хозяйств с 1917 по 1930 г. возросла с 370,4 тыс. до 463,0 тыс. – на 25,00%. Примечательно, что темпы прироста хозяйств были наиболее высокими в 1917–1922 гг. За этот период прирост составил 9,90% дворов. За период 1924–1927 г. показатель прироста снизился и составил 6,10%. Самыми низкими темпами прироста отличались 1927–1930 гг. – 2,50%. Экономический кризис, которым отмечен первый период, возвращение в деревню отходников, аграрная революция с уравнильной переверсткой земли, масштабные демобилизации красноармейцев из армии привели к резкому увеличению численности сельского населения в крае и соответствующему росту крестьянских дворов.

Важным следствием дробления хозяйств явилось сокращение «людности» крестьянского двора. Как показывают приводимые ниже данные, наименьших размеров она достигла в середине 1920-х гг. (табл. 6).

Таблица 6

Размер крестьянской семьи на Европейском Севере в 1917–1927 гг.

Губернии и области	На одно хозяйство душ обоего пола:							
	1917 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Архангельская	5,1	5,1	5,0	5,0	4,9	4,9	5,0	4,9
Вологодская	5,5	5,0	5,0		4,8	4,8	4,9	4,9
Олонецкая	5,7	5,2	5,1	–	–	–	–	–
Северо-Двинская	5,9	5,3	5,0	5,1	5,1	5,1	4,7	5,0
Мурманская	5,6	5,0	Нет сведений					
Зырянская АО, АО Коми	5,6	5,1	4,8	4,9	4,9	4,9	4,8	Нет сведений
Карельская Трудовая Коммуна	5,7	5,2	5,2	–	–	–	–	–
Карельская АССР	–	–	–	–	5,2	5,2	Нет сведений	5,2
В среднем по региону	5,6	5,1	5,0	5,0	5,0	5,0	4,9	5,0

Подсчитано по: ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2013. Л. 182; ВУФ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 388. Л. 6; ГАРФ. Ф. 3260. Оп. 6. Д. 104. Л. 129; Оп. 7. Д. 43. Л. 173; ГУРК «НАРК». Ф. 139. Оп. 1. Д. 464. Л. 11, 54–56, 67; Ф. 140. Оп. 1. Д. 1218. Л. 2; Составлено и Автономная Карельская социалистическая советская республика. Ежегодник. Вып. IV ... С. 113; Бюллетень Северо-Двинского губернского статистического отдела. – 1927. – № 3. – С. 13; – 1928. – № 2. – С. 1; Дербенев А.Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1924–25 г. на основе изучения его бюджета. – Великий Устюг, 1925. – С. 16; Дневник и справочник добровольного корреспондента Северо-Двинской губернии на 1925 год. – Великий Устюг, 1924. – С. 136; Коми область. Краткий статистический справочник. – Сыктывкар, 1929. – С. 66, 70, 71; Конъюнктура хозяйства Коми автономной области (за второе полугодие 1923/24 г. и за первый-третий квартал 1924/25 г. – Усть-Сысольск, 1925. – С. 2; Краткий статистический справочник на 1927 год. – Великий Устюг, 1926. – С. 30; Краткий статистический справочник Северо-Двинской губернии на 1926 год. – Великий Устюг, 1926. – С. 46; Сборник статистических сведений по Союзу ССР... – С. 107; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. – Архангельск, 1926. – С. 155; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. – Архангельск, 1929. – С. 194; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 год. – Вологда, 1926. – С. 349, 350; Цифровые данные о расслоении деревни в Вологодской губернии (по распространенным данным весенних выборочных обследований губстатотдела). Вологда, 1927. – С. 2.

Численность крестьянской семьи сократилась с 5, 6 в 1917 г. до 5,0 чел. к концу 1920-х гг. Наиболее заметным изменениям крестьянская семья подверглась в годы аграрной революции. По данным специального анкетного обследования Архангельского губернского статистического бюро [42], в 1920 г.

средний состав крестьянской семьи в губернии равнялся 5,04 чел. Наименее населенным оказались дворы шенкурских крестьян – 4,44 чел., наиболее – мезенских (5,32 чел.) [43]. Параллельно шло снижение числа крупных семей (примерно в 2 раза). Судя по итогам детальной разработки ЦСУ сельскохозяйственной переписи 1920 г., в Вологодской губернии на четверть, по сравнению с 1917 г., сократилось количество дворов с 7–10 членами (с 29,90 до 22,60 %), но в то же время увеличилась группа мелких семей с 2–3 членами (с 17,60 до 24,00%). Лидирующее место в составе крестьянских дворов сохранялось за семьями в 4–6 чел. Их численность также несколько увеличилась: с 46,80 до 49,70% (что вполне согласовывалось со средними показателями по региону) [44].

Сокращение состава крестьянских семей в 1920-е гг. (исключая, конечно, 1916–1923 гг.) представляло собой естественноисторический процесс, совершавшийся с объективной неизбежностью и не выходящий за рамки хозяйственной целесообразности. Средний размер семьи устанавливался как результат не только дробления слишком крупных семей, но и ликвидации или соединения слишком мелких. Взаимодействие этих факторов регулировало численный состав населения крестьянских дворов [45].

Эмпирические данные по Европейскому Северу подтверждают этот вывод. В нашем распоряжении имеются сведения о численности населения крестьянских дворов, подвергавшихся органическим изменениям на протяжении 1920–1924 гг. по одному из гнезд динамических обследований Вологодской губернии. При общем увеличении численности дворов за пятилетие 1920–1924 гг. с 4207 до 4326 хозяйств численность двора не только не уменьшилась, но даже несколько увеличилась с 4,9 до 5,0 чел. на двор. В данном случае это произошло по нескольким причинам: во-первых, за счет укрепления демографических параметров соединившихся хозяйств (с 3,6 до 5,8 чел.), во-вторых, за счет многонаселенных возвратившихся хозяйств (5,8 чел. на двор), в-третьих, за счет увеличения состава семьи тех дворов, которые не подверглись органическим изменениям (с 4,9 до 5,1 чел. на двор), в-четвертых, за счет вымывания из деревни демографически ослабленных дворов со средним составом семьи в 2,7 чел. Сокращение населения двора с 7,1 в 1920 г. до 4,0 чел. в 1924 г. коснулось только тех хозяйств, которые за это время подверглись разделу [46].

Таким образом, увеличение численности крестьянских дворов сопровождалось постепенной трансформацией демографической структуры семьи. Численный состав крестьянского двора обнаруживал тенденцию к постепенному сокращению. Определенное влияние на размер семьи оказывало место жительства крестьян, степень близости к промышленным, административным и культурным центрам края, которые размыкали рамки большой патриархальной семьи. Не случайно, что в наиболее отдаленных от центра уездах Северо-Двинской губернии, Вельском и Тотемском уездах Вологодской губернии статистика зафиксировала наличие больших крестьянских семей с традиционным укладом жизни [47].

Таблица 7

Динамика изменений крестьянских хозяйств Архангельской и Вологодской губерний, подвергшихся разделу в 1920–1927 гг. (по обеспеченности посевными площадями в дес.)

Посевные группы	Архангельская губерния						Вологодская губерния			
	Число хозяйств						Число хозяйств			
	1925 г.		1926 г.		1927 г.		1920–1924 гг.		1925–1926 гг.	
	До раздела	После раздела	До раздела	После раздела	До раздела	После раздела	До раздела	После раздела	До раздела	После раздела
Без посева, %	–	16	2	26	–	3	3	15	1	30
От 0,1 до 2 дес. %	170	338	148	279	61	122	130	399	126	587
	97,7	94,7	97,4	91,5	100,0	97,6	43,3	68,8	31,0	71,9
От 2,1 до 4 дес. %	4	3	2	–	–	–	131	142	217	173
	2,3	0,8	1,3	–	–	–	46,6	24,5	53,3	21,2
От 4,1 до 6 дес. %	–	–	–	–	–	–	17	22	52	20
	–	–	–	–	–	–	6,0	3,8	12,8	2,5
От 6,1 до 10 дес. %	–	–	–	–	–	–	–	2	11	6
	–	–	–	–	–	–	0,0	0,3	2,7	0,7
Всего %	174	357	152	305	61	125	281	580	407	816
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники: Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. – Архангельск, 1929. – С. 190–191; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1925–1927 год. – Вологда, 1929. – С. 430–431; ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 407. Л. 9. (проценты подсчитаны автором).

Дробление крестьянского двора должно было, в первую очередь, сказаться на размерах его производственных параметров: земельного надела, площади посевов, обеспеченности скотом и др. Казалось бы, вполне очевидный для современников вывод о том, что разделы повсеместно вели к снижению сельскохозяйственного потенциала двора, аксиоматичен и не требует дополнительного анализа. «Имущественное состояние хозяйства и без того неважное, а тут еще разделы начинают дробить на паи: 2 брата берут себе 1 корову, 1 свинью и пару овец: отцу, матери и малолеткам - корова, лошадь и мелочь из барахла, и вот сразу два новых безлошадника», – писал в 1927 г. очевидец раздела [48]. Данные о характере изменений крестьянских хозяйств Архангельской и Вологодской губерний, подвергшихся разделу в 1920–1927 гг. (табл. 7), действительно свидетельствуют об ослаблении производственных характеристик разделившихся дворов.

Однако, как видно из таблицы, это ослабление оказалось не столь однолинейным, как могло представляться в теории. Подавляющая часть хозяйств Архангельской губернии сохранила свою принадлежность к той посевной группе, в которой она находилась до деления. Объяснение этому легко найти в том, что здесь фактически не было дворов, обеспеченных посевом свыше 2,0 дес. Несколько иначе обстояло дело в Вологодской губернии. Основную массу делившихся хозяйств составляли дворы с посевом от 0,1 до 4 дес. (89,90 % в 1920–1924 гг. и 84,30 % в 1925–1926 гг.). Создавшиеся на базе дробившихся новые хозяйства в основном также принадлежали к «материнской» посевной группе, но гораздо большая, чем в Архангельской губернии, часть дворов опустилась в низшие посевные группы.

Совокупные показатели, раскрывая общую динамику обеспечения посевами делившихся дворов, скрывают, однако, сам механизм изменения обеспечения посевами дворов в результате дробления. Обратимся к имеющимся сведениям об эволюции крестьянских дворов Архангельской и Вологодской губерний, подвергшихся разделу в 1925–1927 гг. (табл. 8).

Таблица 8

Эволюция крестьянских дворов, подвергшихся разделу в Архангельской и Вологодской губерниях в 1925–1927 гг.

Архангельская губерния 1925–1927 гг.															
Показатели	Группы по посеву														
	Без посева			С посевом до 2 дес.			С посевом от 2,1 до 4 дес.			С посевом от 4,1 и выше дес.			Итого		
Годы	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927
Число обследованных хозяйств	273	261	115	7822	7896	3728	48	68	56	1	1	1	8144	8226	3900
Из них претерпели органические изменения:															
Временно выселились	24	28	26	85	116	87	–	–	–	–	–	–	109	144	113
Ликвидировались	27	27	9	34	20	28	–	–	–	–	–	–	61	47	37
Разделились	–	2	–	170	148	61	4	2	–	–	–	–	174	152	61
Соединились	3	5	3	30	51	31	–	–	–	–	–	–	42	56	34
Соединились и делились	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–
Остались без органических изменений															
Всего	219	199	77	7494	7559	3521	44	66	56	1	1	1	7758	7825	3655
Разделившиеся хозяйства образовали наличных дворов:															
Без посева	–	2	–	13	24	3	3	–	–	–	–	–	16	26	3
С посевом до 2 дес.	–	2	–	335	273	122	3	4	–	–	–	–	338	279	122
С посевом от 2,1 до 4 дес.	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	3	–	–
С посевом от 4,1 дес. и выше	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	–	4	–	348	297	125	9	4	–	–	–	–	357	305	125
Вологодская губерния 1925–1926 год															
Группы по посеву															
Основные показатели	Без посева и с посевом до 0,1 дес.	С посевом от 0,1 до 1,0 дес.	С посевом от 1,1 до 2,0 дес.	С посевом от 2,1 до 3,0 дес.	С посевом от 3,1 до 4,0 дес.	С посевом от 4,1 до 6,0 дес.	С посевом от 6,1 до 8,0 дес.	С посевом от 8,1 до 10,0 дес.	С посевом от 10,1 до 13 дес.	Итого					

Архангельская губерния 1925–1927 гг.															
Показатели	Группы по посеву														
	Без посева			С посевом до 2 дес.			С посевом от 2,1 до 4 дес.			С посевом от 4,1 и выше дес.			Итого		
Годы	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927
Группировка по посеву															
Число наличных хозяйств в 1925 г.	756	2851		7532		5075	1992	1068		170	31		10		19485
Из них к 1926 г.:															
Временно выселились	90	101		140		67	30	14		1	–		–		443
Ликвидировались	99	40		25		9	2	2		–	–		–		177
Соединились	18	33		50		22	5	3		1	–		–		132
Соединились и соединившись делились	–	1		–		1	–	–		–	–		–		2
Разделились	1	13		113		147	70	52		10	1		–		407
Остались без органических изменений	548	2663		7204		4829	1885	997		158	30		10		18324
Разделившиеся образовали к 1926 г. дворов:															
Без посева и с посевом до 0,1 дес.	1	7		12		5	1	4		–	–		–		30
С посевом от 0,1 до 1,0 дес.	1	16		131		112	31	12		1	–		–		304
С посевом от 1,1 до 2,0 дес.	–	3		76		118	54	25		6	1		–		283
С посевом от 2,1 до 3,0 дес.	–	–		6		53	37	28		2	–		–		126
С посевом от 3,1 до 4,0 дес.	–	–		–		8	15	20		4	–		–		47
С посевом от 4,1 до 6,0 дес.	–	–		–		–	2	15		3	–		–		20
С посевом от 6,1 до 8,0 дес.	–	–		–		–	–	1		4	1		–		6
Итого	2	26		225		296	140	105		20	2		–		816

Источники: Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год ... – С. 190–191; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1925–1927 год ... – С. 430–431.

Как следует из приведенных данных, в Архангельской губернии дроблению, в первую очередь, подвергались дворы с посевом до двух дес. на хозяйство, в Вологодской – от двух до четырех дес. Примечательно, что в той и другой губернии раздел малопосевных дворов (до 1,0 дес.) приводил к большему земельному обеспечению вновь образованных хозяйств. На этом возможные аналогии заканчиваются. Дробление дворов в Вологодской губернии, имевших изначально свыше 1,0 дес. на хозяйство, порождало большое число дворов с уменьшенной площадью посева. Так из 113 хозяйств Вологодской губернии, высевавших в 1925 г. от 1,0 до 2,0 дес., образовалось 225 дворов. Из них размер «материнского» посева сохранили 76 дворов (33,70 %), шесть дворов (2,70 %) увеличили свой посев, 131 хозяйство (58,20 %) сместилось ниже в группу, сеявшую до 1 дес., и 12 дворов (5,30 %) фактически опустили до уровня безпосевных. Аналогичные изменения коснулись 52 разделившихся хозяйств, имевших посев от 4,0 до 6,0 дес. На их базе было создано 105 хозяйств, из них 15 (14,20 %) сохранили «материнский» посев, только одно хозяйство поднялось выше исходного уровня, а остальные отличались меньшими посевными площадями на двор.

В динамике дробления дворов четко выявлялась некая закономерность, которая сводилась к тому, что дробление многосеявших «материнских» дворов сопровождалось ухудшением посевных параметром дочерних хозяйств. Следует помнить при этом, что в условиях Европейского Севера экономическая мощность двора не могла быть сведена только к размеру его посевной площади. Оценивая последствия раздела двора, надо учесть, по возможности, другие производственные показатели. Некоторую информацию на этот счет представляют данные о динамике дробления крестьянских хозяйств Вологодской губернии за 1920–1924 гг. Из разделившихся в 1920–1924 гг. 281 двора было создано 580. Вновь образовавшиеся дворы оказались по многим производственным показателям ниже «материнских». Так, при

росте дворов в 2,1 раза число хозяйств без своих работников увеличилось с 4 до 68 (в 17 раз). Преобладающим типом двора стал двор с одним работником (441 из 580). Снизилось обеспечение двора тягловым скотом. Если до раздела число безлошадных дворов составляло 5,7%, то после раздела – 31,70%, двухлошадных – соответственно 26,00 и 2,60%. Возросла доля бескоровных дворов с 2,50 до 9,10%. Обеспеченность двора тягловым скотом снизилась в среднем с 1,3 головы на двор до 0,7, коров – с 2,0 до 1,3 головы. При увеличении посевных площадей с 631,1 дес. в 1920 г. до 968,9 в 1924 г. (на 53,50%) обеспеченность среднего двора посевом сократилась с 2,3 дес. до 1,7 дес. Уменьшилась обеспеченность разделившихся хозяйств сельскохозяйственным инвентарем.

Отмеченные показатели резко контрастировали с аналогичными показателями 3616 дворов, не подвергавшихся органическому изменению за это время. В этой группе хозяйств также несколько возросла доля дворов без своих работников (с 12,20 до 12,80%), но при этом увеличилось количество хозяйств с двумя работниками (с 18,30 до 20,00 %), число безлошадных дворов возросло с 19,20 до 20,10%, в то же время доля двухлошадных хозяйств выросла с 9,50 до 10,80%, сократился удельный вес бескоровных семей с 8,40 до 7,60%, что отразилось на обеспеченности данной группы хозяйств рогатым скотом (рост с 1,4 до 1,6 головы на двор). Обеспеченность посевами повысилась с 1,6 дес. до 2,0 дес. на хозяйство и др. В роли компенсирующего фактора выступали промысловые заработки крестьян. Число хозяйств с промыслами увеличилось с 22,40% от общей численности дробившихся дворов до 81,60% от общего числа хозяйств, получившихся в результате разделов. Стало больше населения, занятого в промысле: с 0,05% в 1920 г. до 20,20% в 1924 г. [49].

Таким образом, дробление крестьянских хозяйств, являвшееся, с одной стороны, естественным регулятором функционирования крестьянского семейного производства, с другой – органической чертой демографического поведения большой крестьянской семьи, приводили к уменьшению размеров производства материнских и дочерних хозяйств (во всяком случае, на первых порах), оказывали существенное влияние на систему экономических отношений в деревне.

На протяжении всего изучаемого периода власти стремились повлиять на практику семейно-имущественных разделов, чтобы максимально ограничить их влияние на развитие сельскохозяйственного производства. Так, согласно Земельному кодексу 1922 г., раздел земельного надела допускался в том случае, если на выделенных частях было возможно самостоятельное ведение земледельческого хозяйства. Губернским исполкомам закон предоставлял право вводить «нормы недробимости» с целью ограничить измелчание хозяйств» (см. циркуляр Наркомзема от 13 мая 1923 г.). С тем же расчетом были внесены изменения в Кодекс законов о браке, семье и опеке. В наиболее цельном виде государственная политика в этом вопросе нашла отражение в «Инструкции о производстве семейно-имущественных разделов трудовых земледельческих хозяйств (дворов)», опубликованной 30 марта 1927 г., а также общесоюзном земельном законе, принятом в конце 1928 г. Следует признать, что ограничительные мероприятия центральной власти в сфере семейно-имущественных разделов базировались на явном или неявном признании и насаждении в деревне института майората (единонаследия) – абсолютно чуждого национальному самосознанию [50]. По этой причине они не были поняты населением и не оказали заметного влияния на практику разделов.

Остановимся подробнее на попытках местных органов власти ввести нормы «недробимости» крестьянских хозяйств. По сути дела во всех северных губерниях такого рода правила имели место. В Северо-Двинской губернии было издано распоряжение губисполкома о недопустимости раздела мало-мощных хозяйств [51]. В Вологодской губернии было принято постановление «О мерах против измелчания крестьянских хозяйств (дворов) и установлении норм недробимости земли» (одобрено губпланом 28 июля 1924 г.) [52], действовали «Правила о земельно-имущественных разделах трудовых хозяйств», составленные на основании Земельного кодекса 1922 г. [53]. В дополнение к ним была издана «Объяснительная записка к правилам о производстве семейных разделов» [54].

Согласно Правилам вводилась обязательная регистрация волостными исполкомами всех случаев разделов. При этом сами «разделы трудовых, состоящих в общинах с уравнильно-передельным порядком землепользования, хозяйств – земельные и земельно-имущественные» производились только «в порядке добровольного соглашения между членами делящегося хозяйства». Основанием для регистрации служили: «удостоверение в форме приговора» из местного сельсовета «о количестве числящихся в пользовании двора сельскохозяйственных угодий: усадьбы, пашни, сенокоса и прочей удобной земли, как-то: перелогов, кустарников и выгона»; приговор «о том, признает ли сход селения возможным образование на этом участке после его раздела прочных, сильных в достаточной мере обеспечивающих свое существование хозяйств»; «раздельный акт», который составлялся «делящимся в добровольном порядке двором».

«Добровольные разделы трудовых хозяйств при участковом порядке землепользования (отрубных, хуторских и участково-чересполосных)» разрешались только в тех случаях, «если это допускали предельные нормы недробимости таких хозяйств» [55].

Размер норм был поставлен в зависимость от количества населения двора (минимальным признавалось хозяйство в пять едоков) и от особенностей землепользования и землеобеспечения в той или иной волости. Так, в Вологодском уезде было выделено 10 районов с различной нормой недробимости земли от 10,35 дес. (при условии зачета одних угодий за другие) на двор до 20,90 дес. В Грязовецком уезде – три района (колебания от 14,95 до 23,15 дес.). В Кадниковском уезде – восемь районов (колебания от 13,10 до 25,20 дес.). В Тотемском – четыре района (колебания от 21,55 до 24,45 дес.). В Каргопольском – один район при норме 23,00 дес. В Вельском – один район при норме 19,10 дес. [56].

Ограничительные меры не давали значимых результатов. Тем более что, по оценке губернского земельного управления, в 1927/28 г. «регулирование со стороны ВИКов семейно-имущественными разделами» проводилось слабо, «некоторые волостолы разрешают семейно-имущественные разделы без всякой оценки с точки зрения хозяйственной целесообразности и образуют явно нежизненные крестьянские хозяйства, не обеспеченные ни земельной площадью, ни инвентарем» [57]. В характере разделов крестьянских хозяйств за период 1924–1927 гг. определенной закономерности не проявлялось. Можно лишь говорить о постепенном замедлении процесса дробления. Так, в 1923/24 г. число разделившихся хозяйств в губернии составляло 2,64%, в 1924/25 г. – 2,62%, в 1925/26 г. – 2,09% [58]. В 1924 г. в Вельском и Вологодском уездах разделилось 855 дворов, в 1925 г. – 907 дворов, в 1926 г. – 684 двора, в 1927 – 360 дворов [59].

О снижении темпов дробления в 1928 г. по сравнению с предшествующими годами сообщалось и в отчете Северо-Двинского губернского земельного управления. Ежегодно в 1922–1927 гг. в губернии возникало в среднем 1816 новых хозяйств, в 1927–1928 г. – лишь 735 хозяйств [60]. О некоторых результатах «борьбы с нецелесообразными разделами хозяйств» содержалась информация в отчете земельного управления Северного края (Крайзу) за 1928/29 г. «Меры, принимаемые земкомиссиями к недопущению дроблений, а также и развитие колхозного строительства дают уменьшение разделов». В крае за этот год дроблению подверглось лишь 4216 хозяйств (0,93% от всех дворов) [61].

Восстановление экономики северной деревни в 1920-е гг., сопровождавшееся ростом народонаселения и численности крестьянских дворов, приводило к серьезным последствиям. Главным из них было прогрессирующее с к. XIX в. аграрное перенаселение. Часть избыточного крестьянского населения вовлекалась в переселенческое движение за пределы региона, большая часть вернулась к практике неземледельческого отхода, как только представилась возможность. Как бы то ни было, в деревне постепенно накапливался пласт «лишних» рабочих рук. Например, в Вологодской губернии к январю 1926 г. число «избыточных» хозяйств составляло 28849 дворов (в Вологодском уезде – 17470, в Вельском – 2235, Кадниковском – 4160, Каргопольском – 2135, Тотемском – 2849 дворов) [62]. Колонизационно-переселенческий отдел Наркомата земледелия Карельской АССР в 1926/27 г. насчитывал в республике 7246 «избыточных» хозяйств с числом населения в 36230 чел. [63]. По сведениям на 1 октября 1928 г., в пределах АО Коми в черте обжитых земель «перенаселенность» составляла около 50,00% [64].

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что социально-демографические процессы, происходившие в деревне, явились прямым следствием изменения экономического строя деревни, произошедшего под влиянием войны, аграрной революции, политической и хозяйственной конъюнктуры 1920-х гг. Рост численности крестьянских хозяйств являлся конечным результатом сложных демографических и социально-экономических процессов, протекавших как внутри крестьянской семьи, так и вне ее. Процессы увеличения численности крестьянских дворов, обусловленные их дроблением и разделом, по своим темпам опережали общий рост сельского населения. Если дистанцироваться от фиктивных разделов, дробление наносило ощутимый удар по патриархальному укладу крестьянской семьи, расшатывая его. При этом из-под опеки «большака» высвобождался наиболее мобильный слой деревенских хозяев – молодых мужиков, «людей с новыми понятиями» [65], более восприимчивых к хозяйственным новшествам. При определенных условиях новые дворы могли бы служить основой для прогрессивной эволюции аграрного строя. В то же время семейно-имущественные разделы ослабляли демографические и производственные параметры крестьянского хозяйства, что делало его практически бессильным перед мощным давлением государства.

Литература и источники

1. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977. – С. 204–210.
2. См.: Земельный кодекс 1922 г., «Инструкцию о производстве семейно-имущественных разделов трудовых земледельческих хозяйств (дворов)», принятую Наркомземом и Наркомюстом РСФСР 30 марта 1927 г., общесоюзный земельный кодекс, принятый ЦИК СССР 15 декабря 1928 г., – Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954. – М., 1954. – С. 162, 300, 347–348.
3. Согласимся с тем, что крестьянская семья в юридической, общественно политической литературе и статистике часто именовалась «крестьянский двор», поэтому термины «семья» и «двор» с известной оговоркой могут быть отождествлены. – См.: Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 1. 1900–1939. – М., 2000. – С. 193.

4. См. подробнее: Саблин В.А. Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера в 1917–1920-е гг. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Тамбов, 2000. – С. 262–265.

5. Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 31. Л. 15; Д. 129. Л. 6; Погубернские итоги 10% выборочной сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств 1919 года. – М.: ЦСУ, 1920. – С. 6–13; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы. – Архангельск, 1925. – С. 52–56; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы. – Вологда, 1925. Раздел I. – С. 11.

6. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 105. Оп. 3. Д. 357. Л. 18, 139; Оп. 14. Д. 5. Л. 30; Ф. 187. Оп. 1. Д. 853. Л. 5–7, 51–53.

7. Долговечность и смертность населения Севера Европейской части РСФСР в 1926–27 году по сравнению с 1896–97 годом. – Вологда, 1931. – С. 166, 177–178.

8. История советского крестьянства. В пяти томах. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. – М., 1986. – С. 322.

9. Данилов В.П. Указ. соч. ... – С. 218.

10. Государственный архив общественно-политических объединений и формирований Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826. Л. 191.

11. Дербенев А. К характеристике экономического расслоения Северо-Двинской деревни // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. – Великий Устюг, 1926. – Вып. 2. – С. 54; Ларин Ю., Крицман Л. Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России. 1 ноября 1917 – 1 июня 1920 г. – М., 1920. – С. 16.

12. Состав (контингент) наделяемого землей населения. – М., 1918. – С. 15.

13. Великоустюгский филиал государственного архива Вологодской области (далее ВУФ ГАВО). Ф. 476. Оп. 1. Д. 115. Л. 44.

14. Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г. // Вестник статистики. – 1923. – № 13. – С. 143.

15. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. ... – С. 50–54; Статистический ежегодник. 1918–1920 гг. Вып. 1. Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 1. – М., 1921. – С. 284–338.

16. ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 352. 36.

17. Как правило, во всех северных губерниях для наделения землей прибывших создавался запасной земельный фонд, который формировался из пустошей и залежных земель, иногда для этой цели использовали выморочные участки (Сольвычегодский уезд Северо-Двинской губернии), – Российский государственный архив экономики. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1016. Л. 125.

18. Бляхер Я. Указ. соч. – С. 144.

19. Весьма характерна ситуация, сложившаяся в 1920-х гг. в АО Коми. 30 декабря 1925 г. Земельное управление (Облзу) представило в облисполком свои соображения о характере поземельных отношений в области. На основе этого представления Президиум Коми облисполкома 12 февраля 1926 г. принял решение о признании «всех земельных обществ Коми не имеющими излишков земли». На практике это означало, что запрещалось «доприселение» новых дворов в земельные общества. Циркуляр Облзу от 24 февраля 1926 г., направленный в адрес волостных исполкомов и уездных земельных управлений, запрещал им решать все вопросы о «приселении», если конкретное земельное общество выступало против желания чужака «укорениться в деревне». Насколько серьезным было упорство руководства АО Коми в отстаивании местных интересов можно судить по тому, какой резонанс получило это решение в центральных органах страны. Наркомзем РСФСР отменил решение Президиума Коми облисполкома от 12 февраля 1926 г. по той причине, что «постановление, как видно из представления областного земельного управления исполкома области Коми от 30 декабря 1925 г., имело в виду пресечь всякие домогательства безземельных групп населения получить земельные наделы в тех обществах, в которых они проживают». Специальным решением Коми облисполкома от 9 июня 1926 г. протест НКЗ РСФСР был «оставлен без внимания». В конфликт вмешались более высокие инстанции. Председатель Федерального комитета по земельному делу при ВЦИК РСФСР поддержал позицию АО Коми, но, несмотря на это, 30 декабря 1926 г. Президиум ВЦИК РСФСР отменил местническое постановление Коми облисполкома от 12 февраля 1926 г. (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3260. Оп. 5. Д. 8. Л. 63 об, 64–66, 96, 108).

20. ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 406. Л. 1–6, 9.

21. Струмилин С.Г. На хозяйственном фронте. Сб. статей (1921–1925). – М.; Л., 1925. – С. 232.

22. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-й. К III съезду Советов Союза ССР. – М., 1925. – С. 302; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918–1923. За пять лет работы Центрального статистического управления. Труды ЦСУ. Т. XVIII. – М., 1924. – С. 114–115.

23. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С приложением данных по мировому хозяйству. ... – С. 302–307.

24. Нелаев П. Как живет наша деревня. Описание Вотложемской волости Северо-Двинской губернии. – М.; Л., 1927. – С. 37.

25. ГААО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 262. Л. 9.

26. ГАВО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 91. Л. 56–56 об.

27. Там же. Л. 55 об.

28. «В отношении дробимости крестьянское хозяйство в целом может быть уподоблено живому организму, – констатировал журнал «Северное хозяйство». – Каждая из его клеток стремится к экономическому разбуханию.

Приобретательский интерес собственника и владельца товара гонит хозяйство вверх, заставляет его расширять посевы и увеличивать скотоводство. Но тут же рядом действует другой момент, органическая сила стихийного размножения, давящая хозяйство книзу, понижающая его благосостояние и влекущая к разделу. Точно клетки каких-то простейших организмов вырастают отдельные хозяйства, поднимаются по лестнице благосостояния и затем делятся, почкуются, распадаются на ряд мелких обессиленных единиц, чтобы с новой силой начать разбухать и карабкаться по ступеням деревенского благополучия». – См.: Социально-экономические процессы в Вологодской деревне // Северное хозяйство. – 1925. – № 10. – С. 56.

29. Ястремский Б. Связь между элементами крестьянского хозяйства в 1917 и 1919 годы // Вестник статистики. – 1920. – № 9. – С. 47–56.

30. Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств. Северный район. Труды ЦСУ. Т. XIV. Вып. 1. – М., 1924. – С. XVI–XVII.

31. Ястремский Б. Указ. соч. – С. 47–56.

32. Дербенев А. Последствия Октябрьской революции в условиях крестьянского хозяйства Северо-Двинской губернии // За работу. – 1923. – № 2. – С. 54.

33. Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 1853. Оп. 5. Д. 2. Л. 204.

34. Конъюнктура хозяйства Коми автономной области (за второе полугодие 1923/24 г. и за первый – 3 квартал 1924/25 г. – Усть-Сысольск, 1925. – С. 7.

35. ГААО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 262. Л. 9.

36. Там же. Оп. 3. Д. 357. Л. 18.

37. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С приложением данных по мировому хозяйству. ... – С. 234–237.

38. ВУФ ГАВО. Ф. Р-476. Оп. 1. Д. 388. Л. 6.

39. Краткий статистический справочник по Северо-Двинской губернии на 1927 год. – Великий Устюг, 1926. – С. 46; Статистический ежегодник 1924 г. Вып. 1. Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 7. – М., 1926. – С. 265–266; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы... – С. 350. (Следует иметь в виду, что в Вологодской и Северо-Двинской губерниях отсутствовали беспосевные дворы и не было дворов, сеющих свыше 16 дес. в Архангельской губернии и Карелии отсутствовали дворы с посевом свыше 4 дес.).

40. Перепись проводилась с целью выявления социальных подвижек в среде крестьянства и динамики классового расслоения.

41. Данилов В.П. Указ. соч. – С. 232–248; Семенов Н. Крестьянский двор по материалам пробного обследования быта и правовых отношений крестьянского двора, произведенного Секцией права и государства Комакадемии в январе – марте 1926 г. // Революция права. – 1927. – № 1. – С. 184–198.

42. Проводилось по заданию ЦСУ летом 1924 г. с целью определения товарности крестьянских хозяйств.

43. Товарность крестьянских хозяйств Архангельской губернии. Опыт анкетного исследования товарных элементов крестьянских хозяйств Архангельской губернии. – Архангельск, 1925. – С. 4.

44. Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств... – С. XIII.

45. Данилов В.П. Указ. соч. – С. 218–219.

46. ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 406. Л. 1–6, 9.

47. Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы ... – С. 74.

48. Нелаев П. Указ. соч. – С. 37.

49. Примечание: к 1 посевной группе отнесены дворы без посева или с посевом до 0,1 дес.; ко 2 – от 0,1 до 2; к 3 – 2,1 до 4; к 4 – от 4,1 до 6; к 5 – от 6,1 до 10 дес. Составлено по: ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 406. Л. 1–6, 9.

50. См. подробнее: Данилов В.П. Указ. соч. – С. 254–259.

51. Нелаев П. Указ. соч. – С. 37–38.

52. ГАВО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 91. Л. 61–63.

53. Там же. Д. 94. Л. 40–42 об.

54. Там же. Л. 45–46.

55. ГАВО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 94. Л. 40–41 об.

56. Там же. Д. 91. Л. 61–63.

57. ГААО. Ф. 105. Оп. 17. Д. 3. Л. 6 об.

58. ГААО. Ф. 105. Оп. 17. Д. 3. Л. 6 об.

59. ГАВО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 91. Л. 55. В 1927/28 г. В Кадниковском уезде в результате разделов число дворов увеличилось на 732, что составляло 1,53 % от общего числа хозяйств в уезде, в Вельском уезде – соответственно 281 (1,4%), в Вологодском – 745 (1,15 %), – см.: ГААО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 269. Л. 13).

60. ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 357. Л. 18.

61. Там же. Оп. 2. Д. 269. Л. 137.

62. ГАВО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 93. Л. 17 об.

63. Национальный архив республики Карелия. Ф. 698. Оп. 5. Д. 8/86. Л. 20.

64. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 230. Л. 198 об.

65. Нелаев П. Указ. соч. С. 37.

К вопросу о достоверности материалов переписи населения 1926 года

Одним из сложных вопросов при введении в научный оборот материалов переписей является установление адекватности их учета, так как кроме итогов переписи 1959 г., результаты всех остальных названных переписей подвергаются критике, в первую очередь, показатель общей численности населения. Сегодня мы располагаем достаточно обширной литературой по изучению качества вышеназванных переписей и, основываясь на их результатах, можно сказать, что причиной вызванных научных дискуссий в определении реальной численности населения явился научно необоснованный, ошибочный прогноз развития численности населения СССР во второй половине 20-х гг.

Во-первых, изначально были заданы параметры прогноза развития численности населения с существующей идеологией, пропагандировавшей преимущества нового строя, при котором резко сокращается смертность, повышается рождаемость и увеличивается продолжительность жизни. В 1930 г., выступая на XVI съезде ВКП(б), И.В.Сталин назвал ежегодный темп прироста в 3 млн., а на XVII съезде в своем докладе подчеркнул, что численность населения страны к концу 1933 г. достигла 168 млн. чел. [1]. В 1933 г. планировалось проведение демографической переписи, которая должна была показать небывалые достижения СССР за годы первой пятилетки не только в социально-экономическом, но еще и в демографическом развитии.

Во-вторых, советская статистика под воздействием благоприятной ситуации в демографическом процессе середины 20-х гг. взяла за основу расчета дальнейшего роста численности населения этот же темп естественного прироста. Она не смогла проанализировать кратковременность существующей демографической ситуации, которая была обусловлена позитивным изменением социально-экономического положения населения в годы нэп и компенсационной рождаемостью, характерной для послевоенных лет. Если по данным переписи 1926 г. в СССР насчитывалось 147027,9 тыс. чел., то согласно расчетам Госплана, население к 1937 г. должно было насчитывать примерно 180,7 млн. [2].

Но с конца 1920-х гг. начинается негативный процесс в демографическом развитии страны. Весь преобразовательный процесс со всеми ошибками и перегибами осуществлялся в основном за счет людских ресурсов, вследствие чего в начале 1930-х гг. зафиксированы огромные человеческие жертвы. В связи с этим, запланированная на 1933 г. перепись трижды переносилась – сначала на 1935, затем на 1936 и была осуществлена только в 1937 г.

Специалисты заранее знали о невозможности подтверждения переписью заявленного прогноза роста численности населения. В связи с этим начальник ЦУНХУ И.А. Краваль опубликовал в 1936 г. скорректированный прогноз численности населения на начало 1937 г. – 170-172 млн. чел. [3]. Даже после снижения прогнозируемой численности на 8-10 млн. проведенная перепись насчитала лишь 162039470 чел. [4]. Таким образом, перепись 1937 г. обнажила негативную ситуацию в демографическом процессе, а в отдельных регионах – кризисы и катастрофы. В конечном счете, итоги переписи противоречили существующей официальной идеологии о преимуществах социалистического строя, поэтому ее материалы специальным постановлением СНК СССР от 25 сентября 1937 г. были объявлены дефектными, организация – неудовлетворительной; многие руководители – репрессированы, начальник ЦУНХУ И.А.Краваль и начальник бюро переписи О.А.Квиткин – расстреляны [5]. Повторно проведенная в 1939 г. перепись показала численность населения – 168557093 чел., и только в результате приписок достигли заявленной на начало 1937 г. численности – 170557093 [6].

С открытием ранее засекреченных фондов были выявлены еще и необоснованное перераспределение населения по регионам осуществленные в ходе разработки сводных данных переписей 1937 и 1939 гг. Такого рода исправления вносились во второй половине 30-х гг. во время доработки материалов переписи за 1926 год. Скорее всего, эти изменения носили не проверочный, а целенаправленный характер, с целью сглаживания последствий демографических кризисов, разразившихся в 1930-е гг. в отдельных регионах, а также для сокрытия специального контингента, имевшего большие размеры из-за массовых репрессий.

Использование опубликованных материалов переписи по нашей республике имеет тоже свои особенности. В свое время, как для всей страны, так и для Киргизской АССР были составлены прогноз развития численности населения и планы по темпам его развития, где в отличие от центра были заложены абсолютно нереальные коэффициенты естественного движения. Согласно этим расчетам, к концу 1933 г. численность населения должна была вырасти с 993004 до 1297,9 тыс. чел., а к 1937 г. – до 1511,9 тыс. [7].

*Батырбаева Шайыргун Джодожевна (Бишкек, Киргизия) – доктор исторических наук, профессор национального университета.

Естественно, переписи в конце 1930-х гг. не подтвердили этот прогноз роста, согласно их результатам в 1937 г. в Кыргызстане проживали 1369667 чел., а в 1939 г. – 1458 213 чел. [8]. Тем не менее, среди других союзных республик Кыргызстан по темпу роста численности населения занял первое место. Относительный рост его населения за межпереписные периоды с 1926 по 1939 г. составил 145,6% [9], и при таком высоком, по сравнению с союзным уровнем, темпе роста – 3,8% – вряд ли была необходимость приписок к общей численности в итогах этих переписей. Кроме этого, новейшие исследования ученых выявили, что при разработке сводных данных в нашей республике не было перераспределения спецпереселенцев. Следовательно, можно сделать вывод о том, что зафиксированная переписью в 1937 и 1939 гг. общая численность населения, в отличие от всесоюзных данных, соответствует действительности.

Однако по сравнению с ними использование опубликованных итогов переписи 1926 г. по нашей республике требует критического отношения. Так как повторные разработки материалов переписи 1926 г. по отношению к проведенным переписям в 1937 и 1939 гг. отличались от первой публикации; наблюдается рост численности всего населения за 1926 г. в сторону увеличения (табл.1). Согласно утверждениям сотрудников ЦСУ СССР, во-первых, приписки были сделаны в ходе уточнения недоучета, во-вторых, – в соответствии с административными изменениями в 1920–1930-е гг. и изменением границы с сопредельными государствами [10].

Следует отметить, что в свое время по оценке ведущих статистиков, итоги переписи 1926 г. по Азиатской части РСФСР признавались неудовлетворительными и их не включали в научный оборот в процессе исследований демографического состояния населения.

В ходе изучения архивных фондов, сопутствующих делопроизводственной документации ЦСУ Киргизской ССР и СССР, мы смогли найти лишь отрывочные объяснения причинам внесенных изменений. В РГАЭ РФ сохранились отрывочные данные отчета ЦСУ Киргизской ССР о повторных разработках уже внесенных в 1937 г. изменений за 1926 г. еще и в 1939 г.

Таблица 1

Изменение численности населения союзных республик СССР
за межпереписный период с 1926 по 1939 гг. [11]

Союзные республики	Число жителей по трем официальным разработкам сводных итогов материалов переписи 1926 г., тыс. чел.			Число жителей по данным переписей		1939 г. в % к 1926 г. (данные за 1926 г. по разработке 1939 г.)
	1928–1929 гг.	1937	1939	1937	1939	
Российская Федерация	93395234	93107746	93457996	103967924	109397463	117,1
Украинская	29018187	28925976	29042934	28387609	30946218	106,6
Белорусская	4983240	4925764	4983240	5196549	5568994	111,8
Азербайджанская	2314571	2301911	2313744	3056978	3205150	138,5
Грузинская	2666494	2652626	2677233	3376946	3540023	132,2
Армянская	880464	872775	881290	1209253	1282338	145,5
Туркменская	1000914	983812	998154	1168538	1251883	125,4
Таджикская	827443	1026826	1032216	1382168	1484440	143,8
Узбекская	4750001	4538993	4565432	5847448	6271269	137,4
Казахская	6198363	6078570	6073979	5120173	6151102	101,3
Киргизская	993004	998268	1001697	1369667	1458213	145,6
РККА и погранохрана		614648		1956217		
Итого	147027915	147027915	147027915	162039470	170557093	116,0

Согласно этому документу перерасчеты были произведены из-за административно-территориальных изменений, чтобы привести данные за 1926 г. в соответствии современными границами поселений. Сотрудниками ЦСУ Киргизской ССР такой принцип перерасчета итогов переписи признавался несоответствующим. По их мнению, перепись 1926 г. проводилась в горных районах до марта месяца, а из-за бесснежной зимы кыргызское население рано покинуло зимние пастбища, их учитывали не в местах зимовки, где были организованы сельские советы, а на весенних пастбищах. Вследствие этого, пересчет в 1939 г. к современным границам поселенные карты 1926 г., составленные «по живому аксакалу и

уроцищу в месте кочевья» не давал точных данных и вносил искажение в показатели общей численности населения в сделанных разработках [12].

Тем не менее, эти расчеты при исправлении итогов переписи 1926 г. не были учтены. Об этом свидетельствует сохранившейся в РГАЭ РФ документ «Киргизия. В новых перерасчетах», где содержатся результаты внесенных изменений, согласно которых в 11 районах была увеличена численность населения республики на 15 680 чел., а в 16 районах – уменьшена на 39 108 [13], т.е. за 1926 г. в разработках 1939 г. шло уменьшение общей численности населения Киргизской ССР на 23428 чел. Однако несмотря на эти перерасчеты, общая численность населения в итогах переписи 1926 г. было исправлено в сторону увеличения на 8693.

Сопоставление данных в первоначальных и более поздних разработках переписи 1926 г. общей численности населения союзных республик показало такое же несоответствие. При неизменности общей численности всего населения СССР в количестве 147 027915 чел. в итогах переписи 1926 г., в 1937 г., значительно снизили ее на Украине, а в 1939 г. – в Казахстане, где вследствие голода была огромная людская убыль. В то же время в тех республиках, где фиксировался высокий темп прироста, в том числе в Кыргызстане, данный показатель завысили. Такое перераспределение во второй половине 30-х гг. за 1926 г. численности населения между республиками, несмотря на свою относительно малую величину, обеспечивал, в первую очередь, в Казахстане положительный его прирост за межпереписные годы (табл. 1.).

В связи с вышеизложенным, можно предположить, что поздние изменения были осуществлены целенаправленно, с целью сокрытия катастрофических последствий в республике Казахстан, а также негативных явлений в демографических процессах коренного населения Туркменистана [14]. Основанием такого утверждения является исправление данного показателя в сторону увеличения в республиках – Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан, в которых наблюдался высокий темп прироста населения. Только в результате такого перераспределения, снижая численность населения Казахстана за 1926 г., стало возможно увеличение его роста за 13 лет всего на 101,3%, поскольку даже приписка 1939 г. к общей численности населения Казахстана 120,0 тысячного спецконтингента, находившегося в РСФСР [15], не обеспечивала его положительный прирост.

Если бы был недоучет из-за каких-то особенностей в Кыргызстане, то это же должно было иметь место и Казахстане, так как отсутствие существенных различий в образе жизни, традициях, обычаях и способе ведения хозяйства у основного населения Казахстана и Кыргызстана, привело бы к аналогичному увеличению численности населения Казахстана за 1926 г.

Таким образом, позднее внесение изменений в итогах переписи 1926 г. по нашей республике не соответствует действительности, и эти исправления были сделаны для сокрытия катастрофических последствий в демографическом развитии Казахстана. Так как Советское государство в условиях жесткой идеологической борьбы о преимуществах социалистической системы, о развитии ранее отсталых народов в ходе осуществления ленинской национальной политики, должно было использовать все способы сокрытия разрушительной людской убыли в Казахстане, в том числе путем искажения данных ранее проведенной переписи 1926 г.

Доказательством нашего вывода служат еще результаты сравнительного изучения показателей численности населения в итогах переписи за 1926 г. на уровне регионов Кыргызстана. Поскольку здесь наблюдается такая же тенденция, выявленная нами на уровне СССР.

Как известно, в годы преобразовательных процессов демографическое развитие в регионах Киргизской ССР тоже проходило неодинаково. В приграничных с Казахстаном районах, во Фрунзенской области в начале 30-х годов был сильный голод, вызвавший огромные человеческие потери. И сопоставление этих внесенных изменений в отношении численности кыргызского населения показало, что она была уменьшена только во Фрунзенской области, где был голод. А в остальных регионах (табл. 2), численность кыргызов была увеличена в Тянь-Шане – на 4699 чел., в Джалал-Абадской и Ошской областях – на 4658, на Иссык-Куле – 1058 чел. Во Фрунзенской области, наоборот, была изменена в сторону уменьшения – на 1722 чел., хотя в ходе осуществления социалистических преобразований в рассматриваемый период именно в данную область переезжали представители коренного населения из других регионов. За это время численность кыргызов в городах Фрунзе, Токмаке и Кара-Балте выросла в несколько раз.

Таблица 2

Численность населения Кыргызстана по двум официальным разработкам в 1928 и 1939 гг.
материалов переписи 1926 г. [16]

Области	1928 г.	1939 г.	Расхождение
Джалал-Абадская, Ошская	472255	476913	4658
Иссык-Кульская	133521	134579	1058
Тянь-Шанская	100282	104981	4699
Фрунзенская	286946	285224	-1722
Итого:	993004	1001697	8693

Следовательно, уменьшающая поправка, скорее всего во Фрунзенской области, сглаживала коэффициент отрицательного роста кыргызского населения за межпереписные годы на 0,8%, так как количество остальных народов, населяющих республику, благодаря прибывавшим извне только значительно возросло.

Сопоставление областных данных переписи 1926 г. по Кыргызстану в разработках 1939 г. показывает аналогичность с вектором произведенных изменений на уровне Союза, исправления в сторону уменьшения наблюдались в тех областях, где в 30-х гг. были зафиксированы демографические кризисы. Эти изменения вносились с целью сокрытия масштабов негативных тенденций в динамике численности населения и были направлены на сглаживание темпа его естественного прироста. Следовательно, к моменту проведения переписи 1926 г. численность населения Кыргызстана не превышала миллионный барьер.

О том, что увеличение численности за 1926 г. в более поздних разработках не соответствует действительности, подтверждается еще данными разного рода документов Госплана, Наркомфина Киргизской ССР, где общая численность населения республики на 1 января 1927 г. насчитывалась от 993343 до 998607 чел. [17]. Так как в распоряжении сотрудников вышеназванных органов имелись, кроме итогов переписи 1926 г. еще отчетные данные по населенным пунктам, составленные в ходе проведения национально-государственного размежевания в 1924 г. и преобразования Кыргызской автономной области в АССР.

В это время на страницах периодической печати опубликованные сведения об общей численности населения республики тоже не превышали миллиона [18].

Исходя из вышесказанного, можно сделать заключение, что последующие изменения в количестве кыргызстанцев за 1926 г. в сторону увеличения стали в основном следствием не территориальных изменений и не проверки недоучета населения переписью 1926 г., а скорее результатом балансирования сильно заниженной в 1939 г. численности населения соседнего Казахстана. Результаты первых, более ранних разработок материалов переписи 1926 г. были наименее подвержены исправлениям, и их можно использовать с учетом последующих межреспубликанских территориальных изменений. К более поздним разработкам с внесенными поправками, якобы вследствие допущенных переучетов или же недоучетов в ходе переписи 1926 г., необходимо относиться осторожно и проводить тщательный анализ каждого изменения.

Литература и источники

1. XVIII съезд ВКП (б): Стеногр. отчет. – М., 1934. – С. 25.
2. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. – М., 2001. – С. 35.
3. Краваль И.А. Всесоюзная перепись населения // План. – 1936. – № 21. – С. 8.
4. Всесоюзная перепись населения 1937: Краткие итоги. – М., 1991. – С. 47.
5. Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: История проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М., 1992. – С. 5.
6. Там же. – С. 7.
7. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 2. Д. 1107. Л. 15.
8. Всесоюзная перепись населения 1937: Краткие итоги. – С. 47; Всесоюзная перепись населения 1939 г. – С. 21.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – С. 21.
10. РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1277. Л. 150-154.
11. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М., 1928. – Т. VIII. – С. 12; Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М., 1929. – Т. XV. – С. 5; Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М., 1928. – Т. XVII. – С. 2; Всесоюзная перепись населения 1937: Краткие итоги. – С. 42-47; Всесоюзная перепись населения 1939 г. – С. 21.
12. РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1277. Л. 275-276.
13. Там же. Л. 223.
14. Кадыров Ш.Х. Население Туркменистана: история и современность (вопросы и результаты изучения). – Ашхабад, 1986.
15. Там же. Д. 406. Л. 110.
16. Итоги Всесоюзной переписи 1926 г. Киргизская ССР. С. 216-219; ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 34. Д. 6. Л. 8.
17. ЦГА КР. Ф. 470. Оп. 1. Д. 839. Л. 57; Д. 1243. Л. 160б.
18. Советская Киргизия. – 1932. – 30 сент.; Дехканин. – 1929. – № 5-6. – С. 45-46; Народное хозяйство в цифрах. – Ташкент, 1929. – С. 83.

Принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы

Данная работа представляет собой историко-демографическое исследование принудительной колонизации Северного края (1929–1937 гг.) и вызванного ею демографического кризиса. Под демографическим кризисом понимаются наиболее существенные отрицательные отклонения демографических показателей от нормальных для данного региона. Например, явным проявлением демографического кризиса считается депопуляция, т.е. превосходство смертности над рождаемостью. Кстати, кризис не следует понимать только как неизбежный тупик и деградацию социума. Кризис – одна из стадий демографического процесса, возникающая тогда, когда нарушается относительно устойчивое его развитие и требуется корректировка демографической политики. Это такая же «естественная» стадия в развитии социума, как подъем, спад, застой.

Академик А.Г.Вишневский обоснованно считает, что до начала 1960-х гг. в СССР «вопрос о необходимости специальной демографической политики не рассматривался». И лишь обострение демографической ситуации в СССР, прежде всего сокращение рождаемости в начале 1960-х гг., заставило правительство приступить к ее разработке [1]. Академик Ю.А.Поляков, в свою очередь, оправданно акцентирует внимание не на демографической политике советского государства в 1920–1930-х гг., а на воздействии государства на демографические процессы, считая, что в 1920-е гг. это воздействие было направлено на «социальную сферу», а в 1930-е гг. оно лишь дополнилось мерами административно-политическими, в том числе репрессивными [2]. Действительно, демографической политики как системы взаимосвязанных мер по развитию демографических процессов тогда не было, но само воздействие государства на демографические процессы происходило опосредованно и не системно, а через социальную политику, миграционно-переселенческие мероприятия, депортации и т.п.

В данной работе используются термины «колонизация» и «спецколонизация». Если первый не нуждается в пояснении, то второй без него не может обойтись. В конце 1920-х гг. в тайне от народа разрабатывался план принудительной колонизации Севера и Дальнего Востока. В рассекреченных в середине 1990-х гг. архивных материалах принудительной колонизации соответствует официальный термин «спецколонизация». В частности, этот термин используется в наименовании постановления СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях», обязывающего «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах» [3]. Под специальной колонизацией здесь недвусмысленно понимается принудительная колонизация Севера и Сибири спецпереселенцами и заключенными.

Основополагающее понятие данного исследования – догоняющая форсированная модернизация; догоняющая – потому что предполагалось догнать Запад в науке, технике и технологии; форсированная – потому что догнать его стремились в исторически короткое время. По сути, ЦК ВКП(б) намеревался сделать «большой скачек», равнозначный «выходу» из истории посредством индустриализации, коллективизации и культурной революции. И все это в духе известной сталинской формулы «догнать и перегнать». В качестве методологической основы используется идея диалога. Ценность ее в том, что она позволяет исследовать колонизацию и спецколонизацию, пришлое и коренное население в их взаимосвязи.

Прежде всего обратимся к движущей силе форсированной догоняющей модернизации – к Архангельску, центру Северного края. До конца XIX в. Архангельск представлял собою провинциально-периферийный губернский центр. Затем начался лесопромышленный бум, вызванный резким повышением спроса внешнего рынка на леса Русского Севера, особенно на беломорские леса. Он, в свою очередь, породил демографический взрыв, проявившийся в возрастании темпов урбанизации экстенсивного характера, свойственной начальной стадии капиталистического развития, главным образом в портовых городах. В этом смысле Архангельску не было равных среди городов Русского Севера. Быстрый рост населения Архангельска в первой трети XX в. был обязан, на языке демографов, не столько естественному, сколько механическому приросту населения, т.е. опережающему росту в составе горожан сначала бывших сезонников, затем энтузиастов индустриализации, спецпереселенцев, ссыльных, отбывших на севере сроки заключения и осевших в городе по другим причинам.

*Коротаев Владимир Иванович (Архангельск) – доктор исторических наук, зав. кафедрой Поморского государственного университета.

Узкая специализация экономики Архангельска, зависимость его доминирующей отрасли от конъюнктуры внешнего рынка, особенно в годы Первой мировой войны, революций 1905 и 1917 гг., гражданской войны и голода 1917–1922 гг., сказались на его демографической ситуации более остро, чем в Архангельском уезде и губернии в целом. Эта его специфическая особенность проявилась аналогичным образом и в последующие годы, причем наиболее остро в годы индустриализации, когда, после кратковременной социально-экономической «передышки» в условиях нэпа (1923–1925 гг.), началось постепенное понижение уровня жизни населения в условиях подготовки, а затем и осуществления форсированной догоняющей модернизации. Поскольку Центр санкционировал в 1929 г. образование Северного края, определив ему роль «валютного цеха страны», то изменения в экономической политике (форсированная индустриализация, насильственная коллективизация) существенно отразились на нем и его населении, причем прежде всего там, где в начале XX в. происходил лесопромышленный бум.

Не только Архангельск, но и весь Северный край с 1929 г. охватил демографический кризис, который в полной мере проявился в начале 1930-х гг. в форме острой эпидемической ситуации и высокой смертности среди всех слоев населения, прежде всего среди спецпереселенцев. Признаком, свидетельствовавшим о его возникновении, являлся быстрый, скачкообразный рост смертности. Так, смертность населения Архангельска за 1926–1930 гг. выросла в 1,8 раза, а смертность детей (на 1000 родившихся) только за 1929–1930 гг. выросла в два раза (со 140 до 280), еще больше – в Маймаксанском районе Архангельска: за семь месяцев 1931 г. она выросла до 300–350 [4]. Одна из причин роста смертности – резко возросший приток мигрантов, не обеспеченный соответствующим ростом жилищного строительства и создания нормальных условий для жизни и труда.

Бурный рост населения происходил главным образом там, где находились или создавались предприятия лесопромышленного комплекса (ЛПК) и сопутствующих отраслей хозяйства. На этом фоне бывшие губернские города (Вологда, Великий Устюг), где не было крупных заводов и всесоюзных строек, бывшие уездные города (Сольвычегодск, Грязовец, Тотьма и т.п.), располагавшиеся рядом или вдали от транспортных магистралей (население которых занималось главным образом традиционными занятиями), росли медленно, за счет естественного прироста населения. В Вологде, уступавшей по численности населения только Архангельску, процесс экстенсивной урбанизации в 1930-х гг. происходил медленнее, без резких рывков и органичнее. Как и в начале XX в., Вологда 1930-х гг. продолжала оставаться подобием транзитной станции для мигрантов, основной поток которых устремлялся либо в Карелию, либо в сторону Архангельска и Сыктывкара.

Введение принудительной колонизации Северного края было предопределено, как минимум, неспособностью властей обеспечить людей достойным их труду уровнем жизни. Уместно заметить, что эта проблема имела не только краевой, но и всесоюзный контекст. Как известно, северные и северо-восточные окраины СССР были малолюдны, поэтому в конце 1920-х – начале 1930-х гг. считалось очевидным, что именно здесь необходимо укреплять границы с внешним миром и осваивать полезные ископаемые и природные ресурсы. Продвижение на Север и за Урал считалось государственной необходимостью.

Постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» обязывало «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах» [5]. При этом Северному краю уделялось особое внимание как «валютному цеху страны», располагавшемуся ближе других периферийных сырьевых регионов СССР к внешнему рынку и обладателю первоклассного морского порта, откуда поступала за границу большая часть экспортируемого леса края. Таким образом, Центр, проводя раскулачивание и насильственную коллективизацию, добавил к заключенным спецпереселенцев, чтобы те и другие включились в единый процесс спецколонизации северных и восточных окраин СССР.

Крайком партии, как уже установлено, был заинтересован в использовании принудительного труда и колонизации края, поэтому 27 января 1930 г. на внеочередном заседании бюро решался вопрос «О приеме и расселении внутри края раскулаченных семей». Решением бюро крайкома была создана комиссия. Ей было поручено, «взяв за основу проект Полномочного представительства ОГПУ и соображения, изложенные на имя ЦК по этому вопросу, разработать конкретный план использования взрослого трудоспособного населения из числа переселяемых для отправки в районы постоянного водворения» [6]. Комиссия подготовила «План расселения кулачества в Северном крае». Он был утвержден 31 января 1930 г. Им предусматривалось отправить спецпереселенцев «в районы постоянного поселения». В нем говорится также, что «сооружение барачков» следует «производить без особых затрат на строительные материалы», выделяя из «запасов внутреннего рынка» лесоматериалы заведомо «худшего качества» [7].

По замыслу крайкома партии спецколонизация должна была иметь «преимущественно промышленный характер», при этом спецпереселенцы рассматривались «как кадры для форсированных лесозаготовок», а на побережье Северного Ледовитого океана они должны были заниматься «водными и рыбными промыслами» [8]. Первоначально на заготовке леса их предполагалось кормить, в основном, хлебом, картофелем и капустой, из расчета 1300 калорий на одного работающего. Эта заведомо голодная норма питания была определена Наркоматом торговли РСФСР и принята за основу на бюро крайкома партии 15 мая 1930 г. [9]. Следовательно, раскулаченные тогда рассматривались как даровая и дешевая рабочая сила, забота о которой должна быть минимальной. И лишь несколько месяцев спустя местные власти задумались об эффективности использования рабочей силы спецпереселенцев и их выживании.

В конце 1920-х гг. на территорию будущего Северного края стал нарастать поток переселенцев, в том числе принудительных мигрантов. На 6 мая 1930 г., когда была ввезена большая часть принудительных мигрантов (230065 чел.), среди них 77,4% были южанами, прибывшими из УССР (40,6%), ЦЧО (18,6%), Нижневолжского края (17,4%) Крыма (0,8%) [10]. Уже одно это обстоятельство – появление южан в экстремальных для них условиях жизни и работы – провоцирует не только возникновение, но и последующее обострение демографического кризиса. Причем не только для них самих, но и для местного населения, с которым им предстояло общаться на работе и в местах проживания, особенно в самый момент приезда и обустройства на новом месте.

По официальным данным, в 1930–1931 гг. в Северный край было выслано 285609 спецпереселенцев. В.Я.Шашков, в результате проверки, уточнил их и определил действительную, как ему представляется, численность – 300922 чел. [11]. По-видимому, он прав. Тем более что 11 апреля 1931 г. крайком партии решил добавить к вселяемым извне Северного края своих «кулаков» (около трех тыс. семей, а это – 12–15 тыс. чел.) и отправить их на Пинегу, Мезень, Печору и в Коми АО. В тот же день было принято специальное постановление «О заселении Печоры», подготовленное ПП ОГПУ СК (Р.И.Аустрином). В нем говорится о необходимости освоения печорских углей и о развитии рыбозвериных промыслов [12]. А 23 мая 1931 г. ПП ОГПУ СК предложил переселить «на счет КСНХ на Печору 500 семейств спецпереселенцев» [13]. Поэтому 300 тыс. спецпереселенцев для 1931 г. – это вполне приемлемая численность мигрантов данной категории. Кстати, и наибольшее их количество пришлось именно на 1931 г.

В 1932–1933 гг. численность спецпереселенцев резко сократилась из-за голода, длительного обустройства в местах поселения, высокой заболеваемости и смертности и бегства из спецпоселков. Неудивительно, что между 1 января 1932 г. и 1 января 1934 г. их численность сократилась в Северном крае на 51,5%, на Урале – на 28,0%, Северном Казахстане – на 31,1%, а в целом по СССР – на 22,8% [14]. В Северном крае процесс сокращения численности спецпереселенцев в эти годы происходил неравномерно. Особенно резкие изменения произошли в местах наибольшего их сосредоточения и компактного проживания: в Коми АО, где к 1931 г. находилось 40325 чел. (14,1 %) и в соседних Няндомском и Плесецком районах (в 1931 г. – 38248 чел. или 13,3 %). В Коми АО за 1931–1932 гг. их численность сократилась на 2,9%, а за 1932 –конец 1935 г. – в 2,3 раза, в Няндомском и Плесецком районах – соответственно: на 19,5% и в 3,5 раза [15].

Подавляющее большинство раскулаченных отправляли, как и планировалось, либо в северо-восточные лесистые районы Северного края, либо в малолюдные районы края. Поэтому так много спецпереселенцев оказалось в Коми АО. И в бывшей Архангельской губернии они расселялись неравномерно. Так, в Коношском районе, в котором в середине 1930-х гг. проживало около 3% населения края, на 1 января 1935 г. сосредоточивалось 10,4% (5770 чел.) принудительных мигрантов, в том числе 11,9% (5459 чел.) трудпоселенцев и 9% (311 чел.) административно высланных; а в Плесецком районе на почти 5% населения края приходилось 13,2% (7342 чел.) принудительных мигрантов, в том числе 15,0% (6866 чел.) трудпоселенцев края [16].

На 1930–1931 гг. выпали самые большие трудности по их доставке до места назначения, расселению и обустройству, организации питания и медицинского обслуживания, не говоря уже о трудоустройстве, от которого очень многое зависело в жизни поселенцев. Власти Северного края к этому не были подготовлены. Неудивительно, что уже в марте-апреле 1930 г. в переселенческих пунктах заболели 34314 чел. (14,9%), в том числе в Архангельском округе – 26183 чел. или 76,3% спецпереселенцев. Возникли очаги эпидемий остроинфекционных заболеваний [17].

Особенно резко ухудшилось здоровье населения Коми АО в 1929–1930 гг. Здесь самый большой рост дали детские остроинфекционные заболевания – в 8,2 раза и тиф – в 5,3 раза. Отдел здравоохранения Коми АО оправданно связал рост заболеваемости с «пришлыми контингентами». Действительно, с 1929 г. начали прибывать заключенные, этапировавшиеся в подразделения Ухтпечлага, а с 1930 г. – и спецпереселенцы [18]. И здесь остроинфекционная заболеваемость резко возросла сначала на юге области (в Прилузье),

затем оттуда распространилась по пути следования «контингентов»: в Визингский, Сыктывдинский, Усть-Вымский районы и дальше на север и северо-восток [19].

Резкое понижение уровня жизни коренного старожильского населения Северного края, ввоз колоссального количества мигрантов, прежде всего спецпереселенцев и заключенных, бегство крестьян от насильственной коллективизации в рабочие поселки, города и новостройки, эпидемии остроинфекционных заболеваний, высокая смертность населения и усиление стрессогенности на популяционном уровне свидетельствуют о начавшемся с 1930 г. демографическом кризисе. Косвенным образом это подтверждает и резолюция коллегии Наркомздрава РСФСР от 11 апреля 1930 г., в которой рекомендуется соблюдать меры санитарного минимума «для решительного снижения общей и эпидемической заболеваемости». В ней же санитарно-гигиеническое состояние на предприятиях лесной промышленности (заготовки и сплав леса) квалифицируются как «крайне неудовлетворительное» [20]. И это еще до массового использования спецпереселенцев в этой отрасли.

Самыми распространенными остроинфекционными заболеваниями среди населения края были детские (скарлатина и корь), сыпной тиф и малярия. Между тем власти боролись главным образом с эпидемией сыпного тифа, особенно в местах скопления спецпереселенцев, главным образом по пути их следования. Это очень беспокоило руководство края, так как отражалось на выполнении плана валютной отрасли – ЛПК.

Так, 14 апреля 1932 г. крайком партии, по докладу уполномоченного Наркомздрава т. Бравой «О санитарном состоянии Северного края и Архангельска», принял постановление «В отношении борьбы с сыпным тифом», в котором поручил ПП ОГПУ СК «не допускать в дальнейшем расселения в крестьянских домах этапных заключенных и административно высланных... без соответствующей санобработки» и сопутствующих мер [21]. Кстати, т. Бравая обратила внимание на «усиление заболеваний среди группы рабочих, служащих и их семей, а также крестьян, главным образом, по пути следования этапных заключенных и административно высланных» (Грязовец, Березниковский, Лальский и Приморский районы) [22].

Когда в 1933 г. появилась обнадеживающая тенденция к снижению остроты эпидемий остроинфекционных заболеваний, резко возросло количество случаев заболевания малярией и ее удельного веса в ряду других заболеваний. Основная причина – аномальное потепление климата. В 1932–1935 гг. темпы роста заболевания ею в Северном крае резко возросли – в 9,7 раза. Это в пять раз больше, чем в России в целом [23].

После голода 1932–1933 гг., совпавшего с обустройством спецпереселенцев, постепенно стабилизировалась их численность в стране и в Северном крае, стала снижаться острота эпидемической ситуации и демографического кризиса, но в стране – быстрее, а в крае – медленнее. По расчетам В.Н.Земского, показатели смертности и рождаемости спецпереселенцев в СССР в 1935 г. сблизились как 1:1; в Северном крае смертность спецпереселенцев превосходила рождаемость: в 1934 г. – в 5,4 раза, а в 1935 г. – в 3,3 раза [24]. Причина медленного преодоления демографического кризиса в Северном крае – в резком сокращении их численности в первой половине 1930-х гг. – не менее чем в четыре раза. О том же свидетельствует сокращение числа членов семей спецпереселенцев: с 5 чел. в конце 1930 г. до 2,9 чел. в 1935 г. [25].

Демографический кризис мог бы быть преодолен и раньше, но в качестве принудительных мигрантов, кроме спецпереселенцев, в крае находились еще и административно высланные, ссыльные и заключенные, в том числе исправительно-трудовых колоний (ИТК). Режим содержания в ИТК был еще суровее, чем в спецпоселках. Кроме того, в 1933–1934 гг. руководство карательных органов, мест заключения и спецпоселений прибегло к «разгрузке» домов заключения и тюрем. При этом осужденные на срок от одного до трех лет переводились на принудительные работы с добавлением одного года наказания условно. Осужденные на срок от трех до пяти лет отправлялись в спецпоселки. А осужденные на срок свыше пяти лет – в ИТЛ ОГПУ. И все они должны были трудиться на заготовке и сплаве леса [26]. Операцией по «разгрузке» мест заключения решались, как минимум, 2 задачи: 1) перевод подневольных на режим самообеспечения и 2) осуществление спецколонизации Северного края. Кроме того, лесная промышленность получала дополнительную, причем дешевую, рабочую силу.

Подытоживая, укажем на выявленную демографическую закономерность: резкое снижение уровня жизни населения, в условиях активных миграций, прежде всего принудительного характера, сопровождаются стрессом, остроинфекционными заболеваниями, приобретаемыми при определенных условиях форму эпидемий, высокой смертностью, депопуляцией, в совокупности проявлявшихся в демографическом кризисе. Сам этот кризис провоцировался, как минимум, тремя факторами. Во-первых, стихийными миграциями сельского населения в леспромхозы, рабочие поселки и города. Во-вторых, ввозом всё новых и новых контингентов принудительных мигрантов для спецколонизации Севера. В-третьих, демографическому кризису способствовало аномальное потепление климата. Об этом свидетельствует,

в частности, научно подтвержденная связь между потеплением климата и эпидемией малярии. Думается, что с потеплением климата связаны и инфекционные кишечно-желудочные заболевания, в том числе брюшной тиф и дизентерия.

Литература и источники

1. Демографическая политика в современном мире. – М., 1989. – С. 5.
2. Поляков Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории, 1995. – № 3. – С. 122, 123, 126.
3. Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 1 / Сост. Г.Ф.Доброноженко, Л.С.Шабалова. – Сыктывкар, 2001. – С. 206.
4. ГААО. Ф. 1734, оп. 1, д. 126, л. 116; Ф. 1322, оп. 2, д. 6, л. 30.
5. Покаяние... Т. 4. Ч. 1. – С. 206.
6. ОДСПИ ГААО. Ф. 290, оп. 1, д. 378, л. 4.
7. Там же. Л. 11, 12.
8. Там же. Д. 739. Л. 23.
9. Там же. Л. 63.
10. Покаяние... Т. 4. Ч. 1. – С. 203, 276.
11. Шашков В.Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. – Мурманск, 2000. – С. 122.
12. ОДСПИ ГААО. Ф. 290, оп. 1, д. 381, л. 40.
13. ГААО. Ф. 603, оп. 2, д. 28, л. 50.
14. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. Т. 1. 1900–1939. – М., 2000. – Табл. 55, 56.
15. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 30-х – 1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2 / Сост. Н.М.Игнатова. – Сыктывкар, 2001. – С. 24; ИЦ УВД АО. Ф. 24, оп. 1, д. 1, л. 1-84; Д. 7, л. 49 об.; ГААО. Ф. 1322, оп. 2, д. 11, л. 165-166. Вычислено мною. – В.К.
16. ИЦ УВД АО. Ф. 24, оп. 1, д. 7, л. 49 об. Вычислено мною. – В.К.
17. Покаяние... – Т. 4. – Ч. 1. – С. 184.
18. Игнатова Н.М. Указ. соч. – С. 20.
19. ГААО. Ф. 1734, оп. 1, д. 87, л. 19.
20. ГААО. Ф. 1734, оп. 1, д. 20, л. 236.
21. ОДСПИ ГААО. Ф. 290, оп. 1, д. 1172, л. 81.
22. Там же. Л. 179.
23. ГААО. Ф. 1932, оп. 1, д. 15, л. 10. Вычислено мною. – В.К.
24. Население России в XX веке... – Т. 1. – С. 301.
25. ИЦ УВД АО. Ф. 24, оп. 1, д. 7, л. 42; Покаяние... – Т. 4. – Ч. 1. – С. 276. Вычислено мною. – В.К.
26. Покаяние... – Т. 3. – С. 80.

Влияние кризисных факторов на формирование российских особенностей смены модели воспроизводства

Теория (или концепция) демографического перехода используется исторической демографией для описания эволюции демографических процессов, смены типов воспроизводства населения.

В самых общих чертах суть концепции сводится к следующему: демографическое равновесие между рождаемостью и смертностью, определяющее тип воспроизводства**, нарушается изменениями в социально-экономической сфере – индустриализацией, урбанизацией, фермеризацией крестьянского хозяйства, развитием медицинского обслуживания и образования. Это приводит к снижению смертности при пока еще остающемся высоким уровне рождаемости (от темпов снижения которого зависит определение типа начальной стадии демографического перехода: рождаемость падает значительно уже на первом этапе – французский тип; сохранение высокой рождаемости достаточно долго – английский). Спустя некоторое время, вследствие изменения репродуктивных установок населения, падает и рождаемость: «демографический баланс» восстанавливается на новом уровне, обеспечивая прогрессивный «экономный» тип воспроизводства.

Начало демографического перехода в России отставало от большинства европейских стран (прежде всего, от Франции – примерно, вековой разрыв). Предпереходное состояние воспроизводства характеризовалось очень высоким уровнем смертности, прежде всего младенческой (326‰), т.е. треть родившихся умирала, не дожив до года. До 15-летнего возраста не доживало более половины детей. Ожидаемая продолжительность жизни составляла 29 лет для мужчин и 31 год для женщин. В начале XX в. каждым 100 россиянкам необходимо было родить 530 детей, чтобы обеспечить простое замещение поколения, спустя всего 50 лет – не более 213.

Присутствовала неевропейская модель брачности: более половины браков заключалось в возрасте до 20 лет.

Во второй половине 1870-х гг. начинается снижение уровня смертности (прежде всего, младенческой и перинатальной), которое делало «ненужной» прежнюю высокую рождаемость. С 1890-х гг. происходит увеличение темпов ежегодного прироста населения за счет «тормозящего» снижения рождаемости. Прерванная военным периодом тенденция продолжилась во второй половине 1920-х гг., когда прирост достигал максимальных за всю историю страны значений – 1,9-2%. Демографические потери «мирных» 1930-х гг. и, особенно, 27 миллионов жизней, унесенных Великой Отечественной войной, практически свели на нет намечавшийся демографический взрыв, разрушая сложившиеся предпосылки развития демографического перехода по английскому типу.

В условиях военной повседневности в движение приходят нормы, служившие ранее основой общества, в том числе и гендерные роли. Мобилизация, значительные потери мужского населения, разводы привели к увеличению неполных семей. В подобных ситуациях нередко женщине-матери приходилось становиться во главе семьи. Значительно активизировалась роль женщины в обществе.

Важнейшая особенность российской демографической модернизации – высокая скорость изменения модели воспроизводства. Быстрота протекания и завершение демографического перехода к 1960-х гг., т.е. спустя менее 100 лет после его начала***, во многом определялась изменениями всей мотивации семейной жизни, нарушениями слитности матримониального и репродуктивного поведений, вызванными военной действительностью. Современная Россия, находясь в процессе второго демографического перехода, имеет тот же уровень развития модернизации, что и большинство европейских стран: присутствует суженное (экономное) воспроизводство, рост численности населения возможен лишь за счет иммиграции.

Термин «потерянное поколение» применяется обычно для идентификации личности в межвоенном двадцатилетии. «Потерянность» заключается в утрате прежних, традиционных (дореволюционных) ориентиров на «прогрессивные» («советские») инверсии «нормы» и «аномалии» в повседневной жизни.

*Макаренко Мария Юрьевна (Краснодар) – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории и социологии Кубанского госуниверситета.

**Под типом воспроизводства населения понимается совокупность качественных черт репродукции в более или менее сходных экономических, социальных и культурных условиях. Большинство исследователей выделяют три типа воспроизводства населения: «архетип», «традиционный» («расширенный»), «современный» («экономный», «рациональный»).

***Во Франции аналогичный процесс занял почти в два раза больший период.

И без того малочисленные поколения родившихся накануне нэпа примут основной удар Великой Отечественной, становясь потерянными уже в совсем другом – несоизмеримо более серьезном смысле.

Демографическое эхо Первой мировой и Гражданской войн определило дисбаланс полов в репродуктивных возрастных группах. Великая Отечественная еще больше сократила шансы среднестатистической женщины выйти замуж и родить ребенка. Особенно резкие диспропорции сложились среди поколений 1919–1924 годов рождений: на одного мужчину приходилось три женщины.

Как выглядело в середине XX в. соотношение полов на юго-востоке страны, в казачьих регионах Северного Кавказа, где благодаря особенностям колонизации долгое время (до конца XIX в. и даже в первые десятилетия XX в.)* присутствовал недостаток женщин? До оккупации на 100 мужчин в возрасте от 16 до 55 лет в Краснодарском крае приходилось 112 женщин аналогичного возраста, после оккупации – 322; в Ставропольском: до оккупации – 106, после – 260; в Ростовской области: до – 108, после – 248; в Сталинградской: до – 109, после – 298. Таким образом, на одного жениха приходилось чуть ли не три потенциальные невесты. В побежденной Германии этот расклад (возможно, самый важный в жизни) имел не такой печальный вид. При этом нельзя не учитывать, что на частично оккупированном Кавказе потери женского населения были намного больше, чем в Германии, поскольку в России война гораздо сильнее затронула мирных жителей.

В Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской республиках существовавшее до войны преобладание мужчин сменяется женским: в указанных возрастных группах на 100 мужчин приходится 259, 198 и 106 женщин [1].

Высокие показатели смертности в послеоккупационный период присутствовали даже в хлебных регионах страны. Причина – проведенный при немцах посев озимых под урожай 1943 г. составил только часть (например, в Краснодарском крае – треть) довоенного.

В военные годы повторное замужество для большинства женщин оказалось невозможным, сокращалась и среднестатистическая продолжительность брака, особенно у женщин.

Произошло увеличение возрастов рожавших женщин: в 1942–1944 гг. высокий процент приходится на 31–39-летних. Не было неожиданным сокращение рождаемости: самый низкий уровень – 9,9% приходится на 1943 г.

Перинатальная смертность наоборот сократилась. Можно объяснять это сокращение исключительно неполнотой учета на оккупированных территориях. На наш взгляд, все же не следует полностью исключать природные механизмы регулирования численности этноса в экстремальных условиях, поскольку аналогичный процесс отмечают немецкие и польские статистики. По сравнению с мирным временем повышается и процент многоплодных рождений.

В сложившейся ситуации особенно своевременными представляются социально-демографические меры (усложнение процедуры развода, признание того, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов, и т. д.), принятые правительством для того, чтобы защитить женщину-мать, повысить рождаемость, компенсировав тем самым огромные людские потери. 8 июля 1944 г. был опубликован Указ Президиума Верховного совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об учреждении почетного звания «Мать-героиня», ордена «Материнская слава» и «Медали материнства». Даже мать-одиночка превращается из «нарушительницы социалистической морали» в дополнительный демографический резерв: в 1946 г. практически каждый пятый ребенок (18,7%) появился на свет вне зарегистрированного брака [2].

«Бэби-бум», охвативший по окончании Второй мировой все страны, активно участвовавшие в ней, в России выглядел гораздо скромнее. Одна из причин – потери недавней войны наложились на неблагоприятную демографическую ситуацию, прочно сложившуюся к началу 1940-х гг.

Следствие практически несостоявшегося компенсаторного прироста – снижение рождаемости на рубеже 1960–1970-х гг., когда в социально-репродуктивный возраст вступили немногочисленные дети военных лет. Это снижение сыграло немаловажную роль и в формировании современной депопуляции.

*Хотя накануне XX в. в составе населения России соотношение мужчин и женщин было практически равным (на 1000 мужчин приходилось 998 женщин), в Кубанской области, и особенно в Черноморской губернии, «мужской перевес» обозначился достаточно четко – на 1000 мужчин в Кубанской области приходилось 968 женщин, в Черноморской губернии – 707. В Российской империи этот показатель был одним из самых «нездоровых», ниже его были только показатели двух регионов: Приморской губернии (462 женщины на 1000 мужчин) и острова Сахалин (373 женщины на 1000 мужчин). В европейской же части России (объединенный показатель по 50 губерниям) в составе населения преобладали женщины – на 1000 мужчин приходилась 1031 женщина (Россия: Энциклопедический словарь. – Л., 1991. – С. 87-90).

Таким образом, демографические потери Великой Отечественной войны окончательно изменили сценарий развития демографического перехода – английский тип был вытеснен французским.

Для советского кинематографа крайне нежелательным было обращение к теме любви на войне – любви, как правило, не освященной узами брака. Среди фильмов, в которых так или иначе эти мотивы становились частью сюжетной линии, выделяются «Белорусский вокзал» А. Смирнова (1970 г.); «Горячий снег» Г. Егиазарова (1972 г.); «Аты-баты, шли солдаты» Л.Быкова (1976 г.). Подобные отношения в названных картинах не осуждаются, но и счастья героям не приносят, либо из-за гибели, либо из-за негативной оценки окружающих.

В последние годы кинематографисты стали обращаться и к более сложным сюжетам. Среди них – двойные семьи («Военно-полевой роман», «Анкор, ещё анкор» П. Тодоровского и т. д.).

Военные годы неблагоприятны и в плане материнской смертности. Основным методом ограничения рождаемости, как и до войны, оставались юридически запрещенные еще в 1936 г. аборт. Согласно постановлению ЦИК и СНК от 27 июля 1936 г., в этом правительстве шло «навстречу многочисленным заявлениям (*почему бы это женщина захотела отказаться от единственно доступного ей способа регулирования рождаемости?*) трудящихся женщин». В условиях военной повседневности сложнее становилось контролировать выполнение постановления: свыше 90% операций проводилось вне лечебных учреждений. Все же по РСФСР в 1944 г. прокуратура возбудила 17 тыс. уголовных дел [3]. За годы войны материнская смертность от абортов выросла почти в два раза [4]. Эта тема отражена в фильме «Вор» П. Чухрая.

СССР был заинтересован в возвращении «живых потерь» – тех людей, кто по собственному желанию или вопреки ему оказался за пределами страны. Согласно данным Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации во главе с генерал-полковником Ф.И.Голиковым, в марте 1946 г. за пределами страны оказались 30 тыс. советских женщин, вышедших замуж за иностранцев и имевших от них детей [5]. В соответствии с двусторонними советско-американским и советско-английским соглашениями от 11 февраля 1945 г. и аналогичным соглашением с Францией от 26 июня того же года эта категория не подлежала обязательной репатриации. Между тем, солидные историко-статистические исследования, к сожалению, подтверждают факты выдачи и этих женщин. Фильм Андре Тенеше «Восток–Запад» – проникновение художественными средствами в исследование важной человеческой проблемы «мы – они». По сути дела, картина показывает расширение подходов и снятие всевозможных табу.

Таким образом, политические, социальные и, особенно, военные катаклизмы XX в., поглощая образовывавшиеся человеческие ресурсы, практически лишили Россию демографического выигрыша, который может принести государству демографический переход. Когда страна вышла из полосы катастроф, потенциал демографического роста был уже практически исчерпан: демографический мультипликатор* европейской части территории России – 2,05, Индии – почти в два раза больше. Военная повседневность, объявляя многое «предрассудком», ускоряла развитие демографической модернизации. Перемещение под угрозой немецкой оккупации огромных масс населения на восток, в тыл способствовало распространению модернизированных, западных стереотипов поведения. В результате сглаживалась еще одна российская особенность – различные уровни демографической модернизации в отдельных регионах страны. Названные аспекты свидетельствуют о решающем влиянии кризисных факторов на развитие демографического перехода в России.

Литература и источники

1. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т.2. 1940–1959. – М., 2001. – С. 59.
2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3144. Л. 1-9.
3. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1913. Л. 83-85.
4. Там же. Д. 245. Л. 313.
5. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4 а. Д. 1. Л. 3., 223

*Демографический мультипликатор – отношение численности населения страны (или региона) после перехода к населению до перехода.

Этнодемографические процессы на Северном Кавказе в 1920–1940-е годы

Формирование и последующее развитие этнодемографического облика Северного Кавказа в рассматриваемый период определялись взаимодействием двух основополагающих факторов. С одной стороны, завершался процесс «перехода от этапа колонизации к этапу интенсивного хозяйственного освоения и урбанизации» [1], с другой – благодаря целенаправленным усилиям власти – стремительно менялся характер расселения и мобильности народов региона. Дореволюционный вектор миграционной направленности, длительное время определявшийся территориальной экспансией славян, уже в 1920-е гг. дополнился активным перемещением горского населения на равнину и освоением им городов. Наблюдавшийся в исследуемые десятилетия устойчивый рост численности коренного населения региона происходил на фоне сохранения прироста абсолютных и относительных показателей у русских. При этом доля последних в общей структуре населения сельской местности стремительно сокращалась, обеспечивая его увеличение за счет естественного прироста титульных народов.

Значительные изменения этнодемографических характеристик отдельных групп населения Северного Кавказа, полиэтнизация городов и этническая анклавизация сельских населенных пунктов стали следствием широкомасштабных преобразований советского общества в 1920–1940-х гг. Завершение Гражданской войны, вызвавшей значительный поток миграций на Северный Кавказ, и ускоренная модернизация социально-экономической и административно-территориальной инфраструктуры региона сопровождались образованием не только новых населенных пунктов, но и новой номенклатуры советских национальностей, принадлежность к которой в 1931 г. закреплялась «обязательной записью во внутренних паспортах граждан СССР» [2].

Необходимость решения ряда конкретных задач, связанных, прежде всего, с «хозяйственным поднятием национальных районов и приобщением их к идеям и практике советского строительства», потребовала пересмотра сложившейся системы административно-территориального устройства Северного Кавказа. До революции 1917 г. в нем отсутствовал этнический принцип ранжирования территорий, хотя и сохранялась моноэтническая структура поселений. Длительное освоение территории региона привело к компактности расселения русских, в основном сосредоточившихся в его предгорной полосе; и коренного населения, по преимуществу располагавшегося в горной части. Полиэтничность была присуща лишь немногочисленным городам, где русские являлись доминирующей группой, и этнической чересполосице в «зоне контакта русского и нерусского населения, особенно в ее восточной части – в Чечено-Ингушетии, Осетии и Дагестане» [3].

Аграрный характер региона и преобладающий тип сельской поселенческой структуры предопределили незначительный уровень урбанизации коренного населения. Наиболее урбанизированными накануне 1917 г. являлись горские евреи, удельный вес которых в городском населении составлял около 13 %, осетины и кумыки, на чью долю приходилось соответственно 8 и 4,3% [4]. В первое пореволюционное десятилетие доля сельского населения в общей численности северокавказских народов изменилась «весьма незначительно: в автономиях она оставалась в пределах 98–100%, за исключением осетин, у которых снизилась до 93%». Городское население Северного Кавказа в 1920–1940-е гг. в основном было представлено русскими, украинцами и армянами. Доля коренного населения даже в административных центрах национальных образований была незначительной [5].

Большие трудности встретило и предложение Административной комиссии ВЦИК о том, что в качестве «ядра новых районов должны быть пролетарские центры; окружающая их территория должна обеспечивать нормальное развитие главнейших отраслей промышленности данного района»: крупнейшие промышленные города Северного Кавказа – Владикавказ и Грозный – не вошли в национально-территориальные образования. К этой ситуации привело, вероятно, стремление к моноэтничности административных единиц. В Северо-Кавказском крае вполне официально было принято деление на русские и национальные округа и области. По этой логике Грозный, например, причислялся к «русским округам», поскольку здесь русские составляли 79,1% населения» [6].

Такая практика вскоре привела к снижению доли городских жителей в автономиях. Так, в 1924 г. в Адыгейской автономной области и Сунженском округе городского населения не было зарегистрировано

*Кринко Евгений Федорович (Майкоп) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории, истории и методов социальной работы филиала Российского государственного социального университета в г. Майкопе.
Хлынина Татьяна Павловна (Майкоп) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований.

вовсе, в других автономиях оно составляло от 11% в Карачаево-Черкесии до 0,5% в Чеченской автономной области [7]. Включение автономий в состав Северо-Кавказского края повлекло за собою новый пересмотр внутреннего административного устройства. При этом их хозяйственные интересы нередко требовали расширения границ и присоединения территорий с иноэтничным населением. Результатом такого рода преобразований становилось достижение экономической целостности национальных образований и размывание национального состава их населения. Показательно, что наряду с обретением национальной целостности происходило дробление автономий. Так, в июле 1926 г. по постановлению Президиума Северо-Кавказского крайисполкома была упразднена Карачаево-Черкесская автономная область.

Однако уже в 1930-е гг. наблюдалось значительное увеличение доли городского населения в национальных автономиях края. Большую роль в этом процессе сыграли интенсивное культурное строительство, а также коренизация административного аппарата. Материалы переписи 1939 г. отмечали наиболее высокий процент жителей-горожан у осетин (20,8 %). Более чем в 14 раз, по сравнению с 1926 г., возросло чеченское городское население, составившее в 1939 г. 7,7 % общей численности народа. Активно происходил процесс урбанизации и у других народов края.

Проводившиеся в эти годы национально-государственное строительство и реформа районирования существенно повлияли на изменение численности населения и миграционные процессы в регионе. Наиболее характерными из них для Северного Кавказа являлось переселение жителей горной полосы на равнину. В начале 1920-х гг., т.е. до проведения землеустроительных работ, в регионе отмечались факты стихийного переселения горцев. Однако в последующие годы эти процессы уже контролировались краевыми и областными органами власти. Переселение с гор оказало заметное влияние на этнический состав населения равнинных районов. Так, в Карачаево-Черкесии к началу 1930-х гг. расширилась область расселения карачаевцев в результате возникновения большого числа их селений в предгорных и равнинных районах. Аналогичные процессы происходили и среди чеченцев и ингушей, занявших некоторые районы по Сунже и Тереку, которые до революции «принадлежали» казачьему населению [8].

Внутреннее районирование, начавшееся в автономных областях после уточнения их внешних границ, выявило достаточно болезненную проблему острой нехватки земли. В условиях Северного Кавказа она начала «звучать как проблема спорных территорий и межэтнических противоречий» [9]. Практически все автономные образования оказались многонациональными по составу населения, поэтому их административно-территориальное устройство потребовало приближения к этническим границам так называемых внутренних меньшинств. Установление точных административных границ проживания народов разрушало сложившиеся традиции аренды земельных и пастбищных угодий, обостряя и без того непростые отношения между различными народами и группами населения. Подобная практика противоречила предшествовавшему административному устройству народов региона, которое ориентировалось на отсутствие внутренних границ между ними.

Обозначившиеся в данной связи проблемы по-разному решались руководством различных автономий. Так, в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии были выделены в самостоятельные административные районы казачьи округа. В Карачаево-Черкесии «деление области по округам происходило по национально-территориальному признаку, что значительно облегчало преодоление имевшихся разногласий среди части населения и этнических групп. Позднее по просьбе казачества был создан Зеленчукский округ» [10]. В Адыгее, где русские составляли половину населения области, вопрос о выделении для них отдельных округов не возбуждался [11]. Вопросы внутреннего районирования автономных областей решались не только за счет уточнения границ землепользования и уплотнения земельных угодий. Значительное распространение получила практика переселения и расселения одних групп населения за счет других. Так, при образовании Чеченской автономной области выселялись целые казачьи станицы Сунженского округа, освобождались равнинные территории с тем, чтобы предоставить их впоследствии в хозяйственное пользование чеченским аулам.

Демографические процессы на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. испытали на себе воздействие и таких явлений как расказачивание и раскулачивание, в результате которых значительно сокращалась доля численности отдельных групп населения. Однако наиболее тяжелым по своим последствиям оказался голод 1933 г., унесший жизни 291 тыс. чел., среди которых 275 тыс. чел. пришлось на сельские районы региона [12].

Великая Отечественная война привела к новым серьезным изменениям в этнодемографической структуре населения Северного Кавказа. Одной из первых мер советского руководства, способствовавших данным переменам, стала мобилизация. Первоначально призыв велся без учета национальности, что затрудняет определение точного этнического состава мобилизованных. По подсчетам местных авторов, в 1941 г. из Северной Осетии было призвано свыше 40 тыс. чел. [13]. Из Чечено-Ингушетии в начале

войны ушли на фронт свыше 17 тыс. чел., около половины из них составляли чеченцы и ингуши. Всего за время войны было призвано 18,5 тыс. чеченцев и ингушей, а в кадровых частях к моменту ее начала их состояло не менее 9 тыс. чел. (до 6% населения) [14]. Из Кабардино-Балкарии призвали 25,3 тыс. чел., в том числе более 10 тыс. балкарцев, из Карачая – более 15,6 тыс. чел. Всего в армию было призвано до 10% карачаевцев, насчитывавших 80 тыс. чел. [15]. Из Адыгеи, население которой накануне войны насчитывало 257 тыс. чел., за три первых месяца войны на фронт ушли свыше 20 тыс. чел. В Дагестане из 840840 жителей были призваны 126432 чел. [16]. Еще больше призывников дали Краснодарский и Орджоникидзевский края. Уже в первые недели войны на фронт были призваны более 370 тыс. жителей Кубани [17]. В целом в 1941 г. из Краснодарского края на фронт ушел каждый восьмой житель, а к июлю 1942 г. количество призванных составило более 600 тыс. чел. или около 20% от общего количества населения.

По подсчетам современного исследователя, на фронте оказались 984 тыс. чел. из 1002 тыс. жителей Северного Кавказа, подлежавших мобилизации к началу войны [18]. Однако в 1942 г. были ограничены призыв и служба в армии представителей северокавказских народов. Сначала они коснулись чеченцев и ингушей, затем кабардинцев, балкарцев и народов Дагестана. Призыв в армию карачаевцев, черкесов и адыгов «прекратился естественным путем», после оккупации данных автономий противником в августе 1942 г. [19]. Официальные ограничения не коснулись только осетин, но и их призыв в армию снизился. Впрочем, для представителей северокавказских народов, уже находившихся на фронте, никаких ограничений не вводилось, они продолжали службу, за исключением представителей депортированных народов. Данная «военно-мобилизационная политика отражала степень доверия государства к этническим и социальным категориям своих граждан» [20].

Состав населения менялся и вследствие эвакуации. Первые эвакуированные граждане прибыли в регион во второй половине июля 1941 г., дальнейшее наступление вермахта привело к тому, что на Северный Кавказ устремился значительный поток жителей Белоруссии, Украины, Молдавии, Крыма, Ленинграда. К 10 сентября 1941 г. только в Краснодарском крае разместились 205 тыс. эвакуированных из разных областей [21]. Всего на Северный Кавказ в первые годы войны было эвакуировано около 800 тыс. чел. Среди них насчитывалось немало евреев, в августе 1941 г. они составляли 73% всех эвакуированных граждан в Краснодарском крае [22]. Однако в большинстве своем эвакуированные граждане не задерживались в регионе надолго, из расселенных в Краснодарском крае осенью 1941 г. 226 тыс. жителей в январе 1942 г. осталось 51353 чел., остальные выехали в глубокий тыл [23].

В конце осени 1941 г., в связи с продвижением немецких войск на южном участке фронта, началась первая волна эвакуации жителей Северного Кавказа – рабочих и служащих военных заводов, а также учебных заведений, породившая панику части остававшегося населения [24]. В связи с поражением вермахта под Ростовом угроза оккупации региона исчезла, большинство эвакуированных вернулось, но летом 1942 г. немецкие войска неожиданно прорвались на Кавказ. Тысячи жителей региона, прежде всего, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, покинули свои места жительства, оказались в соседних автономных республиках Северного Кавказа, а также в республиках Закавказья, областях Сибири и Урала. Но решение об эвакуации было принято слишком поздно, планы подготовленных мероприятий оказались сорваны, и многие жители не успели эвакуироваться.

Оккупация Северного Кавказа немецкими войсками сопровождалась отправкой советских граждан на работу в Германию и другие захваченные вермахтом страны, первоначально – на основе добровольной вербовки, затем – в форме принудительного угона. Часть жителей, прежде всего, лица, пошедшие на сотрудничество с оккупантами и опасавшиеся за свою судьбу в результате освобождения региона советскими войсками, добровольно ушла с отступавшими немецкими войсками в 1943 г. Только в последние годы их судьбы получили отражение в историографии, но общее количество жителей Северного Кавказа, оказавшихся на работе в третьем рейхе, коллаборационистов и прочих беженцев от советской власти остается спорным. Так, в данных Краснодарской краевой комиссии по выявлению злодеяний и учету материального ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками краю, общее количество угнанных с территории края людей определялось в 31771 чел. Согласно сведениям П.М.Поляна, опиравшегося на документы фондов Государственного архива Российской Федерации, из Краснодарского края было угнано 48484 чел. [25]. В материалах статистического управления Краснодарского края приводится цифра в 102 тыс. угнанных гражданских жителей, а в документах переселенческого отдела крайисполкома – 129335 чел. [26].

Но в наибольшей степени изменили этнодемографическую структуру населения региона в годы войны депортации народов. Первая волна депортаций носила превентивный характер и имела целью не допустить перехода советских немцев, как и представителей некоторых других народов, на сторону врага. В течение первого года войны с территории Северного Кавказа в восточные районы страны было

выселено 198097 граждан немецкой национальности [27]. С приближением немецких войск к Кавказу в 1942 г. последовали новые депортации. В административном порядке с территории прифронтовых районов отселяли «иностранным подданных» (греков, болгар), а также всех других лиц, признанных социально опасными.

Вторая волна депортаций имела сугубо карательный характер. Формальным поводом для них послужили типичные обвинения в том, что отдельные народы вели себя «предательски», в массовом порядке сотрудничали с немцами в период оккупации региона, создавали бандформирования, нападавшие на советские войска. В результате в 1943–1944 гг. было выселено 68938 карачаевцев, 91919 калмыков, 310630 чеченцев, 81100 ингушей, 37044 балкарца. Вместе с ними переселялись и представители некоторых других народов [28]. В течение всего 1944 г. продолжалось выселение лиц данных национальностей, отсутствовавших в местах проживания в момент переселения или проживавших в других образованиях. Общее количество депортированных жителей Северного Кавказа составило 640 тыс. чел., автономии репрессированных народов были ликвидированы, а их земли перераспределены между другими образованиями.

Причины депортаций получили разное объяснение в историографии. Среди карачаевских авторов широкое распространение получила версия о том, что депортация карачаевцев имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов Северного Кавказа для Грузии [29]. В качестве аргумента обычно приводится почвенная карта Северного Кавказа, изданная в 1942 г. Академией наук СССР, на которой административный центр Карачая город Микоян-Шахер уже получил грузинское название Клухори (это название он носил в 1943–1957 гг.). Возражая им, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались и народы, вовсе не граничившие с Грузией. Кроме того, политику на Северном Кавказе «определял далеко не один М.А.Суслов» [30]. Немало исследователей связывают корни депортации с природой советского тоталитарного режима или личными качествами советских руководителей [31].

Поскольку после выселения целых народов возникла необходимость хозяйственного использования их территорий, предпринимались переселения жителей других регионов на Северный Кавказ. В Краснодарский, Ставропольский края и Ростовскую область переселялись несколько тысяч поляков, ранее депортированных на север. Территории Чечни и Ингушетии заселялись жителями соседнего Дагестана.

Последний значительный миграционный поток, хлынувший на Северный Кавказ, был связан с завершением боевых действий и возвращением советских граждан на прежние места проживания. Первые партии демобилизованных прибыли на Северный Кавказ в июле 1945 г. Представителей депортированных народов сразу отправили на восток страны, к местам проживания их семей и родственников. Значительную часть прибывших составляли репатрианты – «восточные рабочие», военнопленные, другие гражданские лица, оказавшиеся за пределами СССР [32].

Таким образом, в 1920–1940-е гг. структура населения Северного Кавказа существенно изменилась, как вследствие естественных демографических процессов, так и под влиянием политики советского руководства, перемещавшего целые народы в другие регионы. Резко изменилось и соотношение мужского и женского населения в регионе во второй половине 1940-х гг.: после войны в Краснодарском крае на 100 мужчин в возрасте от 16 до 55 лет приходилось 332 женщины того же возраста, в Ставропольском крае – 260, в Ростовской области – 248 [33]. Рассматриваемые этнодемографические процессы имели существенные последствия для развития Северного Кавказа в последующие годы и заложили основы для целого ряда конфликтов, сказавшихся уже в современной России.

Литература и источники

1. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005. – С. 54.
2. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774 – 2004). – М., 2006. – С. 68.
3. Белозеров В. С. Указ. соч. – С. 55.
4. Там же. – С. 59.
5. Культура и быт народов Северного Кавказа. – М., 1968. – С. 82.
6. Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ. – Майкоп, 1995. – С. 217–218.
7. Северный Кавказ после районирования: итоги и выводы. – Ростов-на-Дону, 1925. – Т. 1. – С. 60.
8. Там же. – С. 74.
9. Кажаров А. Г. Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии // Res publica. Альманах социально-политических и правовых исследований. – Нальчик, 2000. – Вып. I. – С. 7.
10. Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ. – С. 180.
11. Хлынина Т. П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997. – С. 118.

12. Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 19–20.
13. Худалов Т. Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Владикавказ, 1992. – С. 314–315.
14. Филькин В. И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. – Грозный, 1960. – С. 43.
15. Лайпанов К. Т. Участие карачаевского народа в Великой Отечественной войне // Репрессированные народы: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции. – Карачаевск, 1993. – С. 43.
16. Шебзухов М. Х. Тыл – фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки. – Майкоп, 1993. – С. 40.
17. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3-х кн. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. – Краснодар, 2000. – С. 25–26.
18. Безугольный А. Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. – М., 2007. – С. 153.
19. Там же. – С. 159.
20. Там же. – С. 164.
21. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... – С. 56.
22. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 8. Д. 131. Л. 75–76.
23. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... – С. 181.
24. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 374. Л. 115.
25. Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996. – С. 368.
26. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1246. Оп.1. Д.407. Л.4; Ф.Р-1539. Оп.1. Д.7. Л.28.
27. Бугай Н. Ф. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). – Майкоп, 1992. – С. 162.
28. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. – М., 1992. – С. 9–11.
29. Алиев И. Шлейф бед и страданий // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1918 – 1952 годы. – М., 1993. – Т. 2. – С. 14–15; Карачаевцы. Выселение и возвращение. 1943–1957. – Черкесск, 1993. – С. 43–44; Чомаев К. Наказанный народ. – Черкесск, 1993. – С. 27 и др.
30. Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20 – 50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). – Майкоп, 1999. – С. 7–8.
31. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995. – С. 5.
32. Практически единственным специальным исследованием, раскрывающим динамику возвращения репатриантов на материалах Краснодарского края, является работа М.Р.Струговой. См.: Стругова М.Р. Репатриация советских граждан в Краснодарский край в 1945–1946 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2000. – № 3–4.
33. Полвека назад: Великая Отечественная война: Цифры и факты. – М., 1995. – С. 89.

Англо-американская историография о социально-демографической составляющей процесса модернизации

В течение 30–50-х гг. XX в. среди советологов господствующей концепцией в анализе истории СССР была теория тоталитаризма. Однако изменения, произошедшие в Советском Союзе после смерти Сталина, поставили под сомнение ряд положений тоталитарной теории. Безусловно, ни одна теория не дает исчерпывающего ответа на все поставленные вопросы современности, и вслед за кризисом наступает период формирования и становления новой концепции и новой теории.

Инициатива разработки теории модернизации принадлежит ученым США. Она была создана в 40-е гг. XX в., первоначально развиваясь как взгляд на проблемы послевоенного взаимодействия США со странами Азии, Африки, Латинской Америки и «союзниками» в Европе. Что, конечно, не случайно. Если же говорить о «родословной» этой теории, то она достаточно пестра и разнообразна. Основой для нее послужили взгляды А.Смита, Рикардо, Маркса, М.Вебера и других философов и экономистов прошлых столетий.

Во многом благодаря изменениям в теоретико-методологических подходах изменились логика и язык изложения истории бывшего СССР и его регионов в англо-американской историографии. Большинство исследователей постепенно отказались от тоталитарной концепции, которая с 30-х гг. XX в. была базовой для сравнительного анализа СССР и фашистских государств. Особенно ярко эти настроения проявились в среде нового поколения молодых историков, которых не случайно называли ревизионистами за попытки пересмотреть существующие методологические подходы.

Дальнейшее развитие теоретических изысканий исследователей Запада прошло через возникновение и становление историцизма, ревизионизма, структурализма, компаративистики и т.д. Каждый из методов повлиял на формирование целой плеяды исследователей. Споры об отношениях между методологией обществоведения и советологией были характерной чертой англо-американского академического мира в течение длительного времени и сегодня перешли к нам. Действительно, иногда весьма затруднительно четко отличить труды западных политологов от исторических исследований, хотя и существуют определенные признаки и критерии. Однако то, что большинство этих трудов создавалось в формате советологии, объясняет подчас отсутствие таковых отличий. Кроме того, одной из главных проблем для исследователя остаётся прямой или опосредованный диктат моральных или политических норм.

Со времени исчезновения с политической карты мира такого государства как СССР, по мнению одних авторов, исчезла и советология. Другие же считают, что советология как жанр исторической науки продолжает активно развиваться, так как советский период из мировой истории невозможно вычеркнуть. Продолжаются споры о том, с какого момента необходимо начинать изучение процесса формирования СССР – с 1917 или же 1922?! Если с 1922, то куда отнести годы, предшествующие созданию СССР?! Круг спорных вопросов достаточно широк, а ответы на них часто отсутствуют.

В Принстонском университете США с 70-х гг. XX в. проводились серьезные систематические исследования процесса модернизации на территории различных стран, в том числе и в СССР. Среди основных работ можно назвать, прежде всего «The modernization of Japan and Russia» (1975); «The modernization of China» (1981); «The modernization of Inner Asia» (1991) и другие. Так, в последней из указанных работ основное внимание уделено анализу процесса модернизации в странах и регионах так называемой Внутренней Азии, в число которых входят Иран, Афганистан, Синьцзян, Тибет, Монголия, Центральная Азия, под которой подразумеваются бывшие республики СССР – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. Правда, материал по советским республикам распределяется неравномерно, определены лишь основные тенденции развития. Книга имеет четкую структуру и отражает процесс модернизации до 1920-гг. и с 1920-х по 1980-е гг.; кроме того, в третьей части книги определены перспективы модернизации региона. Основное внимание авторы уделили международному контексту процесса модернизации, политическому, экономическому, социальному и культурно-образовательному развитию Внутренней Азии. Красной нитью в книге проходит идея о влиянии России и русских на процесс модернизации в регионе.

Хотелось бы отметить еще одну работу. Это статья Грегори Масселла «Модернизация и национальная политика в советской Центральной Азии: проблемы и перспективы», которая была издана в 1976 г. в сборнике «Динамика советской политики». Автор строит свои рассуждения, опираясь на

*Ковальская Светлана Ивановна (Астана) – кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева.

два основных аргумента. Первый: что оптимизация модернизационного процесса и усиленный контроль в сфере межнациональной интеграции были главными целями советского режима. Второй: неизбежная взаимозависимость модернизационного процесса с моделью и проблемами советской национальной политики [1, с. 267–268].

Практически в большинстве исследуемых работ связь модернизации и национальной политики советского режима присутствует в той или иной форме. Рассматривается данная проблема через анализ взаимодействия титульных этносов с русским населением. Фактически в данном контексте «русское население» определяется вовсе не по этническому признаку. Однако авторы этот момент никак не оговаривают, можно сказать, не считают нужным как-то комментировать данную ситуацию. В большинстве трудов подчеркивается, что в общественное сознание посредством национальной политики советской власти внедрялась идея о том, что русские более продвинуты по сравнению с титульными этносами, что они являются образцом для подражания, «старшим братом» для всех других национальностей. Все это в совокупности не могло не раздражать и не вызывать в конечном итоге недовольства со стороны радикально настроенной части автохтонного общества. Кроме того, подчеркивалось неравенство этносов по статусу, который они имели в случае проживания и социализации у себя в республике или же вне ее. Особенно принижено было положение депортированных народов, даже после их реабилитации. Так, Г.Масселл особо останавливается на характеристике крымских татар и их положения в Центральной Азии [1, с. 284].

Уже в последние годы существования СССР наблюдался процесс усиления местной элиты, и даже попытки ее некоторого обособления, что привело к новому усилению присутствия Москвы в регионе. По словам Дж.Кричлоу, Москва стремилась добиться «коренного преобразования традиционного мусульманского общества в масштабах, далеко превосходящих достигнутое прежде даже Сталиным» [2, с. 143]. Москва начинает обращаться к массам игнорируя местную элиту посредством борьбы с коррупцией и злоупотреблениями. Особенно заметно это проявилось в Узбекистане, а в Казахстане после событий 1986 г. М.С.Горбачев, по словам Каррер д'Анкокс, воспринимался не как реформатор, а как русификатор и организатор репрессий [3, с. 83, 171].

В советской литературе подобные темы, как впрочем, и теория модернизации, были либо под запретом вообще, как в первом случае, либо подвергались достаточно жесткой критике и практически отвергались в качестве теоретической основы для познания динамики современности, как в случае с теорией модернизации. Среди авторов, активно критикующих теорию модернизации, можно назвать Ю.Б.Красина, П.Н.Федосеева, Б.И.Марушкина, Э.Н.Хилтухина, Ю.И.Игрицкого и многих других [4].

Действительно, как можно было допустить данную дефиницию в категориальный аппарат советской науки, если она обозначала стремление соответствовать развитию стран, находящихся в авангарде всемирно-исторической эволюции. Это стремление влекло бы за собой глубочайшую трансформацию политической, экономической, социально-культурной организации общества. Руководство было готово только к экономическим преобразованиям, и то частично, и только потому, что отставание от ведущих стран мира становилось все более заметным и непреодолимым. Отсюда и стремление «догнать и перегнать» эти страны по экономическим показателям. Но так как отставание в 50–100 лет в конце 1920-х гг. значительно увеличилось в последующий период, данный лозунг постепенно превратился в очередную профанацию советского режима. Однако наука, в том числе и историческая, продолжала утверждать в общественном сознании мысль о преимуществах советской модели экономического развития и ее неисчерпаемого потенциала.

С постепенным ослаблением тотального идеологического давления и контроля над общественным сознанием, интерес к данной теории становился все более заметен и сегодня создан целый ряд работ, в которых авторы развивают собственное видение процесса модернизации в России и странах СНГ [5].

На протяжении одного лишь XX века Россия, а затем и СССР, трижды оказывался жертвой мировых модернизационных процессов: в 1914–1922 гг., в годы индустриализации и Отечественной войны, наконец, после 1985 г. Главная трагедия состояла в том, что государство прилагало колоссальные усилия, пытаясь бежать вдогонку за историческим временем, но так и не смогло его догнать.

Став индустриальным, советское общество продолжало оставаться традиционным во многих отношениях. Соппротивление человеческого материала оказалось сильнее модернизационных императивов. Выход из сложившейся ситуации лежал через ослабление политико-административного пресса, расширение экономической свободы и, в конечном итоге, раскрепощение человека.

Интересным в контексте модернизации России и СССР выглядит динамика модернизационных процессов в Казахстане. Среди этапов модернизации можно выделить: 1) период XIX – начала XX в.; 2) период советского Казахстана; 3) постсоветский этап, начавшийся с 1991 г. и постепенно трансформирующийся в процесс глобализации, что иногда напоминает «догоняющую модернизацию».

На примере Казахстана можно сказать, что все негативные последствия модернизации проявились в полной мере, так как модернизация практически на каждом из этапов являлась догоняющей, что привело к колоссальной маргинализации, люмпенизации большей части населения, которая накопила невиданный, по своей силе, заряд ненависти ко всему, что было для них чужой культурой и чужим миром. Кроме того, государство, государственные институты, безраздельно доминируя, оказывали угнетающее воздействие на общественное сознание, на формирование национальной культуры и национального самосознания. В общественно-политической мысли Казахстана XIX в. эти настроения нашли выражение в литературном направлении «Зар-Заман». Иначе сторонников этого направления можно назвать почвенниками, консерваторами или антироссийски настроенными поэтами. В противовес этому движению можно назвать литературное движение просветителей (западники, модернизаторы, либералы, про-российски настроенные авторы).

Модернизация несла за собой усиление эксплуатации собственного народа добуржуазными, архаичными методами. Нельзя не учитывать тот факт, что если в России модернизация развивалась в русле имперской модели, сформулированной еще Петром I, то в Казахстане данная модернизация имела двойной, а то и тройной характер угнетения. Безусловно, зная «облучалась» инновациями гораздо быстрее, нежели народ, хотя могла и не принимать таковые, зачастую возглавляя народно-освободительные движения в крае, как, например, Кенесары Касымов в период с 1837-847 гг. О модернизации в досоветский период создан целый ряд трудов англоязычных авторов, среди которых, прежде всего, хотелось бы назвать Ширин Акинер. Среди каналов модернизации она выделяла активизацию торговли, начало промышленного развития и урбанизацию в крае, развитие просвещения и общественно-политической жизни в регионе, динамику бытовой сферы и рост национального самосознания [6].

Догоняющая модернизация осуществлялась и в годы социализма. Под «догоняющей модернизацией» обычно понимается организация масс для индустриализации, создание индустриальной культуры, обеспечивающей условия для повышения уровня жизни людей и их благосостояния. Советский период истории Казахстана был особенно богат модернизационными преобразованиями.

В оценке экономического развития Казахстана в советский период англо-американскую историографию можно разделить на две группы. Первую группу можно условно отнести к «объективистскому направлению», а вторую – к «пессимистическому». Так, сторонники первого направления характеризовали социально-экономическую политику в Казахстане как «Welfare Colonialism» – «колониализм благосостояния», делая ссылки на реальные экономические показатели. Например, Майкл Рывкин писал: «Колониализм благосостояния состоит в том, что республики ныне не эксплуатируются, а субсидируются ради сохранения их политической зависимости. Мусульмане Центральной Азии уже не такие, какими они были в годы революции. С помощью Москвы и под руководством Москвы они превратились почти в современные братские нации, которые в социально-экономическом отношении немного отстают от общесоюзного уровня развития» [7, с. 14]. Подводя итоги развития Казахстана в 1940–1960-е гг. и оценивая дальнейшие перспективы, Зев Кац отмечал: «По производству электроэнергии на душу населения республика превосходит Италию и лишь немного уступает Франции. По торговому обороту она находится впереди всех республик Центральной Азии, уступая лишь России» [8, с. 215].

Сторонники второго направления достаточно четко формулировали понятие «колониальная империя» применительно для СССР. Они оценивали КазССР как колониальную, сырьевую и аграрную периферию СССР. Так, Ги Имарт обращал внимание на то, что существовало неравенство в СССР между славянами и неславянами [9, с. 18]. Много общего можно найти в подходах к анализу данной проблемы в трудах Терезы Раковской-Хармстоун и С.Л. Берга. Тереза Раковска-Хармстоун подчеркивала, что все ключевые сферы экономической жизни были исключены из непосредственного контроля местных властей [10, с. 83]. Берг С.Л., в свою очередь, резюмировал: «Что касается капиталовложений, то в 1970-х гг. инвестиции в развитие Центральной Азии уменьшились. Эти средства использовались таким образом, чтобы продолжить сельскохозяйственную специализацию центральноазиатских республик, исключить их самостоятельность и самообеспеченность» [11, с. 43]. «Общей же чертой этнорегионального развития РСФСР и Казахстана в этот период (1950–1970 – *Авт.*) были определенные признаки процесса модернизации в экономике», – отмечал в своей работе Питер Цвиг [12]. Однако этих признаков оказалось недостаточно для решения необходимых задач.

В новый этап независимого развития, страны центральноазиатского региона СНГ вошли в состоянии «незавершенной модернизации». Модернизация по-советски привела к росту городов и увеличению численности титульных этносов в городах, способствовала развитию вертикальной социальной мобильности, привела к глубоким переменам в образе жизни, но практически не получила широкой поддержки со стороны традиционно-ценностных институтов, так как оставалась чуждой природе этих обществ [13]. Собственно, это во многом объясняет, почему модернизация осуществлялась за счет

«русскоязычного» населения в регионе, массовый отток которых в середине 90-х гг. XX в. привел практически к полной или частичной остановке деятельности ведущих индустриальных объектов стран Центральной Азии.

Обращаясь к англоязычным исследованиям последнего времени, хотелось бы более подробно остановиться на анализе монографии А.М.Хазанова «После СССР. Этничность, национализм и политика в содружестве независимых государств». Автор особое внимание уделяет проблеме отсталости Средней Азии и Казахстана: «Модернизация в этом регионе была осуществлена с минимальным участием коренного населения – индустриализация, урбанизация, демографическая революция, революция в образовании и трудовая мобильность – не были осуществлены здесь в полной мере» [14, с. 155]. Лимитированная индустриализация, слабая включенность автохтонного населения в эти процессы в конечном итоге привели к сохранению традиционных предпочтений в сфере труда, концентрации местного населения в сфере торговли, обслуживания, образования и гуманитарных наук.

Многие современные экономические проблемы в регионе, среди которых неполная занятость и безработица, А.М.Хазанов объясняет наследием советской экономической политики. Незнание русского языка затрудняло переход титульных этносов в индустриальный сектор экономики. Города, как правило, были русскоязычными, и большая часть титульного населения предпочитала проживать на селе, занимаясь аграрным производством.

После распада СССР ситуация начала меняться и рост сельских мигрантов постепенно привел к образованию *underclass* в городах Средней Азии и Казахстана и целому ряду проблем социально-демографического и культурного порядка. В Казахстане ситуация приобрела особенное развитие в связи с переносом столицы из Алма-Аты в Астану (Акмолинск–Целиноград–Акмола–Астана) и значительным перераспределением населения внутри страны. Наиболее активно растущий город Казахстана – это, конечно, Астана. Данная проблема также нашла отражение в целом ряде работ англоязычных авторов. Среди них можно назвать Р. Вулфела, Г.Гутенбаха [15]. Оба исследователя связывают перенос столицы с процессом казахизации страны и продвижением суверенитета республики в северные регионы Казахстана.

О демографической индигенизации размышляет и Роберт Кайзер, отмечая, что к 1970-м гг. процесс демографической русификации в центральноазиатском регионе сменился демографической индигенизацией, что, безусловно, повлияло на процессы модернизации в республике [16]. Подобные позиции можно встретить и в трудах других исследователей, большинство из которых анализирует процесс формирования идентичности населения стран постсоветского пространства. Безусловно, они привлекают данные по миграционным процессам, среди которых реэмиграция русскоязычного населения, репатриация титульных этносов и динамика внутригосударственной миграции в странах из села в город.

Таким образом, подводя итоги нашим рассуждениям, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, существующие подходы к изучению СССР в англо-американской историографии в 30–50-е гг. XX в. в соответствии с динамикой событий в стране, становились все более лояльными и проявились в постепенном отказе от теории тоталитаризма и сменились теорией модернизации. В процессе модернизации страны обычно выделяется три периода: досоветский, советский, постсоветский, каждый из которых имеет целый ряд специфических характеристик.

К социально-демографической составляющей процесса модернизации обычно относят динамику развития демографической картины в регионе в этнокультурном и этносоциальном разрезе. Рассматривается качественный состав населения, прежде всего национальный состав, состояние и уровень образования. Отдельно анализируются миграционные процессы – внутренняя и внешняя миграция, процесс репатриации и реэмиграции. Самостоятельно исследуется занятость населения – сферы экономической деятельности, структура занятого населения по сферам деятельности. Как правило, данные проблемы изучаются с привлечением данных по реализации национальной политики имперской, а затем советской власти в Центральной Азии.

Теория модернизации претерпевает серьезные изменения и имеет различные трактовки своего содержания, подчас противоречащие друг другу. Вслед за концептом «модернити» в общественные науки было введено понятие «постмодерна», затем возникла теория глобализации. Сегодня все активнее разрабатывается концепция виртуализации, которая признана наиболее перспективной основой для разработки адекватных теоретических моделей происходящих изменений. Новые методологические подходы приведут к дальнейшим изменениям и в трактовке тех вопросов, которые мы постарались рассмотреть в данной статье.

Литература и источники

1. Massell G.J. Modernization and National Policy in Soviet Central Asia: Problems and Prospect // The dynamics of Soviet Politics. – Cambridge, Massachusetts and London, England, 1976. – P. 267–268.
2. Critchlow J. «Corruption», nationalism and the native elites in Soviet Central Asia // Journal of communist studies. – London, 1988. – Vol. 4. – № 2. – P. 142–161.
3. Carrere d'Encausse H. La gloire des nations: Ou la fin de l'Empire sovietique. – Paris, 1990. – 431 p.
4. Федосеев П.Н. Диалектика современной эпохи. – М., 1978. – 656 с.; Марушкин Б.И., Иоффе Г.З., Романовский Н.В. Три революции в России и буржуазная историография. – М., 1977. – 279 с.; Марушкин Б.И. Советология: расчеты и просчеты. – М., 1976. – 160 с.; Хилтухин Э.Н. Крушение легенды: Критика апология вестернизации. – М., 1979. – 62 с.; Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность. – М., 1974. – 271 с.
5. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998; Красильщиков В.А. Мировые модернизации и судьбы страны // Свободная мысль. – 1999. – № 1. – С. 93–108; Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М., 1994; Ахиезер А. Россия: Критика исторического опыта. М., 1991; Европа и Россия: опыт экономического преобразований. – М., 1996; Модернизация и национальная культура. – М., 1995; Нуров К.И. Правовая и экономическая модернизация традиционной структуры Казахстана. – Алматы, 1995; Асылбеков М.Х., Козина В.В. Демографическое развития Республики Казахстан в условиях суверенитета. – Алматы, 2001; Забирова А.Т. Идентичность казахов: между традицией и современностью. – Алматы, 2003; Жумакаева Б.Д. Исторический опыт политической модернизации России и Казахстана в 90-е годы XX века (Историко-политологический аспект): Дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02, 23.00.02. – Алматы, 2004.
6. Akiner Sh. Islamic peoples of the Soviet Union. – London, 1983; Акинер Ш. Формирование казахского самосознания. От племени к национальному государству. – Алматы, 1995; Akiner Sh. Social and Political reorganization in Central Asia: Transition from the Pre-Colonial to Post-Colonial Society. – London, N.Y., 1998.
7. Rywkin M. National Symbiosis: Vitality, Religion, Identity, Allegiance // The USSR and the Muslim World: Issues in Domestic and Foreign Policy. – London: Allen and Unwin, 1984. – P. 11–23.
8. Kats Z. Kazakhstan and Kazakhs // Handbook of Major Soviet Nationalities. – London: Collier MacMillan, 1975. – P. 212–215.
9. Imart G.G. Unique Impire // Central Asian Survey. – London, 1987. – P. 18–24.
10. Rackowska-Harmston T. Central Asian Elite Mobility and Political Change in the Soviet Union // Central Asia Survey. – London, 1986. – P. 39–51.
11. Burg S.L. Muslim Cadres and Soviet Political Development. Reflection from a Comparative Perspective // World Politics. – London, 1984. – P. 39–51.
12. Zwick P. Ethnoregional Socio-economic Fragmentation and Soviet Budgetary Policy // Soviet Studies. – Glasgow, 1979. – P. 382–395.
13. Вишневский А. Средняя Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии. – 1996. – № 2. – С. 136–159.
14. Khazanov A.M. After the USSR. Ethnicity. Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States. The University of Wisconsin Press, 1995. – P. 155.
15. Wolfel R.L. North to Astana: nationalistic Motives for the Movement of the Kazakh(stani) Capital // Nationalities Papers, Vol. 30. 2002. P. 485–505; Huttenbach H. Whither Kazakhstan? Changing capitals: from Almaty to Aqmola/Astana // Nationalities papers. – N.Y., 1998. – Vol. 26. – № 3. – P. 581–587.
16. Kaiser R.J. Ethnic Demography and Interstate Relations in Central Asia // National Identity and Ethnicity in Russia and the new states of Eurasia. – N.Y., London, 1994. – P. 230–273.

Дискуссии о масштабах репрессий 1930–1950-х гг. в англо-американской историографии

Из всех инструментов, имеющих в арсенале государства, террор является крайним средством, к которому оно прибегает тогда, когда все остальные исчерпаны. В определенном смысле террор во внутренней политике равнозначен войне во внешней — любое правительство предпочтет использовать более ограниченные или общепринятые средства для сохранения или укрепления своих позиций. Но сама способность режима прибегать к террору может позволить ему достигать намеченных целей без использования террора. Угроза произвольного насилия может быть такой же действенной, как его применение [1].

Вопрос о терроре имел в англо-американской историографии три важнейшие составляющие — масштаб репрессий, количество жертв и их характеристика; функции террора, рациональные и иррациональные мотивы его использования; степень органичности и неизбежности террора в советской системе. Сложившаяся концептуальная характеристика роли политического террора в коммунистических системах определяла его как произвольное использование органами политической власти жесткого насилия против личности или групп или реальную угрозу такого использования. При этом не всякое насилие оценивалось как террор, поскольку «обычные» насильственные средства оставляют жертвам возможность сориентироваться и предусмотреть последствия определенных действий. Террор не дает таких возможностей, не обеспечивая неприкосновенность даже для конформистов.

Рассматривая террор как важную составляющую сталинской системы, англо-американские авторы анализировали различные его стороны, не всегда имея возможность дать общую количественную оценку влияния сталинизма на демографическую ситуацию в СССР. Первым серьезным исследованием вопроса о применении принудительного труда в Советском Союзе стала книга Д. Даллина и Б. Николаевского «Лагерь принудительного труда в Советском Союзе», опубликованная в 1947 г. [2]. Для оценки масштабов применения принудительного труда авторы использовали целый ряд источников: оценки бывших советских официальных лиц и заключенных, оказавшихся на Западе; свидетельства иностранцев, посещавших Советский Союз, и польских заключенных советских лагерей; данные о количестве газет, поступавших в лагерь; опубликованные цифры о некоторых исправительно-трудовых лагерях.

В 1948 г. Н. Тимашев использовал другую методику подсчета численности заключенных в лагерях. Он проанализировал количество людей, не принимавших участия в выборах в Советы. Его оценка численности заключенных в лагерях составила около 2 млн. чел. в 1937 г., что значительно отличалось от оценки Д. Даллина и Б. Николаевского, приводивших цифру 5–6 млн. чел. [3].

В 1952 г. был опубликован официальный доклад Госдепартамента США о принудительном труде в Советском Союзе [4]. В нем приводились данные Н. Тимашева, Д. Даллина и Б. Николаевского, Н. Ясного, ряда других исследователей. В докладе подчеркивалось, что точная цифра советских заключенных в лагерях ГУЛАГа не может быть названа из-за отсутствия официальных данных, цифры оценок, приводимых различными экспертами, колеблются от 2 до 20 млн. чел. [5]. Похожие цифры были повторены в докладе Госдепартамента в 1960 г., где отмечалось, что оценки западными исследователями количества заключенных в предвоенном СССР колеблются от 3,3 млн. до 13,5 млн. чел. и выше. Но последние цифры эксперты Госдепартамента считали явно завышенными [6].

В 1959 г. Г. Вул, используя методику Н. Тимашева, проанализировал участие советских граждан в выборах 1937–1939 гг. и оценил численность заключенных приблизительно в 3 млн. чел. [7]. В 1965 г. С. Сваниевич опубликовал работу «Принудительный труд и экономическое развитие: изучение опыта советской индустриализации», в которой на основании изучения советской экономической статистики и свидетельств беженцев из СССР оценил использование принудительного труда в советской экономике в 6–9 млн. чел. [8]. В 1968 г. вышла в свет книга Р. Конквеста «Большой террор», где дана количественная оценка заключенных в лагерях, арестов, расстрелов. Автор использовал разнообразные доступные статистические источники, свидетельства эмигрантов и бывших заключенных. Он оценил численность арестованных в 1930-е гг. в 8–9 млн. [9].

В 1980-е гг. дискуссия о масштабах применения принудительного труда в сталинском Советском Союзе, о количестве пострадавших вновь стала объектом внимания англо-американской историографии. Это было связано с появлением новых методик оценки, публикацией некоторых новых демографических

*Меньковский Вячеслав Иванович (Минск, Белоруссия) — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета.

данных в советской печати, более широким применением в советологии моделей, используемых другими социальными науками. Несколько авторов, среди которых в первую очередь следует назвать С. Росефелде, С. Уиткрофта, Р. Конквеста, вели между собой постоянную полемику на страницах научных журналов. Начатая статьей С. Росефелде в январском (1981 г.) номере журнала «Советские исследования» и ответом С. Уиткрофта в апрельском (1981 г.) номере того же издания [10], дискуссия шла в течение всех 1980-х гг., становясь все более острой, приобретая политическую и личностную окраску. Только после частичного открытия советских и российских архивов на рубеже 1980–1990-х гг. появились принципиально новые, хотя, конечно, не окончательные, возможности для оценки острых моментов дискуссии.

В названной статье С. Росефелде писал, что хотя англо-американская литература о сталинском терроре достаточно обширна, численные оценки применения принудительного труда слишком фрагментарны и неточны. Поэтому он считал нужным вновь открыть дискуссию по этому вопросу. С. Росефелде использовал для количественной оценки доступный документальный материал, опубликованные источники, официальные публикации, свидетельства очевидцев и материалы экономической и демографической статистики. Его оценка численности заключенных ГУЛАГа составила 9–10 млн. чел. С. Уиткрофту эти цифры представлялись завышенными. По его оценкам, в советских концентрационных лагерях в конце 1930-х гг. не могло находиться более 4–5 млн. чел.

В публикации «Сверхнормативные смерти в Советском Союзе: пересмотр демографических последствий ускоренной индустриализации 1929–1949 гг.» С. Росефелде давал оценки, связанные с общими потерями населения СССР в сталинские годы [11]. Отметив, что данные о сверхнормативных потерях советского населения в 1926–1939 гг. колеблются в западной научной литературе от 5,5 млн. до 20,6 млн. чел., он пришел к еще более высоким цифрам. По подсчетам С. Росефелде, в СССР в результате коллективизации, индустриализации, массового террора в 1929–1949 гг. (без военных потерь) погибли 21,4–24,4 млн. взрослых и 7,2–8 млн. детей. В следующей публикации в журнале «Славянское обозрение» он уточнил данные потерь населения в 1929–1937 гг., – назвав цифру 16,5 млн. чел. [12].

С. Уиткрофт назвал эти оценки «еще одной “клюквой” от С. Росефелде», отметив их абсолютную ненаучность. По его мнению, память о миллионах погибших в годы сталинизма «не следует подвергать инфляции», ведь нет никаких демографических свидетельств о потерях советского населения в 1926–1939 гг. более 6 млн. чел. или более 3–4 млн. чел. в период коллективизации. Признание этих «низких» цифр не равносильно предательству погибших или оправданию сталинизма. Это просто следование научной точности, а не эмоциям [13]. Точку зрения С. Уиткрофта поддерживали также Б. Андерсен и Б. Силвер, оценившие ситуацию в Советском Союзе 1930-х гг. с позиций демографического анализа [14].

Однако подход Б. Андерсена, Б. Силвера и С. Уиткрофта был подвергнут резкой критике Р. Конквестом. Он не отстаивал оценки С. Росефелде, в которых находил много ошибок, но выступил против применения по отношению к сталинскому Советскому Союзу методик, используемых при изучении демографической ситуации в других странах и при других условиях.

Р. Конквест писал, что со времен С. и Б. Вебб некоторые западные исследователи принимали как правду все без исключения факты, цифры, заявления, опубликованные коммунистическими властями. И верили, что советская система выборов, профсоюзы, кооперативы реально существовали именно в той форме, как это декларировалось. Неспособность вообразить, что официальные документы могут лгать, сохранилась вплоть до настоящего времени. Так, «ревизионисты» в англо-американской советологии отрицали возможность массовой фальсификации документов в Советском Союзе, а свидетельства эмигрантов и перебежчиков называли анекдотическими [15].

По мнению Р. Конквеста, проблема частично состояла в том, что некоторые ревизионисты (для их характеристики он употребляет термины «секта» и «клика») были по образованию социальными историками, а не историками в полном смысле этого слова. Их в большей степени интересовала структура, а не сущность, форма, а не содержание. Например, отмечая рост новых кадров в сталинские годы, они не подчеркивали критерии роста нового правящего класса, которые на практике сводились к жестокой «негативной селекции».

Р. Конквест настаивал на необходимости корректировки официальных советских данных с помощью свидетельств очевидцев и эмигрантов, поскольку советская демографическая статистика неоднократно подтасовывалась властью в политических целях. Кроме этого, он не считал, что для оценки сталинизма не имеет значения, сколько миллионов людей было уничтожено. Разница в моральной оценке убийства миллионов или десятков миллионов действительно не очень велика, но все-таки эта разница существует, и она имеет как историческую, так и общественную значимость [16]. В обновленном издании своей знаменитой работы «Большой террор» Р. Конквест назвал следующие цифры: к концу 1938 г. в лагерях находилось 7 млн. чел., 1 млн. чел. расстрелян и 2 млн. умерли в лагерях [17]. Он считал, что «большой террор» 1936–1938 гг. не был случайностью. Как всякий исторический феномен, террор имел корни в

прошлом. У Р. Конквеста не вызывало сомнения, что он был неизбежным следствием природы советского общества и коммунистической партии [18].

Новая ситуация, связанная с количественной оценкой жертв сталинских репрессий, возникла в западной советологии на рубеже 1980—1990-х гг., когда советская «гласность» дала возможность впервые включить в научный оборот архивные статистические данные о репрессивной политике сталинского режима. Англо-американские историки стали широко использовать советские и российские публикации, производить переоценку некоторых устоявшихся на Западе стереотипов. Например, статьи А. Ноува и М. Элмана были полностью построены на основании публикаций советских ученых [19]. Но новые статистические данные сами по себе были достаточно противоречивы и оставляли место для различных трактовок. Так, в сборнике 1993 г. «Сталинский террор: новые перспективы» А. Ноув писал об 11 млн. «сверхнормативных смертей» в СССР в 1927–1937 гг., а С. Уиткрофт – о 4–5 млн. [20].

Дж. Гетти и Т. Риттешпорн в совместной публикации с В. Земсковым указывали данные о репрессированных в предвоенные годы. Максимальное общее количество (включая ГУЛАГ, колонии и спецпоселения) пришлось на 1937 г. – 2,75 млн. чел. [21]. Авторы признавали, что приводимые ими цифры не могут рассматриваться как окончательные и требуют ряда уточнений. Вместе с тем новые документы позволяли оценить масштабы сталинского террора и перевести его анализ на документальную базу. Дж. Гетти и Т. Риттешпорн даже считали, что историки, изучающие данный аспект сталинизма, стали располагать более детальной документальной базой, чем исследователи германского нацизма [22].

Российский соавтор Дж. Гетти и Т. Риттешпорна В. Земсков в русскоязычных публикациях давал чрезвычайно резкие оценки оппонентам своих коллег. Он считал, что советская и зарубежная общественность в массе своей по-прежнему находится под влиянием надуманных и не соответствующих исторической правде статистических выкладок, содержащихся как в трудах зарубежных авторов (Р. Конквест, С. Коэн и др.), так и в публикациях ряда советских исследователей. Причем в работах этих авторов расхождение с подлинной статистикой никогда не идет в сторону преуменьшения, а исключительно в сторону многократного преувеличения. У него создавалось впечатление, что «они соревнуются между собой в том, чтобы поразить читателей цифрами, так сказать, поастрономичней... Приведенные Р. Конквестом и С. Коэном статистические данные преувеличены почти в пять раз» [23].

В полемике с С. Максудовым, автором многих публикаций о демографической ситуации в Советском Союзе, вышедших в годы эмиграции исследователя на Западе [24], В. Земсков заявлял, что «г-ну Максудову придется смириться с ролью Земскова как арбитра в определении подлинности или недостоверности, точности или неточности информации по данной проблематике, просочившейся в разное время на Запад». Более того, он прямо обвинил западных историков в отходе от научной объективности, утверждая, что ученые (особенно те, кто занимался проблемой репрессий в СССР), находясь в определенных общественных условиях, не могли не выполнять социальный заказ, требовавшийся в данный момент обществу (хотя сами исследователи, возможно, не всегда это осознавали). По его мнению, не случайно именно в период «холодной войны» на Западе широким потоком выходила литература, содержащая преувеличенные данные о масштабах репрессий в СССР [25].

В. Земсков был близок к позиции американских ревизионистов «второй волны» в деперсонализации террора 1930-х гг. Как Дж. Гетти, Р. Терстон и некоторые другие англо-американские советологи, он переключал внимание с личностей на тенденции. В статье «ГУЛАГ (историко-социологический аспект)» В. Земсков писал, что «в процессе отхода в середине 50-х годов от репрессивной политики личностный фактор играл подсобную роль, так как обстоятельства были сильнее воли и желания отдельных личностей. Мы убеждены, что будь тогда жив Сталин, то именно он возглавил бы политику либерализации» [26].

Противоречивые оценки в академической среде вызвал сборник «Сталинский террор: Новые перспективы» опубликованный под редакцией Дж. Гетти и Р. Мэннинг в 1993 г. [27] Авторы стремились использовать появившиеся новые возможности изучения сталинизма и поэтому писали о «новых перспективах». Однако с точки зрения Ф. Бенвенути, общей чертой всех статей, представленных в сборнике являлась замена вопроса о причинах террора постановкой проблемы о том, каким образом действовал механизм террора [28]. Подобные взгляды поддерживал и Д. Филтцер, отмечавший, что в книге не анализируется важнейший вопрос о месте террора в сталинской системе, его принципиальной важности для сохранения и укрепления сталинской системы власти. Вопрос нельзя было сводить к социальной мобильности и перераспределению привилегий. Террор оказывал воздействие на все население, подавляя его волю, возможность свободно мыслить и действовать и тем самым позволяя правящей элите сохранять власть [29].

Далеко не все англо-американские исследователи полностью доверяли архивным данным, подчеркивая, что последствия политической манипуляции советской статистикой не могли не сказаться на архивных документах. Они не считали документы фетишем и настаивали на их критическом анализе,

какому должны подвергаться все исторические свидетельства. Так, Р. Конквест считал, что именно некритичное отношение к советским источникам привело «ревизионистов» к переоценке сталинского террора как в количественном, так и в качественном отношении. Демографы Б. Андерсен и Б. Силвер использовали в своих подсчетах результаты советской переписи населения 1939 г. даже тогда, когда советские исследователи признали эту перепись фальсифицированной. Р. Конквест писал, что он помнит, как в 1970-е гг. С. Коэн сказал ему на встрече в Колумбийском университете, что кое-кто из советологов считает, что Сталин уничтожил только десять тысяч человек. «Я не поверил. Тогда Стивен подвел меня к Дж. Хафу и спросил у него: “Джерри, сколько людей уничтожил Сталин?”. Хаф ответил: “Около десяти тысяч”» [30].

Далее Р. Конквест замечал, что Дж. Хаф был одним из влиятельных предшественников советологов-ревизионистов, которые относились к представителям старшего поколения исследователей как к «воинам холодной войны». «А в СССР нас называли антисоветчиками. В чем же состоял наш антисоветизм? Мы были убеждены, что сталинизм навязал русскому и другим народам крайнюю систему террора. Мы верили, что это был ошибочный путь, а не нормальный исторический процесс. Мы были убеждены, что Сталин и его наследники вели “холодную войну” не только против Запада, но и против собственного народа. Мы были убеждены, что советские официальные документы были фальсифицированы и что самиздат, сообщения эмигрантов и перебежчиков являлись, при критическом отношении к ним, лучшими источниками информации» [31].

С. Уиткрофт писал по этому поводу, что некоторые исследователи, например В. Лакер и Р. Конквест, кажется, верят в то, что должностные лица НКВД и ГУЛАГа не нуждались в реальной информации и специально фальсифицировали данные, чтобы ввести в заблуждение западных историков. Он указывал на наличие значительного массива секретных документов сталинского периода, введенных в научный оборот в 1990-е гг., и отрицал техническую возможность их умышленной фальсификации [32].

В публикациях второй половины 1990-х гг. авторы повторяли приводимую ими ранее аргументацию и лишь в небольшой степени изменяли приводимые количественные оценки. С. Росефелде в 1996–1997 гг. вновь подчеркивал, что демографические методы дают более точные данные, чем архивные данные, и называл цифру 9,7 млн. «сверхнормативных смертей» в 1930–1937 гг., из которых не менее 5,2 млн. были напрямую связаны с деятельностью НКВД [33]. С. Уиткрофт, призвав историков дифференцированно относиться к массовым репрессиям и к массовым убийствам, писал в 1996–1999 гг., что на Сталина может быть возложена ответственность за гибель около 1 млн. чел. [34].

Следует признать, что, несмотря на наличие архивных документальных свидетельств, точные цифры жертв сталинских репрессий до настоящего дня не названы. Хотя радикальные максимальные и минимальные оценки, например «немногие сотни тысяч», называвшиеся Дж. Хафом [35], или более 60 млн. жертв за годы советской власти, названные Р. Руммелем [36], представляются маргинальными, официально признанная оценка так и не появилась.

Ч. Фаирбанкс справедливо отметил, что здравый смысл указывает на то, что множество людей было убито в годы сталинского террора, однако советология со своими средствами, специальными методами, углубленными исследованиями оказалась не способна четко сформулировать эту правду [37]. Добавим лишь, что правду оказались не способны сформулировать и официальные власти.

Литература и источники

1. Dallin A., Breslauer G. Political Terror in Communist Systems. – Stanford, 1970. – P. 4.
2. Dallin D., Nikolaevsky B. Forced Labour in Soviet Russia. – New Haven, 1947.
3. Timasheff N. The Postwar Population of the Soviet Union // The American Journal of Sociology. – 1948. – V. 54. – P. 150.
4. US State Department. A Red Paper on Forced Labour. – Washington, 1952. Книга была также опубликована под названием Forced Labour in the Soviet Union. – Washington, 1952.
5. US State Department. A Red Paper on Forced Labour. – Washington, 1952. – P. 4.
6. NARS, Dept of State Bureau of Intelligence and Research. Report № 8353. Current Penal Policy in the USSR. – 1960. – October 3. – P. 2.
7. Wool A. Working Memorandum on Statistics of Population, Labour Force and Employment in the Soviet Union. – New York, 1959. – P. 11, 102.
8. Swianiewicz S. Forced Labour and Economic Development: an Enquiry into Experience of Soviet Industrialization. – London, New York, 1965. – P. 292.
9. Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. – New York, 1968. – P. 702.
10. Rosefielde S. An Assessment of the Sources and Uses of Gulag Forced Labour 1929–56 // Soviet Studies. 1981. – Vol. 33. – № 1. – P. 51–87; Wheatcroft S. On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union, 1929–56 // Ibid. – № 2. – P. 265–295.
11. Rosefielde S. Excess Mortality in the Soviet Union: A Reconsideration of the Demographic Consequences of Forced Industrialization 1929–1949 // Soviet Studies. – 1983. – Vol. 35. – № 3. – P. 385–409.

12. Rosefielde S. Excess Collectivization Deaths 1929—1933: New Demographic Evidence // *Slavic Review*. – 1984. – Vol. 43. – Is. 1. – P. 88.
13. Wheatcroft S. New Demographic Evidence on Excess Collectivization Deaths: Yet Another Kluikva from Steven Rosefielde // *Slavic Review*. – 1985. – Vol. 44. – Is. 3. – P. 508.
14. Andersen B., Silver B. Demographic Analysis and Population Catastrophes in the USSR // *Slavic Review*. – 1985. – Vol. 44. – Is. 3. – P. 517–536; Andersen B., Silver B. Tautologies in the Study of Excess Mortality in the USSR in the 1930s // *Ibid.* – 1986. – Vol. 45. – Is. 2. – P. 307–313.
15. Conquest R. Academe and the Soviet myth // *The National Interest*. – 1993. – Vol. 3. – Is. 22.
16. Conquest R. To the Editor // *Slavic Review*. – 1986. – Vol. 45. – Is. 2. – P. 295–298.
17. Conquest R. *The Great Terror: A Reassessment*. – New York, 1990. – P. 486.
18. Conquest R. *The Great Terror: A Reassessment*. – New York, 1990. – P. 3.
19. Nove A. How Many Victims in the 1930s? // *Soviet Studies*. – 1990. – Vol. 42. – № 2. – P. 369–373; Nove A. How Many Victims in the 1930s?-II // *Ibid.* – 1990. – Vol. 42. – № 4. – P. 811–815; Ellman M. A Note on the Number of 1933 Famine Victims // *Ibid.* – 1991. – Vol. 43. – № 2. – P. 375–382.
20. *Stalinist Terror: New Perspectives*. – Cambridge; New York, 1993. – P. 261, 275.
21. Getty A., Rittersporn G., Zemskov V. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review*. – 1993. – Vol. 98. – Is. 4. – P. 1021
22. Getty A., Rittersporn G. The Authors Reply // *American Historical Review*. – 1994. – Vol. 99. – Is. 3. – P. 1041.
23. Земсков В. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // *Социологические исследования*. – 1991. – № 6. – С. 10.
24. Максудов С. Потери населения СССР. Нью-Йорк, 1989.; Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // *Звенья: Исторический альманах*. Вып. 1. – М.: Прогресс, 1991. – С. 65–112.
25. Земсков В. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // *Социологические исследования*. – 1995. – № 3. – С. 114–127.
26. Земсков В. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // *Социологические исследования*. – 1991. – № 7. – С. 15.
27. *Stalinist Terror: New Perspectives*. – Cambridge; New York, 1993.
28. Benvenuti F. Reviews the book «Stalinist Terror. New Perspectives» // *Europe-Asia Studies* 1994. – Vol. 46. – Is. 3. – P. 548–551.
29. Filtzer D. Review «Stalinist Terror» // *Social History*. – 1994. – Vol. 19. – № 3. – P. 421–424.
30. Conquest R. Academe and the Soviet myth // *The National Interest*. – 1993. – Vol. 3. – Is. 22.
31. Conquest R. Academe and the Soviet myth // *The National Interest*. – 1993. – Vol. 3. – Is. 22.
32. Wheatcroft S. Review // *Europe-Asia Studies*. – 1996. – Vol. 48. – Is. 7. – P. 1257.
33. Rosefielde S. Stalinism in Post-Communist Perspective: New Evidence on Killing, Forced Labour and Economic Growth in the 1930s // *Europe-Asia Studies*. – 1996. – Vol. 46. – Is. 6. – P. 959–1258; Rosefielde S. Documented Homicides and Excess Deaths: New Insights into Scale of Killing in the USSR During 1930s // *Communist and Post-Communist Studies*. – 1997. – Vol. 30. – № 3. – P. 321–331.
34. Wheatcroft S. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930-1945 // *Europe-Asia Studies*. – 1996. – Vol. 48. – Is. 8. – P. 1319–1354; Wheatcroft S. Victims of Stalinism and the Soviet Secret Police: The Comparability and Reliability of the Archival Data – Not the Last Word // *Europe-Asia Studies*. – 1999. – Vol. 51. – Is. 2. – P. 315–345.
35. Hough J., Fainsod M. *How the Soviet Union is Governed*. – Cambridge, 1979. – P. 176–177.
36. Rummel R. *Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder since 1917*. – New Brunswick, 1990. – P. 6.
37. Fairbanks C. Reviews two books about Josef Stalin: «Stalin: Breaker of Nations» by Robert Conquest and «The Great Terror: A Reassessment» by Robert Conquest // *National Review*. – 1992. – Vol. 44. – Is. 3. – P. 45–49.

Миграционное движение городского населения Свердловской области в годы Великой Отечественной войны

Миграция населения – сложный и многогранный социально-экономический процесс. Его важнейшей функцией является перераспределение населения между отдельными регионами страны. Выявление и анализ территориальных направлений пространственного движения людей – одна из ведущих проблем изучения миграций.

С началом Великой Отечественной войны число людей, прибывавших на территорию Свердловской области, Урала из европейских районов СССР, резко увеличилось. Это было обусловлено событиями чрезвычайного характера. С изменением социально-экономической обстановки традиционные направления движения населения трансформируются, появляются новые. Валовая миграция в Свердловской области за 1941 г. по сравнению с 1940 г. увеличилась на 178,7% (по Уралу – на 162%). При этом прибытие в города области выросло за год на 205% (по Уралу – на 193%), а выбытие – на 144% (по Уралу – на 121%). Сальдо миграции стало больше на 400,0%. Представленные цифры свидетельствуют о том, что на территорию области хлынул огромный поток людских масс.

Основная масса переселенцев в 1941 г. прибывала из западных регионов страны. Из Северо-Западного района, в том числе из Ленинграда за 1941 г. прибыло в 20,6 раз больше, чем в 1940 г.; из Центра, включая Москву – в 18 раз, из Крыма – в 5,9 раз. В то же время из сопредельных регионов прибытие мигрантов сократилось – из Волго-Вятского на 29,9%, из Поволжского – на 18,5%. Резко вырос приток мигрантов с Украины – в 14,3 раза, доля этих мигрантов по прибытию в Свердловскую область увеличилась с 2,1% до 14,8%; из Белоруссии – в 2,8 раза, из Прибалтики – в 10,9 раз; из Закавказья – в 5,5 раз. В 1,5 раз возросло число мигрантов из Средней Азии и Казахстана. Таким образом, основная масса прибывших за 1941 г. на территорию Свердловской области была из районов, где велись боевые действия, или из прифронтовой зоны [1].

Существенные изменения произошли в территориальном направлении выезжавших из городов области. До войны почти половина мигрантов (48,9%) перемещалась внутри области, в 1941 г. их доля оставалась также самой большой, но уменьшилась до 39,4%, хотя в количественных параметрах эта цифра увеличилась в 1,2 раза. Уменьшился поток людей, убывающих в западном направлении (в Северо-Западный регион – в 3,6 раз, в том числе в Ленинград – 7,1 раза). Увеличился отток людей в Молдавию – в 4,7 раза, в республики Закавказья – в 2,2 раза, в Среднюю Азию и Казахстан – в 1,8 раза. Обращает на себя внимание позиция выбытия в неизвестном направлении – в 1941 г. увеличение в 2,7 раза (зафиксировано выбытие на 101595 чел. больше, чем прибытие). Это было связано с уходом в армию, а также направлением в места заключения [2].

Итак, с началом военных действий изменились территориальные направления перемещений людей: в города Свердловской области прибывало в основном население из европейской части страны, а выбывало во внутренние районы региона. Механический прирост в 1941 г. увеличился в основном за счет переселенцев из Северо-Западного района, Центра и Украины.

Это подтверждается и в результате расчета коэффициента приживаемости. В 1940 г. в Свердловской области коэффициент приживаемости был в целом равен 13,5%, в 1941 г. он вырос в 2,2 раза и достиг 30,3%. Если в 1940 г. коэффициент приживаемости из западных районов страны имел отрицательное значение (Северо-Запад: – 40,2%; в том числе Ленинград, куда выехало в шесть раз больше, чем приехало в область – 71,4%), то в 1941 г. картина меняется коренным образом. Наибольший коэффициент приживаемости был за переселенцами из Ленинграда (96,0%), Москвы (94,0%), а также из Северо-Запада (93,9%), Центра (92,9%), Украины (91,9%), Белоруссии (84,2%), Молдавии (78,9%). Вместе с тем практически остался на прежнем уровне показатель приживаемости для выходцев из Волго-Вятского района (в 1940 г. – 23,7%; в 1941 г. – 22,1%), Поволжья (в 1940 г. – 26,8%; в 1941 г. – 26,0%).

Это говорит о том, что основную роль среди источников населения Свердловской области и региона в целом в 1941 г. играл приток эвакуированного населения.

В 1942 г. изменилось процентное соотношение двух основных миграционных потоков в формировании городского населения Свердловской области. Повысилась доля внутрирегиональной миграции

*Кругликов Владислав Владимирович (Екатеринбург) – соискатель кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, консультант Департамента по взаимодействию с правоохранительными органами, Аппарат Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе.

с 32,7% в 1941 г. до 36,5% в 1942 г. Значительно вырос удельный вес мигрантов из Поволжья (с 2,3 в 1941 г. до 7,1% в 1942 г.). Первый же поток из европейской части страны, связанный в первую очередь с продолжавшейся эвакуацией из Центра, Северо-Запада, Украины, Северного Кавказа, Центрального Черноземья стал уменьшаться, и его доля составила 44,2% от всех прибывших (в 1941 г. удельный вес мигрантов этого потока достигал 58,6%). Резко снизился процент прибывавших из Украины (3,4 раза), Белоруссии (в 4,3 раза), Молдавии (в 4,9 раза) [3].

Заметен отток населения в 1942 г. и в центральные районы страны, в основном в Центр (увеличение в 1942 г. по сравнению с 1941 г. в 3,5 раза) и Москву (увеличение в 4,5 раза). Это объяснялось частичной эвакуацией населения после освобождения занятых врагом районов. Около 7,0% населения направлялись из Свердловской области в сопредельные регионы – Поволжский, Волго-Вятский районы, Сибирь. Почти каждый третий из выезжавших разместился во внутренних районах уральского региона. В целом коэффициент приживаемости на территории Свердловской области в 1942 г. составил 21,0%.

В 1943 г. вновь происходят изменения в миграционных потоках, прибывающих и выбывающих из Свердловской области. Половину прибывших (50,7%) составляли уральцы. Однако приток мигрантов нередко сопровождался неприятными моментами. Приведем в пример документ за подписью Секретаря Серовского Горкома ВКП(б) Н. Кокосова, направленный в НКВД Л.Берии, копия в Свердловской Обком ВКП(б) В.Андриянову: «По приказу Наркомата Обороны от 10.07.1943 г. за № М-Н-8497 Чкаловским Облвоенкоматом были мобилизованы для работы на заводе № 76 НКБ 826 чел. В том числе из города Уфы – 94 чел., из Тюмени – 49 и из гор. Чкалова – 683 чел.

Как видно из бесед с прибывшими товарищами и сопровождающими их представителями воинской части, мобилизация проводилась негодными просто преступными методами. Большинство мобилизованных никакой медицинской комиссии не проходило, сама мобилизация проводилась путем задержания первых попавшихся лиц в населенных пунктах, на базарах и железнодорожных станциях. Так, в числе мобилизованных оказался начальник военизированной пожарной охраны Ленинградского артиллерийского училища, находящегося в гор. Белорецке. Уваров Иван Филиппович 1919 года рождения, который, находясь в служебной командировке в гор. Уфе, был задержан комендантской командой и попал в число мобилизованных на завод 76. Тов. Уваров был доставлен на завод в форме и с оружием. Пучинин Яков Якимович 1889 года рождения, директор Воронежского Драм. театра и ряд других.

Значительная часть мобилизованных, благодаря отсутствию врачебного осмотра, в момент мобилизации оказались больными. Так из 826 чел. 129 оказались совершенно негодными к физическому труду, а 334 чел. годны только на легкие физические работы. Так, Федоров Митрофан Иванович 1889 г. рождения страдает туберкулезом, язвой желудка, склерозом сердца и острым ревматизмом. Сирин Федор Иванович 1889 г. рождения болен язвой 12-ти перстной кишки, хроническим катаром желудка и является инвалидом II группы.

76% прибывших не имеют обуви, одежды и нательного белья, некоторые доставлены босиком в рубашке и трусах.

457 человек из числа прибывших не имеют на руках совершенно никаких документов, паспорта имеют 49 чел. Учетно-воинские документы – 340 чел. Таким образом, вместо реальной помощи с прибытием мобилизованных, завод получил дополнительные трудности» [4].

Вторым по численности шел поток эвакуированных из европейской части страны, где наиболее заметным стал район Центра (4,4%), Поволжья (5,3%) и Волго-Вятский (4,1%). Резко сократился приезд населения из Украины (уменьшился по сравнению с 1941 г. в 25 раз), Северо-Запада (по сравнению с 1941 г. в 12,5 раз), в том числе из Ленинграда (сокращение в 34 раза).

Вместе с тем, в 1943 г. наблюдался рост миграций из Средней Азии и Казахстана: с 2,2 до 7,4% от всех прибывших. Казахи, киргизы, таджики, туркмены и узбеки, не знавшие русского языка и не имевшие возможности служить в армии, направлялись на работу в уральскую промышленность. В книге «Урал-фронту» отмечено, что в 1943 г. работало в регионе свыше 60 тыс. чел., выходцев из Средней Азии и Казахстана [5].

В Центре документации общественных организаций Свердловской области содержится докладная заместителя зав. отделом кадров Северо-Казахстанского ОК КП(б) К. Байшагирова (от 20.04.1944 г.), который выяснял материально-бытовые условия работавших казахов. По данным ОК ВКП(б), на 1 марта 1944 г. в Свердловской области значилось около 3300 рабочих казахов, в том числе в городе Алапаевске – 589 и в г. Свердловске – 234 казахов. Фактически их оказалось намного меньше, так как ни в обкоме, ни в горкоме точного учета не имелось, и при посещении предприятий и заводов было установлено точное количество работающих казахов: в Алапаевском метзаводе – девять; 2-е стройуправление НКПС – 62; «Уралтяжстрой» – 78 казахов [6].

В докладной отмечалось, что «организация питания в столовых, отоваривание промтоварных и продуктовых карточек проходит в соответствии с установленными правительством нормами. В отношении этого серьезно занимаются профсоюзные и партийные организации. [...] Специальные блюда для нацменов везде организованы за счет тех продуктов, которые получили из Узбекистана в порядке посылок и подарков (фрукты, рис). Также имеется специально организованная чайхана» [7]. Однако массово-политическая работа среди мобилизованных, отмечалось в докладной, ведется неудовлетворительно. Газеты и журналы (кроме узбекских и киргизских) рабочие не получали. «Кроме Уралтяжстрой в отдельных заводах и строительствах в течение двух лет из числа передовых и стахановцев нацменов в ряды партии и комсомола ни одного рабочего не принято» [8].

В целях выявления недочетов и их практического устранения на заводах и строительстве с представителями партийно-общественных организаций составлялся план работы, проблемные вопросы поднимались на совещаниях руководителей заводов, принимались конкретные меры: в бригадах, цехах, рабочих пунктах дополнительно выделялись агитаторы, в том числе для проведения агитационно-массовой работы на родном языке. Дополнительно на стройучастках с низовой работы на руководящую выдвинули 4 казахов в качестве помощников мастеров, начальниками отрядов и бригадами. Организовали медицинско-врачебную комиссию по пересмотру здоровья рабочих казахов, из которых по заключению этих комиссий 16 казахов отправили домой по месту жительства [9].

Приняв во внимание тот факт, что города Свердловск и Нижний Тагил сыграли ведущую роль в приеме эвакуированного населения в Свердловской области, мы обратились к изучению территориальных направлений притока и оттока людей в эти города. В г. Свердловске до войны около трети населения из общей численности приезжавших были жителями Свердловской области. С началом войны процент пополнения городского населения за счет своей области резко уменьшился и составил 14,2% (хотя численность приехавших в город увеличилась на 4305 чел.). Соответственно в 3,4 раза возросло количество прибывавших из других областей РСФСР (68,1%), а из союзных республик СССР число приехавших в г. Свердловск увеличилось в 9,8 раза (14,7% об общей численности эвакуированных). Однако уже с 1942 г. процент прибывших с территории области постепенно увеличивается и к 1944 г. практически сравнялся с показателями приехавших из других областей РСФСР [10]. Обращает на себя внимание и показатель выбывших из г. Свердловска в пределы области. В 1941–1942 гг. процент уехавших превышал процент прибывших. Сальдо миграции в г. Свердловске в годы войны имело положительное значение, за исключением 1944 г. (что являлось общим как для Свердловской области, так и для уральского региона в целом и объяснялось процессами эвакуации населения к местам постоянного проживания).

Нижний Тагил также принял в годы войны большое количество эвакуированных. Численность прибывших из западных областей РСФСР в 1941 г. в два раза превышала показатели 1940 г. (несмотря на равные процентные данные в общей численности прибывших). Из союзных республик (главным образом из Украины) город принял в 1941 г. группу эвакуированных, в 6,1 раза превышавшую довоенные показатели. Наибольшее количество прибыло в г. Нижний Тагил из областей РСФСР в 1942 г. (44085 чел.; 82,4% от общего числа прибывших). С 1943 г. численность приезжавших из других областей страны постепенно стала уменьшаться и к 1945 г. была практически в два-три раза ниже, чем до войны.

Таким образом, изучив территориальные направления миграционного движения городского населения на территории Свердловской области в годы войны, можно сделать вывод об их изменении из года в год. Для 1941–1942 гг. было характерно резкое увеличение прибытий из европейской части СССР. Отток населения в обратном направлении был небольшим. С изменением военно-политической и социально-экономической обстановки в стране, с освобождением территорий от немецко-фашистской оккупации с 1943 г. перемещение населения в эти районы увеличивалось.

В целом основная масса мигрантов прибыла в Свердловскую область из европейской части СССР (43,8%). Практически на этом же уровне сохранялась прослойка переселенцев из внутренних районов Урала (39,1%). На первом же месте в оттоке населения в целом за военные годы был переезд по неуказанным территориям – 39,9% (в основном ушедшие в армию и заключенные), затем внутрирегиональные перемещения (34,6% от всех выбывших), и пятая часть (20,7%) переселенцев в европейскую часть СССР.

В итоге коэффициент приживаемости населения из европейской части страны в годы войны составил 534,9 чел., затем следовали районы Сибири и Дальнего Востока (411,4 чел.), Казахстана и Средней Азии (343,8 чел.), а с самого Урала – только 275,9 чел. Таким образом, в 1941–1945 гг. основным источником роста городского населения Свердловской области были жители центральных и западных районов страны.

Литература и источники

1. ГАРФ. Ф.310.Оп.11. Д.46. Л.1, 1об; 4, 4 об.; Д.48. Л.11, 11 об.; Д.49. Л.5, 5 об., 10, 10 об., 33, 33 об., 36, 36 об., 44, 44 об., 51, 51 об., 56, 56 об., 59, 59 об.; Д.106. Л.19-20 об.; Д.107. Л.23-24 об., 29-30 об., 38-39 об.; Д.108. Л.18-19 об.; Д.110. Л.34-35 об.
2. Там же.
3. ГАРФ. Ф.310. Оп.11. Д. 49. Л.5-5 об., 10-10 об.; Д.107. Л.23-23 об., 24-24 об.; РГАЭ. Ф.1562. Оп.20. Д.391. Л.93-93 об., 94-94 об.; Д.617. Л.35-35 об., 36-36 об.; ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.788. Л.26-26 об., 27-27 об., 39-39 об., 40-40 об., 41-41 об., 51-51 об., 52-52 об., 69-69 об., 70-70 об.
4. ЦДООСО. Ф.4. Оп.31. Д.402. Л.47-48.
5. Урал - фронту. М., 1985. С.162.
6. ЦДООСО. Ф.4. Оп.31. Д.614. Л.31-32.
7. Там же. Л.35.
8. Там же. Л.36.
9. ЦДООСО. Ф.4. Оп.31. Д.614. Л.38.
10. ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.788. Л.5-5 об.; 6-6 об.; 15-15 об.; 16-16 об.; 30-30 об.; 31-31 об.; 42-42 об.; 43; 58-58 об.; 59-59 об.; 61-61 об.; 62-62 об.

Этнодемографическая ситуация на оккупированной финнами территории Карелии в 1941–1944 гг.

К концу 1941 г. более половины всей территории Карело-Финской ССР оказалась оккупированной финскими и немецкими войсками, которые вводили собственные порядки в устройстве жизни населения. Еще накануне войны, 16 июня 1941 г., в Финляндии распространилась специально подготовленная записка «Планы некоторых мероприятий в Восточной Карелии». На ее основе разрабатывались конкретные вопросы и основные направления оккупационной политики. Суть ее сводилась к тому, что Восточная Карелия якобы исторически принадлежала Финляндии и поэтому должна находиться в ее составе. Заказанное президентом Р. Рюти специальное исследование об этом было напечатано осенью 1941 г. в Берлине под названием «Жизненное пространство Финляндии» [1]. Агрессивные намерения финских правящих кругов нашли свое отражение и в официальных документах, в частности, в приказах главного командующего финской армии маршала Маннергейма. А одна из официальных газет «Карьяла» писала, что Финляндия «имеет неоспоримое право на большую часть Советской России, не говоря уж о Карелии, до Свири, Онежского озера и Белого моря». Таким образом, участие страны в войне оправдывалось, во-первых, целью борьбы с советской властью и, во-вторых, необходимостью освобождения родственных народов и присоединения их территории к Финляндии [2].

Принятые Главной штаб-квартирой финской армии правила публикации сведений о Восточной Карелии и ведущейся войне также во многом раскрывают государственную, национальную и военную политику Финляндии того времени и ее оккупационной администрации. Согласно этим правилам, например, следовало говорить только об «освобождении» Восточной Карелии (а не о ее завоевании, как было на самом деле) и что, якобы, карелы сами просили о своем освобождении. Рекомендовалось повсеместно подчеркивать, что Восточная Карелия – это земля карелов, что у русских здесь нет никаких корней и что эта территория имеет большое значение для обороны, защиты и независимости Финляндии. Следовало говорить не о народе, а о населении Восточной Карелии, не о карельском языке, а о его диалекте (то есть диалекте финского языка). О местном населении рекомендовалось писать доброжелательно: «Говоря о господствующей в Восточной Карелии отсталости, следует подчеркивать, что виноват в этом советский строй, а не население, которому, напротив, нужно отдать должное в том, что оно в трудных условиях сохранило свою национальность и обладает природной смысленностью и талантом. Необходимо подчеркивать, что теперь мы хотим поднять население Восточной Карелии на уровень, соответствующий этим замечательным качествам». Все публикации и новости о жизни Восточной Карелии должны были получить предварительное одобрение соответствующих финских органов – отдела цензуры Главной штаб-квартиры или штаба Военного управления Восточной Карелии [3].

15 июля 1941 г. маршал Маннергейм отдал приказ об организации управления на оккупированной территории – Военного управления Восточной Карелии (ВУВК). Командир ВУВК подполковник В.Котилайнен в тот же день выпустил обращение к гражданам захваченных районов КФССР, в котором объявил, что он принял на себя руководство оккупированной территорией и что с этого времени каждый ее житель обязан выполнять требования финских военных властей. В каждом районе назначался начальник, которому принадлежала вся власть на местах. В перечне требований из восьми пунктов местным жителям запрещалось иметь любое оружие и радиоаппаратуру, находиться на улице ночью (с 21 до 6 часов утра), присваивать или портить оставшееся государственное (колхозное) имущество, хранить или распространять политические книги и необоснованные сведения; предлагалось гражданскому населению продолжать свою обычную работу и представить опись своего имущества, а оставшимся советским солдатам немедленно сложить оружие и сдаться в плен. За нарушение данных требований могла последовать смертная казнь [4].

Основные направления работы оккупационного финского Военного управления Восточной Карелии нашли отражение в его структуре, представленной целым рядом отделов: командным, противовоздушной обороны, административным, полицейским, надзора, экономическим, интендантским, ветеринарным, просветительским, социальным, разведки, медицинским. Штат управления насчитывал: офицеров и военнослужащих – 470 чел., младших офицеров – 364, мужчин и юношей – 488, личный состав ПВО – 1081, женщин – 514, всего – 2917 чел. [5]. Штаб ВУВК находился сначала в г. Йозенсуу (Финляндия), а затем – в Петрозаводске. Территория, подчиненная Военному управлению Восточной Карелии, была

*Макуров Василий Григорьевич (Петрозаводск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН.

разделена на три округа (Олонецкий, Масельгский и Беломорский), каждый из которых делился на районы, а они в свою очередь – на более мелкие административные единицы – участки (несколько населенных пунктов). Окружные, районные и местные начальники управляли всей административной и хозяйственной жизнью на своих территориях. Кроме того, в крупных деревнях назначались старосты для надзора за населением, организации необходимых мероприятий и т.п. На службу в оккупационные органы подбирались, как правило, «заинтересованные» в делах Восточной Карелии лица, имевшие военную подготовку и опыт административной работы. При аппарате ВУВК имелась совещательная комиссия из 12 человек, в которую входили «благонадежные лица из восточных карелов», ушедших в Финляндию после революции 1917 г. Предполагалось, что эта комиссия придаст «местный колорит» созданному управлению, однако, не имея никаких прав, она не оказывала сколько-нибудь существенного влияния на принятие важных решений.

Всего на оккупированной части Карело-Финской ССР насчитывалось около 85 тыс. местных жителей, считая и перемещенных из Ленинградской области. Для усиления контроля и наблюдения за ними оккупационные власти провели подробную перепись населения. В каждом крупном селе имелся полицейский участок, за нарушение установленного режима (нахождение на улице во время комендантского часа, пребывание в доме постороннего лица, выход за пределы постоянного места жительства без специального пропуска и т.п.) предусматривались различные меры наказания вплоть до расстрела. В специальных лагерях (концентрационных, переселенческих, трудовых) были заключены около 1/3 всего населения. Только в г. Петрозаводске имелось 6 лагерей, в которых содержались свыше 20 тыс. чел. По разным данным, следствием тяжелых лагерных условий жизни (непосильных работ, голода, массовых эпидемических болезней), а также расстрелов явилась гибель от 4000 до 7000 чел. [6].

Особой сферой деятельности оккупационной администрации являлись «просвещение и воспитание национального населения». У карелов следовало формировать «знание об исторической задаче финского племени в его противодействии вековому стремлению России захватить Финляндию». На разного рода просветительских мероприятиях следовало говорить о незначительных успехах СССР и деятельности ВУВК на благо населения, подчеркивать национальное и естественное единство Финляндии и Карелии. Важнейшими каналами просветительской работы являлись газета и радио: «Вапаа Карьяла» («Свободная Карелия») и Аунуксен радио (Радио Олонца). 5 января 1942 г. было обнародовано постановление об основах народной школы в Восточной Карелии. Языком обучения во всех школах становился финский. По этой причине дети «ненациональных» родителей оставались за бортом народной школы вплоть до конца 1943 г. К концу 1941 г. работали 53 школы, в которых насчитывалось 4700 учеников. В 1944 г. количество школ выросло до 112, в них числились 8393 ученика-«национала» и, кроме того, в 13 школах учились около 3000 русских детей. Особенно большое внимание в учебных планах уделялось мировоззренческим предметам (история, география, финский язык, религия), создавались специальные учебники, в которых доминировали финские национальные мотивы [7].

Составной частью политики финнизации на оккупированной территории являлось переименование населенных пунктов, улиц, имен и фамилий местных жителей. Так, уже 16 сентября 1941 г. окружные начальники получили предписание ВУВК о приведении к единообразию названий населенных пунктов на оккупированной территории. В нем, в частности, подчеркивалось: «Следует брать употребляемые местными жителями названия населенных пунктов, если они являются финскими. Группу деревень, построенных близко друг от друга, следует считать одной деревней. Предложения по переименованию русских названий деревень на финские с резолюцией окружного начальника следует посылать нам». Тогда же в районы были направлены рекомендательные списки для переименования улиц и населенных пунктов Восточной Карелии. Для этого предлагались имена героев предшествующих «племенных войн», а также имена карельских и финских «племенных» героев, или же имена героев Калевалы. Так г. Петрозаводск стал называться Аанислинна (Крепость на Онего), Олонец – Аунуслинна (Крепость Олонии). Переименование улиц Петрозаводска произошло в начале 1943 г. Финская газета «Вапаа Карьяла» писала в этой связи: «Впервые за время своего существования Петрозаводск получает национальные финские названия улиц. Таким образом, город приобретает подлинно национальный характер, который ему, как важнейшему населенному пункту Восточной Карелии, и подобает иметь. Лицо города все более становится финским...» [8].

Таким образом, установленный финскими военными властями режим на захваченной территории Карело-Финской ССР представлял собой продуманную систему мер (экономических, идеологических, просветительских, политических), которая во многом определялась национальными факторами. Отправной момент оккупационной политики заключался в том, что родственных финнам людей по национальной принадлежности («соплеменников» – карелов, финнов, вепсов, ингерманландцев, составлявших 50% местных жителей) необходимо «освободить» как будущих граждан «Великой Финляндии».

Реализация такой политики на практике выразилась в разделении жителей Восточной (Советской) Карелии на две основные группы: «национальное и ненациональное», или привилегированное и непривилегированное во всех отношениях население. Первая группа людей лучше обеспечивалась социальными благами (зарплатой, продовольственными и промышленными товарами, медицинским обслуживанием и т.д.), для них организовывались специальные народные школы и курсы по месту жительства и в Финляндии, проводилась активная идеологическая и просветительская работа. Вторая группа, в основном русские, находилась в худших условиях, и именно они, прежде всего, помещались в концентрационные(трудовые) лагеря с целью дальнейшего перемещения после предполагавшейся победы в войне Германии и ее союзников.

О конкретных результатах оккупационной национальной политики в Карелии, отношении к ней местного населения в определенной степени можно судить по событиям на заключительном этапе военных действий на Севере: начавшемся здесь летом 1944 г. наступлении советских войск, уходе финнов и эвакуации с ними местных жителей, которая, по утверждениям финских военных властей, осуществлялась на добровольной основе.

На оккупированной территории Карелии, по данным финских источников, к лету 1944 г. оставалось всего 83541 чел. местного населения, из них 68453 чел. проживали в населенных пунктах, 14926 чел. – в переселенческих лагерях и 162 чел. – в концентрационных лагерях. Около половины местных жителей (41803 чел.) относились к родственным финнам народам (карелы, финны, вепсы, ингерманландцы и др.). Согласно подробному отчету финских военных властей по эвакуации, всего из населения Восточной Карелии переселились в Финляндию 2799 чел., или 3,35%. Из них родственное финнам население составляло 2196 чел. Таким образом, в целом число переселившихся (эвакуировавшихся) жителей Карелии в Финляндию оказалось незначительным. Следует учесть, что для некоторых эвакуация была неизбежной, в частности для тех, кто находился на службе у финнов. Многие переселившиеся состояли в браке с финнами и уже являлись гражданами Финляндии [9].

Литература и источники

1. Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallimossa 1941–1944. – Helsinki, 1982. – S. 61–63; Сеппеля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 гг. // Север. – 1995. – № 4–5. – С. 99.
2. Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskyjä ... – S. 120; Suomen historian dokumentteja. 2. S. 420; Salaiset keskustelut. Eduskunnan suljettujen istuntojen pöytäkirjat 1939–1944. – Lahti. – 1967. – S. 99.
3. По обе стороны Карельского фронта. – С. 264–266.
4. Там же. – С. 72–73.
5. По обе стороны Карельского фронта. – С. 153–175.
6. Kulomaa J. Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. – Helsinki, 1989. – S. 132–133; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. – С. 176.
7. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. – С. 81; Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы социальной экономики и политики. 60-е годы XIX–XX вв. Сборник научных статей. – Петрозаводск, 1995. – С. 103–104.
8. НА РК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 7; Vapaa Karjala. – 1943. – 12 февр.; По обе стороны Карельского фронта. – С. 102, 312–314.
9. По обе стороны Карельского фронта. – С. 541–553; XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докладов. – М.; Петрозаводск, 1997. – С. 31–32.

Социально-демографические изменения в колхозной деревне Карелии в 1945 – конце 1950-х гг.

Изучение аграрной истории России на современном этапе приобретает особое значение. Включение сельского хозяйства в число приоритетных национальных проектов свидетельствует о том, что для российского общества оно является не только экономической частью жизни, но и ее укладом, основным условием обеспечения целостности и независимости страны. Особый интерес представляет изучение истории колхозного крестьянства во второй половине 1940–1950-х гг., когда после усиления налогового бремени на колхозы были предприняты меры по реформированию аграрного сектора экономики, давшие определенные позитивные результаты.

Данная проблема в Карелии еще не получила всестороннего освещения. Основные вопросы развития колхозной деревни республики в 1940?1950-е гг. освещены в обобщающем труде «История Карелии с древнейших времен до наших дней» [1], а также в исследованиях Е.И. Клементьева и А.А. Кожанова [2], где дана характеристика сельской социальной среды республики, проанализированы особенности демографического состава населения в послевоенный период и изменения в этническом составе сельских жителей Карелии в послевоенные годы.

Одной из самых острых проблем послевоенного времени являлась нехватка кадров. Из эвакуации в Карелию не вернулось около 14 тыс. трудоспособных колхозников. К началу 1945 г. численность колхозного населения была в два раза меньше, чем в 1940 г., при этом число женщин превышало число мужчин более чем в пять раз [3]. Г.Н.Куприянов, в то время первый секретарь ЦК Компартии республики, вспоминал, что в ряде районов – Куркиекском, Сортавальском, Питкярантском, Суоярвском, Пряжинском, Ружозерском – после освобождения не было ни одного человека, в других районах насчитывалось от 5 до 35% довоенного количества населения [4]. В основном это были женщины, старики, дети. Так, в Суоярвском районе в ноябре 1944 г. насчитывалось 1568 жителей, в то время как в начале 1941 г. – 14500, в Питкярантском районе – соответственно 819 и 13 тыс. чел. [5].

В конце 1944 г. в республике имелось лишь 670 колхозов (до войны – 1142). За год были вновь создано 182 колхоза, в основном в районах, отошедших в 1940 г. от Финляндии. Эти колхозы были организованы за счет населения, вернувшегося из эвакуации из восточных областей страны. Таким образом, количество колхозов в конце 1945 г. составляло 75% к довоенному, а количество хозяйств в них – 69% (25 тыс. семей вместо 36 тыс.) [6].

В первые послевоенные годы пополнение деревни рабочей силой осуществлялось в основном за счет демобилизации и реэвакуации. Из эвакуации в колхозы вернулось 16,3 тыс. семей [7]. Демобилизация из армии завершилась в 1948 г., однако многие из бывших воинов покинули деревню. «К сожалению, никто из демобилизованных из армии в деревне (Демихово, Вырозерского погоста) не остался, – вспоминал журналист В.Лукьянов. – И это, наряду с другими причинами, послужило распадом колхоза. Паспортов колхозникам не выдавали, и потому желающих работать на земле оставалось все меньше и меньше. Единственным документом сельского жителя была «Трудовая книжка колхозника». В ней проставлялись трудоводы за весь год. В деревне оставались лишь те, кому некуда было ехать» [8].

Для обеспечения сельского хозяйства кадрами проводилась работа по переселению в республику жителей других областей страны. Однако, как и в промышленности, она не дала положительных результатов. В силу экономической слабости карельских колхозов, бытовой неустроенности, ограниченных возможностей для ведения приусадебного хозяйства многие переселенцы выезжали на прежнее место жительства или переходили на работу в лесную промышленность. В 1949–1953 гг. в колхозах закрепилось только 3,5 тыс. человек в трудоспособном возрасте, т.е. немногим более 1/3 переселившихся. Между тем в 1950–1953 гг. на эти цели было израсходовано около 10 млн. руб. [9]. Несмотря на то, что в колхозы республики в порядке переселения прибыло несколько тыс. семей из других областей, только с 1950 по 1954 г. число трудоспособных колхозников в сельхозартелях республики по всем районам сократилось с 19,4 до 15,9 тыс. чел., или на 18% [10]. С середины 1950-х гг. темпы роста населения уменьшились более чем втрое и начался его отток из республики [11].

Существенные изменения произошли в системе расселения. С середины 1950-х гг. в стране развинулась кампания по укрупнению колхозов и их преобразованию в совхозы. В связи с этим проводилось укрупнение сельских населенных пунктов, прежде всего аграрных. Если по переписи 1939 г. в среднем на

*Вавулинская Людмила Ивановна (Петрозаводск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН.

одно сельское поселение КАССР приходилось 107 жителей, то по переписи 1959 г. – 151 [12]. Этот процесс особенно затронул среднюю и северную Карелию, где многие деревни были практически ликвидированы. В 1954 г. было проведено укрупнение сельсоветов в ряде районов республики, в результате которого был упразднен 21 сельсовет. Во время осуществления административно-хозяйственной реформы 1957 г. из 608 близлежащих или фактически слившихся селений было образовано 152 населенных пункта [13]. Разрушение сельской поселенческой структуры, являясь внешним фактором раскрестьянивания, в сущности вело к вытеснению людей из привычных мест жительства, усилению миграции, особенно молодежи, в город.

В 1950-е гг. численность сельского населения в России неуклонно сокращалась, что было непосредственно связано с доминантами социально-экономической политики власти. Вся система государственных мер, включая льготы для завербованных на стройки и в промышленность, способствовала оттоку населения из деревни. Именно политика государства, направленная на первоочередное развитие тяжелой промышленности, а не последствия войны и послевоенная разруха, привели к тому, что российская деревня медленно восстанавливала свои людские ресурсы. Более половины убыли сельского населения приходилось на колхозное крестьянство [14]. Если в 1939 г. колхозное крестьянство составляло 47,2% всего населения РСФСР, то в 1959 г. – 31,4% [15]. В Карелии удельный вес колхозников и членов их семей понизился с 20,1% в 1939 г. до 3,3% в 1959 г. [16]. Эти изменения были связаны с преобразованием колхозов в совхозы, передачей предприятий системы промкооперации в ведение государственных органов, а также переходом части колхозников на работу в другие отрасли хозяйства. Наиболее высокий удельный вес колхозников приходился на северные районы республики, где сохранились рыболовецкие колхозы? Кемский и Лоухский – 3,5%, Беломорский – 4,4%, Калевальский – 5,7% [17].

С 1939 по 1959 г. сельское население Карелии сократилось с 318,6 тыс. чел. (67,9% от общей численности населения) до 241,7 тыс. (37,1%) [18]. Доля сельского населения в СССР в это время (1959 г.) составляла 52,1%. Таким образом, по одному из основных показателей, характеризующих завершение процесса раскрестьянивания, – выравниванию количества городского и сельского населения – на рубеже 1950–1960-х гг. Карелия опередила многие регионы страны. При этом, однако, надо учитывать, что в силу специфики структуры промышленности в Карелии в это время около половины занятого сельского населения составляли работники лесной промышленности.

Что касается аграрного населения, то уже к концу 1950-х гг. оно составляло минимальную долю среди всего сельского населения Нечерноземной зоны РСФСР (19,4%) [19]. За период между переписями 1939 и 1959 гг. численность занятых в сельском хозяйстве республики сократилась почти на $\frac{1}{3}$ и составила около $\frac{1}{4}$ работающего сельского населения [20].

Вследствие ускоренного процесса реорганизации колхозного строя в Карелии, завершившегося к 1960 г., процесс формирования сельского отряда рабочего класса здесь происходил более быстрыми темпами, чем в целом по стране: в 1959 г. в СССР 61,2% сельского населения было связано с государственной и 38,8% – с колхозно-кооперативной собственностью, а в Карелии соответственно 82,9 и 17,1% [21].

Непрерывно шел процесс сокращения числа крестьянских дворов. За 1945–1958 гг. в РСФСР оно уменьшилось на 2 млн. 60 тыс., или на 19,8%, в том числе в районах Севера – на 30% [22]. В республике в 1950-е гг. количество колхозных дворов уменьшилось в 4,6 раза. На 1 января 1955 г. в сельскохозяйственных колхозах республики (без Приладожских районов) численность колхозников в трудоспособном возрасте составила 12,8 тыс. чел. против 40,3 тыс. на 1 января 1941 г. В среднем на 100 хозяйств колхозников на 1 января 1955 г. приходилось лишь 100 трудоспособных, в то время как на 1 января 1941 г. – 160 чел. [23]. Многие колхозы имели только до 20-30 трудоспособных работников.

Быстрый индустриальный рост республики и городского населения, реорганизация сельской поселенческой сети, преобразование колхозов в совхозы, слабое развитие социально-культурной сферы села, массовая миграция сельских жителей в города оказали сильное воздействие на численность и состав колхозных семей. Результатом этих процессов явилось резкое сокращение числа и среднего размера крестьянских семей, деформация их половозрастной структуры, снижение рождаемости, постарение сельского, в том числе колхозного, населения.

В 1945 г. семья колхозника в КФССР в среднем насчитывала 3,3 чел., в том числе трудоспособных – 1,5, из них мужчин в возрасте 14–60 лет – 0,4, женщин в возрасте 14–55 лет – 1,1. Из общего числа членов колхозной семьи работали 0,4 чел., не были заняты на работах в колхозе из числа трудоспособных членов семьи 0,9 чел. По сравнению с семьями рабочих и служащих количество стариков в семьях колхозников было в два с лишним раза больше (до 50% против 26,7%) [24]. К концу 1950-х гг. семья, состоящая из 2–4 чел., оставалась преобладающей в сельской местности республики. В 1959 г. в ней проживало 73,1% сельских жителей [25].

Трудовые ресурсы аграрного сектора республики, как и в предвоенные годы, в значительной степени формировались из женского населения. В 1949 г. на долю мужчин приходилось немногим более ¼ трудоспособного населения колхозов (без подростков). По данным похозяйственных книг сельсоветов, проанализированных Е.И.Клементьевым и А.А.Кожановым, среди занятых в сельском хозяйстве в 1949 г. мужчины составляли 35%, в 1959 г. – 43% [26].

Как и во всех регионах РСФСР, в республике заметно уменьшилось число детей и подростков (12–15 лет), что было связано с демографическими последствиями войны, миграцией молодых семей, а также выездом подростков на учебу в школы ФЗО, ремесленные училища, техникумы и вузы. Вследствие этого ухудшилась демографическая структура крестьянства, его собственное воспроизводство и обеспеченность трудовыми ресурсами в последующие годы.

Миграционные потоки сельского населения складывались под влиянием различных факторов и вели к ряду серьезных демографических сдвигов, к изменению отраслевой и территориальной занятости населения, ее профессионально-квалификационной структуры. Двойная занятость трудоспособного населения – в общественном и личном подсобном хозяйстве, неравномерное распределение труда по сезонам года, большая, чем в городе, продолжительность совокупного рабочего времени, менее благоприятный режим труда, нерегулярное или неполное предоставление выходных дней и отпусков и т.п. делали труд на селе менее привлекательным, чем в городе [27]. Однако среди причин ухода части сельского населения в город были не только неудовлетворенность содержанием труда, его низкая оплата, узкий выбор профессий. Немалую роль в миграции сельского населения играли и другие социальные и психологические факторы: перспективы учебы, повышения квалификации, культурного развития, лучшие возможности для создания семьи в городах, более разнообразные возможности организации досуга и т.д. В 1950-е гг. особую значимость приобрели такие элементы сельского жизненного уклада, как культурно-бытовое обслуживание, возможность получить образование, путешествовать и др. Хотя в целом тенденция миграции сельского населения в город была прогрессивной и закономерной для высоко развитых обществ, она отрицательно сказалась на состоянии трудовых ресурсов колхозов. Уход населения из деревни нанес ей новый ущерб, дополнив потери военного времени.

Под влиянием активных миграционных процессов преобразался этнокультурный и демографический облик территории. Для сельской местности были характерны более устойчивые традиции, стереотипы поведения, поэтому на региональные различия внутри сельской местности этнический фактор оказывал гораздо большее влияние, чем на различия между городами разных районов [28]. Этнический состав населения накладывал сильный отпечаток на все стороны жизни села: производство, связанное с традиционными трудовыми навыками населения, миграцию, ценностные ориентации, образ жизни. Усиление межэтнических контактов вело к распространению двуязычия, языковой и этнической ассимиляции.

Общая тенденция изменения этнического состава населения республики заключалась в неуклонном росте численности русского и в целом славянского населения и сокращении численности карел, финнов и вепсов. Одной из самых многочисленных национальностей, населявших Карелию, стали белорусы, число которых с 1939 по 1959 г. увеличилось в 17 раз, а удельный вес составил 11% от всего населения [29].

Что касается аграрных поселений в пределах этнической территории карел, то они не были объектом массового притока мигрантов. Приток мигрантов в аграрные поселения в большинстве случаев не был связан с занятостью в сельском хозяйстве. Доля карел среди работников сельского хозяйства в 1959 г. составляла около 70%, что подтверждает тот факт, что в послевоенные годы сельское хозяйство оставалось для карел в известной мере «национальной» отраслью хозяйственной деятельности [30].

Таким образом, процессы экономического, социального и культурного развития деревни по-разному влияли на качественные и количественные характеристики сельского населения. В то же время демографические процессы в деревне оказывали непосредственное воздействие на все стороны жизни села. Свертывание колхозной формы собственности, ограничение приусадебных хозяйств, ликвидация небольших деревень привели к разрушению семейно-усадебного уклада жизни. Принятые меры по реэвакуации населения и переселению в колхозы семей из других регионов страны не смогли улучшить положение в сельском хозяйстве. Недостаток рабочих рук восполнялся интенсификацией труда в колхозах и приусадебных хозяйствах колхозников.

Литература и источники

1. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск, 2001.
2. Клементьев Е.И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни в послевоенный период. 1945 – конец 1950-х годов. Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 26 декабря 1985 года. – Петрозаводск, 1985; Он же. Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в послевоенные годы. Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 30 декабря 1988 г. – Петрозаводск, 1988; Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии.

1945–1960. Историко-социологические очерки. – Л., 1988; Кожанов А.А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979 гг.) // Этнокультурные процессы в Карелии. – Петрозаводск, 1986.

3. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 1394. Оп. 7. Д. 347. Л. 1-2; Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ). Ф. 8. Оп. 99. Д. 82. Л. 238.

4. НА РК. Ф. 3435. Оп. 2. Д. 241. Л. 28.

5. КГАНИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1467. Л. 4–5; Оп. 15. Д. 327. Л. 69.

6. Там же. Д. 1422. Л. 90.

7. Очерки истории Карельской организации КПСС. – Петрозаводск, 1974. – С. 384.

8. Лукьянов В. Колхозы Заонежья. – Петрозаводск, 2004. – Вып. 12. – С. 30.

9. Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Указ. соч. С. 79; КГАНИ. Ф. 8. Оп. 99. Д. 82. Л. 239.

10. НА РК. Ф. 2717. Оп. 6. Д. 97. Л. 58.

11. История Карелии с древнейших времен... – С. 686; КГАНИ. Ф. 8. Оп. 99. Д. 82. Л. 239.

12. Покровская И.П. Население Карелии. – Петрозаводск, 1978. – С. 138.

13. НА РК. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 1241. Л. 1, 10; История Карелии с древнейших времен... – С. 686.

14. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. – М., 2001. – С. 251.

15. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – М., 1963. – С. 152–159.

16. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. – С. 152–159; История Карелии с древнейших времен... – С. 687.

17. КГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 95. Л. 49.

18. Покровская И.П. Указ соч. С. 131; Очерки истории Карельской организации КПСС. – Петрозаводск, 1974. – С. 384; НА РК. Ф. 2717. Оп. 4. Д. 604. Л. 118–119.

19. Староверов В.И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. – М., 1978. – С. 302.

20. Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Указ. соч. – С. 27.

21. КГАНИ. Ф. 8. Оп. 49. Д. 8. Л. 26.

22. Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. – М., 1996. – С. 424.

23. НА РК. Ф. 2717. Оп. 6. Д. 97. Л. 58.

24. КГАНИ. Ф. 8. Оп. 15. Д. 520. Л. 2.

25. Бирин В.Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. – Петрозаводск, 1992. – С. 158.

26. Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Указ. соч. – С. 39.

27. Заславская Т.И. Преодоление социальных различий между городом и деревней как объект междисциплинарного исследования // Социальная география СССР (проблемы методологии и теории). – Л., 1984.

28. Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). – М., 1990. – С. 171–172.

29. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – С. 687.

30. Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Указ соч. – С. 24–25, 31.

Закрытые города Урала: своеобразие социально-демографических процессов (конец 1940-х – 1960-е годы)

Строительство закрытых городов было начато на Урале во второй половине 1940-х гг. в рамках реализации отечественного атомного проекта. За 1945–1958 гг. появилось пять секретных объектов, пять закрытых городов с необходимой производственной и научно-исследовательской инфраструктурой: ПО «Маяк» (г. Озерск), Уральский электрохимический комбинат (г. Новоуральск), комбинат «Электрохимприбор» (г. Лесной), Приборостроительный завод (г. Трехгорный), Всероссийский НИИ технической физики (г. Снежинск) [1]. Поскольку создание советской атомной бомбы было признано задачей государственной важности, которую предстояло решить в максимально короткие сроки, остро стояла проблема поиска высококлассных специалистов.

Приказ Первого главного управления «Об установлении номенклатуры начальника ПГУ при Совмине СССР» от 26 ноября 1946 г. предусматривал массовую мобилизацию кадров для основных объектов атомных производств [2]. Наиболее талантливые и квалифицированные работники отбирались по всей стране на предприятиях химической, металлургической, машиностроительной и иных отраслях промышленности. При этом учитывались профессиональные и личные моральные качества, социальное происхождение, семейное положение, политическая благонадежность. К проживанию и работе в закрытых городах не допускались судимые, бывшие в годы Великой отечественной войны в плену и на оккупационных территориях, проживавшие и имевшие родственников за границей, в пограничных районах и прибалтийских республиках [3]. Все данные проверялись органами безопасности, а окончательные списки будущих работников утверждались в ЦК партии и ПГУ.

В результате сформировалась особая социальная группа с отличительными демографическими характеристиками, которая жила и трудилась в искусственно созданных условиях закрытой секретной системы.

Поскольку на начальных этапах существования закрытых городов отдел кадров градообразующего предприятия оформлял не только работников оборонного производства, но и других учреждений города, анализ листов по учету кадров [4] и так называемых социальных паспортов города позволяют выявить демографическую специфику ЗАТО [5].

В указанный период в г. Лесном мужчины составляли 61% от всего взрослого работающего населения, женщины – 39%, в г. Озерске – 48 и 52% соответственно. Средний возраст взрослого населения, приехавшего в первое десятилетие существования закрытых городов, составлял 25,7 лет, во второе десятилетие – 27 лет. Причем, более старшей по возрасту была группа инженерно-технических работников – 29 лет.

Возрастная структура г. Лесного на рубеже 1950–1960-х гг. показана в табл. 1.

Таблица 1

Возрастная структура населения г. Лесного (рубеж 1950–1960-х гг.), %*

Возрастная категория	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.
До 18 лет	35,3	36,2	37,6	38,3	38,2	38,4
18–29 лет	31,5	31,2	30,4	30,2	30,2	30,3
30–39 лет	17,9	17,7	17,3	17,1	17,1	17,2
40–49 лет	7,0	7,1	7,0	6,8	9,6	9,7
50 и более	7,9	7,8	7,7	7,6	7,6	7,7

*Составлено по: Государственный архив (далее – ГА) г. Лесного. Ф. 1, оп. 1, д. 18, т. 2, л. 75-78; Д. 687, л. 1-2.

Из данных табл. 1 видна тенденция на увеличение возрастной категории до 18 лет, что связано с высокой рождаемостью, характерной для закрытых городов в данный период. Остальные возрастные категории находятся примерно на одном уровне на протяжении всего временного отрезка, при этом наибольший процент населения приходится на группу 18-39 лет. В этой же возрастной категории находилось большинство населения и в других закрытых городах [6].

В период комплектования закрытых городов в силу идеологических соображений отслеживалось социальное происхождение жителей. Здесь данные распределяются следующим образом: рабочие – 45%, крестьяне – 36%, служащие – 18%, мещане, духовенство, дворяне – 0,75%. Естественно, что в условиях

*Мельникова Наталья Викторовна (Екатеринбург) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

существовавшего социально-политического строя предпочтение отдавалось трем первым категориям. По национальному составу жители закрытых городов принадлежали в основном к славянским (83%) и местным уральским национальностям (татары, удмурты, башкиры и пр.).

От общего числа работающих ИТР составляли 21%, служащие – 38%, рабочие – 41%. В группе ИТР в г. Лесном преобладали мужчины (64,2%), в г. Озерске – женщины (63,3%). Завод № 817 (одно из первых наименований ПО «Маяк»), с преобладанием химического производства, требовал большего количества химиков, техников-технологов. Эта группа специалистов, как правило, с высшим образованием была представлена в первые послевоенные годы в основном женщинами (именно они могли получать образование в годы войны). Видимо, этот фактор обусловил больший процент работающих женщин в г. Озерске. Среди служащих в закрытых городах большинство были женщины, в среднем около 56%.

Высшее образование имели в среднем 61% ИТР и 19% служащих, среднее специальное – 36% и 52% соответственно. При этом среди начальников и заместителей цехов, а также инженеров количество получивших высшее образование доходило в среднем до 92%, тогда как среди начальников смен, отделов и мастеров – до 31% [7]. Наибольший процент получивших высшее образование был среди ИТР Озерска и Снежинска.

Из числа рабочих начальное профессиональное и среднее специальное образование имели 35%. В целом, 25% населения закрытого города имело высшее образование, 38% – среднее специальное. Таким образом, практически каждый второй работающий человек в закрытом городе получил профессиональное образование.

В основном в город приезжали люди, не имевшие семьи (53%). В конце 1940-х гг. незамужних женщин приезжало больше, чем холостых мужчин – 61,3% и 38,7% соответственно, что объясняется уменьшением численности мужского населения страны в результате потерь в Великой Отечественной войне. Соотношение изменяется к 1960-м гг.: 48% незамужних женщин и 52% холостых мужчин. В целом, следует отметить, что в ЗАТО старались поддерживать пропорциональное количество одиноких мужчин и женщин, чтобы создать благоприятную обстановку для брачно-семейных отношений.

Семью имели 58% инженерно-технических работников, 67% служащих и 46% рабочих. Среди семейных пар 42% на момент приезда в город не имели детей. 52% семей были полными (брачная пара с детьми) и лишь 6% – неполными (мать с детьми). Считалось, что одиноких матерей нерационально привлекать к работе, поскольку значительную часть их времени занимал уход за детьми.

В г. Лесном на 1000 жителей в 1950-е гг. заключалось 13,7 браков, при этом средний возраст вступления в брак составлял 25,6 лет (в 1960-е гг. – уже 22,8 лет) [8]. Характерной особенностью браков в период до середины 1950-х гг. являлся тот факт, что в каждом четвертом браке мужчина был на 3-6 лет моложе женщины. Это закономерно в связи с непропорциональной демографической структурой, сформировавшейся в результате Второй мировой войны. Уровень разводов был сравнительно невысок и составлял в первое десятилетие в Лесном 16,1% от заключенных браков, в последующем этот показатель возрастал, что соответствовало общесоюзным и региональным тенденциям.

В 1940–1950-е гг. в стране происходила трансформация форм демографического поведения семьи, вследствие чего снижались средний размер семьи и среднее число детей на семью. Данные процессы характерны и для закрытых городов Урала. В исследуемый период в ЗАТО доля семей, имеющих одного ребенка, составляла 42%, двух детей – 34%, трех – 14,4%, более – 9,6%. При этом средний размер детей на семью в закрытых городах составлял 1,9.

Сравнительно большее число детей было характерно для семей рабочих: 2,4 в г. Лесном; 2,5 в г. Озерске (в то время как для семей ИТР – 1,5 и 1,8). Разница в показателях объясняется тем, что в семьях инженерно-технических работников в силу более высокого уровня образования, отдаления от ценностей традиционного общества, быстрее завершается переход от традиционной многодетной семьи к малодетной урбанизированной. Так, среди семей ИТР преобладали семьи с одним и двумя детьми (58,7% и 34,9% соответственно); процент семей, имевших троих и более детей, составлял 6,4%. В отношении семей служащих данные распределяются следующим образом: одного ребенка имели 46%, двух – 38% и более – 16%. Для семей рабочих в большей степени характерна многодетность: доля семей, имеющих трех и более детей составляла 42%. Таким образом, наибольший размер семьи характерен для рабочих семей (4,5 человек), наименьший – для ИТР (3,6). В целом средний размер семьи в закрытом городе составлял 4,1 чел. Это несколько выше средних данных по Уралу – 3,7 чел. [9], что связано с более высоким уровнем рождаемости (табл. 4) и низкими показателями детской смертности (в два раза ниже среднесоюзных [10]).

В отношении динамики рождаемости и смертности в закрытых городах указанный период можно условно разделить на два этапа: до начала 1960-х гг. и после. Особенности демографических процессов ЗАТО представлены в нижеследующих таблицах.

Таблица 2

Динамика рождаемости населения закрытых городов (на 1000 населения), ‰

Годы	Новоуральск	Лесной	Озерск	Урал	СССР
1950–1954	39,8	47,5	50,4	30,9	26,4
1954–1959	26,6	28,9	29,8	25,5	25,3
1960–1964	20,7	22,4	24,5	21,5	22,4
1965–1969	16,1	16,5	16,9	15,3	16,6

Таблица 3

Динамика смертности населения закрытых городов (на 1000 населения), ‰

Годы	Новоуральск	Лесной	Озерск	Урал	СССР
1950–1954	3,6	2,4	6,3	10,2	9,4
1954–1959	3,8	2,7	3,7	7,5	7,7
1960–1964	3,7	2,8	3,2	7,1	7,2
1965–1969	3,9	2,9	3,7	7,6	7,6

Таблица 4

Динамика естественного прироста и жизненности населения закрытых городов*

Годы наблюдения	Естественный прирост (на 1000 населения в год)			Показатели жизненности [11]		
	Озёрск	Лесной	СССР	Озёрск	Лесной	СССР
1950–1954	44,1	46,2	15,0	8,0	8,4	2,8
1954–1959	26,1	27,6	17,6	8,0	7,9	3,3
1960–1964	21,3	23,3	15,2	7,6	7,6	3,1
1965–1969	13,2	14,0	10,0	4,6	5,5	2,3

*Подсчитано по: ГА г. Лесного. Ф. 1, оп. 1, д. 18, л. 5, 28, 43, Т. 1, л. 4-5, 12, 21, 43, Т. 2, л. 75-77; ГА г. Новоуральска. Ф. 1, оп. 4, д. 28, л. 56; Оп. 73, д. 1200, л. 58; ГА г. Озерска. Ф. 1, оп. 1, д. 103, л. 7-8; Алексеев В.В., Кузьмин А.И. Особенности демографического перехода на Урале // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. – Екатеринбург, 1993. – С. 11; Иванов В.В., Братухина С.Г., Осинцева Н.К., Шевырева А.В. Медико-демографическая ситуация в г. Лесном // Актуальные вопросы практической медицины. – Лесной, 1999. – Вып. 6. – С. 20; Толстиков В.С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998 гг.). – Челябинск, 1998. – С. 252, 255, 266.

Как видно из таблиц 2, 3 и 4, в период с 1950 по 1959 г. регистрировалась высокая рождаемость, низкий уровень смертности и высокий естественный прирост населения. Данные процессы были обусловлены послевоенной демографической ситуацией, направленной на компенсацию человеческих потерь, а также местными особенностями: большой частотой браков, молодым средним возрастом населения, сравнительно ранним возрастом вступления в брак.

В 1956–1957 гг. в стране происходит снижение уровня смертности до минимума (7,0‰), после чего общие показатели смертности начинают расти [12]. В закрытых городах при незначительном росте уровень смертности оставался низок (в среднем 3,6‰). Так, в Озерске и Новоуральске он был ниже общесоюзных показателей в 1,5-2 раза, в Лесном – в 3 раза. Причиной этого являются вышеуказанные социально-демографические особенности ЗАТО, а также благополучные социально-гигиенические условия, доступность и высокий уровень медицинского обслуживания населения. Например, в Новоуральске в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обеспеченность врачебным составом на 10 тыс. населения составляла 56 чел., в то время как по РСФСР – 19, по СССР – 18, т.е. в три раза меньше [13]. Аналогичным было состояние и в Озерске [14]. В этот же период в Лесном врачебные должности были укомплектованы на 92-100%, процент охвата работников основного производства медицинскими осмотрами составлял 95-97% [15]. Среди причин смертности первое место занимали сердечно-сосудистые заболевания, второе – онкологические, третье – травмы (при этом производственные травмы составляли от 23,4% до 40% их общего числа) [16].

Период с начала 1960-х гг. характеризуется некоторым снижением рождаемости, на фоне которого наблюдается понижение естественного прироста населения, и стабильно низким уровнем смертности. Снижение рождаемости в закрытых городах в данный период происходит в соответствии с аналогичными процессами в регионе и в стране в целом (в 1965–1967 гг.). Это влияние так называемого инверсионного следа войны: снижение рождаемости в середине 1960-х гг. было обусловлено низкой рождаемостью в годы войны. Постепенный рост рождаемости наблюдался после 1968 г., поскольку именно тогда в репродуктивный период вошло более многочисленное поколение женщин послевоенных лет рождения. Так, в среднем в период с 1960 по 1969 г. в г. Лесном уровень рождаемости составлял 19,4‰, в г. Озерске – 20,7‰ (по Уралу 18,4‰), уровень смертности – 2,8‰ и 3,4‰ соответственно (по Уралу 7,4‰) [17]. Иными словами, несмотря на отраженное в табл. 2 и 4 понижение рождаемости и естественного прироста населения, в закрытых городах данные показатели превышали региональные и союзные.

Показатель жизненности населения считается высоким при численном значении 1,8–2 [18]. Данные табл. 4 позволяют сделать вывод, что в закрытых городах на протяжении всего изучаемого периода показатель жизненности населения был очень высок: в среднем 7,0 в г. Озерске и 7,3 в г. Лесном. Это является косвенным подтверждением более высокого качества жизни. Об этом же свидетельствует средняя продолжительность жизни населения: в Озерске в 1958–1969 гг. она составляла 72,1, в Лесном – 72,6 года, в то время как по СССР – 69,2, иными словами, на 3 года меньше.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что в указанный период в закрытые города в основном приезжали молодые люди, не имевшие семьи, русские, по социальному происхождению принадлежащие к категориям рабочих, крестьян или служащих, в большинстве не состоявшие в КПСС/ВЛКСМ, получившие среднее профессиональное или высшее образование. В соответствии со временем получения образования жителей закрытых городов условно можно разделить на несколько групп. Первая группа – это люди, имевшие довоенное образование, богатый производственный опыт, приобретенный в результате активного участия в индустриализации страны, создании военно-промышленного комплекса. Они либо воевали в годы Великой Отечественной войны, либо работали в тылу на промышленных предприятиях. Вторая группа представлена в основном женщинами, получавшими образование в годы войны. Третья группа объединяла специалистов, подготовленных специально для атомной отрасли в 1950-е гг. Поскольку отбор был направлен на поиск наиболее талантливых кадров, в ЗАТО концентрировались высококвалифицированные специалисты. Социально-профессиональная структура закрытых городов отличалась значительными показателями наличия высшего и среднего профессионального образования у населения, а также достаточно большим процентом группы инженерно-технических работников. В середине 1950-х гг. на 100 рабочих в среднем приходилось 29,2 ИТР, что превышало общероссийские показатели в два раза [19].

Годы рождения приезжавших в закрытый город в первое десятилетие в среднем приходились на 1910–1935 гг., во второе десятилетие – на 1935–1945 гг. Наибольшее количество жителей находилось в возрастной категории от 18 до 39 лет. Благоприятный средний возраст населения закладывал перспективу иметь хорошие человеческие ресурсы. Искусственное поддержание пропорционального количества взрослых холостых мужчин и незамужних женщин положительно влияло на развитие брачно-семейных отношений.

Не смотря на то, что тенденции процессов рождаемости/смертности и браков/разводов в ЗАТО соответствовали аналогичным общесоюзным и региональным процессам, имелись и специфические черты: высокий уровень рождаемости и естественного прироста населения, низкий уровень смертности, большая частота браков и меньшая – разводов, сравнительно большие средний размер семей и среднее количество детей на семью. Характерной особенностью также была большая средняя продолжительность жизни в сравнении с показателями по СССР.

Таким образом, в результате искусственного формирования населения в закрытых городах создавалась благоприятная социально-демографическая ситуация, по различным критериям превышающая социально-демографические условия, характерные для Урала в частности и страны в целом.

Литература и источники

1. Приведены современные названия.
2. Группа фондов научно-технической документации ПО «Маяк» (далее: ГФ НТД ПОМ). Ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 22-23.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее: ЦДОСО). Ф. 5459, оп. 1, д. 5, л. 97; Ф. 4458, оп. 1, д. 6, л. 26-30.
4. Группа фондов научно-технической документации комбината «Электрохимприбор» (далее: ГФ НТД ЭХП). Ф. 1, оп. 1-лд, д. 852 «а»-«е», д. 1843, 2490, 3296, 3865, 4501, 5133, 5852, 6702, 7400; ГФ НТД ПОМ. Ф. 1, оп. 1 «лс», д. 2; Ф. 1; оп. 1 «лк»; Д. 1-2, 5-8

5. ЗАТО – закрытое административно-территориальное образование, современное официальное наименование закрытого города.

6. Областной государственный архив Челябинской области (далее: ОГАЧО). Ф. 1597, оп. 1, д. 3, л. 27; Оп. 2, д. 442, л. 67; Оп. 4, д. 1, л. 24; Ф. 2845, оп. 1, д. 1, л. 50; ГА г. Новоуральска. Ф. 1, оп. 4, д. 23, л. 10; Д. 43, л. 7; ГА г. Озерска. Ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 7.

7. ЦДООСО. Ф. 4458, оп. 1, д. 5, л. 12; Ф. 5459, оп. 12, д. 1, л. 53.

8. Архив городского отдела ЗАГС г. Лесного. Книга регистрации актов гражданского состояния, 1949–1953 гг., № 1-312; 1953–1969 гг., № 328-521.

9. Население Урала. XX век. История демографического развития. – Екатеринбург, 1996. – С. 55.

10. ГА г. Лесного. Ф. 1, оп. 1, д. 133, л. 40; ГА г. Новоуральска. Ф. 1, оп. 73, д. 1200, л. 58; ГА г. Озерска. Ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 62; Д. 130, л. 7.

11. Показатель жизненности населения отражает соотношение числа родившихся к числу умерших.

12. Население Урала. XX век. – С. 13.

13. ГА г. Новоуральска. Ф. 1, оп. 73, д. 1200, л. 55.

14. ГА г. Озерска. Ф. 1, оп. 1, д. 103, л. 6-7.

15. ЦДООСО. Ф. 5673, оп. 1, д. 90, л. 42; Д. 147, л. 39; ГА г. Лесного. Ф. 1, оп. 1; Д. 133, л. 27, 35.

16. ЦДООСО. Ф. 4458, оп. 1, д. 49, л. 61; ГА г. Новоуральска. Ф. 1, оп. 4, д. 36, л. 4; Оп. 73, д. 1200, л. 58; ОГАЧО. Ф. 1597, оп. 2, д. 567, л. 5-6.

17. Иванов В.В., Братухина С.Г., Осинцева Н.К., Шевырева А.В. Указ. соч. – С. 20; Алексеев В.В., Кузьмин А.И. Указ. соч. – С. 11; Новоселов В.С. Указ. соч. – С. 252, 255.

18. Толстиков В.С. Указ. соч. – С. 267.

19. ЦДООСО. Ф. 5673, оп. 1, д. 147, л. 14.

Этнические аспекты третьей и четвертой фазы демографического перехода на Среднем Урале во второй половине XX века**

Демографический переход является основой эволюционного демографического механизма. Несмотря на периоды голода, эпидемий, войн в демографической истории человечества наблюдается закономерность – снижение показателей рождаемости и смертности, в том числе и сокращение детской смертности, переход от многодетной семьи к малодетной, изменение структуры причин смертности.

На период второй половины XX в. приходится третья и четвертая фазы демоперехода. Третья фаза демоперехода, начавшаяся со второй половины 1950-х гг. и продолжавшаяся до конца 1980-х, характеризуется низким уровнем рождаемости и смертности, причем смертность постепенно возрастает, а рождаемость – падает. Лишь с 1968 г. ситуация начинает меняться в лучшую сторону в связи с тем, что в репродуктивный возраст входит более многочисленное поколение женщин. Четвертая фаза демоперехода, начавшаяся с 1989 г., характеризуется как депрессивная: население страны начинает стремительно сокращаться [1].

Эти две фазы четко проявились на Среднем Урале, однако темпы и хронологические рамки демоперехода заметно различались по этническому признаку. Материалы переписей населения 1989 и 2002 гг. отражают этнические особенности прохождения третьей и четвертой фазы демоперехода на Урале.

Вторая мировая война произвела существенную деформацию половой структуры населения. В течение второй половины XX в. половая структура населения страны постепенно, очень медленно, выравнивалась, однако негативные последствия войны продолжали сказываться.

Тенденции изменения половой структуры населения в течение рассматриваемого периода были общими для всех этносов региона, однако переписи второй половины XX в. выявили некоторые различия в показателях (табл. 1).

Таблица 1

Распределение населения Среднего Урала по национальности и полу [2]

Национальность	На 1000 мужчин приходилось женщин			
	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Всего по области	1173	1167	1144	1171
в том числе:				
Русские	1205	1196	1164	1182
Украинцы	728	766	868	1041
Белорусы	871	917	1016	1173
Башкиры	1077	1113	1184	1203
Марийцы	1208	1208	1211	1230
Мордва	1245	1326	1340	1335
Татары	1130	1142	1134	1164
Удмурты	1236	1252	1305	1359
Чуваши	1004	1029	1121	1202
Евреи	1051	1039	1024	960
Немцы	960	947	963	1030

Приведенные данные свидетельствуют о том, что Средний Урал в рассматриваемый период отличался численным преобладанием женщин в населении. Наличие этой диспропорции в существенной мере связано с особенностями экономического и демографического развития Уральского региона. Пик наращивания Уралом экономического потенциала и хозяйственного освоения уже прошел, и регион во второй половине XX века считался вполне «обжитым», а, как известно, «обжитые» районы, терявшие в данный период население в межрайонных миграциях, характеризуются пониженной долей мужчин в населении [3].

Наибольшее численное преобладание женщин над мужчинами наблюдалось у угро-финских народов – удмуртов (1359 женщин на 1000 мужчин в 2002 г.), мордвы (1335) и марийцев (1230), причем если у

* Сурина Марина Владимировна (Екатеринбург) – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета.

** Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Грант «РГНФ-Урал», проект № 0701-83103 а/у).

марийцев соотношение мужского и женского населения на протяжении 20 лет оставалось стабильным, и диспропорция возросла только в самом конце XX в. (в межпереписной период 1989–2002 гг.), то преобладание женщин-мордвинков и удмурток над мужчинами этих же этносов неуклонно росло на протяжении последних 30 лет XX в. (табл. 1). Стабильным оставалось 0,5-4%-ое численное преобладание женщин над мужчинами у русского (1182 женщины на 1000 мужчин в 2002 г.), татарского (1164), башкирского (1203), чувашского (1202) этносов. Такой «перекося» объясняется более высоким миграционным приростом женщин данных этносов по сравнению с мужчинами: так, по данным статистики за 1988 г., миграционный прирост женщин-мордвинков в городах составлял 92 чел., в то время как мужчин этой национальности – лишь два человека, евреек – 57 чел., в то время как евреев – 35 чел. [4]. В последнее десятилетие XX в. диспропорция в еврейской группе поменяется в сторону преобладания мужчин (с 1024 женщин на 1000 мужчин в 1989 г. до 960 в 2002 г.). По данным областного комитета государственной статистики, в 1995 г. миграционная убыль по Свердловской области составляла среди евреев-мужчин 145 чел., женщин – 170 чел. [5].

Наоборот, резкое численное преобладание мужчин над женщинами в этот период наблюдалось в украинской (1041), белорусской (1173) и немецкой (1013 женщин на 1000 мужчин в 2002 г.) группах, что также было связано с особенностями миграционных процессов (табл. 1). По городам Свердловской области на 1988 г., миграционный прирост мужчин белорусской национальности составил 233 человека, в то время как женщин этой национальности – лишь 64 чел. К этому периоду миграционная убыль среди немцев области составляла у мужчин – 17 чел., у женщин – 221 чел. [6]. Подобные диспропорции полов напрямую влияли на ассимиляционные процессы в регионе: этим процессам особенно сильно были подвержены те этносы, у которых данные диспропорции были наиболее ярко выраженными, что показали, в частности, половозрастные пирамиды (рис. 1).

Продолжали сказываться и последствия сталинских репрессий: основную массу узников уральских лагерей составляли мужчины, что отчасти также объясняет их численное превосходство по сравнению с женщинами, особенно в 1970-х гг., в украинской, белорусской и немецкой группах. Лишь к концу 1980-х гг. миграционным процессам удалось «выровнять» численное соотношение белорусов и белорусок, а за последний межпереписной период даже увеличить удельный вес женщин в этих группах.

Другая важная характеристика демографического потенциала региона – возрастная структура населения. В течение всего рассматриваемого периода существенных различий в возрастных структурах многонационального населения Среднего Урала не прослеживалось, тем не менее, в 1959–2002 гг. наметились устойчивые тенденции старения населения. Половозрастные пирамиды, составленные по данным переписи населения Свердловской области 1989 г., показывают, что возрастной состав населения основных этносов региона имел как общие черты, так и довольно заметные различия (рис. 1). Общую черту всех пирамид определили последствия войны: все половозрастные пирамиды сужены в области показателей поколения 40-49 лет (1940–1949 гг. рождения). Они также показывают численное преобладание женщин по сравнению с мужчинами в возрастной категории от 65 лет и старше, т.е. среди того поколения, которое принимало активное участие в военных действиях.

Что же касается различий, то половозрастные пирамиды основных этносов региона можно разделить на две группы. В *первую группу* входят народы, чьи половозрастные пирамиды имеют относительно правильную форму – русские, марийцы, татары и башкиры (рис. 1). От *второй группы* народов по данной классификации первая группа отличается стабильным ростом рождаемости в 1970-х гг. и, соответственно, повышением удельного веса молодого поколения – населения в возрасте 0-14 лет. Среди русского населения повышение рождаемости началось уже с начала 1970-х гг., среди марийцев – с середины 1970-х, среди татар и башкир – с начала 1980-х гг. В результате к 2002 г. доля детей до 14 лет в этих группах была наиболее высокой на Среднем Урале – у русских 16,1, у марийцев – 14,2%, у татар – 11,0%, у башкир – 10,7% к общей численности населения данного этноса (табл. 2), а медианный возраст ниже, чем у других этносов (табл. 3). Причем доля мальчиков была существенно выше, чем девочек, что объясняется повышенной долей женщин пожилого возраста в общей численности населения.

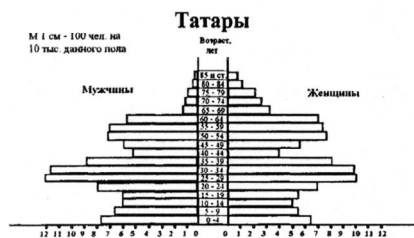
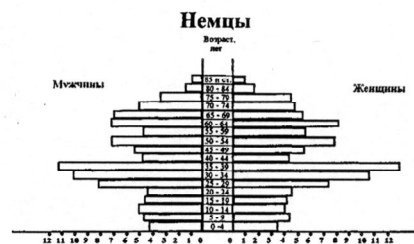
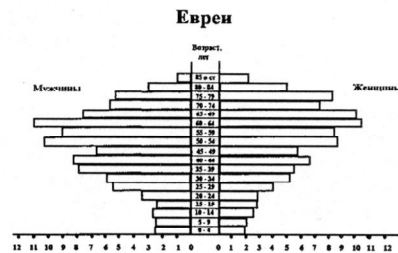
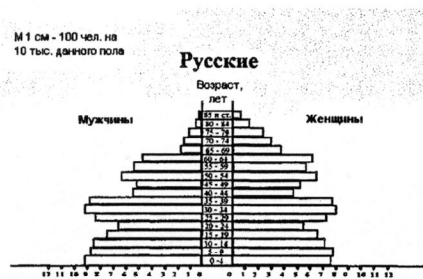

Рис. 1. Половозрастные пирамиды наиболее многочисленных этносов Среднего Урала (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) [7].

Таблица 2

Удельный вес населения основных этносов Среднего Урала в возрасте 0-14 лет
(по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2002 г.) [8]

Национальность	Удельный вес населения в возрасте 0-14 лет, % к общей численности					
	Оба пола		Мужчины		Женщины	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.
Русские	17,8	16,1	26,7	18,0	22,3	14,6
Украинцы	8,5	4,8	8,1	5,1	8,9	4,4
Белорусы	5,7	3,3	5,7	3,9	5,8	2,7
Башкиры	19,7	10,7	21,8	11,9	17,9	9,6
Марийцы	23,2	14,2	25,4	16,3	21,4	12,5
Татары	18,5	11,0	20,3	12,5	16,9	9,8
Удмурты	11,7	4,5	13,3	5,4	10,5	3,8
Евреи	7,2	4,3	7,9	4,3	6,4	4,3
Немцы	12,7	10,2	13,6	11,4	11,8	9,0

Таблица 3

Медианный возраст населения основных этносов Среднего Урала
(по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2002 г.) [9]

Национальность	Все население		Город		Село	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.
Русские	34,3	36,6	34,2	36,5	35,0	37,6
Украинцы	42,5	48,5	42,9	48,9	38,9	45,2
Белорусы	46,0	53,4	45,9	53,5	46,5	52,5
Башкиры	32,3	39,2	32,6	39,4	30,5	37,6
Марийцы	31,8	38,1	31,8	38,1	31,7	38,2
Татары	35,6	41,1	35,5	41,3	35,9	41,8
Удмурты	38,6	45,5	39,2	45,7	36,9	44,9
Евреи	50,8	59,4	50,8	59,7	48,6	53,3
Немцы	41,8	42,3	41,8	42,3	41,7	41,7

Но, несмотря на это, общие тенденции постарения населения коснулись и этих этносов (табл. 4).

Таблица 4

Удельный вес населения основных этносов Среднего Урала в возрасте 60 лет и старше
(по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2002 г.) [10]

Национальность	Удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше, % к общей численности					
	Оба пола		Мужчины		Женщины	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.
Русские	15,0	18,3	9,7	13,2	19,5	22,6
Украинцы	24,0	31,3	21,7	28,8	26,6	33,7
Белорусы	24,3	40,6	20,0	36,0	28,4	44,5
Башкиры	9,4	16,0	6,6	12,2	11,8	19,3
Марийцы	10,4	14,5	6,9	11,2	13,4	17,2
Татары	13,5	21,0	9,4	15,9	17,2	25,3
Удмурты	15,0	25,8	9,5	19,3	19,2	30,6
Евреи	38,6	49,5	33,0	46,4	44,0	52,8
Немцы	24,7	20,9	24,0	18,3	25,4	23,4

Осуществляя анализ степени постарения населения, мы используем классификацию демографической старости по Э. Россету: 12–14 % – начальный уровень демографической старости; 14–16% – средний уровень демографической старости; 16–18% – высокий уровень демографической старости; 18% и более – очень высокий уровень постарения населения.

Из выделенной нами *первой группы* народов наибольшая степень постарения населения к концу XX в. наблюдалась у русских, достигших среднего уровня демографической старости (15% населения старше 60 лет в 1989 г.), и татар, находившихся на начальном уровне демографического постарения (13,5%) (табл. 4). Причем уровень постарения наиболее высоким был среди женского населения этих этносов, что объясняется более длительной продолжительностью жизни женщин, и, соответственно, большим их удельным весом среди всего населения. Эти крупные этносы раньше остальных втянулись в характерный для России процесс постарения. К 2002 г. оба этноса попали в категорию «очень высокий

уровень постарения» (русские в возрасте 60 лет и старше – 18,3%), причем темпы постарения татар оказались одними из самых высоких в регионе (с 13,5% в 1989 г. до 21,0% в 2002 г.), что, вероятно, связано с активной миграцией молодежи за пределы региона, а также с ассимиляционными процессами.

Наиболее молодыми этносами Среднего Урала были этносы, отличавшиеся достаточно высокой рождаемостью и значительной конфессиональной сплоченностью, снижавшей процент межэтнических браков – марийцы и башкиры. Однако за межпереписной период 1989–2002 гг. и они попали в категории среднего и высокого уровня постарения: если в 1989 г. население в возрасте 60 лет и старше составляло среди марийцев 10,4%, а среди башкир – 9,4%, то в 2002 г. эти показатели составляли уже 14,5 и 16,0% соответственно (табл. 4).

Во *вторую группу* вошли этносы, чей половозрастной состав отличался преобладанием населения средних и старших возрастных групп – украинцы, белорусы, удмурты, немцы и евреи. Их половозрастные пирамиды резко сужены в нижней части, что свидетельствует о высоких темпах демографического постарения. В 2002 г. наиболее низкой доля детей 0-14 лет наблюдалась у белорусов (3,3%), украинцев (4,8%) и евреев (4,3%) (табл. 2). Основной причиной снижения удельного веса детей белорусской и украинской национальности, по всей видимости, являлось увеличение доли межэтнических русско-украинских и русско-белорусских браков, в которых ребенку, как правило, присваивалась русская национальность. К сожалению, материалы переписей населения не содержат достаточно полной информации об этнической принадлежности детей в межэтнических семьях.

Снижение как абсолютной численности, так и удельной доли детей и подростков еврейской национальности связано прежде всего с общей для этого этноса тенденцией перехода к малолетности и активной миграцией средних и молодых поколений за рубеж – в США, Израиль и другие страны мира. Немаловажным фактором снижения численности евреев этой возрастной группы была, как и в случае с украинцами и белорусами, ассимиляция их русскими [11]. Уже перепись 1970 г. отметила крайне неблагоприятную возрастную структуру еврейского населения страны. По данным переписи, 26,4% евреев РСФСР составляли лица в возрасте старше 60 лет. По классификации Э. Россета, это очень высокий уровень постарения населения. Между тем доля лиц старше 60 лет у всего населения России составила в 1959 г. 9,0%, в 1989 г. – 15,3% [12]. 16,3 и 16,0% евреев РСФСР относились к возрастным группам 50-59 и 40-49 лет соответственно. Далее структура еврейского населения по возрастам выглядела следующим образом: 30-39 лет – 15,1%, 20-29 лет – 10,9%, 11-19 лет – 8,2%, 0-10 лет – 6,9% [13]. Постарение населения, как и падение уровня рождаемости и естественного прироста, были всеобщей тенденцией демографического развития населения страны, однако в среде еврейского населения эти процессы проходили в несколько раз интенсивнее. По результатам последних переписей евреи являлись самым старым по возрастной структуре этносом на Среднем Урале. Средний возраст еврейского населения в 1989 г. составлял 50,8 лет, в 2002 г. – уже 59,4, тогда как у представителей большинства этносов он составлял менее 40 лет. Доля лиц старше трудоспособного возраста у евреев составляла в 1989 г. 38,6%, в 2002 г. – 53,3% (у всего населения – 15,6% и 20,4% соответственно), лиц трудоспособного возраста – 54,2% в 1989 г. и 41,8% в 2002 г. (у всего населения – 66,4 и 61,6% соответственно), лиц моложе трудоспособного возраста – 7,2% в 1989 г. и 4,9% в 2002 г. (у всего населения – 18,0% в 1989 и 2002 гг.) [14].

Регрессивный тип воспроизводства был свойственен и для немцев Среднего Урала. Последние переписи показали резкое снижение удельного веса немцев возрастной группы 0-24 лет (рис. 1), что также связано с начавшимся с конца 1980-х гг. оттоком их за рубеж, главным образом, в Германию. В последнее десятилетие удельный вес немцев в возрасте 0-14 лет снизился с 12,7 в 1989 г. до 10,2% в 2002 г. (табл. 2) [15]. Уменьшение доли молодых поколений немцев сопровождалось уменьшением в межпереписной период и доли населения в возрасте старше 60 лет с 24,7 до 20,9% (табл. 4). Однако эта тенденция вряд ли устойчива и не может в ближайшее время изменить возрастную структуру «в лучшую сторону»: медианный возраст немцев Среднего Урала на порядок выше, чем у русских (42,3 лет у немцев против 36,6 у русских) (табл. 3).

Аналогичные негативные тенденции наблюдались и у удмуртов. К 1989 г. они составляли лишь 0,3% всего населения, расселялись преимущественно дисперсно, и поэтому сильнее всех подверглись ассимиляции со стороны русских. В 1989 г. доля детей и подростков 0-14 лет была чрезвычайно низкой – лишь 11,7%, а к 2002 г. удельный вес удмуртов этой возрастной группы снизился до 4,5% (табл. 2), при этом резко повысился удельный вес удмуртов в возрасте 60 лет и старше – с 15% в 1989 г. до 25,8% в 2002 г. (табл. 4), а медианный возраст возрос с 38,6 в 1989 г. до 45,5 лет в 2002 г. (табл. 3).

Таким образом, ценнейший источник для этнодемографических исследований второй половины XX в. – переписи населения 1989 и 2002 гг. – позволили выявить особенности двух демографических переходов, пришедшихся на этот период и оказавших заметное влияние на этнодемографическую структуру населения Среднего Урала. Общей для всех этносов региона тенденцией являлось заметное

постарение возрастной структуры населения. Вместе с тем ряд этносов к концу XX века и на сегодняшний день находятся еще на средней стадии демографической старости или только вступают в высокую (башкиры, марийцы). Другие, скорее всего, обречены на депопуляцию, если в ближайшие годы не будет наблюдаться их миграционный прирост (белорусы, украинцы, евреи). Диспропорция же половой структуры внутри этноса наряду с этнической и культурной близостью к наиболее многочисленным этносам региона создает благоприятную почву для ассимиляционных процессов (мордва, удмурты, марийцы, чувашы, башкиры).

Литература и источники

1. Население Урала. XX век. История демографического развития. – Екатеринбург, 1996. – С. 14.
2. Рассчитано по: Архив Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1970 г. Табл. 31с «Распределение населения по возрасту, состоянию в браке и национальности». Перепись 1979 г. Табл. 27-в «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту». Перепись 1989 г. Табл. 29 с «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту»; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М., 2005. – С. 558-570.
3. Территориальные особенности народонаселения РСФСР / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М., 1976. – С. 79.
4. Текущий архив отдела статистики населения Свердловского областного комитета по статистике. Табл. М 3000003 «Распределение мигрантов по полу и национальности за 1988 г.». Л. 3.
5. Текущий архив отдела статистики населения Свердловского областного комитета по статистике. Табл. М 3000001 «Распределение мигрантов по полу и национальности за 1995 г.». Л. 1.
6. Текущий архив отдела статистики населения Свердловского областного комитета по статистике. Табл. М 3000003 «Распределение мигрантов по полу и национальности за 1988 г.». Л. 3.
7. Рассчитано по: Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета государственной статистики. Табл. «Распределение населения по полу, возрасту национальности. Перепись 1989 г.».
8. Рассчитано по: Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Табл. 29 с «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту». Л. 1-9; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М., 2005. – С. 558-570.
9. Рассчитано по: Там же.
10. Рассчитано по: Там же.
11. Козлов В. И. Динамика населения СССР (Общий и этнодемографический обзор) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 10-11.
12. Народы России: Энциклопедия. – М., 1994. – С. 21.
13. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. – М., 1973. – Т. 1. – С. 373.
14. Рассчитано по: Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Табл. 29 с «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту». Л. 1-27; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М., 2005. – С. 558, 569.
15. Рассчитано по: Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Табл. 29 с «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту». Л. 1-9; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М., 2005. – С. 563.

Исторические источники по населению Ямала во второй половине XX века

Население Ямала во второй половине XX в. – тема малоизученная, и исследованием ее стали заниматься только в последние годы. Несмотря на обилие публикаций по истории газонефтяного освоения Севера, обобщающих работ по решению проблем в сфере комплектования и подготовки кадров, которыми занималась и советская историческая литература 1960–1980-х гг., и современные исследователи рубежа XX–XXI столетий, нужно отметить, что большинство работ посвящено раскрытию деятельности КПСС и областной парторганизации по руководству геологоразведочными работами [1], началу промышленного освоения, задачам, стоящим перед трудовыми коллективами [2], но конкретно демографические проблемы Ямалского Севера затрагивались лишь в срезе динамики роста рабочей силы. Отдельные исследования посвящены малым народностям, их истории и современному быту [3]. Можно отметить монографию А.Г. Оруджиевой “От переписи до переписи” [4], основанную в большинстве своем на обобщенных сведениях о населении Тюменской области – сборниках материалов переписей. Весомый вклад в изучение данной проблемы вносят работы Н.Ю. Гавриловой – автором исследована проблема привлечения трудовых ресурсов, в особенности вахтовый метод организации труда [5]. Большинство исследователей делает вывод о том, что на протяжении всей истории формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса его трудовой потенциал наращивался исключительно за счет мигрантов [6]. Тем не менее в проблеме изучения населения Ямала существует огромная масса неисследованных вопросов, и, соответственно, имеется большой массив источников, необходимых к выявлению, обобщению и анализу.

Все источники по данной теме делятся на две группы: опубликованные и неопубликованные.

К опубликованным источникам относятся:

1. Законодательные и нормативно-правовые акты: законы, указы, постановления правительства, касающиеся Ямала и его населения. Среди этих источников значительное место занимают постановления правительства РФ по промышленному освоению Ямала – причина, по которой Конституция РФ 1977 г. изменила статус ЯННО на ЯНАО. Эти акты охватывают практически все сферы жизни населения – культуру, быт, здравоохранение, образование, и отражают политику правительства по отношению к развивающемуся району.

2. Публикации демографической статистики и справочные материалы, опубликованные в:

- Переписи населения 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг., содержащие обобщенные сведения о населении;
- Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет [7];
- Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа [8];
- Энциклопедия образования в Западной Сибири [9];
- Сборник “Из истории промышленного развития Тюменской области (1917–1980)” [10];
- Сборник “Молодежь и время” об истории молодежных движений Тюменской области (1917–1985 гг.) [11].

3. Мемуарные источники – воспоминания Н.К. Байбакова, В.И. Муравленко, Ю.Г. Эрвье, Ф.Г. Аржанова, Г.И. Шмаля и других активных участников создания нефтегазового комплекса собраны в ряде сборников: “Главтюменнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях” [12], “Соратники: поколение Виктора Муравленко” [13] и др. – содержат сведения об условиях жизни, проблемах быта и специфике работы в северных территориях. В воспоминаниях ветеранов и героев промышленного освоения региона отражена история самоотверженной деятельности коллективов геологов, нефтяников, строителей, транспортников и представителей других профессий по созданию в экстремальных условиях беспрецедентно крупной нефтегазовой базы на Севере. Эти источники, имеющие не только историческое, но и воспитательное значение, позволяют конкретизировать представление о положении населения во времена промышленного освоения.

4. Периодические издания – газеты “Красный Север”, “Надымский рабочий” и др. В них содержатся сведения о множестве явлений – о поставках продовольствия, трудностях быта, открытии новых учреждений, практике промышленного освоения и других проблемах и успехах, но зачастую подобные сведения приходится рассматривать с точки зрения официальной пропаганды. Также необходимо отметить журналистские расследования В.Н. Гриценко [14], содержащие обширные сведения о быте и проблемах местного населения и спецпереселенцев, связанные с началом освоения Ямала, о быте и жизни национальных меньшинств, с использованием архивных документов. Специфика газетных материалов в том, что они,

*Корнилов Геннадий Геннадьевич (Екатеринбург) – аспирант Института истории и археологии УрО РАН.

как правило, готовились “на злобу дня” и не нашли отражения в других документах. Эти источники хорошо передают атмосферу трудовых будней тех лет, отражают повседневную борьбу за нефть и газ. Отражение мнений рабочих, мотивы потенциальной текучести, удовлетворенность рабочих различными аспектами трудовой деятельности – информация, которую зачастую невозможно найти в официальных документах.

Огромную информационную насыщенность имеют неопубликованные источники. Они выявлены в архивах: ГАТО (Государственном архиве Тюменской области) и ГАОПОТО (Государственном архиве общественно-политических объединений Тюменской области). Эти источники классифицируются следующим образом:

1. Нормативно-правовые документы (массив постановлений правительств СССР и РСФСР, которые не были опубликованы и только в последние годы к ним был открыт доступ), отражающие политику государства по отношению к развивающемуся району, особенности региональной демографической политики.

К числу важнейших источников по данной теме относятся документы компартии и советского правительства – документы высших органов партии (решения партийных съездов, конференций, пленумов и совещаний ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ), в которых дается стратегия развития производительных сил Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) и определяются направления и принципы кадровой политики в районах освоения. Этими актами регулировались вопросы подготовки, организации и стимулирования трудовых ресурсов. К этой же группе источников можно отнести протоколы заседаний бюро обкома КПСС, протоколы и стенографические отчеты пленумов Тюменского обкома КПСС и собраний актива. Исследование переписки Тюменского обкома КПСС с ЦК КПСС, Советом Министров и отраслевыми министерствами дает возможность понять практическое значение решений местных партийных и советских органов власти и механизм их принятия. Эти документы позволяют проследить разработку системы государственных мероприятий по решению кадровых проблем, а также четко обрисовывают круг проблем, стоящих перед хозяйственными и партийными работниками при формировании и развитии нефтегазового комплекса. Часть этих документов опубликованы в периодической печати и сборниках документов, но гораздо больший массив содержится в фондах местных государственных архивов. Большой интерес представляют отчетные документы и пояснительные записки к годовым отчетам главков и их подразделений, сосредотачивающих фактический и аналитический материал. На основании документов из этих источников можно выяснить, как велась борьба за создание ЗСНГК, каковы были трудности в освоении Тюменского севера в целом, и Ямальского в частности, как в течение исследуемого периода совершенствовалась структура управления и организации труда, менялся состав рабочих и ИТР, как менялся характер соцсоревнования и роль массовых творческих организаций в техническом совершенствовании предприятий и промыслов. Общая картина создания, развития и функционирования подразделений ЗСНГК отслеживается по документам первичных партийных, хозяйственных и профсоюзных организаций, отчетам и объяснительным запискам к ним ведущих главков комплекса – Главтюменнефтегаза, Главтюменгеологии, Главтюменнефтегазстроя и Тюменгазпрома. Эти группы документов отчасти показывают недостатки в работе отдельных звеньев в цепи комплекса, дают представление о принятии конкретных решений и дают оценку различным формам работы в процессе поиска оптимальных решений в развитии и функционировании нефтегазового комплекса и его кадровых структур.

2. Статистические материалы, совокупность которых дает возможность составления ежегодных данных о населении, находятся в материалах фонда р-1112 ГАТО – сектора статистики населения и здравоохранения Статистического управления Тюменской области, содержащие неопубликованные материалы переписей населения, а также сводные годовые сведения о естественном и механическом движении населения. Эти данные текущего учета населения составлялись на основе актов гражданского состояния (ЗАГС), они содержат данные о количестве рождений, смертей, браков, разводов и о младенческой смертности, а также материалы органов внутренних дел по механическому движению населения – данные о прибытии и выбытии с территории Ямала. В этом же фонде находятся сводные годовые статотчеты учреждений облздравотдела и облсобеса. Документы дают возможность исследовать заболеваемость и смертность населения, причины смертей по годам, возраст и пол умерших, причем по документам 1970-х годов возможно изучить эти вопросы в разрезе городов и сельской местности, выделяются и процессы среди коренного населения. В этом же фонде обнаружен неопубликованный статсборник о развитии народного хозяйства ЯНАО за 1959–1979 гг. [15], в котором содержатся общие сведения о населении округа в динамике.

Подробный анализ сведений о численности и составе населения, а так же основных показателей экономического и социального развития региона и округа, позволяет сравнить динамику численности

городского и сельского населения Тюменской области и ЯНАО, половозрастной и этнический составы, распределение населения по роду занятий, уровню образования, по родному и второму языкам, составу семей. Отдельные группы составляют материалы сводных годовых и квартальных отчетов облстата Тюменской области о механическом и естественном движении населения, статсведения окрстатуправления и райинспектур госстатистики о передвижении населения в городских и сельских местностях, сводные статотчеты облздравотдела о движении инфекционных заболеваний, годовые отчеты о пострадавших. Одним из важнейших источников является комплекс отчетов о ходе перевода на оседлый образ жизни кочевого и полукочевого населения Ямало-Ненецкого округа. Статсборники и статбюллетени о показателях образования, культуры, здравоохранения и бытового обслуживания позволяют проследить общую картину жизни местного и прибывшего населения, проблемах сосуществования различных культур в условиях общего советского пространства, работе массовых и производственных структур и их влиянии на местное население.

3. Делопроизводственная документация, состоящая из отчетов различных органов управлений – записки, информации, справки, фонды переписки – огромный массив данных о здравоохранении, культуре, народном образовании, быте приезжего и местного населения. Большое значение для исследователей данной темы имеет изучение комплекса делопроизводственных документов государственных учреждений, предприятий и организаций нефтегазового комплекса. Они содержат обширную информацию о развитии отраслей народного хозяйства, численности, составе и движении рабочей силы, подготовке кадров. Годовые отчеты как основной вид источников данной группы, ориентированные в большинстве своем на узкий круг специалистов, в целом объективно отражали сложившееся положение по изложенным проблемам. Особенно насыщены этими материалами фонды р-814 ГАТО – Тюменский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет; фонд р-1725 ГАТО – Главное управление здравоохранения исполкома Тюменского областного совета народных депутатов; фонд 2101 ГАТО – Главное управление “Тюменгазпрома”. В эту группу входят и документы по истории партийной организации Тюменской области. Документы ГАОПОТО содержат большой объем информации по различным аспектам демографического развития региона. Особо выделяются фонды 135 – Ямало-Ненецкий окружной комитет КПСС; 124 – Тюменский областной комитет КПСС; 1444 – Тюменский обком ВЛКСМ; а также материалы горкомов и райкомов КПСС – ф.104 – Надымский, ф. 132 – Шурышкарский, ф.717 – Тазовский, ф. 722 – Салехардский, ф. 723 – Ямальский, ф. 724 – Приуральский и ф. 1481 – Пуровский.

4. Документы личного происхождения, к которым относятся письма, жалобы, просьбы, содержат множество сведений по различным проблемам – жилищным, бытовым, продовольственным, производственным и другим проблемам. Эти документы содержатся в отделе писем Тюменского облисполкома, а также в материалах горкомов и райкомов КПСС. Обработка этих документов методом контент-анализа позволяет выяснить причины процессов притягивания и отталкивания населения Ямала в исследуемое время.

Таким образом, выявленная источниковая база репрезентативна, позволяет исследовать динамику численности и состава населения, определить основные направления естественного и миграционного движения населения, изучить демографическую ситуацию в среде коренного населения и этнодемографические процессы, протекавшие на Ямале во второй половине XX в.

Литература и источники

1. Гайшин И.А. Деятельность партийных организаций нефтяных районов Тюмени по ускорению научно-технического прогресса в годы восьмой пятилетки // История КПСС – марксизм-ленинизм в действии. – М., 1974. – С. 185-198; Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964 – 1980. – Томск, 1988; Панарин С.М. Некоторые вопросы историографии деятельности партийных организаций по развитию геологоразведочных работ на нефть и газ в Сибири // Проблемы историографии партийных организаций Сибири: Межвузовский сборник. – Томск, 1989. – С. 137-140; и др.
2. Пашков Н.М. Социалистическое соревнование в коллективах нефтегазовой промышленности Западной Сибири // Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития. – Новосибирск: 1985. – С. 94-105.
3. Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. – Томск, 1999.
4. Оруджиева А.Г. Население Ямала от переписи до переписи. – Салехард; Екатеринбург, 2005.
5. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964 – 1985 гг.). – Тюмень, 2002.
6. Долголюк А.А. Опыт решения кадровых проблем на севере Тюменской области в 1960–1980-е годы и задачи современного изучения этих вопросов // Ямал в панораме Российской истории. Материалы семинара “Теоретическо-методологическое обеспечение исследований по истории Ямала” (г. Салехард. 19-22 декабря, 2004 г.). – Екатеринбург, 2004. – С. 158-178.
7. Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет: Стат. сб. – Тюмень, 1987.
8. Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. В 3 т. – Салехард, 2004.

9. Энциклопедия образования в Западной Сибири. В 3 т. – Барнаул, 2003.
10. Из истории промышленного развития Тюменской области (1917–1980). Документы и материалы. – Свердловск, 1988.
11. Молодежь и время. Сборник документов и материалов из истории молодежных движений Тюменской области (1917–1985). В 3-х ч. – Тюмень, 1993.
12. Главтюменнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях / Сост. С.Д. Великопольский и Ю.И. Переплеткин. – Тюмень, 2005.
13. Соратники: Поколение Виктора Муравленко / Сост. С.Д. Великопольский и Ю.И. Переплеткин. – Тюмень, 2002.
14. Гриценко В.Н. История Ямальского Севера в очерках и документах. В 2 т. – Омск, 2005.
15. ГАТО.Ф.р-1112.Оп.4.Д.42.Л.740-799.

Волны урбанизации на Кольском полуострове

История развития Мурманской области отмечена стремительным ростом городов и городского населения. В целом уровень урбанизации в области довольно высок. Это связано, прежде всего, с тем, что основу экономического развития области составляют горнодобывающая отрасль, рыбная промышленность, энергетика и другие отрасли индустрии. Но истины ради, освещая процесс урбанизации, следует вести речь о волнах урбанизации на территории Кольского полуострова, так как область как административно-территориальная структура образована 28 мая 1938 года, а города стали появляться несколько раньше.

В силу природно-климатических условий в области затруднено широкое распространение различных видов сельского хозяйства. Поэтому вполне естественно, что основная часть населения области являются горожанами, а значительная часть жителей так называемой сельской местности заняты в промышленном производстве и на морском промысле. По данным правительства Мурманской области в 2005 г. в сельском хозяйстве области было занято всего лишь 7500 чел. Среди всех городов области, а их, по нашим данным, шестнадцать, без учёта посёлков городского типа (пгт), – шесть расположены на побережье Кольского залива. В этих городах на 1 января 2006 г. проживало: в Мурманске – 321 тыс. жителей, в Североморске (ЗАТО Североморск) – более 54 тыс. чел., в Полярном (ЗАТО Полярный) – более 17 тыс. чел., в Гаджиево (ЗАТО Скалистый) – более 12 тыс. чел., Снежногорске (ЗАТО Снежногорск) – почти 14 тыс. чел. и в Коле – менее 10 тыс. чел. Эти данные показывают, что только в этих городах, расположенных по берегам Кольского залива, проживает около 50% населения области, в которой на 1 января 2006 г. численность населения составляла 864600 чел. С нашей точки зрения, научный интерес представляет не только процесс урбанизации, происходящий на побережье Кольского залива, на сравнительно небольшом участке территории Мурманской области, но и те исторические волны процесса урбанизации, которые имели место в истории заселения и освоения Кольского полуострова. Кстати, волны процесса урбанизации на побережье Кольского залива в своём локальном масштабе идентичны волнам процесса урбанизации на территории всего Кольского полуострова.

Процесс урбанизации в нашей статье следует понимать расширительно. Урбанизация – это, прежде всего, явление историческое, но его осмысление предполагает использование как историко-социологических методов, так и демографо-статистических и экономических понятий. Урбанизация как исторический процесс приводит к повышению роли городов в жизни общества, к постепенному преобразованию населения в городских жителей по характеру труда и видам трудовой деятельности, по образу жизни, по уровню культуры и ментальности горожанина. Повышение роли городов приводит к устойчивому формированию городского хозяйства в местностях со слабой инфраструктурой, к преобразованию семейных хозяйств преимущественно в городские, т.е. сокращению доли хозяйств, занимающихся натуральным производством, и большему включению их в обменные процессы.

Города, расположенные на побережье Кольского залива, по специфике черт можно разделить на два типа. К первому типу следует отнести города как естественные производственные, рекреационные и коммуникационные зоны, которые развиваются в соответствии с потребностями горожан. Этот тип городов или посёлков городского типа (пгт) можно условно называть субарктическим оазисом, термином вполне приемлемым для зоны пустынь или полупустынь. Второй тип – это город как искусственная производственная, рекреационная и коммуникационная зона, которая формируется в соответствии с промышленными или военными потребностями. Такая зона может быть сравнима с резервацией, созданной не для жизни людей, а для достижения кем-то поставленных целей. К первому типу можно отнести города: Колу, Мурманск. Ко второму типу – города: Полярный, Скалистый и Снежногорск.

Предложенный вариант типологии городов, расположенных по берегам Кольского залива, обусловлен профессионально-демографической характеристикой этих населённых пунктов. В городах первого типа основная часть населения, занятая в градообразующих отраслях хозяйства, трудится в так называемых “уставных” организациях. К предприятиям и организациям, которые функционируют в соответствии с отраслевым уставом, следует отнести многочисленные хозяйствующие субъекты рыбодобывающей и рыбообрабатывающей промышленности, предприятия морского и железнодорожного транспорта и связи.

*Циркунов Игорь Борисович (Мурманск) – кандидат экономических наук, доцент кафедры отечественной истории Мурманского государственного педагогического университета.

Население городов второго типа это, в основе своей, военнослужащие и вольнонаёмные частей ВМФ, ВВС, ФПС и члены их семей. Соответственно другая часть населения городов первого и второго типов, если не занята на работе в градообразующих отраслях, то трудится на предприятиях и в учреждениях, обеспечивающих жизненно важные функции городов - жилищно-коммунального хозяйства, тепло-, водо-, электроснабжения, торговли, городского транспорта, здравоохранения, образования, культуры, занимается предпринимательством.

Сложившаяся профессионально-демографическая обстановка возникла в результате целенаправленного воздействия сначала царского, затем советского правительства по освоению субарктического района и, в частности, побережья Кольского залива. Однако, несмотря на черты, которые присущи только процессу урбанизации на побережье Кольского залива, есть общие характеристики, которые свойственны как локальному процессу урбанизации на побережье Кольского залива, так и в целом всему процессу урбанизации Кольского полуострова. Одна из них – это общий исторический процесс развития поселения – от возникновения через рост к естественному развитию города и возможно угасанию. Другая характеристика – это перерастание первых поселений, которые были сельскими, в города. Примерами могут послужить такие поселения, как современный город Кола, Североморск, поселки городского типа Сафоново, Росляково.

Анализируя процесс урбанизации побережья Кольского залива, следует рассмотреть это явление с исторической точки зрения, дать общую историческую характеристику возникновения и развития основных населенных пунктов и городов, расположенных по Кольскому заливу.

Старейшим местом поселения на берегу Кольского залива является город Кола. Это поселение было основано в 1556 г. в междуречье рек Колы и Туломы [2]. Столетиями Кола играла важнейшее значение в развитии Русского Севера. Кола была крупнейшим административным, экономическим и военным форпостом на Севере России. Но наиболее значимым для Колы было то, что она выполняла роль культурного центра. В Коле создавалась особая субкультура жителей Крайнего Севера, формировался неповторимый менталитет колян которые, следует заметить, поморами не являлись.

Другим старым поселением на берегу Кольского залива является село Белокаменка. Это село расположено на западном берегу залива и возникло в 1885 г. В 1930 г. в селе был создан колхоз «Северная звезда» [1]. После 1965 г. в селе появились переселенцы из Порей Губы, старинного поморского поселения Терского берега [11].

Поселение Тюва-Губа возникло в 1893 г., в 1957 г. был образован рабочий поселок [9]. В 1984 г. поселок был ликвидирован [1]. Два других поселения возникли также в конце XIX в., но в отличие от Тюва-Губы они существуют до настоящего времени. Сафоново как поселение возникло в 1893–1894 гг. под названием Грязная Губа [1]. В 1954 г. стало поселком городского типа (пгт) и было названо в честь легендарного военно-морского летчика времен Великой Отечественной войны, дважды Героя Советского Союза Бориса Феоктистовича Сафонова. Другое поселение – Росляково – было основано в 1896 г. Название этого поселения старинное и восходит к XVII в. [1]. С 1959 г. и по настоящее время является поселком городского типа [8].

На месте Североморска первоначально было поселение Ваенга, которое возникло в 1896–1897 гг. [1]. По данным краеведа А. Кауфмана, поселение возникло в 1611 г. [6]. В 1951 г. посёлок Ваенга получил статус города и новое название – Североморск, став главным городом Краснознаменного Северного флота России [5].

Старейшим городом на побережье Кольского залива является Полярный. До его основания на побережье Екатерининской гавани с 1754 г. существовало одноименное поселение [6]. В 1899 г. это поселение получило статус города и название Александровск. Александровск в те годы был главной военно-морской базой России на побережье Ледовитого океана. В 1925 г. город был преобразован в село Александровское. В 1939 г. село было вновь преобразовано в город с новым названием Полярный [1]. Одно из важнейших назначений города – обеспечение жизнедеятельности военно-морского флота на севере России. В настоящее время Полярный является закрытым административно-территориальным образованием (ЗАО).

Крупнейшим городом в мире за полярным кругом по праву считается город-герой Мурманск. Как населенный пункт он возник в 1915 г. В 1916 г. был преобразован в город Романов-на-Мурмане. Весной 1917 г. переименован в город Мурманск [7]. Знаменательным событием в истории города можно считать присвоение ему почетного звания «Город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» 6 мая 1985 г. [9].

Два других современных города – военно-морские базы Северного флота – Скалистый и Снежногорск. На месте города Скалистого в 50-е годы был поселок Ягельная Губа, где базировалась эскадра подводных лодок. В 1957 г. поселок получил статус города. В 1967 г. его переименовывают в Гаджиево

в честь Героя Советского Союза, североморца-подводника Магомеда Гаджиева, погибшего в 1942 году, который первым из дагестанцев получил это высокое звание. В 1981 году закрытым решением Президиума Верховного Совета РСФСР городу было дано секретное название Скалистый. Два месяца спустя Мурманский облисполком для обозначения этого населенного пункта дал незамысловатое название Мурманск-130. Примерно в это же время к Гаджиеву – Скалистому – Мурманску-130 присоединили Сайду-Губу, Оленью Губу и Кувшинскую Салму. Впоследствии три поселка и город Скалистый были объявлены одноимённым закрытым административно-территориальным образованием (ЗАТО). С 1993 г. на картах вновь появилось название – Скалистый. Но жители и руководство города вели борьбу за право вновь называться “гаджиевцами”. Борьба увенчалась успехом, и в мае 1999 г. городу торжественно было возвращено имя Гаджиева. Город Снежногорск основан в середине 1960-х гг. До 1994 г. назывался Вьюжный, был известен как Мурманск-60 [1]. Снежногорск – стопроцентный военный городок.

Другие населенные пункты, расположенные по берегам Кольского залива, не имеют выраженных следов урбанизированного развития. К числу таких пунктов можно отнести село Минькино, которое возникло в 1920-х гг. на западном берегу залива; Мишуково – населенный пункт на том же берегу залива; Кувшинскую Салму – населенный пункт, напротив, о. Торос; Кулонгу – населенный пункт на западном берегу залива, ликвидированный в 1977 г. [1]. Всего на берегах Кольского залива можно выделить не менее 14 населенных пунктов различного значения и масштаба, имеющих в прошлом или настоящем четкую административную границу.

Процесс заселения побережья Кольского залива с точки зрения демографического анализа обусловлен историческим аспектом расселения по берегам залива и территориально-географическими особенностями местности. Территориально-географическое размещение городов и населенных пунктов, расположенных на берегах Кольского залива, даёт возможность классифицировать их по трём степеням доступности или возможности проникновения в эти города и посёлки рабочего типа. К первой степени доступности можно отнести города Мурманск и Колу. Доступность в эти города обычная – железнодорожным путём (станция Мурманск – конечная), воздушным (через аэропорт Мурмаши) и морским транспортом (незамерзающий порт Мурманск). Между Колой и Мурманском действует налаженное автотранспортное сообщение.

К городским поселениям второй степени доступности следует отнести Североморск и поселки городского типа – Росляково и Сафоново. Для этих населённых пунктов транспортными воротами являются город Мурманск или аэропорт Мурмаши. Между Мурманском и этими населёнными пунктами действует рейсовое автобусное сообщение – от Мурманска до Североморска примерно 27 км. В Североморск можно добраться и водным путём – на рейсовом катере. Но сложность проникновения в эти поселения, несмотря на достаточно развитое транспортное сообщение, объясняется строгой пропускной системой, осуществляемой сухопутными силами Северного флота.

Города Полярный, Скалистый и Снежногорск можно считать поселениями третьей степени доступности. В эти города тоже можно добраться на рейсовом автобусе, но интервалы движения автотранспорта значительно более длительные, чем на других междугородних маршрутах. Как ни странно, но более привлекательным видом транспорта является водный, и это объясняется тем, что названные города расположены на противоположном Мурманску берегу залива. Кроме этого, сложность доступа обусловлена усиленным режимом охраны этих городских поселений, которые являются закрытыми военно-морскими базами.

Различия по степени доступности прямо сказываются на демографическом развитии эти городских зон. Так, самая доступная зона является самой населенной, в ней проживало в 1997 г. – 406,5 тыс. чел., а в 2006 г. около 330 тыс. чел. Во второй зоне в 1997 г. насчитывалось около 75 тыс. чел., без учета сельского населения, а в 2006-м – чуть более 73 тыс. чел. И третья зона, самая труднодостижимая, являлась самой малонаселенной. В 1997 г. там проживало всего лишь 53,7 тыс. чел. только городского населения, а в 2006 г. – почти 47 тыс. чел. [12, с. 63].

С позиций региональной социологии и экономики этот процесс не рассматривался самостоятельно. Описывая цели и задачи социологии Арктики, её основными направлениями были определены: во-первых, исследование проблем развития цивилизации в арктическом регионе; во-вторых, исследование условий и специфики проживания человека в населенном пункте, расположенном в субарктической и арктической зонах [10]. С точки зрения региональной социологии, процесс урбанизации побережья Кольского залива является уникальным.

Уникальность процесса урбанизации побережья Кольского залива определяется многими факторами. Во-первых, урбанизация как процесс повышения роли городов в развитии нашего края проходит в тяжелых природно-климатических условиях, характерных для субарктической зоны.

Во-вторых, процесс урбанизации характеризуется множественностью своего проявления. Это означает, что в этот процесс вовлечены несколько городских формирований. Уникальность этой множественности проявляется в том, что эти городские формирования не являются городами-спутниками по отношению друг к другу.

В-третьих, в основе урбанизации побережья Кольского залива лежит основной формирующий демографический поток, который можно характеризовать не как приток в город сельского населения со свойственными маятниковыми движениями населения из прилегающих населенных пунктов, а практически чистую миграцию и/или недобровольное переселение из областей, расположенных южнее Мурманской области в силу исполнения действующих законов РФ.

В-четвёртых, некоторые населенные пункты, расположенные по берегам Кольского залива и имеющие статус посёлков, в меньшей степени имеют отношение к сельскому хозяйству в общеизвестном смысле – земледелие, садоводство, овощеводство, животноводство, птицеводство. Население этих поселков в основном занято в отраслях хозяйства, связанных с морем, хотя часть его формально является сотрудниками рыболовецких колхозов.

В-пятых, территориально-географическим условием объединения в единую зону урбанизации выступает не мегаполис, не промышленная разработка месторождений полезных ископаемых, не крупная река – транспортная артерия, а большой залив (фьорд), удобный с точки зрения дислокации военноморских сил и круглогодично функционирующего транспортного узла как плацдарма освоения Российской Арктики.

На наш взгляд, ни одна зона урбанизации в мире не отличается набором таких характеристик. Кроме этого, уместно рассуждать о драматической фазе процесса урбанизации побережья Кольского залива, которая характерна четко выраженным моментом затухания роста населения в области. Население области к началу 1997 г. составило 1032,7 тыс. чел., из которых 92% проживали в городских поселениях и 8% населения в сельской местности [4]. За 1996 г. общая численность уменьшилась на 15,3 тыс. чел., или на 1,5 %, тогда как в 1995 г. она сократилась на 1,8%. Главной причиной сокращения численности населения остается миграционная убыль. Другой причиной сокращения численности является естественная убыль населения. Основной составляющей процесса затухания является отток населения и низкие показатели естественного прироста населения в городах и населенных пунктах, расположенных на побережье Кольского залива. Это ещё одна уникальная черта развития процесса урбанизации в Мурманской области, т.к. чуть больше половины населения области проживает в городах и посёлках городского типа (пгт), расположенных на побережье Кольского залива.

Кроме этого исторический процесс урбанизации на побережье Кольского залива демонстрирует его волнообразную природу, которая характерна для всего процесса урбанизации Кольского полуострова. Начальный этап – предурбанизационный приходится на XVI век. Это время появления первых поселений на побережье Кольского залива. Первая волна урбанизации проходила, как нам представляется, с конца XIX до начала XX в. В этот период времени появляются поселения, которые сохраняют свой статус как поселения городского типа и до сегодняшнего дня – Росляково, Белокаменка, Грязная Губа (Сафоново), например. В этот же период основан город Александровск – в 1899 г., а затем город Романов-на-Мурмане – в 1916 г. В это время решалась стратегическая задача создания транспортной инфраструктуры наземного и морского базирования, закладывалась база военноморских сил на Крайнем Севере. Тридцатые – первые годы пятидесятых, несмотря на сложность этого периода, с лихольетом сороковых годов, с точки зрения процесса урбанизации можно рассматривать как вторую волну в истории создания, основания или преобразования населённых пунктов в города. Во время этой второй волны село Полярное, получившее это название в 1930 г., снова обрело статус города в 1939 г., в 1951 г. старинное поселение Ваенга также становится городом с названием Североморск. Третья волна урбанизации приходится на середину шестидесятых годов. В 1965 году старинное русское поселение Кола стало городом. В середине 60-х гг. появляется пгт Вьюжный (Снежногорск), а в 1967 гг. на карте появляется пгт Гаджиево.

Эта локализация волн урбанизации на побережье Кольского залива находит подтверждение и во всём процессе урбанизации на Кольском полуострове. В XVI в. за тридцать лет до появления на севере Кольского полуострова Колы была основана Кандалакша – в 1526 г. Первая волна в истории урбанизации на Кольском полуострове только на первый взгляд не оставила следов, или, точнее сказать, поселений. Проложенная через весь Кольский полуостров железная дорога в первые годы Первой мировой войны, интенсивные геологические экспедиции в центр Кольского полуострова дали мощный толчок к появлению населённых пунктов, которые очень быстро переросли в пгт и города. Вторая волна урбанизации тому красноречивое подтверждение. В 1930 г. появляется населённый пункт, который через год получит название Хибиногорск, в 1934 г. этот горняцкий город будет переименован в Кировск. В 1937 г. появляется Мончегорск. В 1938 г. статус города получила Кандалакша. В 1945 г. после воссоединения Печенгского

района с основной частью Мурманской области статус посёлков городского типа получили древнейшее (с XVI в.) русское поселение Печенга и посёлок Никель. В 1949 г. населённый пункт Оленья (основанная в 1916 г.) получает мощный импульс развития в связи со строительством горнообогательного комбината и в 1957 г. становится городом Оленегорском. Третья волна подводит итог формированию урбанизированных кластеров в Мурманской области. В шестидесятые годы возникает пгт Полярные Зори, ставшие в 1973 г. городом, в 1963 г. появляется город Заполярный, в 1965 г. городом стал Ковдор, в 1966 г. был основан город Апатиты. Таким образом, с учётом крупнейшего урбанизированного кластера на побережье Кольского залива, который будем называть Мурманский, сформировались и существуют в своих сегодняшних границах следующие урбанизированные кластеры. Это Мончегорский кластер (города: Мончегорск, Оленегорск), Апатитский кластер (города: Кировск, Апатиты), Печенгский кластер (город Заполярный и пгт Никель и Печенга). Кроме этого следует выделить некластерные урбанизированные образования, такие, как города: Кандалакша, Ковдор и Полярные Зори, которые в силу значительного между ними расстояния невозможно объединить в единый кластер, хотя все они расположены на юге Мурманской области. В завершении перечисления и полноты сведений следует назвать ещё одно высокоурбанизированное образование – это горняцкий посёлок городского типа Ревда, входящий в Ловозерский район.

Исследование проблем урбанизации в Мурманской области и на побережье Кольского залива представляет научный интерес. Анализ этих проблем поможет выработать оптимальные управленческие решения в процессе освоения российского сектора Арктики и влияния на процессы урбанизации в Мурманской области конкретно. Можно сделать вывод о наличии как минимум трёх волн урбанизации, происходивших на Кольском полуострове и в Мурманской области, об уникальности процесса урбанизации на побережье Кольского залива. В заключение следует отметить, что демографическая ситуация в Мурманской области, в свете волновой трактовки процесса урбанизации, находится в самой низкой точке, в точке «отлива», когда по всем параметрам зафиксирован отток населения, но можно надеяться, что на смену «отливной» волне все же придёт волна «приливная».

Литература и источники

1. Географический словарь Мурманской области / Автор-составитель В.Г. Мужиков. – Мурманск: Мурманский обл. ин-т развития регионального образования, повышения квалификации педагогических кадров, 1996. – 183 с.
2. Дашинский С. Н., Ушаков И.Ф. Кола. – Мурманск: Кн. изд-во, 1983. – 192 с.
3. Демографическая обстановка в Мурманской области / Статистический сборник. – Мурманск: Областной комитет государственной статистики, 1996. – 84 с.
4. Демографическая обстановка в Мурманской области / Статистический сборник. – Мурманск: Областной комитет государственной статистики, 1997. – 82 с.
5. Жданов В.П., Орловская Л.Ф. Североморск. – Мурманск: Кн. изд-во, 1978. – 160 с.
6. Кауфман А. Городу герб иметь... // Полярная правда. – 1998. – 9 апр.
7. Киселёв А.А., Тулин М.А. Книга о Мурманске. – Мурманск: Кн. изд-во, 1977. – 234 с.
8. Киселёв А.А., Шевченко А.В. Мурманская область: география и история освоения. – Мурманск, 1995. – 214 с.
9. Мурман – край российский. Сборник / Сост. В. Сорокажердьева. – М.: Современник, 1985. – 477 с.
10. Циркунов И.Б. Социология Арктики как направление региональной социологии: постановка проблемы // Мурманская область: вопросы и ответы. – Мурманск, 1989. – Вып. VI. – С. 77–79.
11. Циркунов И.Б. Порья Губа: опыт историко – социологических исследований // Наука и бизнес на Мурмане. – 1998. – № 6. – С. 60–86.
12. Циркунов И.Б. Процесс урбанизации на побережье Кольского залива: постановка проблемы // Наука и бизнес на Мурмане. – 2001. – № 2. – С. 61–64.

**Ретроспективное осмысление переселения и миграционные сценарии северян:
Кольский Север, начало XXI в.****

Кольский Север – Кольский полуостров, Мурманская область – регион, население которого на протяжении XX в. было постоянно вовлечено в интенсивные миграционные процессы. Демографическое развитие Мурманской области до конца 80-х гг. XX в. являлось самым динамичным среди регионов Европейского Севера, в период с 1926 по 1989 г., население области выросло в 36,3 раза. На первом этапе «экстремальной урбанизации» в регион прибывали в значительной части заключенные и спецпереселенцы. С 60-х гг. приезд людей на Кольский Север все больше определяется личным выбором. Трудовые ресурсы привлекались в область за счет вербовок, распределений (направлений), экономического и идеологического стимулирования, что не составляет большой специфики Кольского Севера по сравнению с другими «северами». Особенности же можно считать то, что, во-первых, Мурманская область является самой урбанизированной в стране (на 2002 г. 92,3% населения – горожане), во-вторых, в развитии края всегда была очень важна роль научного фактора, в-третьих, пограничное положение региона обусловило его этнокультурную специфику и значение международных контактов, особенно в пореформенный период.

Отток населения с северных территорий России, который наблюдается с конца 1980-х годов, сказался и на демографии Кольского Севера. За 1993–2002 гг. он значительно, в 8,6 раз, превысил естественную убыль населения Мурманской области [1]. За 1991–1999 гг. Мурманская область потеряла около 40% того миграционного прироста, который она приобрела за 1951–1990 гг. [2]. Однако начиная с 2003 г. миграционный отток значительно сократился. Среднегодовые масштабы миграционной убыли за 2003–2006 гг. в 3,7 раз снизились по сравнению с соответствующими в 1993–2002 гг. Свидетельствует ли данная статистика о том, что население области стабилизировалось? Ответить на этот вопрос можно лишь после углубленного изучения миграционной ситуации с использованием комплексной методики.

В настоящее время интерес к миграционной ситуации на Российском Севере чрезвычайно вырос, его проявляют и отечественные, и зарубежные исследователи. Ряд проблем связано с реализацией правительственной инициативы по переселению с севера людей старшего поколения. Пока еще не прояснен вопрос о том, насколько программа переселения согласуется с потребностями тех или иных категорий населения. Популярны социологические опросы, касающиеся миграционных сюжетов, обсуждения их в СМИ. При этом для многих городских жителей Кольского Севера, по нашим наблюдениям, эта тема привычна. У них есть навык рассказывания о переезде на север их самих или их родителей и прародителей. Это не удивительно: история края в XX в. в значительной степени представляет собой историю переселений и переселенцев. Газетные интервью, биографические очерки о жителях Кольского Заполярья также непременно включают этот аспект. А вместе с ним возникают и закономерные вопросы о том, как воспринимают мигранты и их ближайшие потомки свою «вторую родину», собираются или нет покинуть ее.

В отечественных социологических исследованиях миграций социально-антропологическому ракурсу традиционно уделялось недостаточно внимания, в связи с этим назрела необходимость сдвига от описания экономических и демографических характеристик мигрантов к более глубокому объяснению факторов, определяющих мотивации решений о перемещении, выборе определённого места жительства. Такие исследования предоставляют дополнительную возможность для расширения представлений об особенностях протекания миграционного процесса, поскольку за каждым фактом миграции стоят человеческие судьбы, их осмысление и оценка своего миграционного опыта. Изучением роли и места субъективного фактора в механизме миграционного процесса до недавнего времени занимались, в основном, зарубежные социальные антропологи и устные историки [3]. Из российских ученых на необходимость учитывать этот аспект указывали, в частности, Л.Л. Рыбаковский [4], Т.И. Заславская [5].

Проблемы миграционного поведения населения региона приобретают особую актуальность не только в связи с прогнозированием социально-экономической ситуации, анализом возможностей устой-

*Разумова Ирина Алексеевна (Мурманск) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН.

**Статья выполнена по материалам исследования по проекту «Современные локальные сообщества Кольского Севера на этапе трансформаций Российского общества: социокультурные факторы стабилизации», которое с 2006 г. осуществляется в Центре гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

чивого развития региона, но и с проблемами социального самочувствия человека на Севере. Миграция вносит коррективы в жизнь местных социумов, изменяет личностные характеристики тех, кто перемещается на другие территории в поисках лучшей жизни для себя и для последующих поколений.

В региональных исследованиях миграционного поведения северян мы используем биографическое полуструктурированное интервью*. Именно этот качественный метод более всего подходит для понимания мотивов конкретного выбора мигрантов, миграционных настроений, установок, тактик переезда, оценок, касающихся общей и региональной социально-экономической, этнокультурной ситуаций, тех или иных территорий и т.п. С помощью метода биографического интервью мы можем соотнести эти настроения, оценки и т.п. с жизненными стратегиями людей, со спецификой отдельных переживаний, особенностями конкретных судеб. В большинстве интервью речь идёт не только о самом респонденте. Респондент описывает прошлое, включая в свои воспоминания опыт и впечатления многих других людей. Интервью является источником и основой построения аргументации относительно моделей поведения людей или характера событий в прошлом.

Цели и задачи исследований заключаются в том, чтобы выявить миграционные стратегии современных жителей Кольского Севера на основе ретроспективного осмысления ими имеющегося миграционного опыта: определить мотивы миграции на Кольский Север их самих или старших родственников, миграционные установки на сегодняшний день, представления о северной территории в настоящее время и в ретроспективе; проанализировать опыт адаптации мигрантов к условиям Крайнего Севера, учитывая их собственную точку зрения. Представляется важным выяснение того, как влияют на миграционные стратегии современных северян возрастной, гендерный, поколенческий, культурно-образовательный, профессиональный, этнический факторы, длительность проживания на Крайнем Севере, семейно-биографические обстоятельства и даже личностные особенности северян.

Согласно принятому социологическому подходу, миграция включает три стадии: 1) подготовительную, или процесс формирования территориальной подвижности населения; 2) основную, или собственно процесс переселения; 3) заключительную – приживаемость мигрантов на новом месте (адаптацию) [6]. Адаптационный процесс можно условно разделить на приспособление к природно-климатическим условиям (физиологическую адаптацию), экономическую адаптацию, социальную, этнокультурную, психологическую. Одним из показателей адаптированности мигрантов может служить локальная самоидентификация.

На первом этапе исследования всех респондентов можно разделить в самом общем виде на две группы: собственно мигрантов и их потомков, родившихся на Севере. Сразу же отметим, что, с одной стороны, многие переселенцы, особенно те, которых привезли на север детьми, склонны считать Крайний Север или конкретное место проживания своей «родиной». С другой стороны, среди их потомков, родившихся на Севере, есть такие, которые идентифицируют себя с родиной родителей или даже прародителей, т.е. имеют самосознание мигрантов. Тем не менее, наблюдается тенденция к переопределению «родины» у молодого поколения [7]. В результате переезда и процесса адаптации индивид или группа накапливают миграционный опыт, который воспроизводится в соответствующих текстах и передается следующим поколениям [8]. Определить успешность или неуспешность переезда потомки мигрантов могут на основании семейной истории, а также базирующихся на ней собственных оценках жизни родителей или прародителей, которые по своей или чужой воле оказались на Севере. Вместе с тем главную роль играет автобиографический опыт интериоризации места, привыкания к нему. Сами же мигранты, излагая обстоятельства переезда, мотивы, последствия и т.д., проецируют прошлое в настоящее, выражают актуальные для себя на сегодняшний день ценности, жизненные установки, оценивают прошлый миграционный опыт.

Миграционные сюжеты, рассказанные респондентами в биографическом ракурсе, или рассказы о переезде на Север, как правило, репрезентируют следующую общую нарративную схему: 1) исходное неравновесие (кризисная ситуация на прежнем месте жительства, нереализованные потребности); 2) переезд; 3) испытание новой территорией (трудности на новом месте); 4) преодоление испытаний, или собственно адаптация. Заметим, что момент адаптации в историях жизни присутствует всегда, даже у тех респондентов, которые в настоящее время имеют намерение уехать с Севера по тем или иным мотивам.

Переезд в биографической ретроспективе остаётся переломным событием, и индивид, рассказывая о нем, пытается найти наиболее рациональные формы для объяснения данного действия. На первом

*Интервьюирование жителей «малых» городов области осуществляется с 2005 г. по настоящее время. Материалы находятся в архиве Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН. Эмпирическое исследование по данной проблеме в г. Апатиты в 2006 г. было выполнено студенткой отделения социологии Кольского филиала Петрозаводского гос. университета (г. Апатиты) Э.А. Зверевой.

этапе принималось решение о переезде. Различия в причинах миграции связаны с различной интерпретацией респондентами биографических событий и условий жизнедеятельности.

В России в условиях известной либерализации общественной жизни (с середины 1950-х гг.) возрастает роль свободного выбора местожительства. Вместе с тем, помимо «прописки», сохранялась практика «распределений» на работу после окончания высших и средних учебных заведений, а также другие формы прямого или косвенного воздействия государства на миграционные практики. Большая часть респондентов, приехавших на север в 60–70-е гг., переезжали «по направлениям». В подобных случаях приезд людей на север был вызван внешними обстоятельствами, но, несмотря на «вынужденность» данной формы переезда, респонденты воспринимают его сейчас, скорее, нейтрально, как должное, а иногда и как положительное событие.

Согласно мнению респондентов, первостепенное значение имело удовлетворение материальных потребностей, в основе которых лежит стремление мигрантов улучшить уровень жизни. Среди экономических стимулов респонденты выделяют наличие работы, уровень доходов, перспективы решения жилищной проблемы. К важнейшим факторам, повышающим уровень жизни, респонденты относят размеры заработной платы и возможность профессиональной самореализации. Для молодой семьи особенно важна жилищная проблема. Как известно, молодая семья, приехав на Кольский Север в советское время, могла безо всяких трудностей получить сначала общежитие, а потом и собственную квартиру.

Большинство респондентов приехали из деревни в силу неудовлетворённости условиями жизни. Ситуации в деревне и сейчас, по мнению многих северян, меняется в худшую сторону, следовательно, этот мотив миграции постоянно действующий. Во всех подобных случаях доминирует материальный прагматизм в мотивах переезда. Однако не всегда население, которое не имеет возможностей удовлетворить свои материальные потребности на месте, мигрирует, поскольку стратегии решения проблем у людей разные. Есть возможность выбора, которая включает и переезд. Наши респонденты делали выбор в пользу переезда добровольно, однако они далеко не всегда осознают эту свободу и перекладывают ответственность за свой выбор на внешние обстоятельства.

Стимулирующим условием формирования тех или иных миграционных установок можно считать также и биографические события, происходящие в личной жизни индивида: замужество / женитьбу, реже – развод. Миграционное поведение связано как с индивидами, так и с семьями, родственными группами. Оно включает не только систему поступков, но заключает в себе весь опыт существования в той же конкретной среде. Этот социальный опыт накапливается как оценка собственных и чужих действий, поэтому немаловажное значение в принятии решения о переезде имеет «чужой» опыт, который оценивается как в процессе наблюдения, так и усвоения информации.

Важный фактор, оказывающий непосредственное воздействие на принятие решения о миграции, представляет наличие жизненного стандарта, сформировавшиеся особенности личности, представления о том, что является нормой. Так, например, несколько из респондентов убеждены, что молодая семья должна жить отдельно от родителей, и единственный выход достижения этой цели они видели в смене места жительства. Данные случаи являются типичными примерами того, что переезд связан с идеей эмансипации молодых людей и молодых семей. Наконец, есть особая категория переселенцев, которые называют себя (или считаются, если речь идет не о себе) «романтиками Севера».

На принятие решения о переезде влияет также символический образ территории прибытия. Большинство наших респондентов, по их признанию, не имели достоверной информации о будущем месте жительства. Это были лишь стереотипные и часто почти фантастические представления о Севере как о территории, непригодной для проживания в силу климатических особенностей; как о необжитом пространстве, где нет ничего, кроме камней и холода, где обитают дикие звери и проживает экзотический северный народ, который занимается разведением оленей. Респонденты, которые в основном приехали из средней полосы или южных регионов страны, отмечали, что информация о Кольском Севере оказалась во многих случаях недостоверной и преувеличенной.

В целом, характер протекания адаптационного процесса, особенно к природно-географическим условиям, зависит от того, из каких мест и в какие места переселяются мигранты. Большинство наших респондентов прибыли, с их точки зрения, из климатически «благоприятных» районов. Трудности адаптации они связывают, в первую очередь, с «холодом». На втором месте – сезонный фактор, причем отрицательно оценивается не столько полярная ночь, сколько «вход» и «выход» из нее (осень и весна). Используются для аргументации и т.н. экологические мифы, например, о «разреженности воздуха». Вместе с тем, в процессе освоения северной местности огромное влияние оказывают те или иные особо привлекательные – в силу отличия от привычных для переселенцев – природные символы. Анализ интервью показал, что Крайний Север мигранты очень высоко оценивают эстетически. Эстетизированы, прежде всего, природно-ландшафтные символы края. Самые типичные из них – северное сияние,

полярный день, Хибинские горы (для жителей Кировско-Апатитского района, Мончегорска) или море и скалы (для жителей северных прибрежных городов).

Что касается экономической адаптации, то практически все переселенцы утверждают, что Север предоставил им возможность комфортного материального существования. Отличия состоят в том, какой срок понадобился для этого разным категориям жителей. Для кого-то этот процесс был поэтапным (что отражается в структуре рассказов), кто-то сразу оказался в «оазисе» материального благополучия – в сравнении с условиями на прежнем месте жительства. Особое внимание респонденты в рассказах уделяют своей профессиональной реализации на севере. Именно данное обстоятельство, по мнению очень большого числа северян, является показателем успешности переезда. Это касается представителей рабочих профессий (прежде всего, строительных), которые практически своими руками возводили города и промышленные объекты и сейчас фактически идентифицируют себя с ними. Такое осмысление адаптации свойственно также инженерно-техническим работникам, ученым КНЦ РАН, учителям. Процесс социальной адаптации носит двусторонний характер. С одной стороны, происходит постепенное ослабевание старых коллегальных, соседских, дружеских и даже родственных связей, с другой – процесс приспособления к новой социально-демографической среде. В результате эффективной адаптации чужой мир стал для большинства «новых северян» родным местом, местом своей семьи.

Из анализа текстов следует, что индикаторами адаптации для одних респондентов является наличие квартиры и работы, а для других приоритетным становится семья и близкое окружение, для третьих – самореализация и т.д. И именно социум становится благоприятным фактором, который помогает, по общему убеждению респондентов, преодолевать физический дискомфорт северных условий. К природе и климату надо было привыкнуть, к социуму – нет. По мнению респондентов, жители старались поддерживать друг друга в решении физических, психологических, бытовых, материальных проблем, в результате чего и сформировалось особое северное сообщество. Наивысшую оценку получают такие качества этого сообщества, как солидарность, этническая толерантность, демократичность. Этим качествам соответствуют личные свойства: открытость, дружелюбие, культурность (выражается в уровне интеллекта, образованности, внешней сдержанности), приоритет «духовного» начала над «материальным». Все эти свойства северян аргументируются жизненными историями или логическими рассуждениями и часто противопоставляются социальным характеристикам «среднеполосных» или «южных» (без этнических коннотаций) людей.

Суммируя имеющиеся в настоящее время материалы, можно сделать предварительные выводы о том, что большинство мигрантов, независимо от обстоятельств переезда, повысили свой социальный, экономический статус и реализовались в личностном отношении, переехав на Крайний Север. Тем не менее, у определенных категорий населения, прежде всего, среднего и младшего поколений, есть миграционные установки и мотивы к перемене места жительства. Самый частотный мотив у представителей всех поколений – неблагоприятные климатические условия, которые, по распространенному мнению, вредят здоровью человека, «тоска» по теплу, солнцу и т.п. Эти неблагоприятные условия, также по общему мнению, в доперестроечный период компенсировались экономическими преимуществами жизни на Севере, «заботой государства», льготами. Многие северяне старшего и среднего поколений считают, что в пореформенный период они, как минимум, лишились своих преимуществ. Некоторые признают, что не смогли адаптироваться к жизни на Севере, потому что их «тянет» на родину, которая жива в воспоминаниях детства и юности.

Иные основания к переезду у молодежи. Те из них, кто хочет покинуть Север, объясняют свои намерения, во-первых, невозможностью профессиональной реализации, во-вторых, все теми же климатическими условиями и, наконец, желанием «посмотреть мир», столь характерным для данной возрастной группы. При этом молодежь, в первую очередь, склоняется к такой модели поведения, при которой возможны постоянные перемещения, включая периодические возвращения на Север. Самую немногочисленную группу составляют те, кто утверждает неприятие Севера по тем или иным основаниям. По самым предварительным данным, среди них 1) дети репрессированных; 2) представители молодежи, которые либо сами являются недавними мигрантами, либо проживают в самых непрестижных («провинциальных») городах области.

На основе таких показателей как миграционный опыт, его оценка (адаптация) и миграционная установка мы попытались выстроить основные миграционные сценарии респондентов:

- 1) переезд – адаптированность – отсутствие миграционной установки;
- 2) переезд – отсутствие адаптированности – наличие миграционной установки;
- 3) переезд – неокончательная адаптированность – колеблющаяся миграционная установка (например, профессионально реализованный человек размышляет над возможностью возвратиться в те места, где остались его родные и жильё);

4) переезд – адаптированность – наличие миграционной установки. Данный сценарий представляется наиболее интересным для анализа. Он свидетельствует как об особых адаптивных способностях личности, так и об «инструментальном» подходе к месту жительства. При этом важна специфическая уверенность в комфортности и «старого», и нового места жительства. У этого сценария есть второй вариант, который можно назвать стратегией постоянного перемещения. Многие северяне разных поколений считают наиболее приемлемым часть года жить на севере, а часть – в «теплых» местах или на «исторической» родине. Север, таким образом, включается в сферу «своего» расширенного пространства.

Обращает на себя внимание, что среди мотивов переезда с Севера практически отсутствуют социальные и этнокультурные. Более того, основной барьер на пути к перемене места жительства – социальный комфорт, достигнутый на Севере. По этой причине многие из тех, кто покинул Север, не приживаются в других местах, в ином социальном окружении. Данная ситуация в настоящее время фиксируется вполне определенно, и случаи возвращения северян, уехавших по программе переселения, не являются редкостью. Они должны стать предметом специального изучения. На наш взгляд, пока однозначные выводы делать рано, поэтому в заключение лучше предоставить право голоса северянам:

«Если бы вот перед смертью ещё разок к себе бы съездить на Родину и всё. Большие я никуда ехать не хочу. Хотя я и стою на очереди на получение квартиры, но если и дадут квартиру, то она уже мне не нужна. <...> Это считай моя вторая Родина» (жен, 1930 г.р.);

«Уже родиной-то никакое другое место не назовёшь. Здесь много таких, как мы – кто на заработки приехал в своё время, кто по распределению попал. Коренных жителей – раз-два и обчёлся. Я привык к холодам и полярной ночи, и, скажем, где-нибудь на Чёрном море отдыхаю с удовольствием, а вот жить бы не смог. Может быть, возраст даёт о себе знать, а скорее всего, привычка» (муж, 1953 г.р., ур. Челябинской обл.);

«На Севере совсем другой климат! И что касается погоды, и в психологическом плане. Я так очень рада, что в своё время сюда попала. И хоть иногда подумывала о том, чтоб к старости уехать в среднюю полосу, но чувствую, так здесь и останемся» (жен, 1958 г.р., ур. Пермской обл.);

«Я уехала бы, и приехала бы, и опять бы уехала. У меня характер путешественника больше всего» (жен, 1974 г.р., ур. г. Апатиты Мурманской обл.).

«А ещё я заметила некую закономерность. Люди, ровесники моих родителей, которые уехали с Севера, через год-два очень сильно стареют, вернее они выглядят на свой возраст, что не скажешь о нас, северянах. Получается <...>, мы медленнее стареем» (жен, 1982 г.р., ур. г. Снежногорска Мурманской обл.).

«Плохо жить в этом климате, который, по моему мнению, людей просто губит. Ведь раньше сюда людей отправляли в ссылку. Также я понимаю, что в этом городе нет особых перспектив на будущее. Я надеюсь, что мои планы осуществляются, и я уеду отсюда, хотя и буду скучать» (жен, 1982 г.р., ур. г. Кемь, Карелия)

«Для меня название “житель Севера” звучит гордо, я нисколько не жалею, что осталась здесь жить после школы, и в ближайшее время уезжать не собираюсь, но кто знает, как жизнь сложится...» (жен, 1983, ур.г. Мончегорска Мурманской обл.).

Литература и источники

1. Тоичкина В.П. Демографический кризис: Мурманская область и регионы российского Севера // Сборник 75 лет КНЦ. – Апатиты: изд-во КНЦ РАН. – 2005. – С. 36-39.
2. Лаунер Д.Л. Демографическое положение России и Мурманской области. Режим доступа: <http://admin/bolshe.ru>
3. См.: Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness / Ed. by Pekka Hakamies. Finnish Literature Society. – Helsinki, 2005.
4. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграции. – М.: Статистика, 1973.
5. Заславская Т.И. О социальных функциях миграции сельского населения в город. – М.: Логос, 1999.
6. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграции. – С. 76-106.
7. Разумова И.А. «Родина – это минимум край...»: к проблеме локальной самоидентификации жителей севера // Европейский север в судьбе России. XX век (К 80-летию профессора А.А. Киселева) / Сб. научных статей. – Мурманск: МГПУ, 2006. – С. 39-45.
8. Razumova I. On the problems of local identity and contemporary Russian “migratory text” (with reference to the Northwestern region of Russia) // Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness / Ed. by Pekka Hakamies. Finnish Literature Society. – Helsinki, 2005. – P. 110-129.

Современные социально-демографические процессы у нанайцев Хабаровского края

Политика интенсивного включения народов Севера в экономическую жизнь страны, перевод кочевого населения на оседлость, осуществлявшиеся без учета особенностей их уклада жизни и культуры, привели к разрушению традиционного хозяйственного комплекса как основы жизнедеятельности северных этносов, обусловили серьезные негативные процессы в их развитии. Одной из наиболее острых проблем является естественное воспроизводство.

В настоящей статье рассматриваются современные социально-демографические проблемы нанайцев Хабаровского края, проживающих в основном в Нанайском районе. Статья подготовлена на основе анализа актовых записей (брачность, разводимость, рождаемость и смертность) управления ЗАГСа при Правительстве Хабаровского края за период с 1990 по 2002 г.

В настоящее время браки у нанайцев заключаются по взаимному влечению молодых людей, роль родителей в выборе жениха и невесты не существенна. Больше внимания стало обращать на образовательный уровень жениха и невесты. Современная тенденция такова, что высшее и среднее специальное образование чаще получают девушки. Однако после учебы они зачастую выходят замуж за своих сверстников с менее низким уровнем образования. В условиях, затрудняющих заключение брачных союзов, растет число холостых мужчин и одиноких женщин. Уровень мужской брачности ниже женской и продолжает понижаться. Эту тенденцию отмечают исследователи в различных районах российского севера. В полной мере характерна она и для нанайцев Хабаровского края.

Так, до 1990-х гг. большинство браков у мужчин и женщин заключалось в возрасте 17-25 лет. С 1991 г. брачный возраст мужчин и женщин стал постепенно повышаться. В настоящее время абсолютное большинство браков как у мужчин, так и женщин заключается в возрасте 26-40 лет. В целом, можно сказать, что в новых условиях брачный возраст нанайцев соответствует общепринятому, а разница в возрасте мужа и жены в среднем составляет четыре года. В последнее время уменьшается число девушек, вступающих в брак в возрасте 17-18 лет, что, скорее всего, связано со стремлением получить образование. При этом средний брачный возраст горожанок, как правило, выше, чем у селянок. Следствием более поздних браков становится снижение рождаемости.

Неоднозначное влияние на воспроизводство коренных народов Севера оказывают усиливающиеся процессы ассимиляции. Увеличивается доля смешанных браков (от 40% в 1990–1991 гг. до 57% в 2000–2002 гг.) (табл. 1).

Среди смешанных преобладают браки со славянским населением. Такие браки особенно распространены у женщин (в 1990–1991 гг. – 44%; в 1994–1995 гг. – 55,2%; в 2000–2002 гг. – 55,6%). Они почти в два раза чаще выходят замуж за приезжих. Появились браки с азербайджанцами, бурятами, тувинцами и другими (от 2,2% в 1990–1991 гг. до 5,7% в 2000–2002 гг.), однако преобладают браки с русскими и украинцами, как со старожилами, так и с прибывшими недавно. У мужчин преобладают однонациональные браки и браки с представительницами других малочисленных народов (в 1990–1991 гг. – 60% и 15% соответственно; в 1994–1995 гг. – 54% и 10,4%). Правда, в 2000–2002 гг. браков с представительницами других народов Севера заключено не было, тогда как браки с женщинами-славянками составляли 22,2% (табл. 1).

Подобные тенденции можно проанализировать следующим образом. Во-первых, женщины-славянки не очень охотно вступают в браки с мужчинами-нанайцами, так как их не устраивает их образовательный уровень и социальный статус. И если раньше принадлежность детей в смешанных семьях к коренной национальности сулило определенные льготы, то сегодня этот аргумент потерял свою привлекательность. Кроме того, нынешнее поколение нанайцев-мужчин провело свое детство в школах-интернатах. Они плохо приспособлены к хозяйственной и семейной жизни, многие из них злоупотребляют алкоголем. Все это, безусловно, учитывается женщиной при вступлении в брак. Женщины-нанайки, имея более высокий уровень образования (очень часто среднее специальное и высшее) и, как следствие, более высокий социальный статус, предпочитают выбирать себе в мужья мужчин из приезжего населения, которые, даже не имея высокого образования, представляются более успешными в жизни.

Уменьшение числа как однонациональных, так и смешанных браков можно объяснить самой трансформацией института брака как такового, все большее распространение получает такая его форма,

*Фадеева Елена Викторовна (Владивосток) – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии, антропологии Института истории и археологии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

как «гражданский брак». Как правило, такие браки получают официальное оформление только после появления одного, а то и нескольких детей.

Изменения, происходящие в жизни народа, сказались и на бракоразводных процессах. Тенденция роста разводов во всех типах семей фиксируется исследователями у всех народов и во всех регионах страны. Отношение общества к этому явлению повсеместно стало более либеральным. Сегодня уже никто не осуждает ни саму процедуру расторжения брака, ни разведенных женщин. Большинство браков расторгается либо по совместному заявлению супругов, либо по желанию женщины. В молодых семьях браки распадаются, главным образом, или из-за пьянства одного из супругов, или в связи с осуждением мужа к тем или иным срокам лишения свободы. В качестве основных причин разводов нанайки называют следующие: супружеская неверность (40%), скандалы, пьянство мужа (23,5%), «не сошлись характерами» и др. (6%) [1].

Устойчивость семьи мало зависит от того, был ли брак зарегистрирован. Доля распавшихся браков находится в прямой зависимости от времени их заключения. У нанайцев во все периоды особенно часто распадались однонациональные браки продолжительностью более 8 лет (от 42% в 1990–1991 гг. до 66,7% в 2000–2002 гг.), на втором месте – браки, продолжительностью от 4-х до 7 лет (33% в 1990–1991 гг. и 22,2% в 2000–2002 гг.). Основной причиной такого явления мы склонны рассматривать повальное увлечение в последние годы мужчин-нанайцев алкоголем. В смешанных семьях в 1990–1991, 2000–2002 гг. чаще распадались браки продолжительностью более 8 лет (70,6% и 73,7% соответственно), а в 1994–1995 гг. – до 7 лет (40%) (табл. 2).

Последнее обстоятельство, скорее всего, связано с миграционным оттоком из района приезжего населения. Не секрет, что многие мужчины из числа приезжего населения нередко рассматривают свои браки с представительницами малочисленных народов как временное явление. В случае возвращения по тем или иным обстоятельствам на «малую родину» такие браки, как правило, распадаются. К тому же далеко не каждая нанайка рискнет уехать с мужем на его родину, опасаясь сложностей адаптации на новом месте.

В целом можно констатировать, что смешанные семьи распадались чаще, чем однонациональные (табл. 3). Причина, вероятно, заключается в том, что в однонациональных семьях жизненные интересы супругов более однородны, меньше причин для семейных конфликтов. Возможно, сказывается и то обстоятельство, что в однонациональных семьях меньшее значение придают официальному оформлению разводов.

Доля разводов в смешанных семьях была особенно велика в первой половине 90-х годов и в начале 2000-х гг. Скорее всего, это связано, как уже отмечалось выше, с массовым оттоком из района в этот период приезжего, преимущественно славянского населения. Во второй половине 90-х гг. ситуация в этом отношении несколько стабилизировалась, все, кто хотел уехать, уехали.

Несмотря на относительно высокий уровень рождаемости нанайцев Хабаровского края, она постепенно снижается, что связано с изменением традиционных семейных установок на многодетность, процессами ассимиляции, увеличением числа неполных семей, снижением брачности коренных народов, нестабильностью семьи. Сказывается, безусловно, и низкое качество жизни, характерное в последние годы для многих нанайских семей. Семья, решая вопрос о будущем ребенке, исходит из возможностей, которыми она располагает. К сожалению, эти возможности в настоящий момент сильно ограничены. Продолжают рожать детей, зачастую, с различными патологиями, только женщины с низким образовательным уровнем, не состоящие в браке и живущие только за счет детских пособий. Для нанайцев характерна общероссийская тенденция, когда в семьях, где главы семей имеют более высокий образовательный уровень, рождается меньшее количество детей. Наконец, как в целом по России, сельские семьи всегда более многодетны, чем городские. Однако с начала 1990-х гг. уровень детности продолжал снижаться (с 206 чел. в 1990–1991 гг. до 178 чел. в 2000–2002 гг.) (табл. 5).

Число детей, рожденных матерями-одиночками, год от года увеличивается во всех районах. Так, например, в 1990–1991 гг. одинокими женщинами было рождено 23 ребенка (11,2% от общего числа рожденных детей), в 1994–1995 гг. – 17 детей (12,3%), в 2000–2002 гг. – 51 ребенок (28,7%).

Одной из причин, объясняющей достаточно высокий процент одиноких матерей, является то, что не все женщины, живя в гражданском браке с отцом ребенка, стремятся узаконить свои отношения, поскольку статус «матери-одиночки» дает определенные материальные преимущества.

Снижение рождаемости при неуклонном повышении уровня смертности среди нанайцев Хабаровского края приводит к отрицательному балансу в воспроизводстве населения (табл. 5). Особенно высока смертность среди мужчин трудоспособного возраста. При этом среди причин смертности на первом месте, как у мужчин, так и у женщин, стоят несчастные случаи, травмы, суицид и насильственные смерти: в 1990–1991 гг. – 33,3% всех смертных случаев у мужчин и 13,8% у женщин; в 1994–1995 гг. – 48,2% и

18,4% соответственно; в 2000–2002 гг. – 42% у мужчин и 22,6% у женщин (табл. 6). Налицо тревожная тенденция увеличения доли неестественных причин смертности, особенно среди женщин.

Среди естественных причин смерти в 1990–1991 гг. как у мужчин, так и у женщин на первом месте была смертность от сосудистых поражений мозга (24,4 и 34,4% соответственно), далее – у мужчин следует смерть от туберкулеза всех форм (11,1%), хронических болезней легких и новообразований (по 6,7%) (у женщин они делят 2–4-е места с гипертонической болезнью и кардиосклерозом). В 1994–1995 гг. у мужчин по-прежнему высока смертность от сосудистых поражений мозга (12,5%), однако на второе–третье места выходят ишемическая болезнь сердца (8,9%) и болезни органов пищеварения, в том числе язва желудка и цирроз печени (5,4%). Женщины в этот период также чаще всего умирали от сосудистых поражений мозга и ишемической болезни сердца (по 20,4%), 3–4-е места занимали онкологические заболевания и болезни системы кровообращения (8,2 и 6,1% соответственно). В 2000–2002 гг. у мужчин увеличилась смертность от ишемической болезни сердца (14,8%), кардиосклероза (9,1%) и сосудистых поражений мозга (4,5%). У женщин общая картина причин смертности не изменилась, лишь умирать от этих недугов стали в 1,5–2 раза чаще. Так, доля смертности от ишемической болезни сердца и кардиосклероза увеличилась до 17%, от сосудистых поражений мозга и болезней системы кровообращения – до 15 и 13,2% соответственно (табл. 7). Это очень серьезный симптом, требующий глубокого анализа медиков.

На рост уровня смертности, безусловно, влияет ухудшение социально-бытовых и санитарно-гигиенических условий: жилищно-бытовая неустроенность, недостаточный уровень развития здравоохранения, низкая личная гигиена. Однако при всей значимости названных факторов, ведущую роль играют нарушения экологического баланса территорий, резкий переход на несвойственный аборигенному населению тип питания, несбалансированное детское питание, повышенная чувствительность людей коренных национальностей к инфекционным заболеваниям, обусловленная специфической формой иммунодефицита. Немаловажное значение имеет и психологический фактор резкой ломки уклада жизни в процессе ускоренной интеграции в индустриальную жизнь. Он во многом определяет, например, рост числа самоубийств и массовую алкоголизацию населения. Поэтому особую остроту приобретает вопрос о социальных, психологических и физиологических адаптивных возможностях аборигенного населения и его эволюционной пластичности, от которых зависит поддержание устойчивой традиционной внутренней структуры личности и популяции в целом.

Ряд исследователей склонно объяснять изменения в структуре смертности коренного населения от естественных причин развитием интенсивных ассимиляционных процессов, приводящих к серьезным биологическим последствиям. По данным медико-генетических исследований смешение коренного населения с приезжим в таких широких масштабах может привести к размыванию сложившейся адаптивной системы организма коренных народов Севера, обеспечивающей приспособление аборигенного населения к экстремальным условиям среды, и тем самым поставить под угрозу само существование этих уникальных этносов.

По данным Сибирского отделения Российской Академии медицинских наук резерв исторического здоровья аборигенов Севера может быть исчерпан через 2–3 поколения. Назрела настоятельная необходимость разработки модели медико-демографического мониторинга, позволяющего проследить динамику изменений генетических и других параметров популяций и на этой основе выработать механизм нейтрализации вредных воздействий.

Таким образом, демографическую ситуацию у нанайцев Хабаровского края можно охарактеризовать следующим образом: снижение уровня брачности, как у мужчин, так и у женщин в пользу распространения «гражданских браков» и, как следствие, увеличение незаконнорожденных детей; повышение числа разводов с последующим увеличением неполных семей. Видимо, будет иметь продолжение и тенденция уменьшения рождаемости при повышении уровня смертности, главным образом, среди трудоспособного населения.

Литература и источники

1. Бойко В.И. Социальное развитие народов Нижнего Амура. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 246–247.

Таблица 1

**Этническая структура браков у нанайцев Хабаровского края
(в % к общему числу заключенных браков)**

Национальности	1990–1991 гг.	1994–1995 гг.	2000–2002 гг.
Однонациональные	60	54	43
Смешанные, в том числе	40	46	57
Нанайцы / русские*	26	24	22,2
Русские / нанайцы	44	55,2	55,6
Нанайцы/народы Севера	15	10,4	–
Народы Севера/нанайцы	7,7	10,4	13
Нанайцы / другие	5,1	–	7,4
Другие / нанайцы	2,2	–	5,7

*В том числе украинцы и белорусы.

Составлено по: Материалы Управления ЗАГС при Правительстве Хабаровского края.

Таблица 2

**Динамика разводов в нанайских семьях Нанайского района
в зависимости от продолжительности браков, %**

Периоды	Однонациональные браки			Смешанные браки		
	1990–1991 гг.	1994–1995 гг.	2000–2002 гг.	1990–1991 гг.	1994–1995 гг.	2000–2002 гг.
До 3 лет	25	19	11,1	5,9	24	–
4 – 7 лет	33	25	22,2	23,5	40	26,3
Более 8 лет	42	56	66,7	70,6	36	73,7

Составлено по: Материалы Управления ЗАГС при Правительстве Хабаровского края.

Таблица 3

Число разводов у нанайцев (в % к общему числу разводов)

Периоды	Однонациональные	Смешанные
1990–1991 гг.	41,4	58,6
1994–1995 гг.	48,5	51,5
2000–2002 гг.	32,1	67,9

Составлено по: Материалы Управления ЗАГС при Правительстве Хабаровского края.

Таблица 4

Соотношение браков и разводов у нанайцев, чел.

Годы	Однонациональные		Смешанные	
	Браки	Разводы	Браки	Разводы
1990–1991	59	12	39	17
1994–1995	34	16	29	25
2000–2002	41	9	54	19

Составлено по: Материалы Управления ЗАГС при Правительстве Хабаровского края.

Таблица 5

Естественное движение нанайского населения Нанайского района, чел.

Годы	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1990–1991	206	74	+132
1994–1995	138	105	+33
2000–2001	178	141	+37

Составлено по: Материалы Управления ЗАГС при Правительстве Хабаровского края.

Таблица 6

Структура умерших от неестественных причин в Нанайском районе, %

Причины смерти	1990–1991 гг.		1994–1995 гг.		2000–2002 гг.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Утопления	26,7	–	22	–	5,6	8,3
Самоубийства	20	25	11	22,3	21,6	16,7
Убийства	13,3	25	19	33	18,9	16,7
Отравления алкоголем	–	–	11	22,3	10,8	–
Другие отравления	6,7	25	–	–	8,1	8,3
Другие причины (переохлаждение, несчастные случаи и пр.)	33,3	25	37	22,3	35	50
Всего (% к общему числу умерших)	33,3	13,8	48,2	18,4	42	22,6

Составлено по: Материалы Управления ЗАГС при Правительстве Хабаровского края.

Таблица 7

Причины смертности нанайцев Нанайского района Хабаровского края, %

Причины смертности	1990–1991 гг.		1994–1995 гг.		2000–2002 гг.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Всего умерло	60,8	39,2	53,3	46,7	62,4	37,6
Туберкулез всех форм	11,1	–	3,6	1,9	3,4	–
Острые кишечные инфекции	2,3	–	1,8	–	1,1	–
Онкозаболевания, в том числе: Пищевода	4,4	–	1,8	–	1,1	–
Желудка	–	–	–	–	1,1	–
Бронхов и легких	4,4	–	1,8	–	1,1	–
Женских органов	–	3,4	–	–	–	1,9
Прочие, в том числе новообразования	6,7	6,9	1,8	8,2	2,3	–
Психические расстройства, включая алкоголизм, и болезни нервной системы	–	–	–	–	1,1	–
Болезни системы кровообращения, в том числе: гипертоническая болезнь всех форм	–	13,8	1,8	6,1	4,5	13,2
кардиосклероз, атеросклероз	–	6,9	5,4	8,2	9,1	17
ишемическая болезнь сердца	4,4	–	8,9	20,4	14,8	17
Сосудистые поражения мозга	24,4	34,5	12,5	20,4	4,5	15
Инфаркт и пр. болезни сердца	–	3,4	3,6	–	3,4	1,9
Пневмония всех форм	2,3	–	–	4,1	–	1,9
Хронические болезни легких	6,7	13,8	1,8	4,1	2,3	1,9
Болезни органов пищеварения, в том числе язва желудка и цирроз печени	–	3,4	5,4	–	3,4	5,7
Болезни печени и желчных путей	–	–	–	–	1,1	–
Осложнения беременности, родов, врожденные аномалии и т.п.	–	–	1,8	8,2	3,4	1,9
Нетипичные причины (травмы, отравления алкоголем, убийства, самоубийства и пр.)	33,3	13,8	48,2	18,4	42	22,6

Составлено по: Материалы Управления ЗАГС при Правительстве Хабаровского края.

Особенности брачной структуры коренных малочисленных народов Ямала (по материалам переписи 2002 г.)

Под брачным состоянием (статусом) понимают положение индивида по отношению к институту брака, определяемое в соответствии с обычаями или правовыми нормами той или иной страны. Вступая в брак, разводясь или овдовев, люди меняют свой брачный статус, переходя из одного брачного состояния в другое. На уровне всего населения эти случаи смены брачного состояния (а также случаи овдовения) образуют массовый процесс переходов, которые в своей совокупности представляют воспроизводство брачной структуры.

Брачная структура, так же как и возрастная, по данным переписей, является моментной характеристикой. Обычно распределение по брачному состоянию комбинируют с группировками по полу и возрасту, получая тем самым брачную структуру как всего населения, так и населения разного пола, возраста, национальности.

По данным Всероссийской переписи 2002 г., как, впрочем, и предыдущих, население Ямало-Ненецкого округа в целом характеризовалось более высоким уровнем брачности. Из каждой 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше в браке состояло 688 человек, у женщин – 654, против 626 и 525 соответственно по Российской Федерации. Росту числа заключаемых браков способствовала благоприятная половозрастная структура населения округа.

Как показали результаты переписи 2002 г., брачная структура коренных народов Ямала имеет свои особенности (табл. 1). Во-первых, она отличается высоким удельным весом людей, не состоящих в браке. Различия между всем населением округа и его коренными жителями колебались в пределах полутора раз у мужчин и почти двух раз у женщин. Такие диспропорции обусловлены, отчасти, возрастной структурой коренных народов Севера, у которых две пятых всего населения находилось в возрасте до 16 лет, против 25 % по округу в целом.

Таблица 1

Брачная структура ненцев и хантов, проживающих в городской и сельской местности

Возраст	На 1 000 человек данного пола и возраста							
	Никогда не состояли в браке		Состоят в браке		Вдовы		Разведенные и разошедшиеся	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Все население округа	214	157	688	654	13	67	72	111
В том числе, ненцы								
Городское и сельское население	381	299	561	522	43	141	22	34
Городское население	480	403	427	420	25	97	61	77
Сельское население	369	276	565	545	45	150	17	25
Ханты								
Городское и сельское население	389	251	532	567	42	132	29	50
Городское население	474	374	431	463	28	74	59	88
Сельское население	372	207	557	603	44	152	23	37

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года). Т. 13. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. – С. 142-143, 148-149.

* Оруджиева Адель Григорьевна (Екатеринбург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Доля никогда не состоявших в браке остается высокой во всех возрастах. Если во всем населении к 35 годам на долю лиц, никогда не состоявших в браке приходилось всего 11% мужчин и 5% женщин, то у ненцев к этому периоду почти треть мужчин и пятая часть женщин не была связана узами брака. Крайне высок уровень окончательного безбрачия: к 50-54 годам 14,7% мужчин и 10,5% женщин никогда не состояли в браке, что в пять раз выше аналогичного показателя по всему населению ЯНАО. Следует также отметить, что среди ненцев и хантов, проживающих в городской местности, доля никогда не состоявших в браке, еще выше. Причем соотношение состоящих и не состоящих в браке практически одинаково.

Чтобы объяснить причины таких пропорций необходимо более глубокое исследование. На брачную структуру населения оказывают влияние группа факторов. Подавляющее большинство коренных малочисленных народов проживает в сельской местности (93% в 2002 г.) Переезд в город у них чаще всего связан с продолжением учебы. Более половины из них девушки. Получив образование молодые специалисты из числа коренных народов остаются в городах и поселках городского типа. Среди них, как правило, преобладает женское население. Диспропорция полов создает трудности для формирования семей, особенно у ненцев. Исследования показывают, что смешанные браки у них встречаются реже, чем у представителей других народов.

Под влиянием городского образа жизни у коренных народов формируются как репродуктивные установки, так и отношение к браку. Удельный вес разведенных и разошедшихся, проживающих в городской местности втрое превышает аналогичный показатель в сельской местности. В то же время доля вдов среди коренных народов в городских поселениях вдвое ниже, чем на селе.

Сравнение половозрастных показателей брачности всего населения Ямала и коренного (ненцев) свидетельствует и о более низких по возрасту коэффициентах брачности, которые рассчитываются как отношение числа состоящих в браке в возрасте «х» лет к 1000 населения соответствующего возраста во всем населении. Рассчитывается отдельно для мужчин и женщин (табл. 2).

Таблица 2

Брачная структура ненцев по данным переписи населения 2002 г. в отдельных возрастных группах (на 1000 мужчин и женщин указанного возраста)*

Возраст	На 1 000 человек данного пола и возраста							
	Никогда не состояли в браке		Состоят в браке		Вдовы		Разведенные и разошедшиеся	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Всего	423	296	507	522	40	140	25	38
16-17	982	938	0	46	0	0	0	0
18-19	964	825	34	172	0	1	0	0
20-24	769	557	220	424	0	7	6	9
25-29	472	274	502	699	4	26	20	35
30-34	309	202	653	699	9	50	28	47
35-39	206	131	723	717	21	89	49	62
40-44	181	125	742	700	28	111	49	64
45-49	147	101	764	655	45	172	44	70
50-54	136	98	759	609	54	231	49	60
55-59	95	105	751	393	123	294	31	48
60-64	69	78	670	419	169	520	18	47
65-69	47	80	625	333	319	579	9	1
70 и старше	27	70	612	209	352	709	8	8

*Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – Т. 4, кн. 1. – С. 834-8

Как показала перепись населения 2002 г. абсолютное и относительное число людей, считающих себя женатыми и замужними, сокращается. Число, состоящих в браке не увеличивалось за счет прироста новых союзов. Молодое поколение не спешит обзаводиться семьями.

Среди новейших тенденций в стране, которые высветила перепись 2002 г., нельзя не отметить процесс быстрого распространения неформальных союзов. Распространенность незарегистрированных браков дифференцирована по территории нашей страны. Это связано прежде всего с религиозными убеждениями,

традициями, сформировавшимся общественным мнением в легитимности тех или иных семейно-брачных отношений. Например, в республиках Северного Кавказа и, в частности, Дагестане, доля брачных пар не состоящих в зарегистрированном браке составляла всего 5,8% у мужчин и 6,2% у женщин [1, с. 142-143]. А у коренных народов, населяющих эту республику, эти показатели еще ниже.

В ЯНАО доля брачных пар, не состоящих в зарегистрированном браке находился на уровне 8,9%, в Российской Федерации – 9,8%, а в соседней высокоурбанизированной Свердловской области в гражданском браке находилось 12,8% от общего числа состоящих в браке [1, с. 23, 342, 343].

Перепись показала, что неформальные брачные союзы широко распространены среди коренных народов Ямала, вдвое превышающие средний показатель по округу. Это вторая особенность брачной структуры северных народов. Причем у проживающих в городской местности доля состоящих в не зарегистрированном браке еще выше, особенно у женщин (рис. 1).

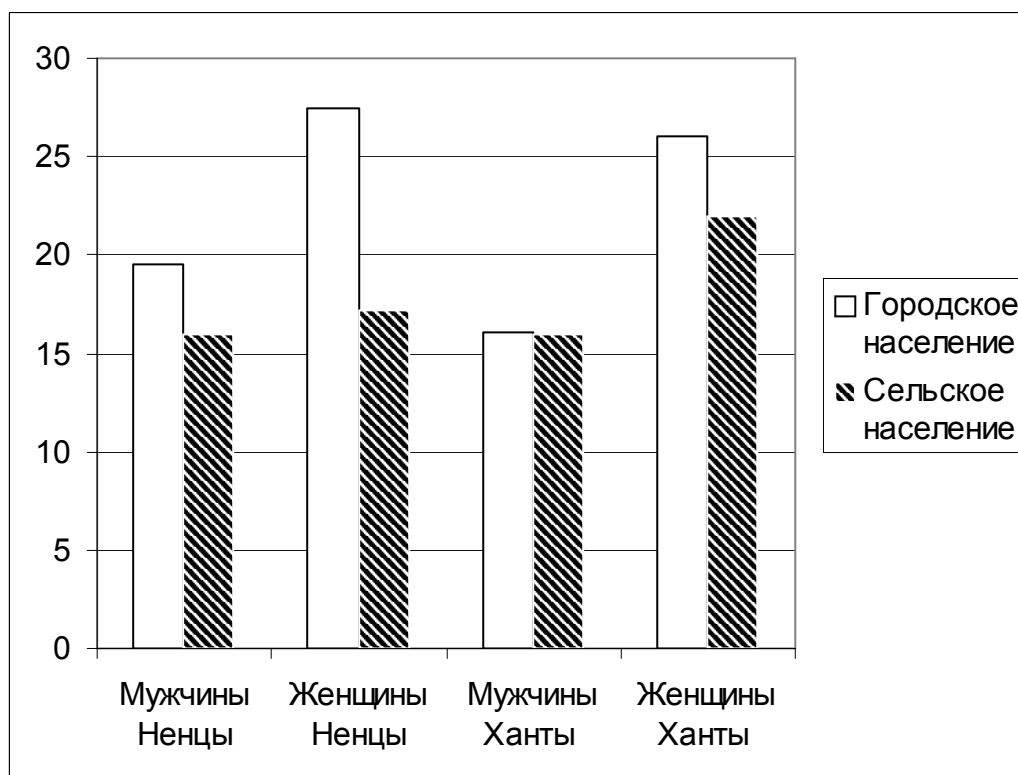

Рис.1. Доля ненцев и хантов, не зарегистрировавших свой брак, среди состоящих в браке по данным переписи населения 2002 г., %

Перепись дала возможность изменить сложившиеся стереотипы. Ребенок, родившийся у женщины, не состоящей в зарегистрированном браке, не обязательно воспитывается одной матерью. Он может воспитываться в семье, просто отношения родителей юридически не оформлены. Вопрос в другом, насколько прочны такие браки и могут ли такие семьи решиться на рождение второго и последующих детей. Наши исследования, проведенные на основании последней переписи, дают возможность сравнить результативность брачной и внебрачной рождаемости. Наметившиеся тенденции в рождаемости, несомненно, должны учитываться при разработке мер демографической политики как страны в целом, так и отдельных территорий.

В целом по России отмечается положительная динамика роста числа детей, рожденных у матерей не состоящих в юридическом браке. Ямало-Ненецкий автономный округ по этому показателю находится в числе десяти регионов, где отмечается самая низкая внебрачная рождаемость – на уровне 22-23% от общего числа родившихся.

В городской местности внебрачная рождаемость традиционно ниже (21,1%), а в сельской – заметно выше (34%) [2, с. 118-120, с. 26]. Как отмечает статистика, у коренных малочисленных народов Севера и Сибири внебрачная рождаемость достигает 50% и более. У них же отмечается более высокий уровень семей с детьми, где родители официально не регистрируют свои отношения. Тем не менее, это не мешает им жить и воспитывать детей, а доля разошедшихся у них в три раза ниже, чем во всем населении (табл. 1.).

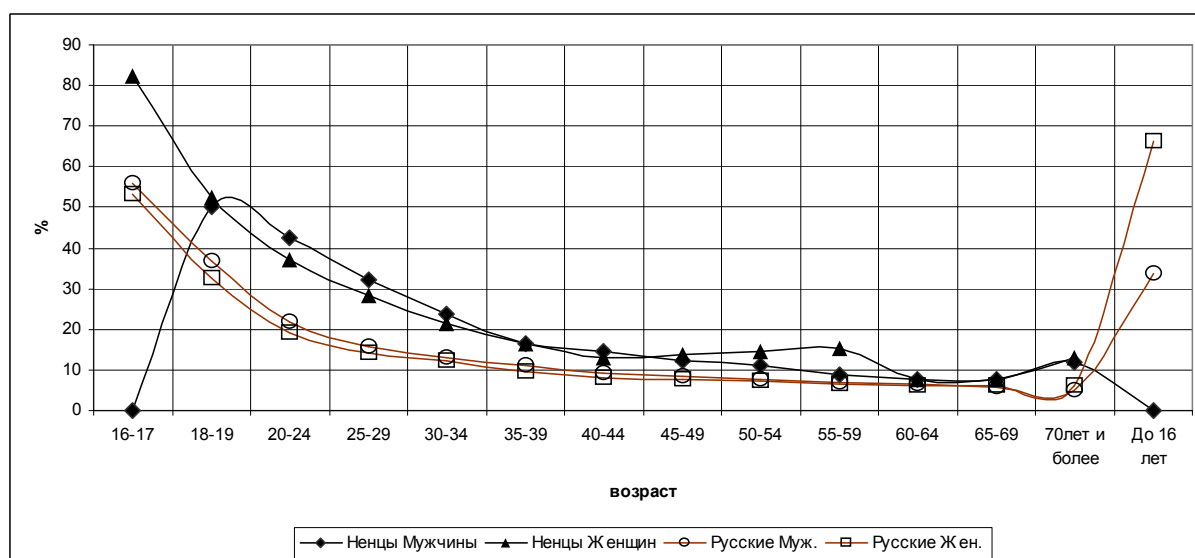

Рис. 2. Распределение ненцев и русских, не состоящих в зарегистрированном браке по полу и возрастным группам по переписи 2002 г.

От переписи к переписи в Ямало-Ненецком округе, как и в России отмечается рост числа разведенных мужчин и женщин. Причем, до начала 90-х годов уровень разведенных среди жителей Ямала был ниже среднероссийских показателей. Тем не менее, за период между переписями 1989–2002 гг. доля мужчин находящихся в разводе выросла с 4,6 до 7,1%, а доля женщин увеличилась с 6,7 до 11,1%, т.е. почти вдвое [3, с. 7].

В отличие от всего населения Ямала, большая часть которого является пришлым, у коренных народов доля разведенных и разошедшихся в 3,5 раза ниже, но в то же время почти вдвое выше уд. вес вдовых. Это третья особенность. Обращает на себя более ранний возраст овдовения. Если у русских значительный рост овдовения начинается с 50-летнего возраста, то у ненцев он проявляется на 15 лет раньше: уже в 30-35-летнем возрасте один из супругов остается без своей второй половины (табл.2). Общим как у русских, так и ненцев является то обстоятельство, что вдовствующими остаются главным образом женщины, поскольку и у тех и у других продолжительность жизни мужчин значительно уступает женщинам. А поскольку средняя ожидаемая продолжительность коренных народов Севера продолжает оставаться низкой, раньше у них наступает и процесс овдовения.

Как показали наши исследования, трансформация семейно-брачных отношений имеет определенные региональные особенности, обусловленные социально-экономической спецификой региона, этническим составом населения, национальными традициями

Изучение брачной структуры населения необходимо для лучшего понимания процессов формирования и распада семей, тенденций изменения рождаемости, смертности, воспроизводства населения в целом. Как и любая другая моментная демографическая структура, распределение населения по брачному состоянию, с одной стороны, отражает на себе прошлую динамику демографических процессов (не только брачности и разводимости, но и рождаемости и смертности, а также миграции), изменения в половозрастной и национальной структуре населения, а с другой, — позволяет прогнозировать их динамику, возможные уровни и изменения в будущем. Вот почему анализ брачной структуры является важным элементом изучения воспроизводства населения.

Литература и источники

1. Возрастно-половой состав и состояние в браке. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года). – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – Т. 2.
2. Демографический ежегодник России. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2004.
3. Статистический ежегодник России. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002.

Развитие историко-демографических исследований в Республике Коми

Изучение народонаселения Коми края имеет давнюю историю. Первые научные работы, где наряду с другими вопросами затрагивались некоторые аспекты демографического развития коми, появились в XVIII – начале XX в. (Г.Ф.Миллер, И.И.Лепехин, В.Н.Латкин и др.). Большинство публикаций носило комплексный, в первую очередь экономо-географический характер; исторический материал занимал подчиненное положение. Узка была источниковая база большинства публикаций. В них приведена информация (основанная как на документах, так и на фольклорных источниках и данных антропологии и не всегда достоверная) о времени возникновения ряда населенных пунктов, о количестве жителей отдельных населенных пунктов Коми края. Важное значение сохраняют издания документов, содержащих сведения о населении Коми края (подробнее об этих работах говорится в специальной публикации автора настоящей статьи [1]).

В течение XIX в. в России сложилась демографическая наука. П.Н.Миллюков, Ю.В.Готье и другие разрабатывали методику анализа источников. Ученые того времени не ставили перед собой задачи специального изучения демографического развития какого-либо народа (в том числе и коми); исследовалось народонаселение существовавших в России административно-территориальных единиц (губерний, уездов). Тем не менее в появившихся работах П.И.Кеппена, К.И.Арсеньева, А.Ф.Риттиха, М.М.Богословского содержались сведения о численности и этническом составе населения уездов, в состав которых входил Коми край [2]. Особо следует отметить труд филолога А.М.Шегрена, который предпринял первую попытку проследить динамику населения двух уездов (включавших в свой состав территорию Коми края) в XVII – первой четверти XIX в. на основе ревизий и писцовых и переписных книг, привел данные о числе селений, дворов и жителей в Яренском и Усть-Сысольском уездах, но ограничился публикацией данных без анализа их полноты и сопоставимости между собой (подробнее об А.М.Шегрене-демографе говорится в специальной публикации И.Л.Жеребцова и Н.К.Забоевой [3]). Таким образом, в XVIII – начале XX в. началось накопление фактического материала по различным аспектам историко-демографического развития Коми края.

В 1920-е гг. появились публикации, специально посвященные демографическим процессам в Коми. Внимание к демографическим проблемам было вызвано в первую очередь образованием в 1921 г. Коми автономной области. Созданию области предшествовал сбор данных о численности и национальном составе населения. Проведение переписи 1926 г. еще более стимулировало интерес к исследованию истории развития народонаселения. Этим занимались главным образом местные краеведы. Отсутствие специальных научных публикаций по историко-демографической проблематике негативно сказывалось на методической стороне их работ.

Вопросы исторической демографии исследовались в основном в связи с другими проблемами истории края. К собственно историко-демографическим работам можно отнести лишь серию статей А.М.Мартюшева 1927–1929 гг. Он привел сведения о заселении Печорского края, опубликовал данные о численности населения Коми края, содержащиеся в ряде документов, попытался проследить динамику изменений количества коми населения в XVII – начале XX в., но не смог удовлетворительно решить эту проблему. А.М.Мартюшев в целом продолжал традиции дореволюционных историков – с той лишь разницей, что он стремился по мере возможности привлекать и анализировать материалы не по отдельным административным единицам, а по территории расселения коми. Его работы носили описательный характер, основное место уделялось изложению материала источников, а факторы историко-демографического развития специально не исследовались.

Краевед А.С.Забоев, являвшийся приверженцем новой, марксистской научной школы, выступил с критическими замечаниями в адрес А.М.Мартюшева, указав, что последний не подчеркнул определяющую роль экономических факторов в демографических процессах. Сам А.С.Забоев особенное внимание уделил влиянию правительственной политики на движение населения в Коми крае. В соответствии с новой методологией и с умонастроениями большей части национальной интеллигенции исследователь подверг резкой критике политику царской России в отношении национальных окраин, считая, что она оказывала негативное воздействие на демографические процессы; в частности, полагал А.С.Забоев,

*Жеребцов Игорь Любомирович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

осознание коми народом своего подчиненного положения в дореволюционный период замедляло прирост населения.

Выразителем крайней антироссийской точки зрения стал публицист И.Н.Мошегов. Он преувеличил развитость Коми края «дорусского периода», предполагал (без достаточных на то оснований), что Коми край до присоединения к Русскому государству был гораздо многочисленнее, а в период «московского владычества» численность коми резко сократилась в результате войн и репрессий. Взгляды И.Н.Мошегова подверглись справедливой критике со стороны А.М.Мартюшева и А.Ф.Теплоухова [4]. Отдельные сведения о движении населения Коми края приведены в других публикациях 20-х – самого начала 30-х гг. (Подробнее о работах этого периода говорится в специальной публикации автора данной статьи [5]).

Таким образом, на этом этапе появились работы, непосредственно посвященные движению населения Коми края. Незавершенность методики, отсутствие специальной подготовки у большинства авторов, недостаточно широкая источниковая база наложили отпечаток на все публикации того времени. Вместе с тем в исследованиях было продолжено начатое дореволюционными авторами изучение численности и миграций населения Коми края. Значительно активизировался процесс накопления конкретно-исторического материала. Развитию этих исследований помешали вненаучные причины. Общество изучения Коми края прекратило свое существование в 1931 г., его деятели были репрессированы, публикации объявлены «идеологически вредными». В первых обобщающих трудах по истории Коми (1932, 1933) достижения в области изучения историко-демографического развития региона не были отражены. Разработка этих вопросов прекратилась на длительное время.

В 1950-х гг. к изучению истории и этнографии коми приступили подготовленные специалисты-ученые. В публикациях 1950–1960-х гг. приведены отдельные сведения о численности населения дореволюционного Коми края, о начальных этапах заселения ряда районов, о миграциях местных жителей в другие регионы, о воздействии на демографическое развитие XVI–XVII вв. налогового гнета, социального расслоения и неурожаев (в силу общественно-политических реалий того времени исследователи несколько преувеличивали влияние первых двух факторов). Появились работы демографов, характеризовавших современное им народонаселение Коми АССР [6]. Специальных публикаций по историко-демографическим процессам в тот период не было, поскольку по сложившейся за годы Советской власти традиции данная тематика не относилась к числу приоритетных; историки вплоть до 1980-х гг. уделяли первоочередное внимание изучению социально-экономического развития и классовой борьбы.

Первые историко-демографические работы были опубликованы в 70-х гг., а в 80-х гг. их количество возросло. Важнейшее значение для появления этих публикаций имела разработка методических и источниковедческих аспектов изучения историко-демографических проблем в трудах А.Г.Рашина, А.А.Преображенского, Н.В.Устюгова, Ю.А.Полякова, Я.Е.Водарского, В.М.Кабузана и др., характеристика которых дана в монографии Н.А.Горской, и публикация Н.П.Воскобойниковой и М.А.Мацуком ряда документальных источников [7].

Наибольшее число работ (Я.Е.Водарского, В.М.Кабузана, Л.П.Лашука, В.П.Подоплелова, Г.В.Загайновой, Н.П.Воскобойниковой, Т.И.Беленкиной, И.Б.Иловайского, В.В.Фаузера, М.А.Мацука, О.Е.Бондаренко, М.Б.Рогачева, А.И.Терюкова, И.Л.Жеребцова и др.) посвящено численности населения Коми края в различные периоды [8]. (Подробнее об этих публикациях говорится в специальных статьях [9]).

Обстоятельно были изучены социально-экономические и политические факторы, влиявшие на движение населения Коми края. В трудах А.А.Преображенского и П.А.Колесникова показаны причины миграций чернососного крестьянства европейского Севера России в XVI – середине XIX в. (развитие товарно-денежных отношений, аграрное перенаселение и нехватка земли, обнищание, правительственные мобилизации). Л.Н.Жеребцов назвал факторы, способствовавшие усилению миграций населения Коми края в XVI в.: установление мирных взаимоотношений с обскими уграми, истощение запасов пушного зверя и др. Причиной изменения социально-демографической ситуации в Яренском уезде в XVII в. специальную работу посвятил М.А.Мацук [10].

Проблема внутренних миграций населения и освоения территории Коми края, также получила освещение в работах Л.Н.Жеребцова и Л.П.Лашука, посвященных формированию этнической территории и народности коми (указано время возникновения ряда населенных пунктов, приведены сведения о том, откуда приходили люди в колонизировавшиеся районы). О времени появления ряда поселений говорится также в публикациях Н.П.Воскобойниковой и некоторых других авторов. Возникновения новых поселений в XV – начале XX в. Автор настоящей статьи специально изучались миграции населения Коми края в конце XVI – середине XIX в. [11].

Исследователи рассмотрели ряд аспектов переселения жителей за пределы Коми края. Л.Н.Жеребцов отметил активное участие коми в освоении Сибири и Дальнего Востока, осветил процесс возникновения коми поселений на Оби в XIX в. и переселений коми на Кольский полуостров. Переселения коми за

Урал по писцовым и переписным книгам нескольких сибирских уездов рассмотрены Э.Д.Красильниковой. Миграции коми за пределы Европейского Северо-Востока (в Сибирь, на Каму, Вятку и в другие регионы) и их интенсивность в конце XVI – середине XIX в. изучены автором данной статьи. Сведения о миграциях коми в Сибирь, на Урал и в другие регионы содержатся в публикациях ряда других авторов [12].

В работах Л.Н.Жеребцова, Л.П.Лашука, П.А.Колесникова, Э.А.Савельевой, И.Л.Жеребцова и др. рассмотрена проблема притока на Европейский Северо-Восток иноэтничных переселенцев в XII – начале XX в. Наиболее подробно исследованы древнерусская колонизация XII–XIV вв. и переселения в Коми край русских, карел и представителей других народов в XVI–XVII в. Изучение миграционных процессов, протекавших в советский период истории, ограничивалось анализом добровольных миграций в работах, посвященных истории промышленности и рабочего класса Коми АССР [13]. Ученые не имели возможности исследовать переселения в Коми заключенных, спецпоселенцев и др.

Таким образом, к началу 90-х гг. в исследовании народонаселения Коми края, Республики Коми были достигнуты значительные успехи: определены ключевые проблемы историко-демографического развития, начата разработка некоторых из них, выработана методика анализа источников, введен в научный оборот большой фактический материал. Важно подчеркнуть возросшее внимание демографов к историческим аспектам развития народонаселения Коми. Исследователи активно использовали в своих работах данные ономастики, диалектологии, фольклора. Вышеуказанные публикации, в большинстве своем ограниченные в территориальном и хронологическом плане и зачастую посвященные не непосредственно изучению народонаселения Коми края, а несколько иным проблемам, не давали достаточно полной картины демографического развития на всей территории Коми края и на всем протяжении указанного периода. Многие вопросы требовали углубленной разработки. Но названные исследования стали базой, благодаря которой стала возможной активизация изучения этнодемографических процессов в Республике Коми в 1990-х гг., появление обобщающих трудов по историко-демографическому развитию региона.

В 1990-е гг. заметно расширился как круг исследуемых вопросов, так и число ученых, занимающихся этими проблемами. Наряду с отдельными статьями и небольшими брошюрами появился ряд специальных крупных исследований среди которых монография О.В.Котова, М.Б.Рогачева, Ю.П.Шабаева «Современные коми», Н.Д.Конакова и О.В.Котова «Этноареальные группы коми», две монографии и докторская диссертация автора данного доклада [14].

Важно подчеркнуть возросшее в 1990-е гг. внимание демографов к историческим аспектам развития народонаселения Коми. В серии монографий демографов В.В.Фаузера, В.П.Подоплелова, Г.В.Загайновой и других, докторской диссертации В.В.Фаузера прослежены особенности процесса формирования населения Республики Коми в XX в., динамика изменения общей численности жителей, проанализированы проблемы воспроизводства населения, приведены порайонные данные о его численности; подробнее изучены исследователями демографические процессы послевоенного периода, особенно 1960-х – первой половины 1990-х гг. [15].

В трудах М.А.Мацука получила освещение динамика населения Яренского уезда в XVII в. В публикациях И.Л.Жеребцова определена численность населения Коми края (в целом и по волостям) в конце XVI – начале XX в. В публикациях и кандидатской диссертации Д.И.Пинаевского обстоятельно проанализировано естественное движение населения Европейского Севера и Коми края, в частности, во II половине XIX в. Вопросы численности населения Коми края в конце XVIII – первой половине XIX в. получили освещение также в монографиях В.М.Кабузана, посвященных народонаселению России в целом. Н.П.Безносова проанализировала данные переписи 1926, 1937 и 1939 гг. о численности и этническом составе населения Коми по уездам (районам), проследила динамику населения республики в годы Великой Отечественной войны. Динамика соотношения численности различных этнических групп населения Коми АССР в 1959–1979 гг. и семейно-брачные отношения в республике в 1930–1970-е гг. изучались М.Б.Рогачевым. Демографы В.В.Фаузер, В.П.Подоплелов, Г.В.Загайнова изучили проблемы естественного прироста, рождаемости и смертности населения Республики Коми в XX в. (особенно подробно – в послевоенный период) [16].

Проблема внутренних миграций населения и освоения территории Коми края, формирования этнографических групп коми, возникновения новых поселений в XV – начале XX в. специально изучалась М.Б.Рогачевым, Н.Д.Конаковым и автором настоящей статьи. Публиковались документы, содержащие сведения о региональном расселении [17].

Н.Д.Конаков и О.В.Котов рассмотрели переселения жителей за пределы Коми края и формирование этнолокальных групп коми в Сибири и на Кольском полуострове во II половине XIX – начале XX в. Миграции коми за пределы Европейского Северо-Востока (в Сибирь, на Каму, Вятку и в другие регионы) и их интенсивность в конце XVI – середине XIX в. изучены автором настоящей работы. Сведения о

миграциях коми в Сибирь, на Урал и в другие регионы содержатся в публикациях некоторых других авторов [18].

Изучалась древнерусская колонизация XII–XIV вв. и переселения в Коми край русских, карел и представителей других народов в XVI – начале XX в., переселения в Коми заключенных, спецпоселенцев и др. [19]. Значительно активизировалось в 90-е гг. использование картографического метода в этнодемографических исследованиях. Составлен ряд карт, позволяющих проследить демографическое развитие региона в XV – середине XIX в. и в 1970-х – начале 90-х гг. [20]. Разработана периодизация тысячелетнего этнодемографического развития народа коми со времени его формирования (в XI в.) до современности, выделены четыре основных этапа этого развития [21].

Автор данной статьи и археолог К.С.Королев поставили вопрос о влиянии на демографические процессы климатического фактора, который до начала XX в. имел важное значение в истории Коми, но значение которого, однако, недооценивалось (или совсем не учитывалось) исследователями. От климатического фактора во многом зависела демографическая ситуация в Коми крае; колебания климата, его неустойчивость оказывали негативное воздействие на демографические процессы [22].

Начало XXI в. ознаменовалось выходом серии новых работ различных авторов, посвященных этнодемографическим процессам в регионе. Во-первых, продолжалась публикация источников, содержащих богатую информацию о населении Коми края. К числу наиболее востребованных исторических документов относятся, в частности, материалы писцовых, дозорных и переписных книг XVI – начала XVIII вв. В отличие от материалов по бассейнам Вычегды, Мезени и нижней Печоры (Яренский и Пустозерский уезды), материалы по Прилузью (Лузская Пермца Сольвычегодского уезда) публиковались в весьма небольшом количестве. Чтобы в какой-то мере восполнить этот пробел, автором данной статьи были опубликованы фрагменты дозорной книги Сольвычегодского уезда 1620 г. и переписной книги 1647 г., содержащие сведения о населении Прилузья первой половины XVII в. [23].

Значительное количество трудов, в том числе и написанных на археологических материалах, посвящено истории освоения Европейского Северо-Востока. Границы освоенной территории, переселения, система расселения, существовавшие населенные пункты, подходы к определению численности жителей средневекового крайнего Северо-Востока Европы – эти вопросы получили освещение в работах Э.А.Савельевой, К.С.Королева, М.В.Кленова, И.Л.Жербцова [24].

Плодотворно изучались процессы заселения территории и формирования населения Коми в ходе миграций различных этнических групп в XV – начале XX вв., а также переселения коми в другие регионы. Освещены, в частности, роль миграций русского крестьянства в формировании населения Коми края в конце XV–XVI вв., влияние развития заводской промышленности на миграционные процессы в Коми крае (XVII – начало XX в.). Привлечены новые материалы о численности населения. Показана связь в изменении административно-территориального деления региона с этнодемографическими процессами и др. [25]. Отметим активизацию изучения половозрастной структуры и семейно-брачных отношений населения Коми края, численности и структуре духовенства; ранее этим сюжетам уделялось мало внимания [26]. Специально следует сказать о публикации ряда не издававшихся ранее работ коми этнографа Л.Н.Жербцова (1925–1991), посвященных переселениям коми в Сибирь, формированию этнической территории и этнографических групп коми, этнодемографическим процессам в Коми в XX в. [27].

Особое внимание ученые уделяли анализу факторов демографического развития, в первую очередь переменами климата в разные эпохи и государственной политике. Весьма важным является то, что наряду с материалами, касающимися только Европейского Северо-Востока, в публикациях приведены и сравнительные данные по остальным финно-угорским народам – венграм, эстонцам, финнам, карелам и др., выявлены связанные с климатическими изменениями сходные черты и различия в этнодемографическом развитии финно-угров в I–II тыс. н.э. [28].

В изучении демографического развития Коми в XX в. особое внимание уделялось нескольким сюжетам, среди которых, в частности, проблема принудительных миграций в регион (спецпереселенцы, высланные, заключенные и др.), численности вынужденных мигрантов, селившихся в крае (работы М.Б.Рогачева, Л.А.Максимовой, А.Н.Турубанова и др.). Особенно продуктивно Н.М.Игнатовой исследовались вопросы, связанные с миграциями и численностью спецпереселенцев [29].

Вторым сюжетом демографической истории Коми XX в., который активно изучался, являлись демографические процессы в годы Великой Отечественной войны. В публикациях Н.П.Безносовой, Е.Н.Боле и других авторов освещены факторы демографического развития, естественное движение и возрастно-половая структура населения, миграционные процессы и их влияние на динамику численности населения, изменение его этнической структуры, на расселение жителей, а также источники изучения данных вопросов [30].

Была опубликована серия работ И.Л.Жеребцова, В.В.Фаузера, Е.Н.Рожкина, Д.В. Вишняковой, А.А.Попова, Д.В.Милохина, В.В.Якоба посвященных демографии сельского населения Коми. В них дана демографическая характеристика коми крестьянства в 1920-е гг., изучены численность и социальная структура крестьянства Коми области в 1930-е гг., исследованы трудовые ресурсы сельхозартелей Коми АССР в годы Великой Отечественной войны и трудовые ресурсы колхозов Коми АССР во второй половине 1940-х – 1950-е гг., рассмотрена политика «неперспективных деревень», проводившаяся на Европейском Севере России в 1960–1970-х гг. и ее освещение в историко-аграрной литературе. Естественному движению всего населения Коми (как сельского, так и городского) в 1926–1940 и 1946–1959 гг. посвящены обстоятельные статьи Н.П.Безносовой. Этнодемографические процессы в регионе, протекавшие в конце XX – начале XXI в. исследовались В.В.Фаузером, Ю.П.Шабаевым, Л.А.Поповой и другими авторами [31].

Несколько публикаций содержат информацию о демографических процессах в отдельных районах или отдельных населенных пунктах Коми. Историко-демографическое развитие каждого населенного пункта Коми в отдельности прослежено в книге автора данной статьи «Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник» (М.: Наука, 2001, 580 с.) и выпущенной в 2006 г. электронной энциклопедии «Где ты живешь» (авторы раздела по истории населенных пунктов – И.Л.Жеребцов и А.Г.Мусанов). В нескольких изданиях изложены сжатые очерки истории заселения региона, развития этнодемографических и этнических процессов, теоретические основы формирования населения и трудовых ресурсов Севера, история демографического развития финно-угорских народов, исследовано образование городов как фактора колонизации Севера в дореволюционный период. Достаточно обстоятельно освещена история заселения современной Республики Коми в фундаментальной двухтомной работе «История Коми с древнейших времен до конца XX века» (Сыктывкар, 2004).

Своеобразным обобщающим итогом многолетних исследований демографического развития региона стали монография И.Л.Жеребцова, Е.Н.Рожкина «Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века)» (Сыктывкар, 2005, 376 с.), в которой на основе большого количества разнообразных архивных и опубликованных источников освещены зависимость этнодемографических процессов от естественно-географических, социально-экономических и политических факторов, численность населения Коми края в целом, каждой волости, динамика ее изменения, процессы заселения всех районов края, время возникновения или первого упоминания населенного пункта (эта монография отмечена в числе важнейших результатов работы Отделения историко-филологических наук РАН за 2005 г.), и монография В.В.Фаузера, Е.Н.Рожкина, Г.В.Загайновой «Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция» (Сыктывкар, 2001), где представлены материалы о численности, рождаемости, смертности, миграциях, этническом составе жителей республики. В коллективном труде В.Я.Сквозникова, И.Л.Жеребцова, В.В.Фаузера, Н.П.Безносовой «Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи)» (Сыктывкар, 2001, 202 с.) прослежена история проведения всех описаний и переписей населения в Коми – начиная с самого первого описания 1481 г. и до подготовки к переписи 2002 г., изложены основные итоги переписей, охарактеризованы этнодемографические процессы.

Изложенное выше свидетельствует, что Республика Коми стала одним из ведущих центров историко-демографических исследований в России. Признанием высокого уровня развития исторической демографии в республике стало проведение в Сыктывкаре в 2005 г. первой в России с 1992 г. Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», а в 2006 г. – Всероссийского симпозиума по исторической демографии «Этнодемографические и этнокультурные процессы на Севере Евразии в прошлом и настоящем: источники изучения и методы их анализа», доклады и сообщения на которые представили более 100 ученых и специалистов-практиков из Астаны (Казахстан), Одессы (Украина), Владивостока, Омска, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Челябинска, Ханты-Мансийска, Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара, Ульяновска, Муром, Тулы, Твери, Мурманска, Вологды, Архангельска, Каргополя, Перми, Кирова, Чувашии, Карелии, Удмуртии и Республики Коми. Общее научное руководство этими мероприятиями осуществлял Научный совет Российской академии наук по исторической демографии и исторической географии. В 2007 г. запланировано провести в Сыктывкаре очередную Всероссийскую конференцию по исторической демографии.

В конце 2004 г. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН начал выпуск сборников по исторической демографии. Первые три были опубликованы к Всероссийской конференции 2005 г. На конференции было принято решение сделать издание сборников регулярным, сформирована межрегиональная редколлегия во главе с академиком Ю.А.Поляковым, председателем Научного совета Российской академии наук по исторической демографии и исторической географии; в состав редколлегии вошли исследователи из Москвы,

Сыктывкара, Владивостока, Екатеринбургa, Ижевска и Краснодара. В очередных выпусках сборников было решено опубликовать материалы конференции и симпозиума. Регулярный выпуск сборников по исторической демографии – еще одно свидетельство того, что Коми республика является одним из общероссийских центров по изучению исторической демографии.

Таким образом, в развитии историко-демографических исследований в Республике Коми можно выделить следующие основные этапы: 1) XVIII – начало XX в.; 2) 1920-е – начало 30-х гг.; 3) 1950–1980-е гг.; 4) с 1990-х гг. до современности. Необходимо подчеркнуть, что изучение этнодемографических процессов имеет не только научную, но и серьезную общественную значимость. В последние десятилетия в демографическом развитии Севера России и Республики Коми, в частности, наметились тревожные тенденции, в связи с чем необходима разработка новых концептуальных подходов к демографическому развитию Севера, учитывавших бы и многовековой опыт проживания человека в этом регионе. Анализ динамики роста народонаселения на протяжении длительного времени, процесса формирования исторически сложившейся структуры поселений, связей этнодемографического развития Коми края с природно-климатическими и социально-экономическими факторами имеет сегодня важное значение не только для исторической науки, но и для поиска путей решения дальнейшей судьбы всего огромного Севера России.

Литература и источники

1. Жеребцов И.Л. Проблемы движения населения Коми края феодального и капиталистического периодов в дореволюционной и советской историографии // Крестьянство Коми края (досоветский период). – Сыктывкар, 1986.
2. Арсеньев К.И. Статистические очерки России. – СПб., 1848; Кеппен П.И. О числе жителей в России в 1838 г. // Журнал Министерства внутренних дел. – 1839. – Вып. XXXIV. – № 10; Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. – СПб., 1875; Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. – М., 1909, 1910. – Т.1, 2, и др.
3. Жеребцов И.Л., Забоева Н.К. А.Шегрен и исследование демографических процессов в Коми крае // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). – Сыктывкар, 1994; Жеребцов И.Л., Забоева Н.К. Становление этнодемографии в Коми крае (XIX – первая треть XX в.) // IV конгресс этнографов и антропологов России. – М., 2001.
4. Мартюшев А.М. Движение населения Коми области за 300 лет // Коми му. – 1927. – № 10-11; 1928. – № 1; Он же. К истории заселения Печорского края // Записки Общества изучения Коми края. – 1929. – Вып. 3; Забоев А.С. (Сан-Антус). Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей коми // Коми му. – 1927. – № 10-11, 1928. – № 1; Мошегов И.Н. (Мосшег И.) Коми народ как участник в мировой торговле в прошлом // Коми му. – 1926. – № 4, и др.
5. Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. – Сыктывкар, 1987.
6. Жеребцов Л.Н. О времени появления коми на верхней Мезени // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. – Сыктывкар, 1955. – Вып. 3; Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Старая Вишера // историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4; Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. – Сыктывкар, 1958; Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1955. – Т. I; Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. – М., 1956; Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. – М., 1957; Подоплелов В.П. Средняя продолжительность жизни населения Коми АССР. – Сыктывкар, 1969; Загайнова Г.В. Специфика заселения Европейского Северо-Востока СССР // Известия Коми филиала Географического общества СССР. – Сыктывкар, 1969. Т. II. – Вып. 2, и др.
7. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. – М., 1986; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. – М., 1977; Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. – М., 1963; Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. – М., 1971; Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма. – М., 1994; Документы по истории народа коми. – Сыктывкар, 1985; Воскобойникова Н.П. К вопросу о реконструкции содержания писцовых книг Яренского уезда 1628 года // Проблемы этногенеза народа коми. – Сыктывкар, 1985, и др.
8. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. – М., 1977; Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. – М., 1990; Мацук М.А. Динамика народонаселения Яренского уезда в XVII в. // Проблемы этногенеза народа коми. – Сыктывкар, 1985; Беленкина Т.И. Население Коми края в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства. (XVII–XIX вв.). – Сыктывкар, 1985; Иловайский И.Б. Население государственной деревни Вологодской губернии во второй трети XIX в. // Там же; Воскобойникова Н.П. Динамика населения Яренского уезда в XVIII в. // Традиции и новации в народной культуре коми. – Сыктывкар, 1983; Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX века // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. – Сыктывкар, 1983; Жеребцов И.Л. Динамика населения Коми края в период феодализма. – Сыктывкар, 1987; Лашук Л.П. Формирование народности коми. – М., 1972; Рогачев М.Б. Этнодемографические характеристики современной сельской семьи Коми АССР // Традиции и новации в народной культуре коми. – Сыктывкар, 1983; Подоплелов В.П. Заселение Коми АССР. – Сыктывкар, 1985; Подоплелов В.П., Фаузер В.В.,

Загайнова Г.В. Население Коми АССР. – Сыктывкар, 1990; Сарв Х. Финно-угры в России в ходе столетий // Финно-угорские народы и Россия. – Таллинн, 1984; и др.

9. Жеребцов И.Л. Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография Коми. – Сыктывкар, 1999; Он же. П.Г.Доронин и собирание материалов о народонаселении Коми-зырянского и Коми-пермяцкого края // Архивы Уральского отделения Российской академии наук. – Сыктывкар, 2001; Мацук М.А. Миграции населения Коми края в XVII в.: причины явления (история и историография) // Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1; Бондаренко О.Е. Население Коми края по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 года: историография вопроса // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. Ч. 1.

10. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVII в. – М., 1972; Колесников П.А. Северная деревня в XV - первой половине XIX в. – Вологда, 1976; Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М., 1982; Мацук М.А. Причины изменения социально-демографической ситуации в Яренском уезде в XVII в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII–XIX вв.). – Сыктывкар, 1985.

11. Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV – середине XIX в. – Сыктывкар, 1972; Он же. Формирование этнической территории коми. – Сыктывкар, 1977; Он же. Обзор источников по расселению коми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. – Пермь; Сыктывкар, 1982. – С. 145-155; Он же. Формирование этнографических групп коми (зырян) // Финно-угорский сборник. – М., 1982; Он же. Этнокультурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края (досоветский период). – Сыктывкар, 1986; Воскобойникова Н.П. К истории поселений Яренского уезда в конце XVI – начале XVIII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970; Жеребцов И.Л. Миграции населения Коми края в эпоху феодализма. – Сыктывкар, 1989; Он же. Внутренние миграции в Коми крае в конце XVI – начале XVII вв. // Проблемы этногенеза народа коми. – Сыктывкар, 1985, и др.

12. Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. – Сыктывкар, 1974; Он же. К вопросу о роли коми в открытии Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1975; Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в заселении и освоении Сибири во второй половине XVI–XVII в. // Там же; Демидова Н.Ф. Памятник местной статистики о крестьянских отходах // Материалы по истории Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – Вып. 1; Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII в. – Иркутск, 1990; Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н. Антропонимика как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1990; Жеребцов И.Л. Присоединение Сибири к России и этническая территория коми // Материала XI Коми республиканской молодежной научной конференции. – Сыктывкар, 1990, и др.

13. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. – Сыктывкар, 1958; Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М., 1982; Загайнова Г.В. Роль миграции в формировании трудовых ресурсов Коми АССР // Социально-экономические проблемы воспроизводства населения и трудовых ресурсов. – Сыктывкар, 1988; Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л., 1987; Жеребцов И.Л. Иноязычный этнический компонент в составе населения Коми края в XVI–XVII вв. // Вопросы этнографии народа коми. – Сыктывкар, 1985; Промышленные рабочие Коми АССР. – М., 1974, и др.

14. Жеребцов И.Л. Демографические процессы в Коми крае в конце XV – начале XX века: Дис. ...д-ра ист. наук. – Сыктывкар, 1998; Он же. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. – Екатеринбург, 1996; Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. – М., 1993; Он же. Проблемы демографического развития Российского Севера: Дисс. ...докт. экон. наук. – Сыктывкар, 1996; Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. – Сыктывкар, 1994, и др.

14. Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. – Екатеринбург, 1996; Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми. – М., 1991; Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. – Екатеринбург, 1996; Он же. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. – Сыктывкар, 1998.

15. Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. – Сыктывкар, 1998; Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. – М., 1993; Он же. Проблемы демографического развития Российского Севера: Дис. ... д-ра экон. наук. – Сыктывкар, 1996; Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. – Сыктывкар, 1994; Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения. – Сыктывкар, 1996, и др.

16. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. – М., 1992; Лаллукка С. Восточно-финские народы России. – СПб., 1997; Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I. – Сыктывкар, 1993; Он же. К вопросу о запустении поморских уездов в XVII в. (до 1680 г.) // Сельское расселение на Европейском Севере России. – Вологда, 1993; Жеребцов И.Л. Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. // Крестьянство европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения. – Сыктывкар, 1993; Он же. Численность населения Коми края в XVIII в. // Крестьяне европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. – Сыктывкар, 1996; Безносова Н.П. Всесоюзная перепись населения 1926 г. о численности и этническом составе населения Коми автономной области и численности коми-зырян в СССР // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. – Сыктывкар, 1996; Она же. Перепись населения 1937 г. в Коми АССР: история и документы // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории

Коми. – Сыктывкар, 1997; Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Демографические процессы в Коми в XX веке. – Сыктывкар, 2000, и др.

17. Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы). – Сыктывкар, 1993; Они же. History of the ethnic territory of the Komi people // *Historia Fenno-Ugrica* 1:2. Congressus primus historiae fenno-ugricaе. – Oulu, 1996; Жеребцов И.Л. Где ты живешь. – Сыктывкар, 1994, 2000; Он же. Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. – Сыктывкар, 2000; Он же. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Этническая история. Формирование территориально-племенных и этнографических групп в XIV – XVI вв. и освоение новых территорий // *Народы Поволжья и Приуралья*. – М.: Наука, 2000; Жеребцов И.Л., Мацук М.А. Начало заселения верхней Летки (фрагменты дозорной, писцовых и переписной книг Сольвычегодского уезда I пол. XVII в.) // *Крестьяне европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура*. – Сыктывкар, 1996, и др.

18. Жеребцов И.Л. На кочах вокруг Чукотки // *Арт.* – 1998. – №3; Он же. Переселения жителей Коми (Зырянского) края на Каму во II половине XVI – начале XVIII вв. // *Коми-пермяки и финно-угорский мир*. – Кудымкар, 1997; Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми. – М., 1991, и др.

19. Савельева Э.А. Этнокультурная история Европейского Северо-Востока в эпоху средневековья. – Сыктывкар, 1995; Жеребцов И.Л. Русские в Коми. Взгляд сквозь тысячелетие // *Жизнь национальностей*. – 1998. – № 1-2; Рогачев М.Б. Спецпоселенцы в Коми АССР: национальный состав и межэтнические контакты (30-50-е гг.) // *Из истории государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР*. – Сыктывкар, 1993; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. – Сыктывкар, 1997; Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. – Сыктывкар, 1992; Покаяние. – Сыктывкар, 1998. – Т. I, и др.

20. Историко-культурный атлас Республики Коми. – М., 1997; Исторический атлас Республики Коми. – М., 1997.

21. Жеребцов И.Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми. – Сыктывкар, 1995; Он же. Этапы этнодемографического развития народа коми в XI–XX вв. // *Финно-угроведение*. – 1996. – №1; Он же. Ethnodemographische Entwicklung der Komi-Syrjänen in den X. bis XX. Jahrhundert und ihre Hauptetappen // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.-15.8.1995. Pars II. – Jyväskylä, 1995*; Он же. Historical and demographic aspects of the Komi people // *Historia Fenno-Ugrica* 1:2. Congressus primus historiae fenno-ugricaе. – Oulu, 1996, и др.

22. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае в XV–XVIII в. // *Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье*. – Сыктывкар, 1995; Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. – Сыктывкар, 2000; Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // *Природа*. – 2000. – №7, и др.

23. Жеребцов И.Л. Население Лузской Пермцы в 1647 году (Фрагмент переписной книги Сольвычегодского уезда 1647 года) // *Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы*. – Сыктывкар, 2005; Он же. Деревни и починки Лоемского погоста в начале XVII века // *Известия Общества изучения Коми края*. – 2004. – № 3; Он же. Селения Спасского прихода в 1620 году // *Там же*. – 2005. – № 1; Он же. Деревни и починки Объячевского прихода в начале XVII в. // *Там же*. – 2005. – № 2; Он же. Населенные пункты верхней Лузы и верхней Летки в 1620 г. // *Там же*. – 2006. – № 3.

24. Савельева Э.А. Истоки народа коми // *Этнодемографические процессы на Севере Евразии*. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 2; Королев К.С. Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде (эпоха железа). – Сыктывкар, 2002; Он же. Восточная «порубежная» территория Перми вычегодской // *Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы*. – Сыктывкар, 2005; Кленов М.В. Европейский Северо-Восток в XI–XIV вв. (к вопросу о системе расселения) // *Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем Севере Евразии*. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1; Он же. Пермь вычегодская. К проблеме формирования населения Коми края в эпоху средневековья // *Этнодемографические процессы на Севере Евразии*. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 2.; Жеребцов И.Л., Кленов М.В. Население Европейского Северо-Востока в XI–XVII веках (опыт демографического моделирования) // *Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья*. – Ижевск, 2002, и др.

25. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Влияние миграций русского крестьянства на формирование населения Коми края (конец XV–XVI вв.) // *Этнодемографические процессы на Севере Евразии*. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 2; Они же. Освоение территории Коми края и демографические процессы в XV – начале XX века // *История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов*. – Сыктывкар, 2005; Они же. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). – Сыктывкар, 2001; Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Рожкин Е.Н. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. – Сыктывкар, 2001; Жеребцов И.Л. Коми – сподвижники Ермака Тимофеевича и Семена Дежнева // *Невтон*. – 2001. – № 1. Пинаевский Д.И. Демографические аспекты развития Европейского Севера России в середине XIX – начале XX в. // *Этнодемографические процессы на Севере Евразии*. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 2, и др.

26. Семенова Д.В. Половозрастная структура населения Вильгортской волости в XIX – начале XX века // *Studia juvenilia*. Сб. работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2003; Она же. Брачное поведение коми крестьян во второй половине XIX в. // *Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем Севере Евразии*. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1; Жеребцов И.Л. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. – Сыктывкар, 2005; Хайдуров М.В. Численность и структура духовного сословия в Коми крае в пореформенный период (конец

1860-х – 1890-е годы) // Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1, и др.

27. Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005. 420 с.; Он же. Коми этнографлӧн пасйӧдъяс (Заметки коми этнографа) // Арт. – 2006. – № 1. – С. 124–133; Научное наследие // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.; Сыктывкар, 2005. – С. 166–189.

28. Жеребцов И.Л. К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1; Он же. Изменения климата и история финно-угорских народов в Европейской России // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. – Йошкар-Ола, 2004; Королев К.С. Климатический фактор в этногенезе коми-зырян (по археологическим материалам средней Вычегды) // Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1; Мацук М.А. Государственная политика как фактор демографических изменений на Европейском Севере и в Приуралье (XVII век) // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 2, и др.

29. Игнатова Н.М. Численность спецпереселенцев в Коми АССР в 1930–1950 годы // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1; Она же. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 2001. – Т. 4. Ч. 2; Она же. Документы ЗАГС как источник по численности спецпереселенцев в Коми республике в 1930-е годы // Краеведение в Республике Коми: история, современность, перспективы. – Сыктывкар, 2004; Рогачев М.Б. Лагеря Коми АССР в 1941–1945 гг. // Участие жителей Коми края в войнах и конфликтах XX века. – Сыктывкар, 2004; Он же. Поляки – спецпереселенцы в Коми АССР: 1940–1944 // Вклад репрессированных в освоение европейского севера России и Приуралья. – Сыктывкар, 2004; Турубанов А.Н. Количественные изменения в составе работников подневольного труда в Коми в 20–50-е годы XX века // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. – Ч. 3, и др.

30. Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. – Сыктывкар, 2003; Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Урбанизационные процессы в Коми в первой половине 40-х годов XX века // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. – Сыктывкар, 2004; Боле Е.Н., Сметанин А.Ф. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Коми АССР). – Сыктывкар, 2005; Боле Е.Н. Массовые мобилизации граждан в ряды вооруженных сил и социально-демографические процессы в период Великой Отечественной войны: брачно-семейный аспект // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. – Ч. 3, и др.

31. См.: Жеребцов И.Л. История заселения территории современной Республики Коми в новейших исследованиях (2001–2006) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации. – Сыктывкар, 2006. – С. 124–135.

Демографические исследования Российского Севера: история и современность**

Российский Север в демографическом плане, с одной стороны, можно считать изученным, а с другой – нет, поскольку комплексные и глубокие исследования проводились чаще всего по отдельным регионам, а не по Российскому Северу в целом. Но это и объяснимо. Север осваивался выборочно, в хозяйственный оборот вовлекались отдельные ресурсы, а не их комплекс, ввиду отсутствия соответствующих технологий. Если, например, ставилась задача освоения тюменской нефти, то появлялись и научные работы по данному региону. Поэтому цель настоящей статьи, показать те научные работы, которые отражают демографическое развитие северных территорий в прошлом, а также в современный период. В основном будут рассмотрены лишь те работы, в которых демографическая и трудовая тематика являются определяющими. Кроме всего прочего обзор научной литературы позволяет оценить ту кропотливую работу, которая была проведена демографами, социологами, географами, экономистами и историками в течение XX в. Не беремся утверждать, что приведенный перечень работ будет полным, однако и сделать это в одной статье не представляется возможным.

Отсутствие комплексных исследований, в том числе социологических, по всем северным регионам обусловлено тем, что ни в научном сообществе, ни в структуре Правительства России на протяжении всей истории освоения Севера не было «пролонгированной», ответственной структуры за его судьбу. В разные годы появлялись Министерства и Комитеты, но затем тихо исчезали.

В последние годы положение стало меняться благодаря усилиям чл.-корр. РАН В.Н.Лаженева. Под эгидой института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН были подготовлены четыре монографические работы, объединившие практически всех ученых-североведов [Север России, 2004; Север как объект, 2005; Север: наука и перспективы, 2006; Север: проблемы периферийных, 2007]. Здесь необходимо также подчеркнуть, что достойное место в изучении северной тематики заняли ежегодно проводимые в г. Сыктывкаре с 2005 г. «Социально-экологические конгрессы».

Не претендуя на строгую классификацию публикаций, заметим лишь, что значительная часть работ посвящена: общим вопросам развития населения, теоретическим аспектам сущности формирования населения, концептуальным подходам к освоению северных территорий, коренным и малочисленным народам Севера, населенности или демографической емкости территорий и т.д.

Одной из первых работ, где рассматривается население, можно считать работу известного исследователя Европейского Севера А.С. Нормана. Еще в начале XX в. он отмечал, что колонизация такой обширной территории (речь идет об Архангельской губернии), составляющей одну шестую часть Европейской России, находящейся в столь близком расстоянии от обеих столиц и имеющей к тому же превосходный морской сбыт продуктов труда, даже помимо целей государственного землеустройства, не только крайне желательна, но и настоятельно необходима, как очень крупное и важное экономическое предприятие, обещающее при относительно малых затратах на него сразу значительные экономические и финансовые выгоды государству. По общераспространенному, в России, взгляду, когда появляется забота о заселении какого-либо края, – край этот рассматривается лишь не более как новый объект, для помещения в него излишков населения, а вторая цель колонизации, – экономическое использование нового края, для общего поднятия благосостояния всего государства, совершенно пренебрегается [Норман, 1910, с.3, 5].

В советский период в 1920-е гг. процесс колонизации нашел отражение в монографиях И.Л. Ямзина и В.П. Вошинина [Ямзин, Вошинин, 1926; Ямзин, 1931]. Что же касается 1930-х и начала 1940-х гг., то в те годы публикаций в печати появлялось очень мало. Здесь можно выделить работу П.Е. Терлецкого, где он предлагает научные подходы по заселению Крайнего Севера. В частности он предлагал проводить научные исследования, направленные на изучение факторов, способствующих или затрудняющих процесс заселения, а именно:

– исследованию влияния природных условий Севера на состояние здоровья приезжего населения;

*Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН, заведующий кафедрой менеджмента Сыктывкарского государственного университета.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 06-02-00228а «Формирование человеческих ресурсов топливно-энергетического комплекса северного региона с учетом демографической динамики».

- изучению жилищно-бытовых и санитарно-гигиенических условий и разработке вопросов жилищно-бытового обслуживания населения, условий строительства (выбора места, типов построек и внутреннего расположения в них, строительных материалов);
- вопросов отопления и освещения, водоснабжения и канализации, санитарии и гигиены; вопросов домашней обстановки и т.п.;
- вопросов питания, одежды, обуви населения;
- бюджета времени приезжего населения в связи с сезонностью ряда отраслей хозяйства и необходимостью организовать использование труда круглый год;
- вопросов сменяемости и текучести, а также комплектования кадров северных работников [Терлецкий, 1945, с. 11].

Наибольшее количество работ по демографии и формированию населения северных регионов пришлось на 1970–1980-е гг. – период экстенсивного освоения Севера России. Здесь особое внимание уделялось теоретическим вопросам «сущности процесса формирования населения». Приведем основные работы по данной тематике. В начале 1970-х гг. авторы К.Н. Мисевич и В.И. Чуднова, дают свое видение определению «формирование населения» на примере Обского Севера. Суровые природные условия Севера, слабая заселенность и хозяйственная освоенность территории осложняют процесс формирования населения, создают чрезвычайно неблагоприятную обстановку для жизни и трудовой деятельности прибывающего населения. Для большинства мигрантов осваиваемый район по природным и социально-экологическим условиям оказывается резко контрастным по сравнению с местами прежнего местонахождения.

Существенное влияние на процесс формирования населения Обского Севера оказывает и производственная структура создающегося комплекса. Возникновение новых отраслей (бурение, добыча нефти и газа, крупное промышленное строительство), ранее не свойственных данному району, связано с необходимостью изначального обустройства территории (сооружение сети трубопроводов, железных и автомобильных дорог, городов и рабочих поселков) и требует большого количества рабочих, имеющих соответствующие навыки и уровень квалификации. Все это делает необходимым привлечение населения из других районов страны.

Особенности структуры формирующегося населения следует учитывать также при проектировании типов жилищ и региональных норм строительства объектов культурно-бытового обслуживания.

Формирование населения рассматривается как сложный процесс, представляющий собой сочетание естественного (рождаемость, смертность и естественный прирост) и различных видов механического движения населения. Ведущую роль в формировании населения Обского Севера ... играют миграционные процессы [Мисевич, Чуднова, 1973, с. 6-8].

Представляет интерес определение формирования населения данное В.В. Воробьевым: «Формирование населения региона – сложный процесс количественного роста и изменений структуры и размещения населения, в ходе которого осуществляется взаимное влияние автономного и пришлого населения, новоселов и старожилов. На формирование населения региона воздействуют общие закономерности развития экономики страны, демографическая ситуация в стране и соседних регионах, природные условия и ресурсы данного и окружающих регионов.

Для изучения и познания процессов формирования населения необходимо изучение естественного и механического движения в их совокупности, ввиду того, что, как правило, они взаимосвязаны и взаимообусловлены [Воробьев, 1974, с. 323-324].

На наш взгляд, наиболее полную и развернутую характеристику формированию населения в свое время дал Л.Л. Рыбаковский, который определил процесс формирования населения, как «региональный процесс, выражающий не только динамику численности населения и заселенность территории, хозяйство которой развивается ускоренными темпами, но представляющий собой создание постоянного состава населения. Этот процесс создания определенной по численности и постоянной по составу популяции людей в районах интенсивного хозяйственного освоения» [Рыбаковский, 1969, с. 254]. В 1980-х гг. в одной из своих работ по миграции населения он уточняет это понятие и считает, что формирование населения – комплексный процесс, имеющий экономические, социальные и демографические аспекты. К демографическим аспектам как раз и относится влияние разных источников на динамику населения, изменение его демографической структуры и участие мигрантов и местного населения в воспроизводственном процессе. Причем миграция влияет не только на воспроизводственный процесс в целом, но и на перераспределение его результатов по территории страны.

Следовательно, можно заключить, что формирование населения – есть взаимодействие естественного и миграционного процессов, при этом роль миграции на начальных этапах не только существенно

превосходит роль естественного движения, но и вносит в него весьма ощутимый вклад [Рыбаковский, 1987, с. 16, 17].

В 1970-х гг. существовали две точки зрения по вопросам о путях формирования населения и трудовых ресурсов в районах нового освоения. Сторонники первой считали ненужным создание постоянного населения и видят выход в привлечении необходимых кадров на временную работу с определенным сроком пребывания в этих районах. Например, С.П. Семенов даже уточняет, что в «результате исследований наиболее эффективным оказался вариант расселения с применением вахтенных поселений (срок вахты 14 суток), что подтверждает экономическую целесообразность концентрации населения, в условиях типичных для Севера горнодобывающих районов в более крупных населенных пунктах [Семенов, 1973, с. 172].

Поэтому неслучайно в начальный период освоения «даже среди врачей было еще весьма распространено мнение, что оседлая жизнь на Крайнем Севере невозможна. Особенно широкое распространение получила теория мнимого гипертензивного влияния местного климата. Теория основывалась на том, что спастическое влияние холода на периферические сосуды фатально приводит к развитию гипертонической болезни и к сосудистым катастрофам. Эта механическая теория вызвала настроение «норд-фобии» среди приезжего населения, но опыт жизни на Крайнем Севере и врачебные наблюдения показали ее несостоятельность» [Данишевский, 1970, с. 31-32].

После многочисленных научных споров, изучения имеющейся практики в начале 1970-х гг. господствующей становится точка зрения, изложенная академиком Н.Н. Некрасовым, что только наличие постоянного населения позволит в больших масштабах экономически осваивать Север. Поэтому систематический рост населения в северных районах, соответствующий задачам их экономического развития, – большая и сложная социально – экономическая проблема.

В научном и практическом плане встает проблема акклиматизации на Севере, которая разрабатывается медиками и географами. До недавнего времени в этом вопросе существовали две прямо противоположные теории. Суть первой в том, что постоянная жизнь новоселов на Дальнем Севере невозможна. Согласно другой теории, наоборот, считается, что северная тундра ... «гостеприимна», а благодаря большим успехам в улучшении жизни северян процесс акклиматизации на Севере уже теперь характеризуется только физиологическими реакциями приспособления и протекает без ущерба для здоровья населения, а следовательно, отпадает необходимость медицинского отбора лиц, едущих на работу на Север. Обе эти теории, как показал опыт жизни и специальные клинико-статистические исследования, оказались несостоятельными и практически вредными. Создание благоприятных условий жизни, безусловно, способствует более быстрой акклиматизации человека, но процесс этот сложный. Поэтому большое значение имеют система медицинского отбора и санитарно-гигиенические рекомендации в части правильного питания населения, а также высокие требования к жилищному и культурно-бытовому строительству на Севере [Некрасов, 1974, с.14].

Утвердившаяся точка зрения о формировании постоянного населения в зоне Севера имеет различную временную трактовку. Ряд исследователей полагают, что в первоначальный период освоения новых районов нецелесообразно создавать полный комплекс социально-бытовых удобств, что развитие последних следует начинать на следующих этапах освоения зоны Севера [Куцев, 1982, с.75]. Совершенно противоположной точки зрения придерживается В.В. Яновский, считая, что «если ставится задача формирования в районах Севера постоянного населения, то следует отчетливо понимать, что решение этой задачи требует создания комплекса условий для формирования семей. А это – жилище, пища, одежда, полная занятость всех трудоспособных членов семей, условия для воспитания и образования детей» [Яновский, 1970, с. 114].

Поэтому вполне обоснована точка зрения исследователей о том, что формирование населения было бы эффективнее, если бы на Север приезжали высококвалифицированные работники и специалисты разного уровня подготовки. В противном случае малоквалифицированное население, приехав на Север и получив необходимую профессию, трудовые навыки работы в экстремальных условиях, пройдя акклиматизацию – покидает эти районы. В итоге районы нового хозяйственного освоения, испытывающие дефицит в рабочей силе, нередко выступают поставщиками квалифицированных кадров для старообжитых районов страны. Такое положение было бы приемлемым, если бы затраты на подготовку кадров в условиях Севера, особенно в его менее обжитой части, обходились дешевле или равнялись затратам в старообжитых районах, и, с другой стороны, капитальные вложения на профессиональную подготовку специалистов разного уровня выделялись более дифференцированно по отдельным регионам России [Фаузер, 1996, с. 28].

Формирование населения северных территорий во многом зависит от мощности миграционных потоков. Однако со временем их влияние может в корне измениться, а на первое место выйти естественный

прирост. Так анализ литературных источников и статистических данных по Российскому Северу позволяет отметить, что в процессе формирования населения взаимодействие миграционного и естественного движений населения имело разнообразное сочетание и проявлялось через несколько разновидностей:

- население в районах нового освоения росло исключительно за счет миграционного прироста;
- население росло в равной мере, как за счет миграции, так и за счет естественного движения;
- население росло за счет естественного движения, но рост последнего обусловлен миграционными процессами предыдущего периода развития народонаселения;
- население увеличивается, но миграция «съедает» часть естественного прироста;
- население уменьшается, так как миграционный отток превышает естественный прирост;
- население уменьшается, так как наряду с миграционным оттоком имеет место естественная убыль [Фаузер, 1993, с. 7].

На разных территориях и в разное время исторического и экономического развития происходит сочетание одного из выше названных соотношений естественного и миграционного движений. В районах нового хозяйственного освоения зоны Севера в первоначальный период население формируется за счет миграционного притока населения. На следующем этапе происходит сочетание миграционного и естественного прироста. Период, когда начинается рост населения в основном за счет естественного прироста, может характеризоваться завершением процесса формирования населения.

Таким образом, можно отметить, что формирование населения представляет собой сложный социально-экономический процесс, в основе которого лежит необходимость развития и размещения производительных сил по территории страны. Как и всякому процессу, формированию населения присущи вполне объективные, реально существующие связи, отношения и внутренние законы развития.

Внутренним содержанием, или сущностью процесса формирования населения, является взаимодействие миграционного и естественного движений населения, опосредуемых объективно существующими внешними условиями материальной и социальной среды.

На поверхности событий формирование населения представляется как процесс концентрации людей на определенной территории. При этом скрыты те механизмы и законы материальной системы, которые определяют этот процесс, формируя качество и структуру населения определенного региона. Сущность процесса формирования населения из-за кажущейся случайности во взаимодействии миграционного и естественного движений затрудняет познание процесса формирования населения и делает его более трудным и длительным [Фаузер, Климашевская, 2002, с. 11].

В 1990–2000-е гг. формирование населения и трудовых ресурсов Российского Севера нашло достаточно полное отражение в сборнике статей, диссертационном исследовании, монографиях и ряде других работ [Социально-демографическое развитие..., 1993; Фаузер, 1996; Фаузер, Парначев, 1998; Человек на Севере, 1999; Человек на Севере, 2006; Фаузер, Климашевская, 2002].

В 2005 г. прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Российский Север: траектория и перспективы социального развития», где большая часть докладов была посвящена населению и трудовым ресурсам северных территорий.

Важное место в публикациях отведено концептуальным подходам к освоению северных территорий. Концепции развития Российского Севера, начиная с 1920-х гг., нашли отражение в фундаментальном труде «Летопись Севера». В начальный период выдвигались две концепции освоения Севера. Первая предполагала строительство Великого северного пути – широтной железнодорожной магистрали от Мурманска до Тихого океана протяженностью 8000 км – для освоения природных ресурсов северных территорий. Согласно этой концепции, «освоение Севера ориентировалось на мировое хозяйство, на сдачу в концессию сооружения как самой железной дороги, так и важнейших промышленных объектов». Во второй концепции планомерное освоение природных ресурсов Севера рассматривалось как часть общей проблемы рационального размещения производительных сил страны, а отбор подлежащих вовлечению в экономический оборот ресурсов и масштабы их освоения – исходя из потребностей всего народного хозяйства страны, а также с учетом ограничительных и удорожающих производство факторов, связанных с суровыми природными и трудными экономическими условиями районов Севера.

По первой концепции, северные районы должны служить преимущественно источниками дешевого сырья. Отсюда организация их хозяйства должна быть подчинена интересам отраслей производственной специализации и производству продукции, а вспомогательные и обслуживающие производства получают крайне ограниченное развитие, ориентируясь на создание тыловых опорных строительных, ремонтных и продовольственных баз в южных районах Сибири и Дальнего Востока. Главный недостаток этой концепции состоит в рассмотрении важных экономических процессов в отрыве от социально-политических потребностей развития региона.

Проблема обеспечения рабочей силой решается путем завоза (по оргнабору) временных работников, преимущественно молодых, малосемейных, имеющих сравнительно низкую квалификацию. Профессиональную подготовку они получают на месте и в большинстве случаев – в процессе работы путем индивидуального и бригадного обучения. Низкое благоустройство быта, труд на необжитой территории в суровых природных условиях в основном компенсируются высокой номинальной заработной платой трудящихся. Человек на Севере является мобильной рабочей силой и временным жителем. Воспроизводство рабочей силы характеризуется высокой обновляемостью и текучестью, формирование постоянных кадров происходит медленно. Процессы урбанизации, заселения и хозяйственного освоения новых территорий развиваются исходя из текущих и ближайших перспектив.

Вторая научная концепция – это комплексное хозяйственное развитие регионов Севера. Принципы, включаемые разными авторами в содержание комплексного развития районов, – следующие: пропорциональность всех отраслей хозяйства; сочетание отраслей специализации, вспомогательных и обслуживающих производств, производственной и социальной инфраструктуры; эффективное участие районов в территориальном разделении общественного труда и рациональное построение межрайонных экономических связей, рациональное использование природных и трудовых ресурсов, производственных мощностей и транспортной системы; обеспечение развития хозяйства в соответствии с природно-экономическими ресурсами и условиями районов; повышение народнохозяйственной эффективности производства; гармоничное социальное развитие и повышение уровня жизни населения; охрана окружающей среды.

Комплексное хозяйственное развитие районов Севера в конечном счете означает постепенное их заселение и обживание, создание и развитие комплекса улучшающихся жизненных условий для населения, непрерывное повышение уровня его жизни. Численность постоянного населения, как и раньше, будет увеличиваться за счет естественного прироста и межрайонной миграции, но доля первого должна стать преобладающей. С народнохозяйственной точки зрения все более необходимым становится расширение демографического потенциала в северных районах. Этому должно способствовать социально-экономическое стимулирование роста рождаемости, закрепляемости кадров, формирования постоянных производственных коллективов и других положительных процессов расширенного воспроизводства населения и трудовых ресурсов. Рассматриваемая научная концепция не предполагает сплошное хозяйственное освоение, заселение и обживание всей огромной территории Севера. Оно должно осуществляться путем создания и развития определенной системы территориально-производственных комплексов, промышленных узлов и сельскохозяйственных зон, причем дифференцированно по районам. Более ускоренные темпы и зрелые формы освоения будут присущи тем районам, где для этого имеются благоприятные экономические и природные условия [Летопись Севера, 1979, с. 92-107].

Дальнейшая необходимость разработки новых концептуальных подходов социально-экономического и демографического развития Севера была вызвана тем, что предложенная стратегия освоения северных территорий стала встречать все больше возражений. Его формы и методы оказались непригодными как для коренных этносов, так и для пришлого населения и не соответствовать стратегическим общегосударственным интересам. Была предложена смена общей парадигмы «от освоения к обживанию». Она предполагает и более частные изменения: от использования природных и человеческих ресурсов к их системному воспроизводству, от вывоза почти полного объема создаваемого здесь капитала к материализации его значительной части на месте, от моно – к полиспециализации на основе научно-технологических инноваций, от трансляции чужих идей к выработке собственных, от государственного патернализма к координации всех субъектов хозяйственной и общественной деятельности и др. Жизненный уклад, язык, культуру, здоровье народов Севера необходимо рассматривать в качестве самоценности, достояния общемировой цивилизации [Гранберг, Лаженцев, 2004, с. 5].

Пример нового концептуального подхода к демографическому развитию территории предложен в Ханты-Мансийском автономном округе. Там в сентябре 2003 г. была утверждена постановлением Правительства округа «Концепция демографической политики ХМАО на период до 2015 года». Ханты-Мансийский автономный округ это один из немногих регионов России, где триединая схема демографической политики была выстроена логически правильно: Концепция – правовые акты (законы и другие нормы) – мероприятия (экономические, организационные, пропагандистские).

В Концепции нашли отражение четыре важных положения:

– округ, имея восходящую демографическую динамику, нуждается в привлечении постоянного населения, из которого черпаются основные ресурсы рабочей силы, дополняемые привлечением временных трудовых мигрантов и частичным использованием вахтового метода;

– территория округа относится к зоне обитания малочисленных коренных народов Севера, которым должны быть обеспечены нормальная жизнедеятельность и условия развития традиционных отраслей хозяйства;

– экстремальные природные условия и слабая освоенность территории не только увеличивают издержки производства, но и существенно повышают затраты на содержание населения, что делает проживание здесь лиц, не занятых в экономике или воспитанием детей в многопоколенных семьях, не целесообразным;

– формирование постоянного состава жителей округа – это основа жизнедеятельности и тех, кто временно занят в экономике, а это предполагает сохранение в жизнеобеспечении всего населения округа преимуществ по сравнению с обычными районами [Уточненная концепция..., 2006].

Следующая проблема, нашедшая отражение в демографических исследованиях – это коренные и малочисленные народы севера. В публикациях на эту тему отмечается, что этнокультурные позиции развития северных территорий заключаются в том, что образ жизни, язык, культура, методы хозяйствования проживающих здесь народов и народностей являются самоценными. Это часть мировой культуры, важнейшей чертой которой является разнообразие. Этнокультурная «периферия» для развитых наций должна стать предметом особой заботы, источником новых для них знаний. Здесь уместно сочетание принципов патернализма и равноправного взаимодействия, ориентированных на решение узловой проблемы: сохранение и возвышение исторических образов и традиций с одновременным введением научно-технических инноваций. Важно достичь такого сочетания, когда освоение достижений мировой цивилизации стало бы жизненной потребностью самих коренных жителей Севера с естественным отбором лучшего из культуры Запада [Лаженцев, 2003, с. 143].

Наряду с малочисленностью препятствием к освоению огромных природных ресурсов народностями севера являлась их многовековая отсталость. В условиях царского самодержавия народы палеоазиатской группы находились на таком низком уровне хозяйственного и культурного развития, что им не под силу было не только освоение природных ресурсов, но и самосохранение. Для того, чтобы аборигены стали действительными хозяевами своей жизни, чтобы они смогли активно воздействовать на окружающую их природу, потребовалась братская интернациональная помощь русского и других народов, населяющих Советский Союз. Удаленность района и ограниченность его транспортных связей усложняет не только освоение данной территории, использование всех его природных ресурсов, но и отражаются на психологии населения, делает его менее постоянным, чем если бы транспортные связи были нормальными [Рыбаковский, 1962, с. 21–24–25, 29].

В значительной части работ описан богатый опыт и разные подходы к районированию северных территорий. Приведем лишь некоторые. В начале 1990-х гг. по заказу правительства коллективом ученых Института экономических проблем Кольского научного Центра РАН, Института географии РАН и других было выполнено исследование по новому районированию территории России с учетом критерия *дискомфортности* условий проживания населения, влияния окружающей среды на жизнедеятельность человека и его здоровье. Работа «Критерии районирования Севера России» была одобрена Правительством России, принявшем в 1992 г. распоряжение «О концепции социально-экономического развития районов Севера и критериях отнесения территории к районам Севера и местностям, приравненным к ним».

При типологии по условиям жизнедеятельности человека на Севере России используется интегральный показатель дискомфорта территорий (18 характеристик). Дискомфортность оценивается по балльной системе на основе численного значения каждого фактора. Наиболее значимым является природно-климатический фактор, учитывающий влияние на организм человека комплекса метеорологических воздействий. Главными критериями зонирования территории являются температура воздуха, влажность, атмосферное давление, солнечная (ультрафиолетовая) радиация, скорость ветра, нерегулярность дня и ночи.

Путем индексирования, балльного ранжирования и других методов на Севере России выделяют три природные зоны: *абсолютно дискомфортную* для жизнедеятельности человека – 5,4 млн. кв. км, включающую арктическую подзону – 0,8 млн. кв. км, *экстремально-дискомфортную* – 3,5 млн. кв. км; *дискомфортную* – 2,5 млн. кв. км. Их общая площадь составляет 11,4 млн., кв. км, или 66,7% территории России [Критерии районирования, 1992, с. 8]. К зоне абсолютного дискомфорта относятся Магаданская область, Чукотский АО, Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО, Корякский АО, Ненецкий АО, значительная часть территории Ямало-Ненецкого АО и Республики Саха (Якутия), а также часть территории Мурманской области, Камчатской области, Красноярского края (г. Норильск, Эвенкийский АО), Республики Коми (г. Воркута и г. Инта), Хабаровского края, Сахалинской области.

Типология по условиям жизнедеятельности человека позволяет не только провести районирование и внутреннее зонирование территорий, но и является активным инструментарием последующего определения размера необходимой компенсации повышенных затрат на производство продукции и жизнеобеспечение населения. Это обеспечивается за счет расширения признаков типологии и выделения факторов, которые обуславливают удорожание стоимости жизни на Севере:

- *социально-экономические факторы* – продолжительность отопительного сезона; сумма активных температур за вегетационный период; суммарная теплоизоляция одежды;

- *экономико-географические* – плотность сельского населения; степень сельскохозяйственного освоения территории, транспортная доступность;

- *медико-биологические факторы* – риска проживания, характеризующий степень пригодности территории для заселения пришлыми контингентами и оценивающий сокращение жизни в результате влияния природно-климатических факторов [Лукин, 2005, с. 70-71].

Последняя работа по районированию (зонированию) Севера Российской Федерации вышла в 2007 г. [Районирование (зонирование)..., 2007]. В работе рассматриваются природно-климатические, мерзлотные, медицинские, социально-экономические и другие условия Севера России. Сделано районирование (зонирование) северных регионов Российской Федерации. Выделены широтно: Арктика, Субарктика, приравненные к Крайнему Северу местности, приравненные к Северу местности. В долготном плане области делятся на сектора: европейский, западно-сибирский, дальневосточный. Предложенное районирование получило положительную оценку Комитета по проблемам Севера и Дальнего Востока Госдумы РФ.

Важное место в публикациях занимает проблема заселения северных территорий. По подсчетам отечественных специалистов, минимальная территория, необходимая для комфортного проживания одного человека, составляет 2 га земли. Исходя из этих расчетов, территории России достаточно, чтобы при увеличении её населения в 3 раза сохранились условия для удовлетворения многообразных потребностей людей [Россия: на пути, 2004, с. 8]. У северных территорий этот «запас прочности» на порядок выше. Если условно принять всю территорию Севера, как пригодную к проживанию, то его численность может быть увеличена более чем в 50 раз, Азиатского Севера в 90 раз и Европейского Севера в 17 раз. Как видим, даже при всей условности этих расчетов, северные территории представляют собой колоссальную демографическую емкость для будущих поколений.

Российский Север, несмотря на свою «безлюдность», в последние годы быстрыми темпами теряет население. Если отток населения сохранится в ближайшие 10-15 лет, численность северян может сократиться до 6,5-7,5 млн. чел. В тоже время в научной и практической среде не утихают споры о степени заселенности Севера. Одни авторы утверждают, что Север катастрофически недонаселен, другие наоборот, считают, что он перенаселен. По различным оценкам перенаселенность составляет от 25 до 40% [Региональная политика, 1991, с. 17].

На проблемы излишних трудовых ресурсов, в определенный период развития северных территорий обращал внимание и А.Н. Пилясов: «Угрозы переселенческие – результат всегда присутствующего в северной экономике мощного влияния миграции на сезонную и годовую ритмику и количественные показатели экономических и социальных процессов. Миграционный фактор оказывает исключительно глубокое воздействие на организацию северных природных и социальных систем. В нем отражаются фундаментальные особенности их функционирования – сезонность, истощаемость ресурсов, значительные колебания климата, хрупкость экологических систем, экстремальное воздействие среды на природные организмы и др. [Пилясов, 2005, с. 429].

Особое место в публикациях занимает проблема будущего развития Российского Севера. В работах справедливо отмечается, что сегодня стоит задача найти путь освоения и заселения Севера, при котором оптимально сочетались бы интересы государства и интересы пришлого и коренного населения; необходимо разработать целостную концепцию развития северных территорий. По этому поводу известный ученый-северовед Г.А. Агранат пишет: «В нынешних ... условиях это определить очень трудно. К тому же в современном науковедении получают все большее признание категории «неопределенности», «рефлексии», как в области естественных, так и общественных наук. Север во многом отношениях все еще «терра инкогнита», он таит немало неизвестного, непредсказуемого. Далеко еще не познан механизм проявления на этой территории ряда природных и общественных процессов. Потому Север требует нестандартных, компромиссных подходов, согласования подчас трудно стыкуемых решений в разных областях жизни природы и общества.

Север – это «большая система», нуждающаяся в сложных критериях, которые не всегда легко выявить и сформулировать. Во всяком случае, нужно смелее отходить от эталонных мерок, присущих среднеширотным освоенным районам. Эмпирически это понято и признано давно. Но достаточно четко оформ-

ленного теоретического обоснования особой политики, прежде всего в области природопользования и социально-экологической сферы, как у нас, так и за рубежом, нет. Видимо, нужен какой-то принципиальный мировоззренческий прорыв в политической экономии, который поколебал бы некоторые незыблемые законы, например, закон стоимости – основу рынка [Агранат, 2004, с. 25].

Судьба Российского Севера не безразлична и правительствам северных европейских стран. В рамках политики Европейского Союза в 2000 г. была выдвинута Концепция «Северное измерение». Ее главная идея была озвучена губернатором Лапландии Ханнеле Покка: «Мы жители хвойных лесов и тундры ожидаем от «Северного измерения» прежде всего того, что благосостояние обыкновенных людей улучшится, а их взаимное общение через границы облегчится. Важным обстоятельством является и то, что лучшие решения принимаются, как правило, теми, кого они касаются.

Благополучие включает в себя не только экономическую, но и социальную составляющую, куда входит здоровье людей, их экологическая безопасность, всестороннее духовное и физическое благоденствие. Все эти элементы должны присутствовать в практической политике «Северного измерения». Сами граждане, их общественные организации, местное самоуправление и областные администрации должны принимать участие в осуществлении «Северного измерения» и, прежде всего, тогда, когда речь идет о жизни и среде обитания людей. Их следует привлечь к работе как можно раньше, уже в начале планирования и на начальном этапе исполнения хозяйственных проектов. Тогда граждане привязываются к конкретным целям и практической деятельности [Покка, 2000, с.123].

В публикациях последних лет особо подчеркивается, что при изучении Севера, его необходимо рассматривать как объект комплексных социально-демографических исследований; становится также очевидным, что главной фигурой решения всех задач должен являться человек. Теоретические и методологические подходы во главу угла должны ставить, в первую очередь, вопросы миграции, поскольку благодаря ним было сформировано население Российского Севера, его профессиональный и трудовой потенциал. Не менее важными в 2000-е гг., как и 30-40 лет назад становятся вопросы адаптации и приживаемости вчерашних мигрантов. Вновь на повестку дня поднимаются вопросы создания здесь лучших социально-экономических и бытовых условий, чем это имеет место на «большой земле».

К сожалению, в данной статье не удалось уделить должное внимание демографическим исследованиям, проводимых в Республике Коми. Однако предстоящая Всероссийская научная конференция по исторической демографии «Этнодемографические процессы в странах и регионах Евразии: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития» восполнит этот пробел.

Литература и источники

1. Агранат Г.А. Жаркие проблемы Севера // ЭКО . – 2004. – № 1. – С. 21-35.
2. Воробьев В.В. Географические особенности и проблемы формирования населения Восточной Сибири: Дис. ... д-ра геогр. наук. – Иркутск, 1974.
3. Гранберг А.Г., Лаженцев В.Н. Введение // Север России: актуальные проблемы развития и государственный подход к их решению. – М.: Сыктывкар, 2004. – С. 3-6.
4. Данишевский Г.М. Современные представления о роли процесса акклиматизации в патогенезе местных заболеваний в условиях Крайнего Севера // Проблемы Севера. – М.: Наука, 1970. – Вып. 14. – С. 26-34.
5. Критерии районирования Севера России. – М., 1992. – 56 с.
6. Куцев Г.Ф. Новые города: Социолог. очерк на материалах Сибири. – М., 1982.
7. Лаженцев В.Н. Опыт комплексного исследования проблем территориального развития. – Сыктывкар, 2003. – 192 с. (Коми научный центр УрО РАН).
8. Летопись Севера. – М.: Мысль, 1979. – Т. IX. – 279 с.
9. Лукин Ю.Ф. Пространство северных территорий// Северное регионоведение в современной регионологии: монография / Отв. ред. Ю.Ф. Лукин. – Архангельск: Высшая школа делового администрирования ИУППК ПГУ имени М.В. Ломоносова, 2005. – С. 64-108.
10. Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения севера Западной Сибири / Отв. ред. В.В. Воробьев. – Новосибирск, 1973. – 209 с.
11. Некрасов Н.Н. Концепция экономического освоения новых регионов СССР // Проблемы Севера. – М.: Наука, 1974. – Вып. 19. – С. 5-25.
12. Норман А.С. Записка к вопросу об организации заселения в Архангельской губернии. – СПб., 1910.
13. Пилясов А.Н. Новая роль государства в развитии хозяйства регионов Севера // Север как объект комплексных региональных исследований / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2005. – С. 419-477.
14. Покка Х. Гуманитарное сотрудничество в рамках «Северного измерения» // «Северное измерение»: проблемы и перспективы сотрудничества. – Сыктывкар, 2000. – С. 122-124. (Матер. Форума по «Северному измерению», Республика Коми, г. Сыктывкар, 7 июня 2000 г.).
15. Районирование (зонирование) Севера Российской Федерации/ М.К. Гаврилова, Е.Н. Федорова, В.В. Шепелев и др. – Якутск: Изд-во Ин-та мерзлотоведения СО РАН, 2007. – 104 с.

16. Региональная политика переходного периода на Севере // Препринт доклада по Концепции Российской программы социально-экономического развития районов Севера. – Апатиты, 1991. – 43 с.
17. Россия: на пути к возрождению. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2003 г. / Под ред. Г.В. Осипова, В.Н. Кузнецова, В.В. Локосова. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2004. – 564 с.
18. Российский Север: траектория и перспективы социального развития / Под общ. ред. Н.А.Волгина, В.Н.Пивненко. – М.: КНОРУС, 2006. – 1296 с.
19. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – М., 1987.
20. Рыбаковский Л.Л. Особенности обеспечения рабочей силой промышленности Сахалина: Дис. ... канд. экон. наук. – Владивосток, 1962.
21. Рыбаковский Л.Л. Проблемы заселения и формирования трудовых ресурсов Дальнего Востока: Дис. ... д-ра экон. наук. – Хабаровск, 1969.
22. Север как объект комплексных региональных исследований / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2005. – 512 с.
23. Север: наука и перспективы инновационного развития / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2006. – 400 с.
24. Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2007. – 420 с. (Научный совет РАН по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).
25. Север России: актуальные проблемы развития и государственный подход к их решению. – М.; Сыктывкар, 2004. – 172 с.
26. Семенов С.П. Проблема концентрации населения в городских поселениях Севера // Проблемы Севера. – М.: Наука, 1973. – Вып. 18. – С. 170-176.
27. Социально-демографическое развитие Российского Севера / Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. – М., 1993. – 226 с.
28. Терлецкий П.Е. Проблема заселения Крайнего СССР. – М.; Л., 1945. (Докл. на юбилейной сессии).
29. Уточненная Концепция демографического развития ХМАО на период до 2015 года. – М.: ИСПИ РАН, 2006. – 102 с.
30. Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Теоретические основы формирования населения и трудовых ресурсов северных районов. – Сыктывкар, 2002. – 20 с.
31. Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. – 176 с.
32. Фаузер В.В. Проблемы демографического развития Российского Севера: Дис... д-ра экон. наук. – М., 1996. – 328 с.
33. Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. – М., 1993. – 93 с.
34. Человек на Севере: демография, здоровье, экология / Коллектив авторов. – Сыктывкар, 2006. – 96 с. (Коми научный центр УрО РАН).
35. Человек на Севере: условия и качество жизни. – Сыктывкар, 1999. – 296 с. (Тр. науч.-аналит. конф., 27-28 октября 1998 г., Сыктывкар).
36. Ямзин И.Л. Вредные установки и вредительство в теории и практике переселенческого дела // Социальное землеустройство.– 1931.– № 6.
37. Ямзин И.Л., Вошинин И.П. Учение о колонизации и переселениях. – М., 1926.
38. Яновский В.В. Новоселы и старожилы Севера: проблемы, суждения. – М.; Дальний Восток, 1970. – № 6. – С. 114.

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	3
Аверьянов К.А. Демография и археология	5
Жеребцов И.Л., Королев К.С. Влияние климатического фактора на историко-демографическое развитие коми	10
Савельева Э.А. Формирование этнической территории древних коми-зырян	18
Кленов М.В. Европейский Северо-Восток в XI–XIV веках (к вопросу о системе расселения)	26
Прокопенко С.А. Обычная и катастрофическая смертность в Западной Европе XVI–XVII веках	33
Гришкина М.В. Миграционные процессы и интеграция Удмуртии в структуру Российского государства в XVI–XVIII вв.	39
Мацук М.А. Некоторые сложные вопросы исторической демографии Европейского Севера России XVII века	44
Дьякова Е.В. Изучение проблемы российско-украинских отношений в Слободской Украине XVI–XVII столетий в украинской историографии	46
Черкасова М.С. Обывательские книги Вологды конца XVIII в. как источники по исторической демографии	49
Пригарин А.А. Социально-демографические характеристики русских переселенцев на Дунай первой трети XIX века: эвристический потенциал формулярных источников	55
Аргудяева Ю.В. Изменение структуры и типа семьи у крестьян-переселенцев Дальнего Востока	63
Голикова С.В. Опыт изучения детской смертности врачами пореформенного Урала	68
Ушакова В.Л. Исторический опыт проведения миграционной политики в Приморском крае (1858–1917 гг.)	71
Михалев Н.А. Демографические процессы у коренного населения Обдорского Севера в начале XX в.	76
Котюкова Т.В. Этнодемографические процессы в Русском Туркестане в начале XX в. по архивным документам ЦГА Республики Узбекистан	82
Пивнева Е.А. Историческая динамика половозрастной структуры манси	86
Сенявский А.С. Урбанизация и этнодемографические процессы в России в XX веке	91
Саблин В.А. Динамика населения и численности крестьянских дворов на Европейском Севере России в 1917–1920-е годы	106
Батырбаева Ш.Д. К вопросу о достоверности материалов переписи населения 1926 года	121
Коротаев В.И. Принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы	125
Макаренко М.Ю. Влияние кризисных факторов на формирование российских особенностей смены модели воспроизводства	130
Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе в 1920–1940-е годы	133
Ковальская С.И. Англо-американская историография о социально-демографической составляющей процесса модернизации	138
Меньковский В.И. Дискуссии о масштабах репрессий 1930–1950-х гг. в англо-американской историографии	143
Кругликов В.В. Миграционное движение городского населения Свердловской области в годы Великой Отечественной войны	148
Макуров В.Г. Этнодемографическая ситуация на оккупированной финнами территории Карелии в 1941–1944 гг.	152

Вавулинская Л.И. Социально-демографические изменения в колхозной деревне Карелии в 1945 – конце 1950-х гг.	155
Мельникова Н.В. Закрытые города Урала: своеобразие социально-демографических процессов (конец 1940-х – 1960-е годы)	159
Сурина М.В. Этнические аспекты третьей и четвертой фазы демографического перехода на Среднем Урале во второй половине XX века	164
Корнилов Г.Г. Исторические источники по населению Ямала во второй половине XX века.....	170
Циркунов И.Б. Волны урбанизации на Кольском полуострове.....	174
Разумова И.А. Ретроспективное осмысление переселения и миграционные сценарии северян: Кольский Север, начало XXI в.	179
Фадеева Е.В. Современные социально-демографические процессы у нанайцев Хабаровского края.....	184
Оруджиева А.Г. Особенности брачной структуры коренных малочисленных народов Ямала (по материалам переписи 2002 г.).....	189
Жеребцов И.Л. Развитие историко-демографических исследований в Республике Коми	193
Фаузер В.В. Демографические исследования Российского Севера: история и современность	202

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научное издание.

Оригинал-макет – Н.К.Забоева.

Компьютерный набор. Формат 60 х 84 $\frac{1}{8}$. Уч.-изд. л. 23,0.
Тираж 350 экз. Заказ № 73.

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36